

СТЕФАН АНЖЕМ

МИНУС

УНИКАЛЬНЫЙ
КРИМИНАЛЬНЫЙ
РОМАН НА ВСЕ
ВРЕМЕНА.
GONG, GERMANY

18°



Annotation

В Швеции на пристани города Хельсинборг машина директора крупной айти-компании на полной скорости слетает в море. Фабиану Риску удастся установить, что этот человек умер вовсе не во время утопления: его убили двумя месяцами ранее, после чего тело хранилось в морозильной камере при температуре минус восемнадцать градусов. Выясняется, что в течение двух месяцев множество людей видели погибшего миллионера, хотя все это время он был мертв. Вскоре становится известно о нескольких аналогичных преступлениях.

Тем временем в Дании Дуня Хугор сталкивается с преступниками совсем иного рода. Несколько человек развлекаются тем, что убивают по ночам бездомных людей, снимают это на камеру, а потом выкладывают в интернет.

Два этих дела оказываются связаны. Но как именно? Удастся ли Дуне и Фабиану привлечь преступников к ответу?

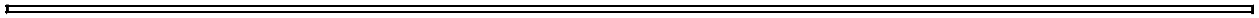
- [Стефан Анхем](#)
 -
 - [Пролог](#)
 - [Часть I. 9–15 мая 2012 г.](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)

- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)

- [56](#)
- [57](#)
- [Часть 2. 15–20 мая 2012 г.](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
 - [68](#)
 - [69](#)
 - [70](#)
 - [71](#)
 - [72](#)
 - [73](#)
 - [74](#)
 - [75](#)
 - [76](#)
 - [77](#)
 - [78](#)
 - [79](#)
 - [80](#)
 - [81](#)
 - [82](#)
 - [83](#)
 - [84](#)
 - [85](#)
 - [86](#)
 - [87](#)
 - [88](#)
 - [89](#)
 - [90](#)
 - [91](#)
 - [92](#)
 - [93](#)

- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [Эпилог](#)
 - [X](#)
- [Спасибо](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)

- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)



Стефан Анхем

Минус восемнадцать

Stefan Ahnhem
ARTON GRADER MINUS

© Stefan Ahnhem 2016
© Серебро Е., перевод, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Пролог

28 октября 2010 г.

Уже было больше полуночи, когда такси притормозило и остановилось у дома. Отдав водителю две пятисотенные купюры, мужчина вышел из машины, не дожидаясь сдачи. Со стороны иссиня-черного пролива Каттегат с силой дул ледяной колючий ветер, и мужчина почувствовал соленый привкус волн, набегавших в темноте на пирс в сорока метрах от него.

К тому же на дороге образовалась тонкая корка льда – значит, температура опустилась ниже нуля. Поэтому мужчина обогнул такси, открыл заднюю дверцу и помог своей спутнице выйти из машины, чтобы она не поскользнулась на своих опасных для жизни высоких каблуках.

Еще тридцать метров, подумал он, захлопнув за ней дверцу. Еще тридцать метров надо производить впечатление приятного и надежного, но при этом не слишком навязчивого человека. Внушать ей чувство, будто она целиком и полностью сама приняла решение поехать с ним к нему домой.

Женщина вздрогнула, запахнула правой рукой короткий меховой жакет и позволила ему взять себя за левую руку и повести в дом. Это хороший признак. Особенно с учетом того, как тяжело ему дался ужин. Ему пришлось прибегнуть ко всем своим уловкам, чтобы она не раскусила его, не почуяла фальши в его улыбке и не встала из-за стола.

Точно как договаривались, они встретились в Гранд Отеле Мёлле. Она ждала его в лобби гостиницы на кожаном диване, держа в руке бокал и скрестив длинные стройные ноги. Его сразу же поразило, что она выглядит абсолютно как на фото. Именно так он и представлял себе короткую, почти мальчишескую стрижку на темных волосах, темно-красные губы и высокие скулы. Даже лицо, которое, как он полагал, было отретушировано в фотошопе, смотрелось так, будто его никогда не подставляли разрушительным лучам солнца.

Очень редкий случай. Действительность, как правило, разочаровывала. Вопрос заключался в том – насколько. Потрескавшаяся кожа, неухоженные брови и складки жира, которые никак не удавалось скрыть под просторной одеждой. Иногда оригинал так сильно отличался от фото, что мужчина разворачивался и уходил, не успев толком поздороваться.

Но в этот вечер, как уже было сказано, ему пришлось побороться. Теперь, шагая по плиточной дорожке с автоматическим освещением, он

решил, что в эту ночь как никогда заслуживает получить удовольствие. Такое удовольствие, что она минимум неделю не сможет ходить. Но сначала ему надо подстраховаться. Без этого много не сделаешь. Поэтому он остановился там, где фонари светили ярче всего, а камера наблюдения брала только один ракурс, и повернулся к ней.

Женщина встретилась с ним взглядом, и в ответ он прижал свои губы к ее. Ей не надо было отвечать на поцелуй. Достаточно, что она позволила себя поцеловать. Если она не оттолкнет его и не даст ему пощечину, у него будут все необходимые доказательства того, что все произошло добровольно и что обвинения против него не что иное, как пустые выдумки задним числом с целью заполучить деньги. Иными словами, скоро он сможет делать с ней что хочет.

Мужчина помог своей гостье снять меховой жакет и провел ее в дом. Как и большинство, доходившие до этой стадии, женщина не смогла скрыть восхищения удобной планировкой, открытым камином с уже разожженным огнем и сделанной на заказ дизайнерской мебелью. И картинами, по сравнению с которыми любой вернисаж в доме культуры Дункера в Хельсингборге казался выставкой детсадовских рисунков.

Он предложил ей что-нибудь выпить в нижнем баре, заверив ее, что никто так хорошо не делает мохито, как он. Она просияла и спустилась за ним вниз по лестнице. Он пропустил ее вперед, и они пошли по выложенному белой плиткой коридору мимо спа. Дальше по его указанию она вошла в проем слева от встроенного книжного стеллажа в самом конце коридора.

Женщина сделала, как ей велели. Но, войдя в комнату без окон, повернулась к нему с недоумевающим видом, точно как все остальные до нее. Все недоумевали – а где же обещанный бар?

Вместо бара в комнате стояла большая кровать с четырьмя мощными металлическими кольцами с крепежными ремнями, прикрепленными к тросам, которые, в свою очередь, были натянуты вдоль стен и потолка с помощью зубчатых блоков. Все было выкрашено в белый цвет, чтобы не привлекать внимание.

Борьба оказалась тяжелее, чем он ожидал. Он не собирался портить ее красивое лицо. Во всяком случае, пока. Она упала навзничь на кровать, и, закрепляя трос на ее запястье, краешком глаза он заметил, что у нее из носа течет кровь. Она слишком обмякла, чтобы успеть отреагировать и оказать сопротивление, и спустя несколько секунд он зафиксировал ей руки и ноги. Теперь он мог спокойно придать ей нужное положение.

Мужчина ожидал, что она, как и все остальные, будет изо всех сил

пытаться высвободиться. Но она просто лежала и смотрела на него, вытянув руки и раздвинув ноги, словно просила сделать ей больнее. Зачем же разочаровывать даму?

Он открыл шкаф, где лежали все игрушки и инструменты, которые он собирал годами, достал портняжные ножницы и недавно купленный кляп, запихнул его женщине в рот, подтянул ремни. По-прежнему никакого сопротивления. С одной стороны, просто мечта. С другой – сопротивление обычно весьма обостряет ощущения.

Оседлав свою гостью и срезав с нее одежду, мужчина встал на кровати и стал рассматривать ее голое тело – стройное и хорошо натренированное, правда, немного слишком худощавое на его вкус. Бедра, как и прическа, были почти мальчишескими, а над животом в такт ее дыханию поднимались и опускались контуры мышц. Настоящая фитнес-маньячка. Грудь наверняка была бы на два размера больше, если бы она не испортила ее тренировками. Но руки ему понравились. Почти само совершенство: четко очерченные бицепсы и трицепсы. И лобок. Он любил хорошо выбритые лобки, а этот был такой гладкий, словно на нем никогда не росло ни волоска.

Он провел взглядом по телу женщины и встретился с ней глазами. Ее взгляд сбил его с толку. Она полностью находилась в его власти, понятия не имея, что ее ждет. И, тем не менее, в ее глазах светилось абсолютное спокойствие. Она этого хотела. Однозначно. Он плюнул в нее – плевком попал ей в скулу и стал стекать вниз. По-прежнему никакой реакции. Он опять сел на женщину, зажал правый сосок между большим и указательным пальцем и держал так до тех пор, пока на большом пальце не побелел ноготь.

Вот. Наконец-то он уловил боль и промелькнувший страх во взгляде. Довольный и уверенный в том, что ему удастся сломить ее, он вышел из комнаты и пошел в спа, где стянул одежду, справил нужду и принял душ. Он намылил все тело и сделал воду такой горячей, что у него стала гореть кожа.

Вытершись и почистив зубы, мужчина положил губку в миску, налил туда теплую воду и гель для душа и вернулся в комнату без окон. Нажатием на пульт бесшумно закрыл проем за собой и увидел, как она смотрит на губку, с которой капало, в его руке. Он забрался на кровать и принялся ее мыть. Эта процедура завела его, и свободной рукой он помог члену встать, пока в жилах не запульсировала кровь.

Достигнув желаемого результата, мужчина бросил губку на пол и наклонился, чтобы попробовать женщину. Но не успел он высунуть язык,

как получил удар.

От боли и громкого звона в правом ухе его голова словно онемела. Ему казалось, что она в любой момент может оторваться и упасть на пол.

Он ничего не понимал. Что случилось? Она его ударила? Нет, это невозможно. Она же привязана. Он провел рукой по ноющему уху и по корням волос прямо над ухом. Крови вроде бы не было, но он четко ощущал, как растет пульсирующая шишка.

И тут он увидел, что один из тросов болтается. Он был разрезан. Но каким образом... В ее руке не могло быть плоскогубцев, но они там были. Откуда она их взяла? В другой руке она держала резиновый молоток. Это его инструмент? Он стал вспоминать содержимое шкафа, но успел дойти только до коллекции хлыстов, как она нанесла еще один удар резиновым молотком. На этот раз удар был таким сильным, что мужчина больше не чувствовал боли и, потеряв сознание, рухнул на нее.

Часть I. 9–15 мая 2012 г.

Парадокс Тесея

В греческой мифологии воин Тесей спас четырнадцать мужчин и женщин, которых должны были принести в жертву Минотавру, чудовищу с головой быка, на острове Крит. В память о его геройском поступке сохранили корабль, на котором он вернулся в Афины. Скоро судно стало символом того, что даже невозможное возможно.

Но силы природы подтачивали корабль, который с годами все больше ветшал и изнашивался, и, когда сгнило слишком много досок, было решено заменить самые непригодные.

В конце концов, все части корабля были заменены новыми. Тогда возник вопрос: а это действительно тот же корабль, что и вначале? Это по-прежнему корабль Тесея?

Начальник криминальной полиции Астрид Тувессон испытала сожаление, как только вышла из дома и заперла дверь. Внутри шторы защищали от яркого весеннего солнца, которое на улице светило гораздо сильнее, чем она ожидала. Если она быстро не найдет в сумке солнечные очки, ее голова наверняка расколется от боли. Она уже представила себе, как Ингвар Муландер и его люди ставят здесь оцепление и забирают то, что от нее осталось. Вот, наконец, те самые очки, в царапинах и со следами пальцев.

Черт... Внезапно ей приспичило пописать. Как же она иногда уставала от самой себя. Как это на нее похоже – не сходить в туалет, пока она не вышла из дома и не бросила ключи в сумку, где их, конечно, теперь совершенно невозможно найти. Эта сумка хуже мага Джо Лаберо. Сколько ни ройся, чтобы отыскать ключи, все равно не найдешь. Ключи исчезли, вероятно, навсегда, признала она, после чего спустила брюки и трусы и села на корточки на клумбу.

Это все равно ее сад, тут она может делать абсолютно все, что взбредет в голову. Если что-то кому-то не нравится, всегда можно позвонить в полицию. Ее так рассмешила эта мысль, что струя между ног хлынула, как из дизайнерского фонтана.

На самом деле, она не могла понять, почему просто не осталась дома, как собиралась, а заставила себя сесть за руль и повернуть зажигание. Она ведь взяла больничный только в понедельник три дня тому назад, что не идет ни в какое сравнение с некоторыми ее коллегами.

В каком-то смысле виноват был этот идиот Гуннар. Если бы не он, ничего бы не случилось. Она бы ходила на работу и общалась с людьми, а не так, как сейчас, лежала дома и... Но тут ударили по кузову, и она нажала на тормоза. Что происходит? Она поправила зеркало заднего обзора и быстро поняла, что все дело в почтовом ящике. Этот идиот сам настоял на том, чтобы укрепить его, и залил в основание так много бетона, что почтовый ящик без проблем переживет третью мировую войну. Только этого не хватало. У нее не было сил даже задуматься о том, как машина выглядит сзади.

Тувессон несколько раз дала задний и передний ход, пока ей не удалось свернуть на улицу Сингёгатан и как можно быстрее уехать, чтобы никто из соседей не успел выйти и уставиться на нее. Это она и имела в

виду. Все, все плохое в ее жизни происходило только по вине этого идиота Гуннара.

Она повернула налево к выезду на трассу E20, ведущую в северном направлении, вдавила прикуриватель в машине и вынула последнюю сигарету из пачки, втиснутой в дверную ручку. Зажгла кончик сигареты и затянулась так глубоко, насколько позволили легкие; выехала на шоссе и прибавила скорость.

Всего лишь несколько лет назад она хотела уйти от него. Она была главой семьи, а он так встал ей поперек горла, что от одного его вида у нее портилось настроение. Но муж цеплялся за нее, и ее угасшая любовь медленно, но верно перешла в презрение. Вскоре она превратилась в ненавидящего монстра, и когда он, в конце концов, сделал единственно правильный поступок и ушел от нее, все оказалось не так, как она ожидала. Абсолютно все.

Когда раздался хлопок, Астрид не сразу поняла, что случилось. Боковое зеркало с ее стороны вылетело из держателя, повисло на тонких проводах и стало биться о кузов, как сумасшедший дятел. И тут прямо перед собой она увидела красный БМВ. Тувессон посигналила, но никакой реакции не последовало – водитель только прибавил скорость и рванул вперед. Проклятие, так легко он не отделается. Она нажала на газ и скоро догнала БМВ.

Больше всего на свете она ненавидела недавно разбогатевших мелких мужчин на дорогих автомобилях. Астрид не сомневалась, что это мужчина и что он во всех отношениях мелкий. Обогнав его по внутреннему ряду, она вырулила обратно на внешнюю полосу, включила аварийку, и, замедлив ход, показала свое полицейское удостоверение. Будто он мог его видеть. Но один черт. Он должен остановиться, и тогда она ему покажет.

Но БМВ выехал на внутреннюю полосу и обогнул ее, словно на свете нет ничего легче. Но какого дьявола? Теперь, черт возьми, я объявляю ему войну. Настоящую войну. Она высунула левую руку из окна, сорвала боковое зеркало и, плотно прижав педаль акселератора к засранному резиновому коврику, погналась за красной машиной.

Буквально через минуту Тувессон разогналась, значительно превысив дозволенную скорость. Ее «Тойоту-Короллу» трясло, и машина всячески показывала, что больше не хочет принимать участие в погоне. Но Астрид полностью владела ситуацией, а водить умела, как бог, если можно так сказать о самой себе. Проехав развязку Хельсингборг-южный, она поравнялась с БМВ, мигая всеми фарами.

Но у БМВ не было никакого желания снижать скорость. Наоборот,

водитель прибавил ход. Он явно не понимал, с кем имеет дело. Астрид засунула руку в сумку на пассажирском сиденье. Где-то лежит мобильный, в этом она уверена. Ага, она нащупала ключи от дома. Естественно, они нашлись именно сейчас.

Она выудила телефон и стала искать глазами изображение камеры. Где оно там. Проклятый «самсунг». Как же она его ненавидела. Не говоря уж о том безусом продавце, который, как упрямый попугай, твердил, что *Android* намного лучше *iOS*. В конце концов она сдалась, только чтобы прекратить эту тягомотину. Но сейчас телефон явно включился. Каким чудом ей это удалось, она понятия не имела.

Тувессон навела камеру телефона на машину перед собой и обнаружила, что съезжает прямо на обочину. Она вскрикнула и изо всех сил нажала на тормоз, отчего машину занесло, и та завалилась на бок. Через долю секунды раздалась какофония сигналящих машин и ревущих грузовиков.

Все кончено – больше ей ничего не пришло в голову. Ее жизнь закончилась, и, может быть, к лучшему. Она все равно только неудачница, от которой за версту несет климаксом и которая позорит честь мундира.

Но ее руки отказывались сдаваться и пытались выравнять машину, одновременно снижая скорость. То же самое касалось правой ноги, которая до упора жала на газ. Словно в невероятной компьютерной анимации ей удалось справиться с управлением. Она во все горло закричала от счастья, но уже через секунду попыталась успокоить себя, повторяя как мантру, что все под контролем.

Теперь до красной машины ей оставалось пятьдесят метров, и, подняв мобильный с пола и опять попытавшись сделать снимок, она увидела, как БМВ притормозил и свернул на съезд в сторону Элинеберга и Роо. Сейчас она его догонит, и тогда берегись.

Из-за нее или из-за пробки до самой развязки, но водитель БМВ передумал и на скорости выехал обратно на трассу, явно несколько не собираясь замедляться, хотя они направлялись прямо в самый центр Хельсингборга.

И только когда на шоссе Мальмёледен они поравнялись со старым полицейским участком, водитель немного сбросил скорость, хотя красный свет на Садовой улице, судя по всему, его несколько не трогал. Тувессон никак не собиралась уступать ему и, сигналя, проехала перекресток. И тут она услышала полицейские сирены. Вау, полицейские в форме проснулись. Значит, пора.

В зеркале заднего обзора она увидела, как вплотную к ней подъехала

разрисованная машина. Она знаком велела им успокоиться. Нет уж, она не позволит им вмешаться и взять инициативу в свои руки. Она сама должна проучить этого клоуна.

Круглый фонтан высотой примерно в двадцать сантиметров на самом деле не был настоящим фонтаном, а больше напоминал увеличенную летающую тарелку синего цвета из расколотых плиток. Из отверстия посредине вытекала вода, струясь по обломкам кафеля и постоянно оmyвая всю конструкцию. Астрид Тувессон никогда не нравился этот фонтан, а тем более сейчас, когда словно из ниоткуда возник левый поворот на Портовую площадь. Ничего не помогло, хотя она отшвырнула мобильный и попыталась выкрутить руль.

Высота и скругленный край прекрасно сработали вместе с углом приложения силы и скоростью «короллы», которая в результате перевернулась на бок и поцарапала крышу о плитку. Когда машина, проехав несколько метров, словно беспомощный жук на спине, остановилась прямо на велосипедной дорожке, Астрид отстегнула ремень безопасности и выкарабкалась из салона.

Проклятие... В голове стучало, а в глазах... Не то двоилось, не то просто рябило, она не знала. Во всяком случае, ничего хорошего. Он уйдет. Она чувствовала, что этот гад просто продолжит идти по жизни, словно ничего не случилось. Словно это всего лишь проклятая игра.

Она посмотрела вслед красной машине, которая собиралась взять вправо в сторону Королевской улицы, а потом, вероятнее всего, повернуть еще два раза направо, чтобы поехать в противоположном направлении. Но БМВ вовсе не свернула, а продолжала ехать прямо вперед мимо ночного клуба, расположенного в старой паромной станции, и дальше к кромке набережной.

Что он делает? Астрид побежала по булыжникам к набережной. Перед глазами ходило ходуном, словно был праздник середины лета, и она пошла ва-банк, играя в пьяную лапту. Несколько раз она чуть было не споткнулась и поняла, что, наверное, ударила головой куда сильнее, чем думала. Но это подождет.

БМВ перемахнул прямо через кромку набережной и пролетел несколько метров по воздуху, пока не ударился о воду. Тувессон продолжала бежать, теперь видя, что с разных сторон туда же спешили люди, собираясь вместе. Сама она остановилась за несколько метров до цели, перевела дух и откашлялась.

– Внимание, полиция, – произнесла она, стараясь придать своему голосу командные нотки. – Мы будем ставить оцепление, поэтому попрошу

вас отойти как минимум на двадцать метров в сторону!

Большинство повернулось к ней.

– Да, я к вам обращаюсь! Давайте разойдемся как можно быстрее, – продолжила она, жестикулируя обеими руками.

Почти все расступились, и теперь она увидела, как задняя часть машины исчезла в темной воде.

– Вас это тоже касается. – Она показала на последних задержавшихся зевак, которые не хотели трогаться с места, и сама подошла к кромке набережной.

От водителя и след простыл. Во всяком случае, видно было только множество пузырьков, поднимавшихся на поверхность. По-хорошему, ей бы надо было прыгнуть, но она не справится. Она никогда не чувствовала себя комфортно в воде, и к тому же она...

– Астрид Тувессон? – Она вздрогнула и почти потеряла равновесие, повернувшись к полицейскому в форме. – Могу я попросить вас дыхнуть вот сюда? – Он протянул ей алкотестер.

Теодор Риск забрался на скамейку, сел на спинку и оглядел пустой школьный двор, выуживая сигарету из пачки вопреки табличке, гласившей, что курение запрещено на всей территории школы. Он надел красные наушники *Beats*, которые отец подарил ему на Рождество, и нашел в мобильном песню *Ace of Spades* группы *Motörhead*. Еще минута, и спокойствие все равно будет нарушено – его одноклассники с криком выбегут во двор после сдвоенных занятий по физкультуре.

Сам он провел последний час у психотерапевта, которая, как обычно, болтала о том, как для него важно быть в коллективе и иметь друзей. Входить в сообщество, выражаясь красивым языком. Как всегда, он с трудом сдержал рвотные позывы – его тошнило от нее и ее уродского сконского диалекта. Черт возьми, до чего же он ненавидел этот говор губернии Сконе. Из всех диалектов этот без сомнения был самый мерзкий. Но каждую неделю он сидел на приеме, как лоботомированный болванчик, и выслушивал банальности.

Как важно, чтобы Теодор раскрылся и рассказал, каково ему в самой глубине его потайной комнаты. «Потайная комната» – ее любимое выражение номер один. «Давай войдем туда вместе», – иногда говорила она на своем тягучем говоре и протягивала руку, словно на полном серьезе ждала, что он возьмет ее. Как будто, если он впустит ее вовнутрь, она по-настоящему сможет ему помочь. Он вдохнул дым и покачал головой от одной только мысли. Словно кто-то когда-то сможет ему помочь.

И все же первые месяцы он слушался ее вплоть до запятой. Он рассказывал точно так, как оно есть, что он думает и чувствует. Об отношениях со своим отцом, который на полном серьезе считает, что дети у него на первом месте, хотя на самом деле его никогда нет, когда он нужен. О предательстве, когда его оставили одного дома на несколько суток. Это предательство все еще ощущалось, как открытая рана, но оно замалчивалось, словно его никогда не существовало. Теодор рассказывал о приступе паники, когда его заперли в помещении величиной с гроб, и о страхе умереть, как только кончится кислород. Как он думал, что все кончено.

Не говоря уже о шизофреническом разочаровании, которое накатило на него, когда он осознал, что выживет. Что его страдания будут продолжаться дальше. Один раз Теодор даже взял психотерапевта за руку и

с закрытыми глазами согласился провести ее в потайную комнату. Несмотря на это, ее болтовня не прекращалась, словно заезженная пластинка.

Теодор не видел другого выхода, кроме как начать врать: говорить, что он заводит все больше друзей, что он становится популярным и всеми любимым. Что к нему возвращается желание жить и ему даже начинает нравиться сидеть дома, делать уроки и общаться с семьей. Он врал, что комок у него в груди все уменьшается и что он, наконец, может опять беспрепятственно дышать.

Но теперь она явно раскусила его. Во всяком случае, она опять стала разглагольствовать о друзьях, отчего ему становилось так плохо, будто у него рак. Только она не понимала, что тех, кто хотел стать другом Теодора, хватало. Это он не хотел ни с кем дружить. Он выдохнул дым и окинул взглядом идиотов, которые начали заполнять школьный двор.

Зануды, вот кто они такие. Каждый из них – двуногий придурок, да еще с уродским диалектом в придачу. Но он умный мальчик и никого не трогает. Ни разу он не перешел грань, хотя чаще всего его так и подмывало это сделать.

Но с Александрой из параллельного класса было по-другому. Она отличалась от прочего сброда, не говорила на сконским и не хихикала с остальными девчонками. Если задуматься, она единственная, кто его никогда не раздражает. Он никому не рассказывал о своих чувствах и даже сам не был уверен, что знает, что это такое. Но что-то определенно там было, и в самой глубине потайной комнаты он предполагал, что Александра чувствует то же самое. Во всяком случае, она обычно отводила глаза, как только встречалась с ним взглядом. Так наверняка произойдет и сейчас в любую секунду.

Она стояла у шведской стенки вместе с несколькими дурочками из своего класса. Теодор, конечно, никогда не засекал время, но не сомневался в том, что она первый раз так долго не отводила глаза. Чувство было настолько сильным, что ему пришлось сделать усилие, чтобы самому не посмотреть в сторону. Что это значит? Приглашение подойти и заговорить с ней? Вид у нее был веселый. Но что он скажет? И что ему делать с ее подружками?

Волшебство рассеялось. Но не из-за ускользнувшего взгляда, а из-за звонка мобильного, который заглушил звучащего в наушниках Лемми. Теодору даже не надо было брать телефон, чтобы узнать, кто звонит. Естественно, он звонит и мешает именно сейчас.

– Здорово, – сказал он, пытаясь говорить нейтральным тоном, но

услышал сам, что не может скрыть раздражения.

– Привет, Теодор, это папа. Как у тебя дела?

– Полный порядок.

– Рад слышать. А что у психотерапевта? Все прошло хорошо?

– Как обычно.

– О чем вы говорили?

– Па... Это между ней и мной, ты же знаешь.

– Да, но это не значит, что тебе нельзя рассказывать. В смысле, если ты захочешь.

– Но я не хочу.

– Нет, нет, все в порядке. Теперь совсем о другом. Ты ведь знаешь, что у мамы завтра вечером вернисяж в доме культуры Дункера. Я только хочу убедиться, что ты будешь там не позднее шести.

– А это обязательно?

– Да, обязательно. А на выходные мы сделаем ей сюрприз и поедем в Копенгаген.

– Погоди, значит, я тоже должен ехать с вами?

– Да, будет классно. Ну, сам знаешь, мы остановимся в гостинице, сходим в Тиволи и полакомимся датскими хот-догами.

Теодор даже не попытался скрыть вздоха.

– Послушай, я не могу. У меня на следующей неделе три контрольные, и мне надо сидеть дома и зубрить, – сказал он, хотя только первая половина была правдой. С другой стороны, для него в тысячу раз лучше было сидеть дома и делать уроки, чем проводить целый выходной со своей семьей.

– Ну ладно, продолжим этот разговор сегодня вечером. Может быть, я чем-то сумею тебе помочь. Как приятно слышать, что прием у психотерапевта прошел хорошо.

Теодор своим молчанием дал понять, что он об этом думает, и через три минуты после вынужденной болтовни ни о чем они наконец смогли закончить разговор, и Лемми снова взял слово.

Эйнар Грейде попробовал дымящийся ройбуш, который с утра настаивал в чайнике, чтобы придать чаю тот особый насыщенный вкус, которым отличается только чай со вкусом мадагаскарской ванили. В отделении судмедэкспертизы, находящемся в катакомбах больницы Хельсингборга, пришло время кофе-паузы. И хотя Грейде считал, что кофе-пауза – самое бессмысленное занятие в течение рабочего дня, ему было особенно нечего делать, кроме как готовить прекрасный чай.

Уже была среда, и пока что на этой неделе к нему поступило только три человека, причины смерти которых не вызывали никаких сомнений, так что решение врача о вскрытии было пустой тратой денег налогоплательщиков. Но Эйнар выполнил свою работу по всем правилам искусства и написал в своем отчете заведомо очевидные ответы. К тому же он успел очистить компьютер от старых мейлов, убрать свой кабинет и заменить афиши фестиваля Вудсток на новые яркие фотографии старых фольксвагенов, которые они с Францем купили в Берлине. Вопрос заключался в том, чем ему занять себя два с половиной часа, которые останутся до конца смены после кофе-паузы. Не говоря уж о целом завтрашнем дне и последующей за ним пятнице.

С лета 2010 года не случилось ничего, что могло бы вызвать у него интерес, а ведь прошло уже почти два года. Не потому, что он желал кому-то зла. Наоборот. Но ему было страшно скучно. Он чувствовал себя фитнес-маньяком, которому полгода не дают двигаться. У него ссыхался мозг, грозя совсем скукожиться. Два года тому назад уничтожили почти целый класс, и ему приходилось заплетать так много косичек – одну за каждую жертву – что, в конце концов, он стал выглядеть, как белый близнец Снупа Догга. Теперь он завязал волосы в безжизненный серый хвост и начала всерьез подумывать о том, чтобы подстричься.

Его коллега Арне Грувессон, естественно, уже сбежал с корабля и взял отгулы до конца недели. Он даже не успел толком перекусить – так спешил сделать покупки для какой-то конфирмации или типа того. «Классно, что ты остаешься», – крикнул он из коридора и добавил, что в случае чего ему можно звонить по мобильному.

Словно он будет звонить Арне *в случае чего*. Словно ему когда-нибудь придет в голову обратиться к этому ничтожеству. Эйнар уже давно оставил надежду разгадать тайну, почему Арне вообще стал патологоанатомом.

Мягко говоря, это халатность. Говоря точнее, разгильдяйство. А по-хорошему – полная бездарность.

Грувессон всегда что-то пропускал. Это было скорее правилом, чем исключением. В основном это касалось какой-нибудь маленькой детали, которая все равно не влияла на установление причины смерти. К счастью, не надо быть Эйнштейном, чтобы констатировать тяжелую травму черепа и внутренние кровотечения или вспоротый живот после автомобильной катастрофы, в результате которой произошла трагедия.

Но иногда коллега пропускал гораздо более серьезные вещи. Например, два года тому назад в ходе следствия он предположил, что одна из жертв Торгни Сельмедаля погибла в обычной автокатастрофе, хотя оба ее глаза оказались сожжены и так повреждены, что это никак не могло быть последствием самой катастрофы. Наоборот, катастрофа произошла из-за повреждения глаз.

Сегодня к ним поступила новая жертва автокатастрофы, которой предшествовала эффектная погоня на автомобиле в центральной части города, окончившаяся на дне моря. По иронии судьбы и словно по мановению дирижерской палочки в Божьих руках, тело, естественно, поручили Грувессону, а Эйнару досталось увлекательнейшее занятие: обследовать покойную Герду Нильссон девяносто четырех лет.

Мысль зрела всю вторую половину дня, но только сейчас расцвела пышным цветом. А почему бы и нет? Ему все равно нечем заняться, и поэтому он допил остывший чай ройбуш и вышел из комнаты отдыха.

В отчете все было предсказуемо. Токсикологический анализ выявил содержание алкоголя в целых 2,75 промилле, что, конечно, подкрепляло версию об управлении транспортным средством в состоянии сильного опьянения, – жертва утонула, ударившись и потеряв сознание, когда машина коснулась поверхности воды. Что подтверждали и сильные повреждения на лице. Вероятно, дело так и обстояло, но, как уже говорилось, Эйнару все равно было нечем заняться.

Грейде приложил свой пропуск, открыл дверь в морг и вдохнул прохладный сухой воздух, направляясь к стене с холодильными камерами. Он открыл и выдвинул камеру, помеченную Грувессоном надписью «Петер Брисе» и сегодняшней датой. Эйнара сразу же поразило, что обе ноги у покойного согнуты, как у эмбриона. Словно трупное окоченение по-прежнему сковывало члены, хотя холодная вода, наоборот, должна была его ослабить.

К тому же он заметил, что тело не повреждено. Странно – ведь машина наверняка коснулась поверхности воды на довольно высокой скорости.

А на левом плече вообще не было следа от ремня безопасности, который всегда остается при сильных столкновениях. Особенно в тех случаях, когда не раскрывается подушка безопасности, что происходит чаще, чем можно подумать. Грувессон, конечно, не удосужился выяснить, как было в этом случае.

В отличие от тела, лицо было настолько поврежденным и распухшим, что опознание пришлось производить другим способом. Повреждений было более чем достаточно, чтобы мужчина, с виду весивший не больше семидесяти пяти килограмм, мог потерять сознание. И точно, как утверждал Грувессон в своем скудном отчете, похоже, самый сильный удар пришелся на левую скулу, где была открытая рана прямо под глазом. Обычно Грувессон совершал классическую ошибку, путая право и лево.

Наоборот... или, может быть, все же нет. Грейде выбросил мысль из головы, наклонился вперед и принялся тщательно рассматривать рану. Она выглядела довольно чистой, крови было совсем немного. В принципе в этом не было ничего удивительного, поскольку тело пролежало в воде час или два. Только странно, что кровь почему-то казалась засохшей.

Эйнар взял скальпель и осторожно поскреб им край раны. Действительно, кровь засохла. Как так могло получиться? Он не находил ответа, но явно почувствовал, как по телу пробежала дрожь. У него уже начала зарождаться идея, но, чтобы удостовериться, ему требовалось сделать несколько анализов. Может быть, тело приняло позу эмбриона вовсе не из-за трупного окоченения.

У Эйнара участился пульс, в крови вскипел адреналин. Вытащив из нагрудного кармана гемостатический пинцет, он направил внимание на нижнюю часть торса, где, несмотря на худобу покойного, имелись жировые запасы. Скальпель легко вошел в плоть, и, сделав несколько хорошо продуманных разрезов, Эйнар пинцетом взял образец ткани величиной с кусок сахара.

Словно его подгоняли, Эйнар поспешил по коридору в лабораторию, где срезал очень тонкий кусок с биопсии, поместил его на середину стекла объектива, положил сверху покровное стекло и включил микроскоп.

Вскоре он убедился, что его подозрения верны. Он установил причину засохшей крови, почти неповрежденного тела и позы эмбриона. Но как это произошло, сказать не мог. Но это и не его дело. И, понятно, ему придется вскрыть грудную клетку и провести основательное обследование легких, прежде чем выйти к народу и забить в литавры. Но он нисколько не беспокоился, а наоборот, не сомневался в том, что Арне Грувессон опять совершил роковую ошибку и сделал неправильный вывод.

Наконец-то... У него словно упала гора с плеч, и он в прямом смысле слова почувствовал, как уголки губ больше не подчиняются закону тяготения. Наконец-то он заплетет свою первую косичку почти за два года.

Черно-белая фотография размером 180 на 135 сантиметров изображала джунгли мангровых деревьев, бесчисленные корни которых хаотично извивались по земле. К тому же покрытая свинцом рамка весила гораздо больше, чем казалось. Фабиан Риск мысленно молил, чтобы на этом они закончили, поднимая последнюю из трех фотографий серии и вешая ее на место.

Последний час поясница все больше давала о себе знать, и спазм грозил обернуться настоящим прострелом.

Но Фабиан не хотел портить настроение и говорить об этом Соне. Он здесь ради нее. Он сделал жене сюрприз, отпросившись с работы на весь день, чтобы помочь развесить работы на ее первой большой художественной выставке.

Правда, в самом маленьком из трех выставочных залов в доме культуры Дункера, но тем не менее. Это большое дело. После всех лет работы на износ и мучавших ее сомнений жена, наконец, получила шанс. Если все сложится, это будет настоящим прорывом, и с ее именем станут считаться. Поэтому Фабиану было совсем не трудно понять, как для нее важно, чтобы все было идеально вплоть до малейшей детали.

Но полицейские сирены, эхо которых раздалось между фасадами домов на Портовой площади, когда Фабиан вносил последние экспонаты, никак не оставляло его в покое, что красноречиво говорило о том, как спокойно было у него на работе. С помощью мобильного телефона он прослушал местные новости, которые передавали по радиостанции из Мальмё. В новостях рассказывали о безумной погоне по центру Хельсингборга, окончившейся тем, что один из водителей съехал с набережной в Северной гавани прямо в воду.

Когда спустя час была обнародована личность погибшего водителя, новость быстро добралась до вещающей на всю страну радиостанции «Эхо». Петер Брисе был, без сомнения, одной из самых ярких звезд на небосклоне компьютерных технологий. За последний год оборот его фирмы «Ка-Чинг» увеличился в несколько раз, и фирме предсказывали блестящее будущее, из-за чего Фабиану все произошедшее показалось еще более странным. К тому же он не мог понять, почему ни слова не сказали о водителе другой машины.

– Небольшой перекося в правую сторону.

Фабиан очнулся от Сониного голоса и поправил раму буквально на миллиметр.

– Нет, подожди, теперь слишком много.

Едва он успел дотронуться до рамы, как Соня воскликнула, что все превосходно, и отошла на середину выставочного зала. Там она сделала глубокий вдох и обвела взглядом всю экспозицию, так медленно, что Фабиан несколько раз сумел произнести свою молитву. Она оценивала развеску работ и различные энергетические поля далеко не в первый раз.

– К сожалению, так не годится. – Она в отчаянии развела руками. – Серия мангровых деревьев недостаточно контрастирует со снимками Эресунна. Я думаю, их лучше оставить в покое в углу вместе с напольными скульптурами.

– Ты хочешь сказать, что нам надо все перевесить. Снова. – Фабиан сразу же понял, что сказал не то, и хотел взять свои слова обратно, заменив их простым «о'кей» и, возможно, «конечно, все так и сделаем».

– Вот как. И? – произнесла Соня. По ее тону стало совершенно ясно, что он все испортил. – Ты можешь предложить что-нибудь лучше?

Конечно, может. А именно – абсолютно то же самое, что и последние три раза, когда она заставляла его начать все сначала. Но сейчас он не собирался произносить это вслух, хотя, возможно, именно так и надо поступить. Может быть, на самом деле она ждала именно этого.

Фабиан решил, что либо пан, либо пропал, но тут у него в кармане ожил мобильный. Звонил Эйнар Грейде из отдела судмедэкспертизы. То, что Эйнар звонит именно ему, могло означать только одно.

– Привет, Коса.

Что-то случилось. Что-то, выходящее за рамки обычного.

– Я по поводу жертвы в машине.

– Ты о том человеке, который съехал с набережной в Северной гавани?

– О ком еще я могу говорить?

– Коса, ты меня извини, но я сегодня выходной и знаю только то, что передали в новостях. Я даже толком не знаю, кто такой этот Брисе, или как там его.

– Ты никогда не слышал о *Murder Snails*?

– Нет. А что, должен был?

– Мутированные улитки-убийцы, которые едят даже домашних животных. Ты вообще-то с какой планеты? – Коса так громко вздохнул, что его вздох наверняка услышала Соня, которая взяла дело в свои руки и начала снимать самые маленькие экспонаты. – Самое популярное мобильное приложение этого года. Если хочешь знать мое мнение, это

совершенно гениальная игра. Но сейчас не об этом. Дело в том, что тело Брисе поступило к нам несколько часов назад. Точнее, к Арне Грувессону, который сделал вывод, что это обычная жертва ДТП.

– О'кей, но ты можешь говорить по существу? Мне надо обратно...

– И сейчас Арне снова это сделал.

– Сделал что? – спросил Фабиан, но уже через секунду понял, что все и так ясно.

– Схалтурил! – выкрикнул Коса с таким презрением, что Фабиан буквально почувствовал, как мобильный брызжет слюной. – Я осмотрел тело, и оказалось, что Петер Брисе умер вовсе не сегодня, а примерно два месяца тому назад.

– Что? Какие два месяца? Разве в машине сидел не он?

– Да, это был он, хотя когда машина наполнялась водой, он был заморожен.

– Заморожен? – переспросил Фабиан, почувствовав себя глупым попугаем. – Что значит заморожен?

– Такой же холодный и твердый, как разделанная баранья туша в моей кладовке.

На первый взгляд это был совершенно обычный весенний день на тихой пешеходной улице Хельсингёра по другую сторону пролива. Солнце в первой половине дня сияло, словно уже наступило лето и можно уходить в отпуск. По булыжной мостовой прогуливались не чующие беды пешеходы, переходя из магазина в магазин.

Но что-то было не так, и хотя большинство понятия не имело, в чем дело, подсознательное беспокойство распространилось по пешеходной улице, как холодный ветер. Ребенок выронил свое мороженое и начал кричать и плакать. Пожилой женщине показалось, что проходящий мимо мужчина украл у нее кошелек, и она с криком бросилась за ним. Мать оглядывалась по сторонам в поисках своей дочки, которая только что скрылась из виду. Хотя никто не мог точно назвать причину, но атмосферу как подменили.

И только около магазина фирмы Телиа напротив фахверкового дома люди собственными глазами могли видеть, что случилось. От увиденного они инстинктивно отходили в стороны и прижимались к стенам домов. Подобно морю, которое расступилось, прогуливающиеся по улице люди образовали коридор.

И тут появилась она.

Некогда белая футболка теперь была заляпана засохшей кровью. Кровь была и на лице, и на руках вплоть до покрытых ранами предплечий. Ее взгляд все время блуждал по сторонам, словно она хотела удостовериться, что все держатся на расстоянии, пока она идет вперед.

Именно это люди и делали. Некоторые даже спрятались в боковых улицах, другие теснились к фасадам домов. Маленькая группа стала шутить и смеяться, одновременно оглядываясь в поисках скрытых камер. Но камер не было.

Что бы ни происходило, это было всерьез.

– Был заморожен два месяца назад? – Утес сделал гримасу, словно с круассаном, который он только что запихнул в рот, было что-то не так. – Ты шутишь?

– Не шучу, если верить Косе. – Фабиан встал и сжал бедра, пытаясь смягчить боль в копчике. Весь вчерашний день он считал, что это вполне приемлемая плата за то, чтобы показать Соне, что он действительно хочет ей помочь. Теперь он не был полностью уверен. Правда, жена, в конце концов, осталась довольна и даже угостила его пиццей в качестве благодарности за помощь, но за этим ничего не последовало.

– О'кей, объясните кто-нибудь, я совершенно ничего не понимаю. – Утес потянулся к хлебной корзинке с круассанами. Но Хуго Эльвин, как минимум такой же круглый, как Утес, хотя на две головы ниже коллеги, успел первым и отставил корзинку.

– Может быть, кто-то еще захочет.

– Извини, я думал, что все уже взяли. – Утес поднял руки в знак извинения.

– Так и есть. Но никто не съел столько, сколько ты, – сказал Эльвин и демонстративно взял один круассан, прежде чем поставить корзинку на место.

– О'кей, – сказал Утес, пытаясь игнорировать нападки. – Так на чем я остановился?

– На том, что ты ничего не понимаешь, – напомнил Эльвин, жуя круассан.

– Именно. Я хочу сказать, что Петер Брисе никак не мог быть мертв. Ведь он же, черт возьми, сам сидел за рулем. Или я совсем не прав?

– Нет, я тоже не знаю, – сказал криминалист Ингвар Муландер и покачал головой. – Должен сказать, что все это действительно крайне странно.

– Ой, это на тебя не похоже, Ингвар, – отозвалась Ирен Лилья, садясь за овальный стол для совещаний и вынимая из сумки папку с записями. – У тебя обычно всегда есть наготове хорошее объяснение.

– А где доказательства того, что за рулем не сидел другой человек? – спросил Фабиан, глядя в панорамное окно вниз на приземистые строения промзоны – северного въезда в Хельсингборг. Непостижимо уродливые ворота города, в целом такого красивого.

– Я связывался с водолазами. По их словам, когда они его нашли, он сидел на водительском сиденье, – сказал Муландер.

– К тому же на набережной было полно свидетелей, которые видели, как машина ушла под воду, – заметил Утес и отхлебнул дымящийся кофе. – И если верить им и полицейским, которые находились на месте, никто не всплыл на поверхность. Иными словами, в машине был не кто иной, как Петер Брисе.

– Значит, ты считаешь, что это всего лишь несчастный случай и что он был в живых не далее, как сегодня утром, когда машина попала в воду и утонула, – резюмировал Фабиан и понял, что тоже не может объяснить, как все это связано.

– Да, – Утес кивнул. – И если я не ошибаюсь, у него в крови было довольно много промилле. Не знаю, что вы считаете, но, по-моему, это вполне приемлемое объяснение. – Он взял еще один круассан, многозначительно улыбнувшись Эльвину. – И если бы мои слова сейчас слышал Коса, он наверняка бы привязал меня голым к тотемному столбу и содрал с меня кожу. – Утес оглядел своих коллег. – Я действительно не вижу никаких вариантов, кроме того, что Эйнар в виде исключения ошибся. – Он поднес чашку ко рту и выпил кофе.

В совещательной комнате воцарилась странная тишина. Если обычно коллеги приводили контраргументы и возражения, то сейчас все молчали. И не потому что были того же мнения. Скорее, наоборот. Никто из них не верил, что Коса ошибся, считая, что Петера Брисе заморозили больше двух месяцев назад. Даже сам Утес. И тем не менее, никто не выдвинул новую версию и не подал идею для размышления.

Фабиан нашел этому объяснение: вероятно, все испытывали то же самое, что и он сам. Они еще толком не проснулись после того, как непонятная поездка Брисе по городу со смертельным исходом подняла их с мягких постелей. Вместо того чтобы изо дня в день просто отсиживаться на работе, теперь им придется снова начать думать. Им надо будет подвергать сомнению, анализировать и рассматривать с разных сторон каждую маленькую зацепку.

Этот случай радикально отличается от рутинного дела, которое раскрывается одной левой с девяти до пяти. Все уже почувствовали, что впереди их ждут поздние вечера, плохой кофе и изредка ночевки на работе. Это щекотало нервы, поскольку в глубине души им этого не хватало, даже если они никогда в этом не признаются.

А тут еще розовый слон, сидящий на стуле Астрид Тувессон. Все обратили внимание, что стул пуст. И тем не менее, никто ничего не сказал,

даже не намекнул. Не потому, что они не знали. Подчиненные были в курсе, что их начальница пьет и что после развода с Гуннармом осенью стало гораздо хуже. Она стала беспрерывно жевать жвачку и при любой возможности закрывать дверь в свой кабинет. А последнее время стала без конца брать больничные.

Но, вместо того чтобы обсудить это и, может быть, даже вызвать Тувессон на разговор, они делали вид, что проблемы не существует, надеясь, что все решится само собой. Кончилось тем, что они медленно, но верно стали все меньше считаться с ней. Если начальница была на месте, она, как обычно, руководила работой. Если нет, они помогали друг другу заполнить пустое пространство.

В группе не было явного лидера. На бумаге руководство перешло бы к Утесу, и иногда он делал слабые попытки взять штурвал в свои руки, хотя ни он сам, ни другие члены команды не воспринимали его попытки всерьез.

Пока что никаких особых проблем по работе не возникало, главным образом потому, что расследования, мягко говоря, носили элементарный характер. Но если Фабиан не ошибался в своих предчувствиях, скоро ситуация станет невыносимой.

В конце концов Лилья нарушила молчание.

– О'кей, пока мы еще с головой не погрузились в Брисе, хочу сказать, что у меня есть срочное дело. Ничего особенного, но поскольку последнее время у нас было не так много работы, я обещала встретиться с одной женщиной. В понедельник у нее пропал муж.

– Есть подозрения в преступлении? – спросил Эльвин.

– Это я и попытаюсь выяснить. Вероятно, найдется какая-то вполне естественная причина. Ее зовут Ильва Фриден, а его – Пер Кранс. Никто их случайно не знает?

Эльвин и остальные покачали головами.

– О'кей, тогда вопрос в том, как нам двигаться дальше, – сказал Фабиан, решив попытаться взять руководство в свои руки. – Она уже опоздала на пятнадцать минут. Никто не знает: Тувессон скоро будет?

Коллеги покачали головами и переглянулись, словно думали то же самое.

– Тогда предлагаю начать без нее. – Фабиан подошел к доске во всю стену и стер все – начиная от нарисованных Утесом человечков и напоминаний о том, чья очередь покупать хлеб к кофе-паузе, до результатов рождественской викторины пятимесячной давности. – Петер Брисе. Что мы знаем о нем помимо того, что он страшно разбогател на этой игре «Улитки-

убийцы»?

– Он жил на Садовой улице. – Утес протянул фотопортрет Брисе Фабиану. – А его фирма, как там она называется?

– «Ка-Чинг», – ответил Муландер и покачал головой. – Мог бы придумать название получше.

– Точно. Насколько я знаю, фирма находится в Лунде.

– Я где-то читала, что только за последние полгода число сотрудников выросло в четыре раза, а в начале февраля оборот фирмы был уже равен предполагаемому годовому, – сказала Лилья. – И все за счет маленькой мобильной игры, которая не стоит больше семи крон.

– Которая к тому же страшно скучная, – добавил Муландер.

– Могу сказать, что она вызывает зависимость, перестать в нее играть невозможно.

– Поэтому я и пробовать боюсь, – сказал Утес. – Берит несколько раз пыталась бросить, но уже через несколько часов опять начинает нажимать на экран мобильного, пока на кончиках пальцев не появятся волдыри.

– Да, но почему это так здорово, выше моего понимания, – сказал Муландер.

– Но мы все не можем не согласиться с тем, что он сказочно богат, – сказал Эльвин и закатил глаза.

Фабиан мысленно поблагодарил Эльвина, рисуя символ доллара рядом с фотопортретом, на котором Брисе в белой рубашке, с бритой головой и в очках в черной оправе больше напоминал заправского капиталиста, чем компьютерного фаната. – Что еще? У него была семья? Он был женат? Братья, сестры и так далее.

– Не женат, единственный ребенок в семье и, если хотите знать мое мнение, голубой, – сказала Лилья.

– Откуда ты это знаешь? Он о чем-то открыто заявлял?

– Нет, но достаточно сыграть в его игру. Там сколько угово́но намеков. Вы бы только видели этих розовых улиток на 33-й дорожке. – Лилья покачала головой.

– Именно, – подтвердил Утес.

– Вот оно что. Значит, ты все же играешь, – Лилья улыбнулась.

– Подождите. – Эльвин откинулся на стуле – одном из двух, которые были приспособлены к его больной спине и, по слухам, обошлись налогоплательщикам в пятизначную сумму. – Вам это не напоминает Юхана Хале́на? Ну, тот, который с год назад отравился газом в своем гараже.

– Ты имеешь в виду сына судовладельца? – спросил Утес. – Того, кто

жил рядом с портом в Викене в нескольких шагах от меня. Настоящий дом мечты.

Эльвин кивнул.

– А ты что скажешь. Ингвар? Ты ведь тоже участвовал в расследовании, которое я вел?

– Хватит напоминаний. – Муландер пожал плечами. – Я только помню, что мы так и не нашли потайную комнату секса, которая якобы находилась у него в подвале.

– Что еще за комната секса? – спросил Фабиан.

– Вероятно, это всего лишь слухи, – ответил Эльвин. – Во всяком случае, если верить здешнему эксперту, который не смог ее найти.

– Что ты хочешь этим сказать? – Муландер с возмущением посмотрел на Эльвина.

– Только то, что даже лучшие иногда ошибаются. – Эльвин одарил Муландера улыбкой. – Я хочу сказать, что Хален, как и Брисе, был состоятельным человеком. К тому же оба единственные дети в семье и не женаты.

– О'кей, но если верить Косе, Брисе не лишал себя жизни, – заметил Фабиан.

– Не скажи, – отозвался Утес. – Кто знает, он же вполне мог заморозить самого себя два месяца тому назад и вести машину в виде привидения. – Он засмеялся и покачал головой.

– Ты действительно так уверен, что Коса ошибается? – спросила Лилья.

– Нет, я ни в чем не уверен. Но... – Утес вздохнул. – О'кей, не хочу быть занудой. Давайте считать, что Коса прав и что Брисе убили больше двух месяцев назад. Наверняка найдется столько же мотивов, сколько миллионов на его банковском счете. Но зачем, скажите на милость, держать его замороженным несколько недель, чтобы потом сбросить в воду на глазах у множества свидетелей?

Вопрос остался без ответа, и опять наступила тишина, на этот раз настолько плотная, что шум вентиляции звучал как отдаленный автопоезд на холостом ходу.

Как и все остальные, Фабиан изо всех сил пытался различить какую-то логику в этой странной истории. Но все казалось таким же непостижимым, как кубик Рубика, на котором кто-то упорно поворачивает цветные грани.

Сигнал об окровавленной женщине на улице Стенгаде в Хельсингёре поступил на все посты именно тогда, когда Дуня Хоугор и ее коллега Магнус Равн заканчивали свою раннюю утреннюю смену. Они возвращались на машине в участок после в целом спокойной ночи.

Она позволила Магнусу сидеть за рулем всю смену. Не потому, что он лучше водил, скорее наоборот. Но как только она пыталась настоять на том, чтобы взять руль, напарник начинал так нервничать, что у него перехватывало дыхание от малейшей смены полосы. И хотя они отвечали за всю Северную Зеландию и проделывали минимум двести километров за смену, машину почти всегда вел исключительно Магнус.

И как всегда в преддверии выходных, он без особых затей принялся выпытывать у нее, чем она планирует заняться. Может, она просто будет сидеть дома перед телевизором, или собирается встретиться с друзьями, или возьмет да и пойдет на танцы? Стараясь не обижать его, Дуня отвечала как можно более уклончиво и переводила разговор на другую тему. За последние полгода она в этом хорошо поднатрела.

Но на этот раз Магнус так легко не сдался. На светофоре сразу же после заправки на улице Конгевейен он повернулся к ней и прямо спросил, не может ли он пригласить ее в Барон фон Дю, ресторан-фондю в центре Копенгагена, где можно есть столько мяса, сколько влезет. Единственное, за что надо платить дополнительно – это напитки.

После недолгого размышления Дуня решила без обиняков объяснить Магнусу, что она его очень ценит как коллегу, но на свидание с ним не пойдет. Больше она не успела ничего сказать, поскольку затрещала рация и раздалось обращение ко всем машинам, находящимся поблизости от пешеходной улицы.

– А ведь все висело на волоске. – Магнус бросил взгляд на часы, продолжая барабанить пальцами по рулю в ожидании зеленого света.

– Но мы же не можем просто взять и плюнуть, – сказала Дуня, почувствовав, как у нее зачесались руки, – так ей хотелось взять руль.

– Что значит плюнуть? У нас кончилась смена, и нам надо успеть помыть машину и написать рапорт.

– Нам совсем это не надо. – Дуня схватила микрофон рации. – Алло, Анна, говорит Дуня Хоугор. Мы с Магнусом берем это.

– О'кей, прекрасно, – ответил женский голос по рации, после чего

Дуня перегнулась через приборную доску и включила сирену.

– Ты что хочешь, чтобы я поехал на красный? – спросил Магнус.

– Именно этого я и хочу. Поезжай. – Она открыла последний пакетик леденцов, взяла два и сразу же почувствовала, как от очень соленой лакрицы у нее участился пульс. – Анна, а ты знаешь, где конкретно на Стенгаде она находится?

Магнус покачал головой и, внимательно посмотрев через оба плеча, круто развернулся и поехал обратно в сторону Хельсингёра.

– Нет, но нам позвонили из магазина женской одежды, который находится прямо напротив закрытого винного магазина, – ответил голос по рации.

– О'кей. Спасибо.

Дуня точно знала, где это. Она читала об этом магазине в газете «Хельсингёрс Дагблад», где бурно обсуждалось, что делать с обветшавшим зданием, которое с каждым месяцем выглядит все более пугающе. Магазин закрылся несколько лет назад, когда его владелец купил другой винный магазин на той же улице. Проблема заключалась в том, что хозяин магазина, которому сейчас было восемьдесят восемь лет, владел всей недвижимостью и по какой-то причине не хотел ни продавать, ни сдавать помещение, где теперь обитали бездомные.

– О'кей. Так как мое предложение?

– Какое предложение?

– «Барон фон Дю». Я слышал только положительные...

– Пожалуйста, давай лучше займемся делом. Сверни здесь на улицу Брамсестреде, – показала Дуня, одновременно отстегивая ремень безопасности.

– Но это же пешеходная улица. Может быть, лучше объедем?

– Нет, нам надо оказаться там побыстрее.

Полицейская машина свернула в узкий переулок, и, не успев Магнус припарковаться и выключить сирену, как Дуня вышла из машины, бросилась к Стенгаде и стала протискиваться сквозь толпу туристов с мороженым.

Закрытый винный магазин с серым треснувшим фасадом резко отличался от остальных хорошо оштукатуренных домов на этой улице, где магазины соревновались друг с другом за привлекательность. Казалось, вывеска в любую минуту может упасть, а за грязными витринами, обклеенными концертными афишами, были опущены решетки.

Дуня посмотрела на верхний этаж и убедилась, что все здание находится в таком же плачевном состоянии. Если в скором времени ничего

не сделают, дом, вероятно, придется сносить. Но никакой окровавленной женщины она не видела. Ни в витрине, ни когда попыталась заглянуть в грязную темноту через щель между двумя рваными афишами.

– Да здесь все спокойно, – заметил Магнус, оглянувшись.

– По-моему, даже слишком спокойно. – Дуня подошла к двери магазина между двумя витринами и попробовала дверную ручку. Заперто. Она направилась к двери в левом углу. Выкрашенные в серый цвет жалюзи были опущены, но, когда она их коснулась, оказалось, что их можно поднять рукой.

– Дуня, погоди. – Магнус подошел к ней. – Если бы здесь кто-то был, жалюзи были бы подняты, так ведь? К тому же мы плохо припарковались.

– На всякий случай я хочу туда заглянуть. А ты пока жди в машине.

Она скрылась внутри, оставив Магнуса, который в конце концов со вздохом последовал за коллегой.

Под лучом карманного фонарика Дуня стала оглядывать помещение, заваленное пустыми картонными ящиками из-под вина, матрасами и тележками, в которых лежали одеяла и прочий хлам.

– Хуже некуда, – сказал Магнус, поправив свой ремень и убедившись, что дубинка, наручники и пистолет на месте.

– В магазин они, во всяком случае, не проникли. – Дуня направила карманный фонарик на зарешеченную дверь безопасности справа. Глубокие вмятины на дверной раме говорили о попытках забраться вовнутрь.

– Послушай, что ты скажешь?

– О чем? – Дуня осторожно попробовала, выдержит ли прогнившая деревянная лестница.

– Насчет завтрашнего вечера? – Магнус двинулся за ней на верхний этаж. – Если завтра тебе не подходит, я могу в субботу. Только я слышал, что в субботу немного труднее заказать столик.

– Магнус, нам не нужен никакой столик, хорошо? – Поднявшись наверх, она пошла по узкому коридору. Пол был усеян голубиным пометом, а от испорченных влагой стен давно отклеились обои. – Во-первых, ноги моей никогда не будет в «Бароне фон Дю». – Она распахнула первую закрытую дверь и заглянула в комнату, набитую сломанной мебелью и полками. – Во-вторых, он закрылся несколько лет тому назад. – В следующей комнате ничего не было, кроме кровати, нескольких матрасов и старого велотренажера. – В-третьих... – продолжила она, открывая предпоследнюю дверь.

Дуня замерла на пороге – оказалось, что в затемненной комнате полно

бездомных, которые или сидят, прижавшись к стенам, или лежат на куче раскрытых спальных мешков и одеял. Посреди этого хаоса сидел щербатый мужчина, играя со старой зажигалкой. Открыл, зажег, закрыл... Рядом с ним сидела окровавленная женщина. Ее глаза казались белыми, а взгляд был как у сумасшедшей, поскольку зрачки скрывались под веками – она была под кайфом. Из израненной руки все еще торчал пустой шприц.

– Вот она где. – Дуня вошла в комнату, села на корточки и вытащила иглу. – Алло, как мы себя чувствуем? – Она взяла женщину за затылок, пытаясь вступить с ней в контакт. – Ты с ней знаком? – обратилась она к мужчине с зажигалкой.

– Если хочешь, могу познакомиться с тобой и с твоей мандой, – ответил мужчина и засмеялся.

Открыл, зажег, закрыл...

– Дуня, спокойно, – сказал Магнус, держа обеими руками табельное оружие. – Никогда не знаешь, чего от них ждать, когда они в таком состоянии.

– Убери это и лучше сообщи в отделение, что мы ее нашли. – Она несколько раз слегка ударила женщину по щекам. – Алло! Пора просыпаться!

Женщина попыталась очнуться от дурмана и сфокусировать взгляд на Дуне.

– Это не я... Не я...

– Что не ты? Расскажи. Что случилось?

Открыл, зажег, закрыл...

– Не я... Я ничего не сделала... – сказала женщина и вновь ушла в себя.

– Что ты не сделала?

– Алло, говорит Равн. Мы ее нашли, – сказал Магнус по рации, выходя из комнаты.

Дуня дала женщине еще несколько легких пощечин.

– Подумай и расскажи. Чья это кровь на твоей футболке?

Женщина опустила взгляд и посмотрела так, словно только сейчас заметила кровь.

Открыл, зажег, закрыл...

– Он был таким добрым... никогда никому не делал плохого... – Женщина была на грани срыва. – Клянусь, он ничего им не сделал...

– Кому им? Кто-то кому-то причинил зло?

– Когда они ушли, я попыталась разбудить его, но везде была кровь. Сплошная кровь.

Открыл, зажег, закрыл...

– Кто они? – Дуня погладила женщину по голове. – Ты помнишь, сколько их было? Ты видела их лица?

Женщина, похоже, все больше уходила в себя.

Открыл, зажег, закрыл...

– Алло, ты должна мне рассказать. – Дуня пыталась встретиться с ней взглядом. – Попытайся вспомнить.

– Веселые...

– Что значит веселые? Ты хочешь сказать, что...

– Смеялись... все время... Словно это была игра. И такие желтые. Желтые и веселые...

– Не понимаю. Что ты хочешь сказать?

– Я хотела их остановить, но не решилась. Их было слишком много...

Открыл, зажег, закрыл...

– Давай лучше отвезем ее в отделение и допросим там, – предложил Магнус, входя в комнату с пистолетом в руке.

Реакция была мгновенной. За какие-то несколько секунд женщина поднялась и одним махом выхватила у Дуни пистолет.

– Магнус, что ты, черт возьми, делаешь? Опустит оружие!

Ее напарник словно окаменел. Он стоял, судорожно сжимая приклад.

– Магнус!

– Уходите отсюда... Оба. Уходите отсюда, не то... – Женщина направляла пистолет то на Дуню, то на Магнуса.

– Спокойно. Это просто мой коллега, и тебе не о чем тревожиться. – Дуня встала, подняв руки. – Ни он, ни я не собираемся тебя обидеть.

– Именно это они говорили Йенсу. – Женщина угрожающе размахивала пистолетом. – Уходите, я сказала!

– Стреляй в нее! – закричал мужчина с зажигалкой. – Просто стреляй в нее!

– Подожди, – сказала Дуня. – Йенс? Кто это...

– Прямо в морду, – прервал ее мужчина. – Или в манду! Стреляй ей в манду!

Открыл, зажег, закрыл...

– А теперь уймись.

– Бах! Прямо в пизду!

– Угомонись, я сказала! – Дуня уставилась на мужчину, который, наконец, успокоился. – И Магнус, черт возьми! Отложи оружие!

Открыл, зажег, закрыл...

Раздался выстрел. Пуля пролетела мимо Магнуса и попала в стену за

ним. От шока он выпустил пистолет, который упал на пол.

– Идите к черту, проклятые! – закричала женщина и, выходя из комнаты, схватила и табельное оружие Магнуса.

Дуня выбежала в коридор вслед за женщиной, но успела только увидеть, как та сбежала по лестнице и скрылась за дверью. Но когда Дуня вышла на улицу, оказалось, что женщина словно растворилась среди людей с мороженым, которые, ничего не подозревая, гуляли по пешеходной улице и наслаждались солнечной весенней погодой.

Астрид Тувессон пришлось приложить максимум усилий, чтобы не дать волю чувствам, когда начальник полиции северо-западного региона губернии Сконе Герт-Уве Букандер, явно страдающий от избытка холестерина, устраивался на стуле для посетителей. Конечно, он прав. Она опозорилась, двух мнений быть не может. Сесть за руль в том состоянии, в котором она находилось, было не только неправильно и глубоко аморально, но в первую очередь крайне опасно для жизни.

Но это не меняло ее отрицательного отношения к шефу. От одного его присутствия у нее внутри все закипало от презрения. Не говоря уже о самодовольной улыбке, говорившей о том, как он наслаждается ситуацией. Наконец-то у него появился шанс прижать ее к ногтю. Поквитаться за всю критику, с которой она выступила за годы работы начальником криминального отдела полиции Хельсингборга.

Тувессон постаралась не думать о том, с каким удовольствием засунула бы эту улыбку далеко в складки его двойных подбородков, чтобы он никогда больше не смог улыбнуться, и сделала глубокий вдох, пытаясь ответить ему такой же улыбкой.

Она приехала на работу гораздо раньше своих коллег и последние часы мысленно готовилась ко всем возможным и невозможным вопросам. Твердую убежденность Тувессон в том, что всегда надо выбирать правду и считать ее единственной оправданной альтернативой, как бы больно от этого ни было, пришлось красиво отодвинуть в сторону. Этот случай отличался от всех остальных. На этот раз ее ноги увязли в зыбучих песках, которые тянули ее вниз. Малейший неправильный ответ, и она полностью пропала.

– Ну что. Нехорошо получилось. – Букандер откинулся назад так, что стул под ним зашатался.

– Да, действительно нехорошо, – отозвалась Тувессон и продолжила линию, которая казалась ей единственно возможной: – Если хочешь знать мое мнение, то, честно говоря, я не понимаю, почему мы сидим здесь и делаем из мухи слона. Уверена, что не у меня одной есть дела поважнее.

Атака и полное отрицание.

– Ты называешь это делать из мухи слона? Мне кажется, мы просто сидим и разговариваем. И, наверное, даже ты не считаешь это странным в свете того, что случилось.

– Случилось то, что я пыталась остановить смертельно опасного лихача, только и всего.

– И тебе совершенно не пришло в голову, что твое безответственное поведение могло накалить обстановку и привести к увеличению скорости?

– Извини, но чем мое поведение было «безответственным»? Это он на меня наехал, а не я на него. Я просто случайно оказалась на месте и вмешалась. Если бы я этого не сделала, мы не знаем, чем бы все кончилось и сколько бы людей даже лишились жизни.

– А это и кончилось смертью.

– Если ты имеешь в виду смерть Петера Брисе, то могу сказать, что тут много неясного. По этой причине у меня, как бы я ни хотела, нет времени сидеть здесь с тобой весь день.

Букандер так глубоко вздохнул, что отчет Косы о вскрытии приподнялся над письменным столом.

– Астрид, не секрет, как мы относимся друг к другу. У нас с тобой были разногласия и, возможно, будут всегда. Но речь сейчас не об этом, а о том, что один из полицейских, находившихся на месте, подал заявление о том, что ты якобы была в состоянии алкогольного опьянения.

– К тому моменту как раз закончилась погоня, да еще у меня перевернулась машина.

– Да, спасибо, за ремонт этого фонтана наверняка придет крупный счет.

– Ты называешь это фонтаном? Конечно, я была растеряна и взволнована. Разве это так удивительно и так трудно понять? – Она фыркнула и покачала головой точно, как отрепетировала. – Разве бы я села за руль в пьяном виде?

– И, тем не менее, ты отказалась пройти тест. К вопросу об «удивительном».

– Да, отказалась и, наверное, поступила глупо. Я просто была очень сильно огорошена и, честно говоря, не видела никаких оснований подчиняться приказу полицейского, который явно хотел поиздеваться вместо того, чтобы заниматься делом.

Букандер переплел свои пальцы-сардельки и немного склонил голову набок.

– Астрид. А как ты на самом деле?

– Как я?

– Да, как ты себя чувствуешь?

– Хорошо. А почему бы нет?

– Может быть, потому, что ты недавно пережила развод, который,

насколько я понимаю, прошел не самым гладким образом. От этого кто угодно начнет прикладываться к бутылке.

– Ты совершенно прав. Каждый раз, когда такое случается, это настоящая трагедия. – Астрид посмотрела начальнику в глаза и не отвела взгляда.

Букандер изучающе смотрел на нее. Она видела, как он шевелит мозгами, решая, что делать дальше. Без сомнения казалась, он был полностью в курсе, как обстояло дело. Но это ничего не меняло: сейчас они разыгрывали спектакль и должны были соблюдать правила игры. Без результата алкотеста и последующего анализа крови он не может ничего предъявить...

– Олрайт, – сказал он и взял паузу. Уголки рта у него опустились вниз и скрылись в складках двойных подбородков. – Я хочу быть хорошим и в этот раз спустить все на тормозах.

Опасность миновала.

Фабиан сомневался до последнего. Ему казалось, что сейчас он нарушит табу и его публично выпорют. Но в конечном итоге он не видел никакой другой возможности, кроме как поставить вопрос ребром и узнать у остальных членов команды, как им быть с тем, что Тувессон спивается.

Как он и ожидал, особой реакции не последовало. И Утес, и Муландер в ответ пожали плечами, поджали губы и отвели глаза. И, тем не менее, он продолжил идти по тонкому льду и заявил, что ее бесконечные отлучки становятся недопустимыми, особенно в свете предстоящего расследования, с которым они ни за что не справятся без явного лидера. К тому же, по его мнению, они несут коллективную ответственность за то, что с ней происходит. Кто еще, кроме них, прекратит это и образумит ее?

В конце концов, плотину прорвало, и все заговорили. Лилья думала то же самое и рассказала, что от Тувессон пахло спиртным в понедельник утром, когда они вместе ехали в лифте на работу. Оказалось, что все чувствовали запах перегара, находясь рядом с ней. Утес даже видел у нее в сумке фляжку, а Муландер поведал, как она позвонила ему среди ночи и говорила так несвязно, что ему в конце концов пришлось положить трубку.

Только Хуго Эльвин ничего не сказал. С другой стороны, он никогда ничего не говорил, если речь не шла о конкретном расследовании, над которым они работали в данный момент. За болтовню надо давать как минимум два года, обычно говорил он.

Но целью Фабиана была отнюдь не болтовня. Поэтому он пытался обсудить, как они могут помочь Тувессон, чтобы расследование не снижало темп. Но когда Утес упомянул вчерашнее вождение в пьяном виде, слухи о котором распространились по конторе с молниеносной скоростью, он не мог вставить ни слова.

Они замолчали только тогда, когда открылась дверь и в комнату вошла Тувессон собственной персоной. Встретив их вопросительные взгляды улыбкой, она подняла руки в знак извинения.

– Простите за опоздание, но у меня все утро шло совещание с Букандером. Насколько я понимаю, вы начали без меня.

– Ты что, все время была в конторе? – Утес выглядел почти что разочарованным.

– Да, с пяти утра, чтобы разобрать завалы на столе.

– А о чем вы совещались? – спросил Муландер.

Тувессон вздохнула и закрыла за собой дверь.

– Вообще-то у меня нет большого желания пересказывать это. Но что не сделаешь, чтобы избежать пересудов. – Она посмотрела своим подчиненным в глаза, взяла термос с кофе и налила себе чашку. – Как вы знаете, несколько дней я была на больничном, и... Да, не стану скрывать, что после развода с Гуннарсом у меня начались проблемы с алкоголем. Но вчера во второй половине дня я почувствовала прилив сил и поехала на работу. Если вам интересно, то я не выпила ни капли. Кстати, этот последний для меня? – Она показала на круассан.

Эльвин кивнул и протянул Тувессон хлебную корзину.

– Ну вот, я выезжаю на трассу, но через несколько сотен метров раздаётся хлопок, и заднее зеркало летит ко всем чертям.

– Петер Брисе? – спросил Утес, и Тувессон кивнула.

– Но тогда я этого не знала. Не знаю, что бы вы сделали на моем месте. Я погналась за ним и попыталась его остановить. К сожалению, моя «Королла» не может соревноваться с его БМВ, так что когда он внезапно свернул на Портовую площадь, моя машина перевернулась и упала на один из этих навороченных фонтанов.

– Я бы не называл их фонтанами, – Эльвин покачал головой.

– Да, не знаю, как их назвать. Я выбралась из машины и увидела, как БМВ заезжает за кромку набережной и исчезает в воде. Чистый сюр. Я спешу туда и начинаю разгонять толпу, и тут ко мне подходит полицейский в форме и приказывает мне дуть. Я совершенно растерялась и превратилась в знак вопроса. Не потому, что мне было что скрывать. Наоборот. И все же я отказалась. И пожалуйста, не спрашивайте меня почему, – я понятия не имею. – Она развела руками. – А теперь на меня подали заявление, хотя Букандер обещал посмотреть, что он может сделать. Но хватит об этом. – Она хлопнула в ладоши. – Что я пропустила?

Все вернулось на круги своя. Слово кто-то отвинтил предохранитель, и за столом опять воцарилась тишина. Каждый, как мог, старался не встретиться взглядом с Тувессон, которая пыталась посмотреть им в глаза.

– О'кей. Кто-то может объяснить мне, как это понимать? – продолжила она, по-прежнему пытаясь заглянуть им в глаза. – Или я что-то недопоняла, или вы считаете, что я не...

– Они беспокоятся за тебя, – перебил Эльвин и посмотрел на нее.

– А ты нет, так ведь?

– А должен?

– Как я уже сказала, у меня не все так просто. Но могу вас успокоить: я полностью владею ситуацией. Может, нам лучше начать говорить о том,

ради чего мы собрались...

– К сожалению, мы так не считаем. – На этот раз Утес поднял глаза и встретился с ней взглядом.

– Вот как? И что, по-твоему, мне надо делать? – Тувессон развела руками. – Не думайте, что я не понимаю, как много судачат об этом в коридорах, но...

– Астрид, – прервал ее Фабиан и встал, чтобы смотреть прямо ей в лицо. – Мы приступаем к расследованию, которое вполне может стать самым трудным после...

– Тогда в чем проблема? Я здесь с пяти утра. Да, я немного опоздала, поскольку у меня было совещание с...

– Проблема в том, что мы не знаем, придешь ты или будешь отсутствовать до конца недели! Сначала ты берешь больничный, а потом внезапно решаешь ехать сюда и по дороге ввязываешься в бешеную автомобильную гонку со смертельным исходом.

Фабиан первый раз повысил на Тувессон голос, и она явно была так же ошарашена, как и он сам.

– О'кей, давайте все по порядку, – сказала она с деланным спокойствием. – Во-первых, еще не установлено, что «бешеная автомобильная гонка» имела смертельный исход. Да, я связывалась с Косой. – Она достала отчет о вскрытии и положила его на стол. – Насколько я поняла, есть признаки того, что Брисе был давно мертв. Во-вторых, если сейчас выяснится, что Коса ошибается и что за рулем действительно сидел Брисе, токсикологический анализ покажет наличие у него немало алкоголя в крови. Иными словами, это *он* был пьян, а не я. – Она обвела взглядом своих подчиненных. – Если с этим покончено, давайте перестанем сплетничать, как желтая пресса, и начнем работать.

– Ладно. – Фабиан кивнул, хотя был убежден в том, что начальница врет. Она была права лишь в одном: они собрались здесь, чтобы работать, а не обсуждать свои личные проблемы. – Но тогда ты уже знаешь, что вчера со мной связался Коса и рассказал о Брисе...

– Которого заморозили два месяца тому назад. Да, как я уже сказала, утром мы перекинулись парой слов.

– Как хорошо. Тогда, может быть, у тебя есть объяснение, – сказал Утес, откинувшись на стуле. – Поскольку у нас все равно концы с концами не сходятся. Например, почему кому-то понадобилось сначала заморозить его, а потом бросить в воду в порту в присутствии множества полицейских. Этот кто-то к тому же способен становиться невидимым на глазах у множества свидетелей.

– Ты так говоришь, будто наличие свидетелей входило в чьи-то планы, – заметила Тувессон.

– Тогда зачем съезжать с набережной прямо в Северной гавани?

– А почему ты думаешь, что это место было выбрано специально? Ведь тот, кто сидел за рулем, не мог предусмотреть, что я начну погоню. Если бы не я, он, может быть, поехал куда-нибудь в другое место. Да, кстати, как насчет машины? – Тувессон повернулась к Муландеру.

– Сейчас ее поднимают наверх и скоро должны отправить сюда.

– И когда, по-твоему, ты сможешь начать осмотр?

– Как только тепловентиляторы сделают свое дело, на что, вероятно, уйдет завтрашний день и большая часть выходных.

– О'кей. Надеюсь, это даст ответы на некоторые вопросы. – Тувессон обернулась к Лиле. – Я увидела в твоём календаре, что у тебя назначена встреча с некоей Ильвой Фриден, муж которой исчез.

– Да, но я могу встретиться с ней в обед, чтобы не отнимать времени...

– Хорошо. И как только закончишь, присоединяйся к Утесу и Хуго, которые отвечают за сбор материалов о Петере Брисе. – Она повернулась к ним. – Нас интересует фирма, частная жизнь, отношения в семье, интересы, друзья и всё вплоть до банка, которым он пользовался. Ведь кто-то из его окружения наверняка заметил, что он умер два месяца назад. И поправьте меня, если я ошибаюсь, но ведь это он придумал игру «Улитки-убийцы».

Утес и остальные кивнули.

– Фабиан, а ты займешься вот чем.

Она достала связку ключей и кинула ее через всю комнату Фабиану.

– А от чего они?

– Понятия не имею. Но я бы начала с его квартиры на Садовой улице. По словам Косы, ключи лежали в пиджаке Брисе.

Надо отдать ей должное, Тувессон показала себя как настоящий руководитель. До финишной черты она едва доковыляла, но уже обошла их на несколько оборотов. Давно Фабиан не видел ее такой собранной, как сейчас. Может быть, ей нужно именно такое следствие, чтобы отвлечься от бутылки.

– Хорошо, тогда все знают, что им делать.

Тувессон залпом допила кофе и повернулась к двери.

– Извините, но мы разве закончили? – Утес развел руками. – Не хочу занудствовать, но если Брисе был мертв, как утверждает Коса, и машину вел кто-то другой, ты или кто-то из свидетелей должен был видеть...

– Именно... – Тувессон встретила с коллегами взглядом. –

Я совершенно забыла.

– Что?

Тувессон показала свой мобильный.

– Хотите верьте, хотите нет, но вчера мне удалось снять короткий эпизод и выложить его на сервере.

– И ты говоришь об этом только сейчас? – Муландер пультом включил проектор на потолке и стал искать снятое Тувессон видео с помощью беспроводной клавиатуры и мышки на столе. – Вот он.

На экране появилось дрожащее изображение – все от панели управления и мусора на пассажирском сиденье до ног Тувессон и разбитого зеркала заднего обзора, валявшегося на полу. Потом дрожание усилилось. Тряслось уже не только изображение – все ходило ходуном, словно машина мчалась на пределе возможного.

– А звука нет?

– Нет. Наверное, я случайно убрала звук или что-то в этом роде, – сказала Тувессон.

И тут наконец на экране появился красный БМВ, который теперь оказался на опасно близком расстоянии от капота вибрирующей «Короллы». Но все смотрели не туда, а на водительское сиденье БМВ и бритую голову, торчащую над спинкой сиденья.

Через несколько секунд кадр застыл, и ролик закончился.

Фабиан понятия не имел, о чем думали остальные. Но сам он не мог не вздохнуть с облегчением – было совершенно очевидно, что за рулем действительно сидит живой человек. До этих пор он сомневался абсолютно во всем и очень хотел вернуться в исходное положение и расставить все по местам с самого начала. Чтобы удостовериться, где верх, а где низ. И что машиной по-прежнему требуется управлять.

– Если хотите знать мое мнение, то мне кажется, что это сам Брисе, – Утес кивнул на застывшее изображение, которое Муландер уже начал обрабатывать.

– Или кто-то другой с такой же бритой головой и в таких же очках в роговой оправе, – произнес Фабиан и допил свой кофе.

– Ты считаешь, что кто-то переоделся в Брисе. – У Лильи был такой вид, будто она утверждает, что существует летающие тарелки.

– Я просто хочу сказать, что сейчас мы можем быть уверены только в том, что за рулем сидит человек, похожий на Петера Брисе.

– Послушайте, люди добрые, возможно, я нашел объяснение. – Муландер принялся откручивать ролик назад кадр за кадром. – Вот смотрите. – Он увеличил расплывчатый кадр, на котором под углом был

виден водитель в полупрофиль. – Вы видите затемнение на шее? – Он направил лазерную указку на шею водителя, где действительно виднелось какое-то темное пятно.

– Разве это не ремень безопасности? – Тувессон сделала шаг вперед, чтобы получше рассмотреть.

– Нет, вот оно уходит вниз, – показал Муландер лазерной указкой.

– По-моему, это галстук, – сказала Лилья.

– Да, вполне может быть, – отозвался Муландер. – Но мое предположение, что это водолазный костюм.

– Водолазный костюм?

– Именно. Вероятно, у него на заднем сиденье лежат также ласты, маска и кислородный баллон. Если это так, чисто теоретически он мог выйти из машины под водой и скрыться по дну моря.

– Ты это серьезно?

Муландер кивнул.

– А Петер Брисе? – спросил Утес. – Тогда где он?

– Предположительно в багажнике. Я бы, во всяком случае, положил его туда. Ведь под водой можно без проблем достать его и посадить на водительское сиденье.

В комнате опять воцарилась тишина. Конечно, некоторые вопросы удалось прояснить. Если версия Муландера подтвердится, значит, Брисе убили. Но кто тогда преступник? И какой смысл во всех этих тщательных приготовлениях после смерти жертвы? И вопрос, который затмевает все остальные: почему никто не заявил о пропаже Брисе, если он мертв уже целых два месяца?

В кармане завибрировал мобильный – каждый день Фабиану приходило напоминание о том, что у Теодора началась перемена и пора звонить сыну. Пусть даже для того, чтобы обменяться парой ничего не значащих слов. Он дал себе обещание, которое не нарушил со времен случившегося летом 2010 года.

Этот раз будет первым.

В отделении полиции Хельсингёра Иб Свейструп откинулся на старый скрипучий стул, изучая через грязные очки для чтения распечатанное фото окровавленной женщины на пешеходной улице.

– Да, вид у нее, без сомнения, устрашающий из-за всей этой крови. Кстати, где ты нашла фото?

– На Ютубе, – ответила Дуня. Она четко видела, как ее начальник из всех сил пытается понять, что такое Ютуб.

– Вот как. Да, именно. Вот оно что. Вся эта новая техника – нечто невероятное. Сам я никогда с этим не расстанусь. – Он отложил распечатку и показал свою старую нокию. – Здесь все, что мне требуется, и немного сверх того. Текстовые сообщения, сигналы и календарь. Все, что только пожелаешь. К тому же телефон никогда не разбивается, а зарядки хватает почти на целую неделю.

Именно последнего стало не хватать Дуне уже через сутки после того, как она сменила своего старого верного помощника на айфон. Но сейчас она хотела поговорить не об этом.

– Как мы будем действовать дальше?

Она посмотрела начальнику в глаза, хотя знала, что он этого не любит.

– Как нам действовать дальше? Да, у вас с Магнусом закончилась утренняя смена, и как только вы напишите рапорт, то можете ехать...

– Я имею в виду расследование. Как мы с ним поступим?

– Именно, ты думаешь о пистолетах, которые она прихватила. Да, хорошего тут мало. Как ты понимаешь, у меня нет другого выбора, кроме как подать заявление, и тогда ваш рапорт, разумеется...

– Естественно, мы составим рапорт. Я думаю о том, что с ней произошло. Откуда вся эта кровь? – Дуня показала пальцем на окровавленную футболку женщины. – Это явно не ее кровь. На женщине не было ни одной раны. Но что-то определенно произошло, так ведь?

– Так. К сожалению, мы должны проработать эту гипотезу. Делом займется следственная группа, и я, конечно, передам им вот это. – Свейструп показал распечатанную фотографию женщины.

– Ты ведь не Сёрена Уссинга с Беттиной Йенсен называешь следственной группой?

– А кого еще мне так называть?

– Иб... – Дуня не смогла сдержать вздох. – Я прекрасно понимаю, что

ты несешь ответственность и принимаешь решения. Но если позволишь мне сказать, то...

– Дуня... – Свейструп снял очки, склонил голову набок и достал из запасников свою самую теплую улыбку.

Эта улыбка Дуне обычно нравилась. В отличие от очень многих коллег, Иб Свейструп был теплым и приветливым человеком. Но теперь эта улыбка вызвала у Дуни сильное раздражение, так что у нее зачесалась голова. В этой улыбке виделась лишь снисходительность. Словно начальник – терпеливый отец, а она – капризный ребенок, который клянчит сладкое.

– Я могу понять, почему ты проявляешь такую личную заинтересованность, – продолжил он и кивнул в знак подтверждения своим словам. – Ведь твое табельное оружие сейчас находится неизвестно где.

– Да если бы проблема заключалась только в оружии! Тебе, как и мне, также хорошо известно, что у этих двоих нет опыта в расследовании дел такого рода. Боюсь, что произошло что-то по-настоящему серьезное и...

– Ты немного преувеличиваешь.

– Нет, наоборот. Это не ограбление киоска с мороженым на улице Бростреде. Жаль, что мне приходится это говорить, но...

– Дуня, хватит, – Свейструп вздохнул. – При худшем раскладе и тебе, и Магнусу запретят работать в полиции из-за того, что произошло. Так что нет, ты не будешь участвовать в расследовании только потому, что ты...

– Я не хочу участвовать. Я хочу его вести.

Улыбка исчезла с лица Свейструпа, и теперь он больше напоминал усталого родителя, чей ребенок лежит на полу и кричит, чтобы ему дали сладкое.

– Я знал, что так и будет. Так и знал. Я говорил это, еще когда брал тебя на работу. Помнишь? Когда ты опозорилась на весь Копенгаген и никто из коллег не хотел нанимать тебя ни за какие коврижки.

Дуня должна была предвидеть, что разговор примет именно такой оборот. Как к хронической боли, она привыкла к преследовавшей ее истории о том, как она подделала подпись своего бывшего начальника Кима Слейзнера. С тех пор прошло уже почти два года, но это явно не имело значения.

Нельзя сказать, что она сожалела о своем поступке. Ни капельки. Тогда она прекрасно понимала, что Слейзнер уволит ее при первой возможности. И плевать, что она помогла шведской полиции раскрыть одно из самых сложных дел об убийстве в наше время. Ее начальника интересовало только одно.

Мечь.

Но в глубине души Дуня все же рассчитывала, что, вышвырнув ее из отдела, он оставит ее в покое. Что после такого унижения все закончится, и их пути никогда больше не пересекутся. Теперь, задним числом, она поняла, какой же была наивной. Как будто слизняк Слейзнер будет довольствоваться тем, что уволит ее, когда на самом деле это только начало террора.

В каком-то смысле на нее даже произвело впечатление, как у него это хорошо получалось. Как ему удалось распространить споры плесени на многие километры и внедрить их во всю полицейскую организацию, что теперь позволяло ему использовать свою власть без малейших последствий.

Полтора года Дуня искала работу во всех отделениях полиции в Копенгагене и за его пределами. Работу, для которой она создана. Но ее везде встречали только уклончивые отговорки – мол, должность уже заняли или сократили.

И только когда она дошла до отделения Север в Хельсингёре, пошел клев. Конечно, на работу в качестве следователя рассчитывать было нельзя, и ей снова пришлось надеть форму. Но все лучше, чем унижительно маленькое пособие по безработице.

– Это Слейзнер, так ведь? – спросила она в конце концов, прекрасно понимая, что идет по тонкому льду.

– Что?

– Ким гребаный Слейзнер. Это его рук дело?

Свейструп фыркнул.

– Тебе прекрасно известно мое мнение об этом человеке. Он, может быть, лает громче всех дворняжек в Копенгагене. Но сюда его поводок не дотянется.

– Тогда в чем проблема? Помимо того, что ты хочешь домой к жене и к вечернему джину с тоником.

Чашка с кофе опрокинулась от удара кулаком по столу, и кофе залил фото окровавленной женщины.

– Ты не имеешь права говорить о том, что я хочу, а чего не хочу. Ты прекрасно знаешь, в чем причина.

Дуня перешла грань, и у начальника были все основания выйти из себя.

– Иб, я знаю, что меня взяли в полицию по охране общественного порядка, и я должна всем мозолить глаза в моей красивой форме.

Что сделано, то сделано, и теперь ей только оставалось продолжать гнуть свою линию.

– Хорошо! Тогда так и делай! Твоя следующая смена завтра в первой половине дня. Так что если хочешь до этого взять оружие напрокат, ты должна как можно скорее написать рапорт.

Независимо от того, что Иб, Магнус или кто-то другой думает об этом.

Когда Хампус, бойфренд Ирен Лильи, спросил ее, не хочет ли она прооперировать грудь, она сначала рассмеялась. Потом страшно рассердилась и прочла ему целую лекцию о том, как это дешево и пошло, а также лишний раз доказывает, что неравенство между полами заставляет женщину угождать мужчине.

Все это переросло в грандиозную ссору, после которой они неделю не разговаривали.

Но сейчас, сидя напротив Ильвы Фриден в ресторане на площади Марии, Лилья не могла оторвать глаз от ее декольте, пытаясь вычислить, силикон там или нет. Лилье редко доводилось видеть грудь такой красоты.

– Ты знаешь, что будешь заказывать? – спросила Ирен, решив взять баранью колбаску на гриле и французский картофельный салат.

– Да, я возьму только салат дня, – ответила Ильва.

По-хорошему, ей надо бы тоже заказать один салат, но ей нравились бараньи колбаски, и она решила наплевать на то, что ей надо. Просто эти проклятые груди внушали ей неуверенность.

– Рассказывай. Что случилось? – спросила она, наливая им из графина воды, в которой плавали огуречные дольки.

– Если совершенно честно, я даже не уверена, что на самом деле что-то случилось.

– Что ты хочешь этим сказать? – Лилья отставила графин.

– Я хочу сказать, что на твоём месте я бы не раздувала эту историю. Просто моя коллега по салону убеждена, что надо заявить в полицию.

– Это правда, что твой муж исчез в понедельник?

– Сожитель. Он всего лишь сожитель.

– О'кей, твой сожитель. И ты до сих пор не знаешь, где он находится?

– Нет, но... – Ильва Фриден вздохнула и посмотрела в окно. – Значит, в воскресенье... Не спрашивай, почему, но по какой-то причине мы стали ругаться. Мы выпили несколько бокалов, и наверняка виновата была я. Стоит мне немного принять, как я начинаю закатывать истерики... – Она отпила воды. – Не знаю, что на меня нашло, но я вдруг рассвирепела и стала разбрасывать вещи.

– А из-за чего вы ругались?

– Наверное, из-за секса, обычно из-за этого. Последнее время он стал таким скучным. Или из-за денег. На самом деле я не помню. Как бы там ни

было, в понедельник он не вернулся домой после работы. Хотя тогда я не придавала этому значения.

– Почему?

– Я подумала, что он остался ночевать у Стефана. Он так всегда делает, когда мы ссоримся. Это его лучший друг.

Ильва вздохнула и покачала головой. Тем временем им принесли еду.

– Но ты связалась с этим Стефаном?

– Да, вчера. И тогда оказалось, что он вовсе не там, как я думала. – Ильва Фриден пожала плечами и начала ковыряться в салате. – Возможно, он у Кристины.

– А кто такая Кристина? – спросила Лилья и почувствовала, что скоро у нее кончится терпение.

– Его бывшая. Если он не у Стефана, то всегда сбегает к ней. Очень жалкое зрелище.

Фриден запустила вилку в салат и положила салат в рот.

– И что сказала Кристина, когда ты к ней обратилась?

– Зачем мне к ней обращаться? Именно этого он и добивается. Заставить меня признать свою ошибку, встать перед ним на колени и попросить у него прощение. – Она фыркнула. – На этот раз ошибку признает он.

– О'кей, на самом деле все именно так, как обычно происходит.

Лилья услышала раздражение в собственном голосе. Сидевшая напротив нее женщина страшно выводила ее из себя. Лилья не знала, чем именно – то ли тем, что отнимает у нее время, то ли этой своей явно прооперированной грудью. Но какая разница, с нее достаточно.

– Ильва, ты выпила лишнего, у тебя началась истерика, и ты сказала то, что не следовало говорить. В конце концов, ему это надоело, и он ушел.

Она ожидала возражений, но вместо этого получила в ответ спокойный задумчивый кивок.

– Ты наверняка права. Пожалуй, мне вообще не надо было тебя беспокоить. – Ильва отложила вилку и посмотрела ей в глаза. – Но когда сегодня утром позвонили с его работы и спросили, где он находился целую неделю, я представила себе, что он навсегда ушел от меня.

– Значит, его не было на работе?

– По крайней мере, с утра понедельника. – Ильва пожала плечами. – Не удивлюсь, если он куда-нибудь уехал с Кристиной. – Она презрительно фыркнула. – Страшное ребячество. Особенно учитывая, что его начальник вчера фактически разбился насмерть на автомобиле. Положим, он не хочет связываться со мной, но он должен был как минимум...

– Как так разбился насмерть? – Лилья почувствовала, как земля качнулась у нее под ногами. – Ты же не хочешь сказать, что твой сожитель работает в «Ка-Чинге»?

Ильва Фриден кивнула, словно это само собой разумеется.

Квартира Петера Брисе находилась на Садовой улице, дом 5, напротив Городского парка, в одном из старых фешенебельных домов в самом центре Хельсингборга, на которые Фабиан в детстве и юности не обращал никакого внимания. Только теперь, когда он повернул ключ в замке, открыл парадную дверь и вошел в подъезд, его поразило, как здесь все красиво и дорого.

На мраморном полу с шахматным рисунком лежал темно-красный ковер, который также покрывал покатую каменную лестницу. Ковер прижимали к лестнице узкие медные рейки, начищенные до блеска. Напротив освещенного бюста в стенной нише висела доска в рамке. Золотые буквы на красном фоне сообщали, что Брисе живет на третьем, самом верхнем, этаже. Всего три этажа, значит, высота потолков в квартирах – метра четыре, а то и пять.

О том, что это роскошный дом, сообщал и его запах. Здесь пахло стариной и сияющей чистотой, что обычно встречается только в музеях.

Фабиан открыл выкрашенную в зеленый цвет дверь лифта, потянул решетку, которая без малейшего скрипа отодвинулась в сторону, и нажал на самую верхнюю кнопку из черной пластмассы. Лифт тронулся и бесшумно заскользил вверх. Фабиан заметил, что лампочку накаливания на потолке не стали менять на кошмарную энергосберегающую лампу.

Дверь в квартиру Брисе на самом деле состояла из двух высоких дверей с латунными вставками и свинцовым стеклом. Ключ без проблем вошел в замок. Фабиан отпер замок и открыл. Сначала дверь, а потом решетку безопасности.

Из холла белого цвета почти во все стороны вели зеркальные двери. Иными словами, квартира была огромной. Ничего другого Фабиан в принципе и не ожидал, хотя был поражен, как здесь пусто. Конечно, ничего удивительного не было в том, что Брисе оказался приверженцем минимализма и изысканности. Но тут крылось что-то совсем другое.

Фабиан вошел в одну из соседних комнат, такую большую, что ее скорее можно назвать залом. Комната тоже была оформлена в белых тонах, а ее окна выходили и на улицу Бруксгатан, и на Городской парк, зелень которого в это время года закрывала вид на городскую библиотеку.

Здесь также было пусто. Выкрашенные в белый цвет стены с такой же белой панельной обшивкой и паркетом елочкой, скрипевшим под ногами.

Везде было пусто. Или точнее, из помещения вынесли все вещи. То же самое в следующей комнате, и в следующей – ничего, за исключением нескольких белых табуреток вдоль стены.

Фабиан прошел дальше на кухню – холодильник и морозильник были отключены, а их дверцы приоткрыты. Повсюду царила такая пустота и чистота, что трудно было представить себе, что здесь когда-либо готовили. Он обогнул кухонный островок и стал осматривать холодильник изнутри. Нет, сюда вряд ли можно засунуть человека и закрыть дверцу.

Если Брисе вообще убили здесь. В этом расследовании нет ничего само собой разумеющегося. Но если верить статистике, сомнений быть не должно. По иронии судьбы человек больше всего рискует подвергнуться нападению как раз в том месте, где чувствует себя наиболее защищенным, то есть в собственном доме.

Там, где люди наиболее уязвимы и одиноки, по большей части может произойти что угодно, и никто из посторонних этого не увидит. И, вопреки расхожему мнению, соседи редко приходят на помощь. В тех случаях, когда сквозь стены слышны звуки насилия и побоев, большинство скорее запрут двери на еще один замок и задернут шторы, чем осмелятся позвонить в дверь и спросить, что происходит. Совсем другое дело, когда соседи включают музыку на полную громкость.

Фабиан пошел обратно к входу, который, несмотря на зарешеченную дверь и все замки, с точки зрения безопасности представлял собой самое слабое звено в доме: подавляющее большинство людей, услышав звонок, открывают дверь не имея ни малейшего понятия, кто это может быть. Даже если есть дверной глазок, люди младше шестидесяти пяти им почти не пользуются. Иными словами, обычно в квартиру проникнуть очень просто.

Эффект неожиданности нельзя переоценить, и часто достаточно одного хорошо направленного удара, чтобы перевес стал реальностью. По мнению Косы, у Петера Брисе сильно повреждено лицо. Кровь по краям ран засохла, и получается, что повреждения не имели никакого отношения к погоне на автомобиле, а появились значительно раньше, когда он еще был в живых.

Фабиан зажег карманный фонарик, сел на корточки под дверью и направил свет на выкрашенный в белый цвет деревянный пол, который, похоже, недавно мыли. Затем достал кусочек ваты, засунул его в щель между паркетными досками и несколько раз осторожно провел им туда-сюда.

Как и ожидалось, вата потемнела и теперь была скорее бурой, чем белой. У Фабиана имелись подозрения, откуда появился этот цвет, но,

чтобы полностью удостовериться, требовалось подождать результатов анализа от Косы.

Он положил вату в маленький полиэтиленовый пакетик, открыл ближайшую дверь и пошел по длинному белому коридору с рядом дверей по левую сторону. Окна пустых, чисто убранных комнат выходили во внутренний двор. Фабиан не мог понять, зачем молодому мужчине без семьи так много комнат. Две-три гостевые, кабинет, возможно, тренажерный зал пригодятся. Но зачем все остальное? Они просто пустовали в ожидании того, что... Фабиан отбросил эту мысль и остановился у одной из открытых дверей.

В отличие от других помещений, здесь на полу лежал серый ковролин. Обратив на это внимание, Фабиан остановился, а потом, заметив засохшее и едва заметное пятно крови в самом низу дверной рамы, вошел в комнату.

На одной из белых стен на уровне пояса явственно виднелись царапины, а на ковролине под ними просматривалось четыре углубления, которые вместе образовывали прямоугольник размером примерно метр на два. На этом месте явно стояло что-то тяжелое.

Услышав, как открывается дверь, и кто-то заходит в холл, Фабиан машинально схватился за пистолет в наплечной кобуре, хотя за все годы работы в полиции никогда и нигде не использовал оружие в критической ситуации.

Гордиться тут было нечем. Наоборот. События в Стокгольме зимой 2009 года по-прежнему не оставляли его в покое, и иногда он слышал голоса своих старых коллег, которые до хрипоты звали его на помощь.

Фабиан решил что-то с этим делать и осенью вступил в Стрелковое общество Магнуса Стенбока в промышленном районе Берга, где регулярно тренировался метко стрелять. Уже после нескольких посещений ему стало легче, и теперь неприятное чувство почти исчезло, хотя защищенная среда в тире, конечно, совсем не то, чем реальность, с которой он сейчас столкнулся.

Судя по шагам, вошедший направился дальше по скрипучему паркету и через большой зал пошел в противоположный конец квартиры. Фабиан выскользнул в коридор и поспешил в самый дальний конец, заканчивающийся большой комнатой с несколькими дверями.

Открыв наугад одну из дверей, оказался прямо на кухне, куда с другой стороны вступали чьи-то ботинки. Если бы не сигнал мобильного телефона – какая-то мелодия прошлых лет, – который как раз ожил в руке мужчины, тот уже через метр натолкнулся бы на Фабиана. Теперь мужчина остановился спиной к кухне. На нем был костюм, зачесанные назад волосы

выглядели так, будто на них ушла целая баночка помады. Он ответил на звонок:

– Это я. Да, выглядит хорошо. Во всяком случае, насколько я могу судить. Я только что вошел. – Он говорил кратко и раздраженно вздохнул, подходя к кухонному островку. Положив на островок портфель, провел указательным пальцем по стеклянной плите. – А теперь выслушай меня. Контракт подписан, и во вторник новый владелец отдал деньги. Так что спокойно. Всё под контролем. – Он глубоко вздохнул, поднял глаза к потолку, чтобы не сорваться, и, подойдя к холодильнику, локтем закрыл дверцу. – Да, я знаю, что он на каждой чертовой обложке. Но что ты от меня хочешь? Что я могу с этим сделать? Шоу, чтоб его, должно продолжаться. – Мужчина опять вздохнул и слил воду в мойке.

У него не было ни малейшего шанса отреагировать: Фабиан крадучись подошел к нему и встал у него за спиной, а потом схватил мужчину за руку и завел ее за спину. Мобильный ударился о плитку. Заваливая мужчину на пол, Фабиан видел, как экран мобильного покрывается паутиной трещин.

– Какого дьявола? – Мужчина лежал на животе. Он брыкался и вертелся, пытаясь вырваться. У него ничего не получилось, и он стал звать на помощь.

– Полиция! – закричал Фабиан и завел обе руки мужчины за спину. – Вам лучше вести себя спокойно.

– Хорошо, хорошо, хорошо...

Фабиан немного ослабил хватку. Убедившись, что мужчина уgomонился, выпустил его левую руку, достал свое полицейское удостоверение и поднес его к лицу мужчины. Тот сдержанно кивнул, после чего Фабиан поднялся и помог ему встать на ноги.

– Кто вы такой и что вы здесь делаете? – спросил Фабиан, рукавом пиджака вытирая пот со лба.

– Простите, но кто на кого набросился?

– Или вы отвечаете на мои вопросы здесь и сейчас, или я вызываю вас на настоящий допрос с магнитофоном, длительным ожиданием и плохим кофе. – Фабиан придал своему лицу самое мрачное выражение, хотя вовсе не имел достаточных оснований для задержания этого человека.

– А если я откажусь? Тогда я попаду в тюрьму? – Человек расплылся в довольной улыбке, словно насквозь видел блеф Фабиана.

– Тогда я заявлю на вас за противодействие расследованию согласно восьмой статье тринадцатой главы Уголовного кодекса, а при настоящему плохом раскладе это тянет на срок до месяца.

Мужчина сглотнул, и стало ясно, что он понятия не имеет о статье «О

противодействию расследованию» Уголовного кодекса.

– Вот что: не знаю, что вы там думаете, но я невиновен.

– Спрашиваю еще раз: кто вы такой и что вы здесь делаете?

– Юхан Хольмгрен. Я только должен проверить, все ли в порядке, до того, как новые владельцы получают доступ к квартире...

– Значит, вы риелтор, – прервал его Фабиан, подчеркивая, что это он решает, когда им закончить разговор.

– Из агентства недвижимости «Резиденция». – Мужчина торопливо достал из нагрудного кармана пиджака визитную карточку. – Теперь, когда мы с этим разобрались, вы можете объяснить мне, что вы здесь делаете и кто будет оплачивать новый экран для моей игрушки? – Наклонившись, он поднял треснувший мобильный.

– А кто поручил вам продать квартиру?

– Конечно, владелец. А кто же еще?

– Вы имеете в виду Петера Брисе, но ведь он мертв.

– Да, это уже ни для кого не секрет. Мне кажется, я начинаю понимать, куда вы клоните и что вынюхиваете. Имущество покойного. Так ведь? – Он направил указательный палец на Фабиана, словно подчеркивая, что он прав. – В принципе, все правильно. Квартира должна быть частью имущества. Но вышло так, что не далее как во вторник он встретился с моими покупателями и подписал с ними контракт. Все чин чинном.

– Подождите, кто с кем встречался? – спросил Фабиан, не веря своим ушам. – Вы утверждаете, что позавчера виделись с Петером Брисе?

– Разумеется. Вы что думаете, я позволю покупателю и продавцу встречаться без меня? – Риелтор подошел к кухонному островку, открыл портфель и достал многостраничный контракт. – Вот контракт, подписанный и одобренный обеими сторонами. Но если хотите знать мое мнение, он продешевил. Немного больше хладнокровия, и он мог бы получить на полтора лимона...

Фабиан больше ничего не слышал, только видел, как у мужчины шевелятся губы. Значит, как с самого начала и утверждал Утес, вопреки всем предположениям, Коса ошибся, и Петер Брисе действительно был жив вплоть до вчерашнего дня? Или Коса осмотрел совсем не того человека, и Петер Брисе на самом деле по-прежнему жив? И сидел за рулем в костюме водолаза? Все, чтобы инсценировать свою собственную смерть.

В таком случае почему?

И кто тогда тот мертвый мужчина, который теперь находится в морге?

Фабиан закрыл глаза, ополоснул лицо холодной водой и сделал несколько глубоких вдохов, чтобы немного снять с себя стресс, хотя уже слышал, как начали прибывать гости.

Утверждение риелтора о том, что он встречался с Петером Брисе не далее, как позавчера, нарушило его планы на всю вторую половину дня. Вместо того чтобы отправиться прямо домой и заранее привести себя в порядок перед вернисажем, ему пришлось поехать на работу, созвать экстренное совещание и сообщить коллегам новость.

На совещании, которое прошло с бурными обсуждениями, были все, кроме Лилли. Новость укрепила предположение Утеса о том, что Коса ошибся. Спустя почти два часа они сошлись на том, что у Фабиана лучше всех получится связаться с Косой и *прижать его к стенке*, как выразился Утес. Ведь с самого начала он позвонил именно Фабиану.

К сожалению, Коса уже успел уйти из отдела судмедэкспертизы, и поскольку он по своему обыкновению не подходил к мобильному телефону во вне рабочее время, Фабиану ничего не оставалось, кроме как взять машину и отправиться на поиски.

Но не обнаружив Косу ни у него дома, ни в ближайшем продуктовом магазине, ни в клубе йоги в Роо, куда тот явно регулярно ходил, Фабиан в конце концов сдался и отправился домой.

Если бы только это. Он проклинал себя за то, что вместо обычного галстука взял с собой бабочку, которую Соня подарила ему на Рождество. Конечно, он хотел сделать ей сюрприз, и этот сюрприз она наверняка оценит. Только он понятия не имел, как завязывать бабочку.

– Так вот ты где. – Ингвар Муландер, который по торжественному случаю сменил белый рабочий халат на серый клетчатый блейзер и рубашку с галстуком, вошел в туалет и встал перед одним из писсуаров. – К твоему сведению, большинство уже здесь, а твоя красивая жена вся на нервах и не может понять, куда ты подевался.

– Именно это мне и требовалось сейчас услышать.

– Сорри, я пошутил. Правда в том, что она наверняка даже не успела подумать о тебе. Она целиком занята тем, что приветствует всех своих поклонников.

– Теперь мне стало гораздо лучше, – отозвался Фабиан, ковыряясь со своей бабочкой.

– Тебе помочь?

– А ты умеешь?

– Если верить Оскару Уайльду, первый важный шаг в жизни – научиться завязывать бабочку. – Муландер подошел к одной из раковин, чтобы вымыть руки. – Кстати, я как раз начал осматривать машину перед тем, как прийти сюда.

– Вот как, разве она не должна была сохнуть все выходные?

– Да, но ты меня знаешь. Я не мог удержаться. – Муландер посмотрел Фабиану в глаза с широкой улыбкой. – Не спрашивай меня, как. – Он стал осторожно помогать Фабиану в его судорожных попытках завязать бабочку. – Но по какой-то причине навигатору понадобилось только немного теплого воздуха, чтобы он снова заработал.

– У него была какая-то заданная цель?

Муландер кивнул.

– И он не собирался ехать на Портовую площадь?

Муландер покачал головой.

– С этого места становится по-настоящему интересно. – Он взял искусственную паузу, проделав первую манипуляцию с бабочкой. – Если верить прибору, Брисе ехал в Южную гавань на улицу Стормгатан, дом 11. Знаешь, что там находится?

– В Южной гавани? Одна из автобаз грузовиков, где перегружают контейнеры.

– Там *была* автобаза. Но поскольку все больше и больше грузовиков предпочитают ехать через Мальмё по мосту, она теперь пустует и сдается в аренду.

– Ты хочешь сказать, что он ехал туда присмотреть новое помещение для своей фирмы?

Муландер покачал головой, продолжая заниматься бабочкой.

– Ты, наверное, думаешь о чем-то другом?

Фабиан кивнул со вздохом, хотя это было совсем не так. Он просто не мог понять, куда клонит Муландер.

– Кто бы ни сидел за рулем, он хотел создать *видимость* того, что Брисе едет туда смотреть помещение, – продолжил Муландер. – Не забывай, что, скорее всего, этот человек был в водолазном костюме, и я думаю, он собирался съехать с набережной в воду. Но в Южной гавани, а не в центре города.

– Но тогда я вообще ничего не понимаю. Если он все равно должен был съехать с набережной, тогда какой смысл во всем этом...

Муландер прервал Фабиана тяжелым вздохом.

– Боже, сегодня ты действительно плохо соображаешь. Смысл в том, что там у него не было бы никаких свидетелей, а учитывая содержание промилле в крови жертвы, все бы выглядело так, что авария, пусть даже трагическая, произошла из-за вождения в пьяном виде. Но тут как черт из табакерки появляется Тувессон со своей «Короллой» и ставит ему палки в колеса. – Муландер засмеялся и покачал головой. – Это почти слишком хорошо, чтобы быть правдой.

В рассуждениях Муландера определенно была логика, и благодаря им некоторые фрагменты пазла встали на свои места. Не было никакого сомнения в том, что преступник все продумал и подготовил крайне тщательным образом, чтобы привести в исполнение такой сложный план. Вот только он никак не мог предвидеть, что рядом возникнет совершенно безумная Тувессон и устроит погоню на трассе Е6, из-за чего он пропустит поворот на Южную гавань.

– Вот так. Теперь хоть на что-то похоже. – Муландер последний раз поправил бабочку. – Пойдем, а то Соня тебя совсем забудет.

Четверг у Кима Слейзнера начался как нельзя лучше. Без четверти шесть мобильный разбудил его радостными звуками органа. Раньше он всегда просыпался под «Колокольню» и с утра был в настроении, которое оставляло желать лучшего. Но полгода назад случайно сменил привычный сигнал будильника на сигнал с красивым названием «На побережье», и теперь просыпался, смеясь, под бравурные звуки органа.

В Копенгагене стояла прекрасная погода, и он отправился на почти десятикилометровую пробежку по Исландской набережной, под Длинный мост и дальше вдоль канала Городской ров, где повернул обратно мимо Оперы. Он проделал весь маршрут за пятьдесят пять минут, что можно считать хорошим результатом для такого старого дяди, как он.

Ким как никогда был в отличной форме. Если он не начинал свой день с пробежки по району Хольмен, то шел в тренажерный зал жилищного кооператива. В выходные он давал себе отдохнуть, хотя чаще всего в эти дни ходил на занятия йогой. Он чувствовал себя гораздо моложе, чем несколько лет назад, и не сомневался, что Вивека жалеет, что ушла от него. Особенно учитывая, что собой представляет ее нынешний спутник.

Да-да, он следил за ней и точно знал, как она проводит свои дни, сколько зарабатывает и где ест в обеденный перерыв. Он даже знал, где она обычно покупает нижнее белье. Человек в его должности подобную информацию получает всего в несколько нажатий клавиш. Не потому, что ему было так уж интересно, а скорее потому, что он мог себе это позволить.

Другое дело Дуня Хоугор. Еще полгода назад он держал ее под постоянным наблюдением. Ему было досконально известно, с кем она общается, какую работу ищет и где обычно ошивается по вторникам, чтобы найти спутника на один вечер. Он был в курсе каждого ее шага. Словно она была подопытной мышью в его лаборатории.

В каком-то смысле так Слейзнер к ней и относился – как к своему маленькому питомцу, который бегаёт по клетке, совершенно не подозревая, под каким контролем находится. Когда ее накормят и сменят воду. Заслуживает ли она новое колесо для бега. Или когда пора гасить лампу и желать спокойной ночи. Все зависело от него.

Слейзнер по-прежнему испытывал к Дуне безграничную ненависть, хотя она стала его меньше занимать. Правда, первоначально он проявлял к ней до неприличия сильный интерес. Но он уже не так пьянел от счастья,

вызванного ее неудачами.

И точно как большинство детей, которые клянутся всегда гулять со своими живыми пушистыми игрушками, ухаживать за ними и кормить их, Слейзнер в конце концов устал. Ее работа в полиции по охране порядка в Хельсингёре была ему как бальзам на душу, и за последний месяц он ни разу не вспомнил о Дуне. Но сегодня утром она опять напомнила о себе, чудом умудрившись по халатности отдать свое оружие наркоманке и проститутке.

Несомненно, Дуня совершила грубое нарушение, хотя он понятия не имел, как все произошло и какие могут быть последствия. Но это не играет никакой роли. Он позаботится о том, чтобы последствия были самыми разрушительными. С этого момента он опять станет неотрывно следить за ней и на этот раз не даст ей так легко отделаться. Теперь он не остановится, пока она не опустится на самое дно, откуда уже никогда не поднимется.

Только тогда он будет доволен, погасит свет и пожелает спокойной ночи.

Выставочный зал площадью 81 квадратный метр, который в среду казался огромным, теперь был так переполнен людьми, что мог вызвать клаустрофобию. Фабиан решил больше не пытаться отыскать Соню и стал высматривать в толпе знакомых.

Детей он нашел в холле перед самым выставочным залом. Теодор сидел на стуле, уставившись в мобильный. На нем была его постоянная форма – старая кожаная куртка, купленная Фабианом в молодости в винтажном магазине «Рогер» в Копенгагене, черные джинсы и стоптанные ботинки. Последние полгода он не видел своего сына в чем-то другом и на полном серьезе стал задавать себе вопрос: а раздевается ли Теодор, когда ложится спать?

Матильда в нарядном платье и с бантиками в волосах раздавала буклеты посетителям и пыталась объяснить тематику выставки и ее название «Бренная вечность» путем сравнения со своей любимой игрой «Монополия». Можно играть в эту игру сколько угодно раз, но все разы отличаются друг от друга. С чем Фабиан был не совсем согласен. Последние туры она выигрывала одним и тем же наглым образом.

– Папа, где ты был? Нам надо вручить маме подарок. Все остальные уже вручили, – сказала Матильда, протягивая буклет паре средних лет. – Добро пожаловать.

– Матильда, успокойся. – Фабиан улыбнулся гостям. – То, что мы здесь, уже для нее подарок. И потом, вы с Теодором должны подписать открытку.

Он достал открытку с изображением Русалочки на передней стороне и информацией о поездке на выходные в Копенгаген на другой. Матильда написала свое имя и протянула открытку Теодору, который наконец оторвал взгляд от мобильного.

– Почему я должен подписывать, если все равно не смогу поехать?

– Что? Разве Теодор не поедет? – спросила Матильда. – Папа, ты же сказал, что вся семья...

– У меня другие дела, – отозвался Теодор, подписывая.

– Какие другие? Например?

– Отвали.

– Сам отвали.

– Теодор, конечно, ты поедешь, – попытался вмешаться Фабиан. –

Смысл как раз в том, что мы будем все вместе. Обещаю, это станет...

– Вот вы где!

Фабиан быстро сунул открытку в карман пиджака и повернулся к Соне, которая шла к ним вместе с мужчиной моложе ее как минимум лет на десять. Тот был одет во все черное, в очках с синим отливом и с короткой челкой, настолько ровно подстриженной, что она выглядела почти неестественно.

– Это мой муж Фабиан. А это Алекс Уайт, ну ты знаешь, коллекционер из Арильда, о котором я тебе так много рассказывала.

Фабиан кивнул и пожал мужчине руку, хотя не мог припомнить никакого Алекса Уайта.

– Значит, за всем этим стоит твой муж, – сказал Уайт с таким ярким американским акцентом, что сразу же стал действовать Фабиану на нервы.

– Да, без него бы ничего не получилось, – подтвердила Соня. – Вчера он весь день помогал мне носить и развешивать работы, а сегодня ради меня даже надел свой подарок к Рождеству. – Она похлопала Фабиана по щеке. – Вот уж не знала, что ты умеешь завязывать бабочки.

– И какое у вас впечатление от выставки? – спросил Фабиан, чтобы сменить тему. В глубине души он отругал себя за то, что обратился к мужчине на вы, словно какой-нибудь чинуша.

– *Absolutely amazing*^[1]. Честно говоря, я не часто сталкиваюсь с таким бескомпромиссным искусством, которое не боится идти до конца. Я называю такое прекрасным сочетанием дизеля и керосина. – Он повернулся к Соне, подняв указательный палец. – *Just so you know*^[2]. Ты обладаешь тем, что именно сейчас ищут все остальные.

– А что это, позволь спросить? – спросила Соня с тем блеском в глазах, которого так долго не хватало Фабиану.

– Кому, как не тебе, это знать. – Уайт рассмеялся. – Сорри, просто шучу. Но если честно, почти во всех твоих работах на этой выставке есть то, что здесь почти никогда не встретишь – так называемая вибрация средней загрузки. – Последние слова он пометил воздушными кавычками.

– Фабиан, ты в порядке? – спросила Соня, и Фабиан кивнул, размышляя над тем, как бы убить этого человека, не отвлекая слишком сильно внимание от выставки.

Спасение явилось в лице Лильи. В честь вернисажа она накрасила губы помадой и надела летнее платье под цвет своим стоптанным конверсам.

– Я только подойду поздороваться. – Фабиан поцеловал Соню в щеку и

повернулся к ним спиной.

Соня запнулась и посмотрела вслед Фабиану, словно не понимая, что он делает.

– Ты в порядке? – по-английски спросил ее Уайт и положил руку ей на плечо.

– Да, никаких проблем, – по-английски ответила ему Соня, выдавив из себя улыбку и повернувшись к Матильде и Теодору. – А это мои дети, Матильда и Теодор.

– Привет, – улыбаясь, Уайт наклонился к Матильде и протянул руку.

Но Матильда не подала ему руки и не поздоровалась.

– Матильда, поздоровайся с Алексом.

– Матильда, поздоровайся с Алексом, – передразнила Матильда и пошла к Теодору.

– Подожди, правильно ли я все понял, – произнес Утес, прихватывая несколько канапе с подноса, который пронесли мимо. – Женщина, с которой ты сегодня встречалась. Ее сожитель Пер Кранс, исчезнувший в понедельник, тоже работает на фирме «Ка-Чинг».

Лилья кивнула.

– И это вряд ли случайность. – Она взяла бокал игристого и пригубила... – О боже, какое сладкое. – И быстро отставила бокал.

– Вот, возьми лучше пиво, – Фабиан протянул ей бутылку и поднял свою, чокаясь с ней в воздухе.

Ни о чем не договариваясь, все члены команды собрались вместе.

– А что он делает на «Ка-Чинге»? – возобновила разговор Тувессон, поневоле прихлебывая минеральную воду.

– Он был финансовым директором.

– Был? А почему ты думаешь, что он мертв? – спросил Эльвин, выпил бокал красного и без всяких колебаний взял канапе из запасов Утеса.

– Не знаю, уместно ли здесь говорить об этом, но ладно. – Лилья оглянулась и только потом продолжила: – Послушайте. Сожительница Ильва Фриден не видела его с утра понедельника. В воскресенье они поругались, и она решила, что он спит на диване у своего лучшего друга. Сегодня в первой половине дня ей звонит его коллега и спрашивает, почему его нет на работе и почему он не отвечает на мобильный. Оказалось, что Пера не видели на работе тоже с понедельника.

– Что отнюдь не означает, что он мертв, – заметил Муландер, улыбнувшись так, что Лилья сразу же завелась.

– Нет, но я никогда этого и не утверждала. Выяснилось не только это.

Так что тебе лучше выслушать меня до конца, – сказала Лилья, отпив пива. – Насколько я поняла, все произошло из-за того, что Петер Брисе ни с того ни с сего решил продать свои акции, чему Пер Кранс якобы воспротивился.

– А этот Кранс тоже совладелец? – спросила Тувессон.

– Понятия не имею. Но это решение якобы было полной неожиданностью для всей фирмы. К тому же цена была настолько ниже рыночной стоимости, что Пер делал все, чтобы остановить сделку.

– А почему такая низкая цена? – спросил Утес. – Ведь Брисе, как и все остальные, должен был быть заинтересован в том, чтобы получить как можно больше.

– Вероятно, он хотел быстро провести сделку, – предположил Эльвин.

– Как бы там ни было, последние недели это переросло в болезненный конфликт между Крансом и Брисе, – продолжила Лилья. – Дошло до того, что Кранс попытался заблокировать все счета фирмы, когда понял, что Брисе собирается их опустошить.

– Абсурд какой-то, – заметила Тувессон. – Он словно потерял разум.

– Да, Кранс тоже так считал. Он хотел образумить Брисе и в понедельник якобы поехал к нему. И с тех пор исчез. Думаю, из машины мы вытащили его.

– О'кей, если я тебя правильно понял, ты хочешь сказать, что Брисе убил Кранса?

Лилья кивнула и сделала еще глоток.

– А зачем тогда вся эта гонка с попаданием в воду, водолазным костюмом и всем прочим? – продолжила Тувессон. – Почему просто не убить его и закопать тело?

– Может быть, он хотел создать видимость аварии, жертвой которой был сам, – сказал Эльвин, попросив проходящую мимо официантку наполнить ему бокал.

– Именно, ловко сработано, – заметила Лилья. – Таким образом, он может уйти в подполье со всеми деньгами и начать новую жизнь в принципе где угодно.

– А заморозка? Какой в ней смысл? – спросил Утес, пока Эльвин брал у него еще одно канапе.

– О'кей, вот как я представляю себе развитие событий. – Лилья отпила глоток из своей бутылки. – Кранс едет домой к Брисе в понедельник в первой половине дня. Вспыхивает ссора, которая заканчивается смертью Кранса. Брисе не знает, что ему делать, и поэтому прячет тело в морозильник, в основном для того, чтобы у него было время поразмыслить.

При этом заметьте, он уже давно занят распродажей всех своих активов. И кто знает, может быть, к тому моменту он уже решил уйти в подполье и начать новую жизнь? Эта идея приходит ему в голову во вторник, и он делает все необходимые приготовления, чтобы на следующий день осуществить свой план. Да, кстати, еще одна вещь. Внешне эти люди чем-то похожи друг на друга. – Лилья послала по кругу фото Пера Кранса. И действительно, он тоже был лысый и в черных роговых очках. – А учитывая, что лицо разбито, не удивительно, что и Коса, и Грувессон из судмедэкспертизы сделали вывод, что это Брисе и никто другой.

В ее рассуждениях что-то есть, подумал Фабиан. Надо отдать ей должное. Но нет никакой уверенности, что она полностью права. Ему все равно придется найти Косу и, по выражению Утеса, *прижать его к стенке*. Если окажется, что Коса, возможно, ошибся и по поводу заморозки, и по поводу личности жертвы, Фабиан готов придерживаться версии Лильи.

– Боже, какая у тебя талантливая жена! – К ним подошла жена Утеса Берит, держа на поводке маленького серого керн-терьера. – А какая красивая, позволю себе сказать.

– Спасибо, – отозвался Фабиан. – Обещаю передать ей твои слова, как только я ее увижу. – Он бросил взгляд на посетителей, которые толклись в душном выставочном зале, и вспомнил замечание Муландера о том, что Соня полностью занята почитателями ее таланта и ей все равно не до него.

– А я смотрю, у вас здесь весело. – Берит отпила из бокала Утеса. – Похоже, вы стоите здесь и работаете, обсуждая этого Петера Брисе, который заехал в воду и утонул.

– Берит... – Утес взял у нее бокал. – Не хочешь вывести Эйнштейна погулять, чтобы он сделал кое-какие делишки?

– Нет, он только что справил свои нужды прямо на полу у входа. И большую, и малую нужду, хотя между ними нет особой разницы. Но можете быть совершенно спокойны. Я решила эту проблему. Таким чистым этот пол никогда не был. – Берит отошла, увидев поднос с полными бокалами.

– Извините, на чем мы остановились? – спросил Утес.

– На вернисаже Сони. – Эльвин поднял свой бокал и пошел смотреть выставку.

– К сожалению, у меня кончилось пиво. – Лиля показала пустую бутылку.

– Сейчас принесу. – Фабиан подошел к Матильде, сидящей на стуле, который раньше занимал Теодор. – Ты видела маму?

Матильда покачала головой. Похоже, она едва сдерживала слезы.

– Матильда, в чем дело? Что-то случилось?

– Тео сказал, что я умственно отсталая.

– Что? Почему он так сказал?

Матильда пожала плечами.

– Не знаю. Но он так сказал. И что он меня ненавидит. Потом взял и ушел.

– Очень глупые слова, наверняка он так не считает.

– Конечно, считает. Он меня всегда ненавидел.

– Разумеется, нет. – Фабиан сел на корточки и обнял дочку. – Ты же знаешь, каким он может быть. А ты случайно не начала первая?

– Нет, сперва он не хотел, чтобы я села, хотя сам сидел очень долго, и я потихоньку стала его теснить.

Фабиан вздохнул, представив себе, как разыгралась ссора.

– Хорошо, обещаю поговорить с ним.

– На твоём месте я бы пригрозила ему, что не стану давать на карманные расходы.

– Но ты, к счастью, не родитель, так ведь? – Он выпустил ее и встал. – И Теодор так не считает, я в этом полностью уверен. О'кей?

Матильда пожала плечами.

– Если увидишь маму, можешь передать ей, что я ее ищу, – продолжил Фабиан, взяв две бутылки пива с одного из сервировочных столов.

– И тогда мы вручим ей подарок?

Фабиан кивнул и вернулся к остальным. Одновременно подошла Берит с новой бутылкой игристого и стала всем наливать.

– Хорошо, он видит, что тело было заморожено. С этим я согласна, – сказала Лилья и взяла пиво. – Но сколько оно находилось в таком состоянии – два месяца или только несколько дней... – Она пожала плечами.

– Что вы такое говорите! Неужели этот Брисе был заморожен? – воскликнула Берит и отпила вина.

Утес вздохнул.

– Берит, сколько раз я должен...

– Это так, – вмешалась Лилья. – Но пока что мы не сделали официального заявления.

– Можете на меня положиться. Буду молчать, как могила. Просто страшно любопытно. Особенно потому, что Утес никогда ничего не рассказывает.

– А ты никогда не думала почему? – Утес закатил глаза.

– Значит, ты тоже считаешь, что Коса мог ошибиться, – обратилась

Тувессон к Лилье, протягивая Берит свой пустой стакан из-под воды. – Только капельку.

Во взгляде Берит мелькнуло сомнение. Она повернулась к Утесу, но тот коротко кивнул, после чего она налила Тувессон немного вина.

– Все мы можем ошибиться, – заметила Лилья.

– Только не Коса, – парировал Муландер. – Во всяком случае, если спросить его самого.

– После того как я слышала об этом Брисе по радио, я думаю вот о чем, – сказала Берит. – Это очень похоже на историю с сыном судовладельца у нас в Викене. Так ведь, Утес? Ну ты помнишь, Юхан Хален. Разве он не покончил с собой несколько лет назад?

– Мы уже это обсуждали, и то дело не имеет к нашему никакого отношения, – ответил Утес с заметным раздражением.

– Но Хален тоже был несметно богат. Во всяком случае, его дом находился в самом лучшем месте Викена. Знаете, он же был единственным наследником и получил все...

– Прекрати, Берит! – Утес повернулся к жене. – Представь себе, что я вваливаюсь в твою парикмахерскую и начинаю стричь твоих клиентов? Что? Что, по-твоему, сказали бы твои тетки? Так что теперь у тебя есть две опции: или ты идешь гулять с Эйнштейном, или Эйнштейн идет гулять с тобой.

– А я думала, что мы пришли сюда смотреть Сонину выставку. И так с женой не разговаривают. Даже если ты надутое ничтожество, которое пытается произвести впечатление на коллег. – Берит повернулась на каблуках и ушла.

Утес вздохнул так, словно у него в легких никогда не кончится воздух.

– Черт... – Он поспешил следом за женой. – Берит, подожди.

Хотя шутка о том, что до конца месяца Утес будет спать в гостевой комнате, была бы вполне уместна, даже Муландер не воспользовался моментом.

– Папа! Я нашла маму. – К ним подбежала Матильда. – Она там, внутри! – Матильда взяла Фабиана за руку. – Пойдем!

Матильда повела отца сквозь толпу к Соне, которая и рассказывала Эльвину, что на создание серой напольной скульптуры в виде сотни арок различной величины ее вдохновили наружные корни мангрового дерева.

– По-моему, тебя кто-то ищет, – сказал Эльвин и кивнул Матильде, стоящей прямо за Сониной спиной.

– Ой, привет! – воскликнула она при виде мужа и дочери.

Фабиан кивнул Эльвину в знак благодарности. Эльвин поднял

большой палец и пошел смотреть увеличенные фотографии Эресунна.

– Ты уже немного устала? – Соня села на корточки, чтобы заглянуть Матильде в глаза.

Матильда не ответила и повернулась к Фабиану.

– Что ты ждешь? Давай сейчас.

Фабиан достал открытку и дал ее Матильде.

– Чтобы отпраздновать эту потрясающую выставку и всю ту работу, которую ты проделала, я, Матильда и...

– Привет, Соня! – крикнул Алекс Уайт, стоявший поодаль с какими-то людьми. – Тебе бы не помешало кое с кем познакомиться, – сказал он, путая шведские и английские слова.

– Мама, подожди, мы очень быстро, – Матильда протянула открытку.

– Дорогая, давай попозже. Сейчас мама должна... – Соня поцеловала Матильду в лоб и поспешила к Уайту.

Фабиан взял открытку и положил ее в карман.

– Послушай... Мама не хотела нас обидеть. Она так старалась, чтобы все прошло хорошо, что теперь, когда так много гостей, ей надо успеть обойти всех и поговорить с каждым. Думаю, лучше мы тихо-спокойно сделаем это дома. Что скажешь?

– О'кей. Но тогда я считаю, что нам надо идти домой, – ответила Матильда и взяла Фабиана за руку.

Крис Даун сократил послезвучание саксофона и подключил усилитель к главному выходу. Он любил свой новый микшерный пульт. Сорок восемь каналов с таким количеством кнопок, регуляторов и диодов, что не сосчитать. Не говоря уже о музыкальном центре с эффектами, обо всех старых аналоговых синтезаторах, теперь отреставрированных и оцифрованных, и о новом компьютере с большим ЖК-экраном, на котором и виртуальные инструменты, и звукозаписывающие программы отвечали на его команды без всякой отсрочки независимо от количества дорожек.

Благодаря своей новой студии он чувствовал себя значимым и совершенно счастливым. Вмонтированное освещение, дубовые панели на стенах и узор с черепами на ковровом покрытии. Он ни на чем не экономил и ничего не одобрял, пока все не было сделано точно в соответствии с его желаниями. На это ушло пять месяцев, и теперь в первый раз за долгий срок он мог спокойно сидеть и по-настоящему работать.

Крис увеличил громкость, нажал «воспроизвести» и откинулся назад на кожаном стуле с прекрасными пружинами, который стоил целое состояние. Как всегда во время прослушивания, он закрыл глаза и распустил волосы до плеч. Правда, он слышал только раскачивающийся ритм, басы и хук, но уже сейчас понимал, что у мелодии есть потенциал. Идея взять образцы, переложить их для гитары, а потом продублировать на саксофоне была, если можно так говорить о самом себе, просто блестящей.

Теперь оставалось только записать несколько вспомогательных аккордов и напеть черновой вариант мелодии – и основа готова. А ведь он начал работать только сегодня утром. Если вдохновение его не покинет, в таком темпе он как минимум успеет написать четыре мелодии до воскресенья, когда вернется Жанетта с детьми.

Правда, в студии была такая звукоизоляция, что даже если бы его дети одновременно пригласили домой свои детсадовские группы в полном составе, Крис ничего бы не услышал. Мобильный он отключил, в последние часы не заходил в Фейсбук и не проверял электронную почту. Он отгородился от окружающего мира, и ему это нравилось. Один в студии, что может быть лучше.

Прослушав мелодию до конца, Даун встал с кожаного стула и пошел к кабине для записи вокала. По дороге остановился у встроенного в стену монитора и посмотрел на изображения всех камер наблюдения,

размещенных и в доме, и на улице. Какое наслаждение видеть, как исправно работает техника. Заметно, что он удовлетворился самым дешевым вариантом. Изображение имело не только высокое разрешение – его можно было также увеличивать и делать панорамным каждой камерой, которая к тому же могла фиксировать все в темноте.

На экране сначала появилась кухня, потом столовая, а затем левый коридор на нулевом этаже. Помимо спальни, ванных комнат и студии каждое помещение в большой усадьбе находилось под наблюдением. Жанетта отказалась от камер в некоторых местах, боясь, что их сексуальная жизнь попадет в сеть. Если бы решение принимал он один, камеры были бы везде и всюду.

Не то чтобы он беспокоился. Он просто всегда хотел держать ситуацию под контролем. Еще в детстве хаос был его самым страшным врагом, и родители отнеслись к этому настолько серьезно, что заставили мальчика держать все лево вперемешку в одном большом ящике. Но ему от этого было так плохо, что им в конечном итоге ничего не оставалось, кроме как разрешить ему рассортировать все детальки.

В гараже, где стояли его машины, тоже все выглядело, как обычно, и... На переднем плане словно из ниоткуда появилась легкая тень и сразу же исчезла, словно ее никогда не было. Крис тяжело задышал и сразу же почувствовал, как у него участился пульс. Что это было? Он сглотнул, заложил волосы за уши и уставился в монитор, словно силой мысли мог заставить тень показаться снова.

Тем временем на экране появилось изображение постирочной, наружная дверь которой была приоткрыта... Какого черта? Пытаясь вернуться к изображению с камеры в гараже, Крис схватил пульт и стал нажимать на кнопки. Но успел только просмотреть толстую инструкцию, как вся система зависла.

Логика подсказывала, что ничего не произошло и никакого основания для беспокойства нет. И, тем не менее, именно это чувство Крис испытывал, быстро выходя из студии. Войдя в постирочную, он убедился, что дверь, ведущая в заднюю половину дома, действительно приоткрыта. Может быть, он сам как следует не закрыл ее после утренней пробежки.

Снова закрыв дверь, Крис запер ее и направился в прилегающий к кухне гараж. «Феррари», «Ягуар» и все остальные автомобили стояли на своих местах. Он посмотрел на камеру, вмонтированную в потолок, но никаких отклонений не увидел, хотя точно что-то заметил в мониторе наблюдения.

Дверь со стороны водительского сиденья черного «Камаро» была

приоткрыта. Какой ему был смысл не закрывать дверь до конца? Здесь определенно кто-то был. Крис быстро подошел к машине, чтобы проверить, все ли в порядке. Вроде бы да. Хотя нет, минутку... Пульт к въезду в гараж и к воротам у дороги. Крис всегда клал этот пульт в среднее отделение перед рычагом включения, а теперь тот почему-то валялся на пассажирском сиденье.

Правда, он давно не ездил на «Камаро» и, видимо, так нервничал, что случайно положил пульт на пассажирское сиденье. Но он никогда бы не оставил дверь со стороны водительского сиденья открытой. Настолько рассеянным он не был.

Когда Крис потянулся за пультом, прямо за ним раздался какой-то звук. Выпрямляясь, он ударился головой, но успел разглядеть тень на ветровом стекле. Все почернело, и ему пришлось опереться о дверь машины, чтобы не потерять равновесие. Только через несколько секунд боль немного стихла, и он опять смог открыть глаза и оглядеться.

– Эй! – закричал он, но, разумеется, не получил ответа. Даже если их много, плевать он на них хотел. Он не собирается сдаваться, пока не найдет их, даже если сейчас слышал только собственное дыхание и отдаленное жужжание откуда-то снаружи.

Надо ли ему беспокоиться? Он понятия не имел, что его ждет, и ему было нечем защититься. Даже мобильный он оставил в студии. К тому же последний раз он дрался в детстве.

От ярости Крис буквально искрился, как сварочное пламя. Каждый мускул его тела был настолько напряжен, что мог лопнуть, когда он проходил мимо «Камаро», окидывая взглядом помещение и оглядываясь через плечо.

И все же для него полной неожиданностью явилась тень, возникшая откуда-то снизу и метнувшаяся прямо к его лицу. В ужасе он попытался отогнать темную птицу, одновременно бросившись в сторону и приземлившись на капот «Камаро». И только тогда до него дошло, что птица, наверное, залетела в открытую дверь постирочной. Это же очевидно.

Он выдохнул и только сейчас почувствовал, как его старая футболка с *Black Sabbath* вся пропотела, а черные джинсы липнут к ногам. По-прежнему пребывая в шоке, Крис подождал, пока успокоится пульс, и только потом подошел к «Камаро», взял пульт и направил его на дверь гаража. Дверь поехала вверх к потолку, и черный дрозд смог вылететь и исчезнуть в вечернем небе.

– Папа, что значит неверный?

Вопрос Матильды прозвучал как удар под дых, и Фабиану пришлось приходить в себя, прежде чем попытаться ответить.

– Где ты это услышала?

– Эсмаральда так говорит о своем папе, – сказала Матильда, натягивая ночную рубашку и залезая под одеяло.

– Эта твоя Эсмаральда, не слишком ли она много говорит? Это ведь она утверждает, что в нашем подвале водятся привидения?

– Да, она, но они там действительно есть. Мама тоже так считает.

– Знаешь, что я думаю? – Фабиан сел на край кровати, испытывая облегчение от того, что разговор перешел на другую тему. – Мне кажется, у Эсмаральды довольно богатая фантазия. Уверяю тебя: здесь нет ни одного привидения. Сама посмотри. – Он показал рукой на ее аккуратно убранный письменный стол и открытую дверь, ведущую в прихожую.

– Посмотреть на что? – Матильда огляделась.

– Вот именно. Как видишь, ни одного привидения.

Матильда закатила глаза.

– Все совсем не так. Они невидимые, и их замечают только те, у кого есть дар.

– Конечно, у твоей подружки есть этот дар.

Матильда кивнула, словно это было вполне естественно.

– Но что это значит?

– Что?

– Неверный.

– Матильда. Мне кажется, ты еще слишком маленькая, чтобы понимать такие вещи. К тому же я страшно устал.

– Попробуй. Может быть, я совсем не маленькая.

Деваться ему было некуда. Теперь он понял это и посмотрел дочери в глаза.

– Это когда люди вместе, как мы с мамой, и кто-то из нас сходится с кем-то другим, не рассказывая об этом.

Матильда отвела глаза, будто ей требовалось время, чтобы понять. Потом опять повернулась к Фабиану.

– Папа. А ты бывал неверным?

– Нет, не был. – Он засмеялся, удивившись, как легко ему дался ответ.

Если быть совсем честным, он до конца не знал, что произошло в ту ночь с Нивой, его коллегой, в Стокгольме несколько лет тому назад. – А теперь спи, ведь тебе завтра в школу. – Он пожелал дочери спокойной ночи, поцеловал ее в лоб, погасил прикроватную лампу и вышел.

Фабиану хотелось лечь спать, хотя было только половина одиннадцатого. По дороге в ванную он остановился у двери в комнату Теодора. Как обычно, музыка гремела на полную громкость. Правда, сын, похоже, покончил с Мэрилин Мэнсоном и перешел на «Нирвану» и прочее, что можно слушать. И это хорошо.

Фабиана поразило, как ему по-прежнему ничего не стоит просто пройти мимо закрытой двери, притворившись, что внутри никого нет. Будто дверь ведет всего лишь в лишнюю комнату со старой мебелью и другими вещами, которые у них не хватило духу отвезти на свалку. Тогда, почти два года тому назад, он даже об этом не задумывался. Он считал вполне естественным общаться со своим сыном через смс, чтобы не сталкиваться с собственной неудачей.

Неудача. Он попробовал слово на вкус.

Так выразился психотерапевт, и ему понадобился целый год, прежде чем он смог признаться самому себе, что так и есть. Он относился к собственному сыну как к сплошному бедствию, которое наносит наименьший вред, если держать его за закрытой дверью и оглушать компьютерными играми. Осознание того, что он предал Теодора, обрушилось на Фабиана с такой силой, что у него началась депрессия.

Он стал принимать антидепрессанты и последовал советам врача возобновить пробежки. Медленно, но верно давление в груди стало ослабевать, и в конце концов он собрал достаточно сил, чтобы постучать, переступить порог и посмотреть сыну в глаза. Рассказать, что он испытывает, и попытаться честно объяснить почему. Обещать, что с этой минуты он всегда будет рядом, что бы ни случилось.

Теодор кивнул, и они обнялись, но глаза мальчика говорили о том, что для него это лишь пустые слова. В знак доказательства, что все серьезно, Фабиан стал звонить сыну каждый день, когда тот был в школе, просто чтобы узнать, как у него дела. За исключением сегодняшнего утра, когда из-за Тувессон утреннее собрание началось на полчаса позже. Но он почти никогда не стучал в закрытую дверь. Ему по-прежнему что-то мешало, и он проходил мимо и якобы ничего не замечал.

Три отчетливых стука – и музыка зазвучала тише. Фабиан истолковал это как разрешение войти.

– Здорово, – произнес Теодор. Он полулежал в кровати и листал

учебник по математике.

– Привет, привет. – Фабиан вошел в комнату и обвел взглядом подростковый беспорядок. – Просто хотел узнать, все ли в порядке.

– А почему должно быть по-другому?

– Ты исчез, не простившись, и Матильда сказала, что вы поругались.

Теодор вздохнул.

– Ты же знаешь, какой она становится противной, стоит вам отвернуться.

– Да, знаю. – Фабиан убрал одежду со стула у письменного стола и сел. – Но я не сержусь. Как я уже сказал, я просто хотел проверить, как ты.

Повисла тишина, вызывавшая желание встать, оставить сына в покое и продолжить притворяться, что все хорошо.

Раздались первые аккорды *Drain You*, и Фабиан вспомнил, что эта была его любимая композиция из альбома *Nevermind*.

Его поразило, что он ни разу не слушал ни одного альбома «Нирваны» с тех пор, как Теодор открыл для себя эту группу. Словно по какой-то странной причине он не мог слушать то же, что и его сын-подросток. Почему это произошло?

– Хорошая мелодия, вот эта. Правда? – спросил Фабиан в тот момент, когда решил, что как только представится случай, поставит в наушниках «Нирвану» на повтор.

Теодор кивнул.

– Знаешь, когда этот альбом вышел, я ничего не понял. – Фабиан покачал головой, вспоминая. – Мне просто показалось, что это какие-то крики под брэнчание гитар.

– Ты шутишь. – Теодор первый раз оторвал глаза от учебника.

– Нет, честно. Помню большой новогодний праздник в начале девяностых. Мы с твоей мамой уже год были вместе. Ди-джей почти все время ставил только «Нирвану». Они как раз только заявили о себе, и, по моему, постоянно звучала *Smells Like Teen Spirit*.

– Это же потрясающе.

– Знаю. Но тогда я этого не понимал, и, немного перебрав лишнего, пристал к бедному ди-джею и стал требовать, чтобы он больше заводил Майкла Джексона и тому подобное. В конечном итоге он согласился отдать мне бразды правления, и все кончилось катастрофой.

– Это почему? – Теодор сел в кровати. Похоже, он действительно заинтересовался.

– На первой же мелодии всех как сдуло с танцпола. Так обидно было. Я страшно запаниковал и сделал все для спасения ситуации, но ничего не

ВЫШЛО.

– А что это была за песня?

– Не помню. Но уверяю тебя, она была совершенно не к месту.

– Перестань. Конечно, ты помнишь. Давай.

– Хорошо, только ты не смейся. *Papa Don't Preach* Мадонны.

Фабиан встретился с Теодором глазами, и в наступившей тишине, пока в *Lounge Act* не зазвучали басы, оба расхохотались.

– Послушай, она же не настолько ужасная.

– Папа, она чудовищная. По крайней мере, если сравнивать со *Smells Like Teen Spirit*.

Фабиан мог только кивнуть. Конечно, это по-прежнему хорошая композиция, но такая же безнадежно устаревшая, как песни *Roxette*.

– Да, но потом наступило просветление, и я стал слушать все группы, начиная с *Pixies* до *Sonic Youth*.

– А что это за группы?

– Как? Ты их не слышал?

Теодор покачал головой с выражением невинного любопытства на лице, какое бывало у него в детстве. Фабиан буквально почувствовал, как из него уходит усталость, пока он доставал мобильный и искал одну из своих любимых композиций группы *Pixies*. Теодор помог ему подключить телефон к стерео, и Фабиан поставил *Where Is My Mind?*, сделал соответствующую громкость.

Теодор сразу же завелся и весь расплылся в улыбке.

– Ты действительно это слушал?

– Да, а что?

– Это же хорошо, правда.

Фабиан лег спать только в половине второго. Они с Теодором продолжали ставить друг другу музыку, пока не позвонила соседка и не пригрозила вызвать полицию. Но оно много раз того стоило, подумал Фабиан, гася прикроватную лампу. Последний раз им было так хорошо вместе, когда Теодору только исполнилось десять, и они провели все выходные в пижамах, строя из лего звездный истребитель Т-65 Х-крыл.

Он в последний раз зажег мобильный, но никаких сообщений от Сони не увидел. Наверняка она не скоро придет. Они условились, что он заберет детей домой, а она будет где-нибудь праздновать до тех пор, пока не надоест, против чего он не возражал. Он замечательно провел несколько часов с Теодором, и у него все равно уже слипались глаза. Если кто и заслужил праздник, так это Соня. Он никогда не видел, чтобы она так

много и целенаправленно работала, как последний год.

Никто из них не говорил этого прямо, но после событий 2010 года их отношения взяли паузу, и они только создавали видимость для детей. По словам психотерапевта Теодора, не было ничего важнее, чем надежность и стабильность.

Они по-прежнему спали в одной спальне, но ни о каком сексе даже речи не было. Несколько раз он делал попытки сблизиться, но Соня так последовательно ему отказывала, что он, в конце концов, решил дожидаться инициативы с ее стороны. С чем она, похоже, не спешила.

Конечно, у него возникала мысль поискать где-то в другом месте, но независимо от того, что произошло между ним и Нивой, это делать не стоило, и меньше всего ему хотелось опять вляпаться. Несмотря на эмоциональную засуху и Сонины постоянные отказы, Фабиан ничуть не сомневался, что по-прежнему очень сильно ее любит. И в каком-то смысле сейчас их отношения были лучше, чем раньше. Они никогда не ссорились и поровну делили между собой ответственность. Помимо этого не было никаких ожиданий или требований.

Фабиан повернулся, вновь пытаясь заснуть. Он не знал, сколько уже лежит, уставившись в потолок и глядя на узкую полоску света, просачивающуюся сквозь тонкие шторы. Обычно он засыпал без всяких проблем. По большей части, едва он гасил лампу, как уже было пора вставать. О чтении нечего было и думать.

Но эта ночь отличалась от остальных. Хотя все его тело пульсировало от усталости, он никак не мог успокоиться. И дело было совсем не в том, что Соня где-то веселится. Причина крылась в другом и называлась *Петер Брисе*. Его странная не-смерть, или что это было, не давала Фабиану покоя. Он не видел ни одного нормального момента во всем ходе событий. От этого в свою очередь у него возникало чувство, что это только начало чего-то большего. Того, к чему они еще даже не приступали.

Выходные наверняка пройдут не так, как он планировал.
Копенгаген подождет.

Фабиан заставил себя выпить еще один глоток горького больничного кофе, оторвал глаза от отчета Хуго Эльвина полуторагодичной давности и посмотрел на большие настенные часы в вестибюле. До десяти, когда к нему должна присоединиться Лилья, еще оставалось какое-то время. Раньше этого они не могли себе позволить явиться без договоренности. Особенно, когда надо побеспокоить самого Косу. Никто не умел так перечить, как он.

К тому же они пришли, чтобы поставить под сомнения его выводы, что еще больше усложняло их миссию. Но ничего не поделаешь. Слишком многое говорило о том, что Коса совершил одну или несколько ошибок, и теперь их задача состояла в том, чтобы точно выяснить какую. Без этого все следствие топталось на месте в бесконечном смятении, когда возможно все и ничего.

Фабиан попытался подавить зевок, но сдался и понял, что усталость берет верх над кофеином. Соня разбудила его в пять утра, когда крадучись вошла в спальню, держа в руках туфли на каблуках, и буквально рухнула в кровать. Фабиан попытался снова уснуть, но запах алкоголя и табачного дыма вместе с мыслями о расследовании не дали ему этого сделать.

Когда проспиртованное дыхание Сони перешло в хрипы и посапывание, он оставил надежду и отправился на утреннюю пробежку по лесу Польшё. Маршрут получился длиннее, чем обычно, и, пробегая по холмистой Ландборгской дорожке с видом на залив, Фабиан вспомнил жену Утеса и ее комментарии о богаче Юхане Халене, который лишил себя жизни. Приняв душ, Фабиан отыскал в архиве отчет Эльвина, а потом поехал в больницу, где стал ждать Лилью за чашкой плохого кофе с сухой венской булочкой.

Согласно отчету, Халена нашли дома мертвым в его гараже в понедельник 13 декабря 2010 г. Мастер, который пришел чинить посудомоечную машину, обнаружил его лежащим в позе эмбриона на заднем сиденье одного из его автомобилей, «Мерседеса С 220». Шланг от пылесоса, прикрепленный серебристым скотчем к выхлопной трубе, подавал выхлопы прямо в салон через опущенное боковое окно.

В это время Фабиан отдыхал в Таиланде с Соней и детьми, но вспомнил, что тогда началось расследование и что Муландер отвечал за осмотр места преступления. Никаких отпечатков пальцев не нашли, кроме

отпечатков самого Халена и еще кого-то на насадке пылесоса. Позже выяснилось, что они принадлежали уборщице. Дальше дело не пошло – следствие было прекращено, поскольку Коса установил, что это самоубийство.

Эльвин придерживался того же мнения, что и Берит, пока они не сбросили его со счетов, но независимо от того, было ли совершено самоубийство или нет, между этими двумя случаями было много общего. И Юхан Хален, и Петер Брисе были состоятельными людьми и не имели семей. Токсикологическая экспертиза выявила высокий процент алкоголя и у Халена; к тому же его тело при обнаружении оказалось замороженным. Тогда это объяснили тем, что гараж не был утеплен, а зима выдалась необычайно холодной со средней температурой гораздо ниже нуля.

Больше из отчета ничего извлечь было нельзя. Зато простой поиск в сетевых новостях выявил кое-что интересное. Например, Хален умер практически в бедности. В последние месяцы жизни он продал весь свой контрольный пакет акций в пароходстве, а также собственные акции и большую часть предметов искусства в доме, в частности знаменитое произведение Герхарда Рихтера «А Б, Кирпичная башня».

Оставалось неясным, куда точно ушли деньги. Что в свою очередь породило небольшую лавину слухов. Согласно одному из них, Юхан проиграл все в казино в Мальмё. Согласно другому – сошел с ума и сжег все свое состояние в камине, а потом кончил жизнь самоубийством.

На одном из довольно сомнительных бульварных сайтов его обвиняли в том, что он назначал много свиданий в сети и периодически избивал и унижал женщин в тайной комнате в подвале своего дома. Иногда с такой жестокостью, что некоторым женщинам потом приходилось обращаться за медицинской помощью. Соответствующий поиск в отношении Петера Брисе, наоборот, ничего не дал. Иными словами, сходство заключалось не в этом.

– Ой, похоже, вчерашний вечер затянулся.

Меньше всего Фабиан хотел вдаваться в объяснения, как у них с Соней обстоят дела. Он заставил себя допить кофе, закрыл отчет и быстро встал.

– Пойдем?

Лилья кивнула.

– А тебе удалось с ним связаться и сказать, что мы идем к нему?

– Если ты о Косе, то я даже не пытался, – ответил Фабиан, пока они шли по вестибюлю. – Зачем давать ему шанс отказаться? – Дойдя до стойки информации, он обратился к женщине в наушниках с микрофоном: – Привет, Фабиан Риск и Ирен Лилья. Мы хотели бы встретиться с Эйнармом

Грейде из отдела судмедэкспертизы.

Женщина кивнула и стала звонить по внутреннему телефону.

– Кстати, вот фото, которые я получила от Ильвы Фриден.

Лилья достала из конверта несколько фотографий и показала их Фабиану. На первой исчезнувший сожитель Пер Кранс позировал, лежа в кровати на животе: на губах улыбка, на теле ни единого лоскутка. На второй – лежал на спине, прикрывая член игрушечным мишкой, а на последней мишки уже не было.

– Что ты об этом думаешь? – Лилья приложила палец к татуировке на левом плече Кранса. – Это не может помочь нам с установлением личности?

Фабиан внимательно посмотрел на татуировку, которая занимала большую часть плеча и была так детально прорисована, что казалось, будто кто-то опрокинул банку с сине-серой краской.

– Они сейчас здесь, – сказала женщина за стойкой. – Нет, я не говорила, что у вас есть время, но насколько я могу судить по вашему календарю, не должно быть никаких проблем...

Хотя женщина была в наушниках, Фабиан и Лилья услышали, как Коса оборвал ее и прочел целую лекцию о том, что она должна плевать на его календарь.

– Ну? Что такого важного случилось, что пришлось посылать сюда столичного жителя? – спросил Коса и впустил Фабиана и Лилью в подземный коридор, не подав им руки.

– И кто, по-твоему, меня сюда послал? – отозвался Фабиан и заметил похожую на плетку серую косицу, доходившую патологоанатому до спины. Значит, у Грейде не было сомнений в том, что Петер Брисе только первая жертва убийства в целом ряду.

– Вы же знаете, что я прав, – сказал Коса, быстро идя по коридору. – Те факты, которые я вам сообщаю, всегда соответствуют действительности, но вы не можете не прийти, не помешать и не поставить все под сомнение, чтобы обосновать ваши жалкие версии.

– Не знаю, насколько они жалкие. – Фабиан почувствовал, как завибрировал мобильный. – Зато есть много...

– Поверь мне, – прервал его Коса. – Иначе Тувессон никогда бы не прислала тебя. Ирен, ты уж извини, но никто, кроме Риска, не осмелится прижать меня к стенке. Давайте не будем толочь воду в ступе. Утро все равно испорчено. – Он развел руками.

Фабиан достал мобильный, увидел, что это Утес, и отклонил вызов.

– По крайней мере, это говорит о ее серьезном отношении к делу, – продолжил Коса. – И кто знает, может, она даже на время откажется от бутылки. Ну? – Он повернулся к ним, набрал код и открыл дверь в морг. – Пора приступить к делу. Что вы хотите?

– Мы не до конца уверены в том, что Петер Брисе действительно мертв. Многие говорят об обратном, – сказал Фабиан, входя в прохладное помещение.

Коса рассмеялся с таким видом, словно никогда не слышал ничего глупее.

– А чей это тогда труп, позволю спросить? Деда Мороза?

– Пера Кранса, – наконец нарушила молчание Лилья. – Он работал финансовым директором на «Ка-Чинге» и исчез в понедельник, когда якобы поехал домой к Брисе, чтобы попытаться уладить конфликт между ними.

– Да. Этот пазл, похоже, прекрасно складывается, почти как в фильме. Тут сомнений нет. – Коса закрыл за ними дверь. – К сожалению, должен сообщить, что вы ошибаетесь. Брисе так же мертв, как старая трехногая такса моей бабушки.

– И ты в этом полностью уверен? – спросила Лилья, чтобы подчеркнуть, что не только Фабиан способен высказывать несогласие.

– Ладно. Если бы за осмотр отвечал Грувессон... Но теперь за осмотр отвечаю я. И если я говорю, что он мертв, он мертв.

– К сожалению, этого недостаточно, – отозвался Фабиан. В этот момент опять оживился мобильный, и на экране показался улыбающийся Утес.

– Вы знаете, сколько лет я работаю патологоанатомом? Нет? У вас есть хоть малейшее представление?

– Наверняка страшно давно, – ответил Фабиан, вновь отклонив звонок Утеса. – Но, тем не менее, нам нужны конкретные доказательства. И насколько мне известно, ты еще не получил результаты анализа ДНК.

Коса открыл дверь морозильной камеры и с такой силой вытащил контейнер, что тело жертвы затряслось, словно в последней предсмертной судороге.

– Во-первых, у него нет ни одной татуировки, что уже само по себе редкость.

Лилья обменялась взглядом с Фабианом и кивнула.

– Во-вторых, – продолжил Коса, выделяя каждое слово, словно подчеркивал слова на бумаге. – Согласно истории болезни, ему оперировали паховую грыжу с правой стороны и вправляли мениски в обоих коленях. Это действительно так. В-третьих, если господа все еще

сомневаются, он был голубым.

– Ты и это можешь видеть?

– Нет. Но зато я констатировал сильный ректальный пролапс на его внешней круговой мышце, что может быть вызвано только слишком глубоким анальным проникновением.

– Но это же не...

– В-четвертых, – перебил Коса, – я только что получил результат анализа зубной формулы.

Фабиан кивнул. Коса был прав: это не кто иной, как Брисе. И карточный домик снова рассыпался.

– А насколько ты уверен, что его заморозили больше двух месяцев тому назад?

Коса вздохнул.

– Если честно. За кого ты меня принимаешь? Ты действительно считаешь, что я бы говорил о двух месяцах, если бы хоть немного сомневался? Разрыв клеток, который происходит, когда тело набухает от воды, выглядит по-разному в зависимости от двух факторов: температуры и времени. Чем выше температура, тем быстрее разлагается тело. С наибольшей вероятностью была использована обычная морозильная камера с температурой минус восемнадцать градусов. Результат: два месяца плюс-минус неделя.

– Тогда почему, согласно разным источникам, он был в живых не далее, как несколько дней назад? – спросила Лилья. Тем временем Фабиан получил смс.

Коса развел руками.

– Поправьте меня, если я ошибаюсь. Но разве это не ваша работа? – сказал он и улыбнулся. – Ну что, мы закончили?

Возможно, нашел подходящее объяснение. Лучше всего будет, если вы придете сюда прямо сейчас. Утес.

Внутри воздух оказался не таким отвратительным и пропахшим мочой, как ожидала Дуня, а скорее напоминал атмосферу в одном из винтажных магазинов Копенгагена с плохой вентиляцией. Густой, насыщенный, влажный и затхлый. За последние месяцы как полицейский по охране порядка она побывала во многих ночлежках по всей Северной Зеландии. Но в «Стуббене» на улице Стуббедамсвей, дом 10, к югу от Хельсингёра она была впервые.

На доске в коридоре висело объявление: в помещении одиннадцать комнат, стоимость – примерно 2 500 крон в месяц. Каждый будний день можно позавтракать и поест горячую пищу, 15 крон порция. В пятницу можно принять душ и при необходимости подстричься за 20 крон.

Двери в комнату ожидания не было, и Дуня увидела, что все стулья вдоль стен заняты бездомными. Одни сидели и разговаривали друг с другом или сами с собой, а остальные игнорировали объявление о том, что в зале не положено спать. Но здесь не было ни женщины, которая захватила их с Магнусом табельное оружие, ни кого-либо еще из закрытого винного магазина на улице Стенгаде.

Дуня взглянула на часы – без двадцати час. Значит, она отсутствует почти пять минут, и у нее в запасе есть еще как минимум двадцать, прежде чем Магнус забеспокоится. Поскольку он, возможно, будет против, она не сказала ему, что задумала, и не собирается этого делать, пока все толком не выяснит.

Магнус остался в пиццерии на перекрестке этой же улицы и улицы Конгевейен. Там он ел немыслимый обед собственного сочинения, который сам окрестил «Кватро Магнус»: кебаб, цыпленок, говядина с беарнским соусом, а также креветки и мидии. Сама Дуня назвала бы такое «Ударим по *Pizza-Hut*» и довольствовалась салатом с помидорами и моцареллой.

Дуня соврала, что ей надо размять ноги и немного побыть одной, и Магнус по-настоящему расстроился. Ей пришлось заверить коллегу, что никакой обиды или раздражения здесь нет и что дело совсем не в нем, а также дать ему половинчатое обещание пойти с ним на ужин.

Прежде чем войти в комнату ожидания, она положила в рот солено-сладкий лакричный леденец и облизала губы. Стоило посетителям увидеть ее форму, как все напряглись. Дуня решила взять быка за рога, пользуясь тем, что для всех это явилось неожиданностью.

– Меня зовут Дуня Хоугор, и, как видите, я из полиции Хельсингёра. – Она медленно повернулась, пытаясь заглянуть каждому в глаза. – Но сейчас речь не обо мне, а о вашей приятельнице, которая вчера до смерти напугала прохожих на улице Стенгаде. – Дуня наблюдала за их реакцией, пытаясь увидеть, выделяется ли кто-нибудь. – Может быть, некоторые из вас даже знают, откуда вся эта кровь?

Ответом ей было молчание и опущенные взгляды. Ей придется нелегко. Особенно из-за этой проклятой формы, которая в их глазах сулит вмешательство властей и неприятности.

– Я здесь не потому, что вас в чем-то подозревают. – Дуня снова сделала попытку посмотреть бездомным в глаза. – Я пришла сюда только для того, чтобы выяснить, кто из вас видел или слышал то, что может помочь расследованию. Например, как ее зовут и где она находится. – Она развернула фото окровавленной женщины, взятое из ролика на Ютубе, и показала его каждому.

По-прежнему никакой реакции, кроме замкнутого выражения лиц, опущенных глаз и полной тишины. К счастью, это было не единственным.

На самом деле, отреагировали многие, и по-разному, но все подсознательно явно пытались скрыть свою реакцию. Маленькие, едва заметные проявления, ничего не значащие для нетренированного взгляда, но говорившие Дуне именно то, что она хотела узнать.

Например, такая простая вещь, как изменение положения тесно составленных ног в большинстве случаев свидетельствует о том, что человек готовится сбежать. Еще один способ выявить, скрывает ли кто-то правду, – наблюдать за уровнем стресса, который почти всегда повышается и приводит к учащению пульса, что в свою очередь ведет к нехватке кислорода и изменению дыхательного ритма.

Именно последнее Дуня четко заметила у мужчины-блондина слева в самой глубине комнаты. Ей было достаточно. Теперь надо только заставить его заговорить.

Теодор сидел на спинке скамейки с зажженной сигаретой в зубах и искал в мобильном песню *Doolittle* группы *Pixies*. Ирония состояла в том, что раньше его отец с пеной у рта доказывал, что есть группы гораздо лучше, чем, например, Мэрилин Мэнсон. И старик на самом деле оказался прав.

Парень сделал затяжку и оглядел школьный двор, полный ботаников. Сегодня днем папаша тоже явно не собирается ему звонить. Конечно, эти звонки – полная бессмыслица и сплошное притворство, ведь он только делает вид, что все супер и в полном гребаном порядке. Но сейчас, когда отец не звонил, Теодору, как ни странно, этого не хватало.

К счастью, он мог смотреть на Александру. Она бегала по баскетбольной площадке и закидывала в корзину один мяч за другим. На ней была зеленая кепка клуба «Бостон Селтикс». Теодор не любил кепки – они напоминали ему детские шапочки. Маленькие говнюки с застывшими соплями под носом. Хотя Александре кепка очень даже шла. Какие бы заношенные шмотки она ни надевала, на ней все смотрелось потрясающе.

Словно услышав его мысли по прямому проводу, она с улыбкой повернулась к Теодору и остановила на нем взгляд, чтобы убедиться, что он смотрит, когда она кидает с самого дальнего расстояния, и мяч попадает в сетку. Ему захотелось побежать туда и попробовать самому, но он знал, что опозорится и промахнется. К тому же отец еще может позвонить.

Эти чертовы уроды. Понятно, что они должны крутиться вокруг нее. Рилле, Калле и Йонте, или как их там. Теодор был уверен, что Александра чувствует то же самое. Все ее жесты красноречиво говорили о том, что она презирает этих ребят. Однако она подавала им мяч и позволяла принимать участие, такая классная. Она вела, обводила вокруг пальца одного за другим, подпрыгивала и закидывала мяч в корзину, словно законы гравитации на нее не распространялись. Она была настолько лучше их, что просто сидеть и смотреть на нее доставляло огромное удовольствие.

Внезапно один из ботаников сорвал с нее кепку и бросил дальше другому. Теодор молниеносно соскочил со скамьи и бросился через школьный двор. Он даже не успел принять какое-либо решения. Разум словно поставили на паузу, и всем заправлял инстинкт. Пульс, похоже, взял верх над временем и вытолкнул Теодора на баскетбольную площадку так быстро, что он не успел отреагировать.

Последние два года он только и делал, что вел себя спокойно.

Достаточно крепко схватить блондина за капюшон.

Каждый раз ему удавалось побороть желание и не позволять колкостям сорваться с губ.

После этого сильный рывок.

Никогда не доходило до угрозы.

Вместе с хорошо направленным ударом в икры.

Никогда даже не сжимал кулаков.

После чего этот идиот потерял равновесие и упал навзничь.

Удар по лицу. Он уже представил себе, как костяшки пальцев попадают в челюсть, и третий удар кончается вывихом. Как при виде крови из сломанного носа начинает пульсировать его собственная кровь, требуя еще адреналина. Но тут прозвенел звонок – перемена закончилась. Теодор очнулся, остановил себя и довольствовался сжатым кулаком и угрозой. После чего поднял кепку с асфальта, встал и повернулся к Александре.

Она взяла кепку, надела на голову и подарила ему улыбку, которая искупала все.

Все ее наличные и пакет с лакричными леденцами. Столько пришлось заплатить Дуне, чтобы заставить блондина рассказать, где можно найти окровавленную женщину – на заброшенном заднем дворе за велосипедным магазином на той же улице недалеко от ночлежки. К счастью, у нее с собой было только восемьдесят шесть крон. Хуже обстояло дело с солеными лакричными леденцами, на которые она под села после первого посещения Швеции. Она отдала мужчине свой последний пакетик, и теперь за леденцами придется ехать на другую сторону пролива.

По иронии судьбы задний двор находился напротив пиццерии, где пировал Магнус. Если бы он оторвал глаза от своей несуразной пиццы и посмотрел в окно, то увидел бы, как Дуня пробирается по узкому темному проходу между стеной дома и гаражом с написанной от руки табличкой «парковка запрещена», которую водители полностью игнорировали.

Она не знала, что задний двор был прибежищем для бездомных. Но учитывая, что тот находится к югу от центра города, а окровавленная женщина шла на север по улице Стенгаде, не исключена вероятность, что она вышла именно из этого двора.

Хотя Дуня еще не заходила вовнутрь и дошла только до половины тесного прохода, воздух уже загустел и пах смесью влажной шерсти и общественного писсуара. Она остановилась, достала пистолет, сняла его с предохранителя и, держа перед собой обеими руками, пошла дальше.

Сам по себе двор был темным и запущенным. Здесь и там стояли магазинные тележки. Некоторые – с одеждой, объедками и прочим мусором – были перевернуты. Под рифленой пластмассовой крышей, вообще-то предназначенной для защиты велосипедов от дождя, лежали груды старых грязных матрасов, спальных мешков и одеял. Все это хаотичное нагромождение пахло мочой.

Но никаких бездомных здесь не наблюдалось – по какой-то причине они бросили все свои пожитки. Даже мешки для мусора со стеклянной тарой, которую наверняка собирали неделями. Может быть, им ничего не оставалось, кроме как сбежать. Но в таком случае почему?

И тут Дуня увидела.

Ботинок.

Сначала она подумала, что его просто забыли, как прочий хлам. Но приглядевшись, увидела, что ботинок надет на ногу, торчащую из-под слоя

одеял. Ясно, что женщина говорила именно об этом человеке. Некий Йенс, который никогда никому не причинил зла. И смех остальных – их было слишком много, и она не осмелилась вмешаться.

Дуня подошла к стоптанному левому ботинку – большому, как минимум сорок пятого размера, может быть, больше – и осторожно приподняла одеяла. Рядом лежал правый ботинок и обе брючины, которые закрывали груды грязных покрывал. Она несколько раз слегка пнула ботинки ногой, но никакой реакции не последовало. Тогда она отбросила два последних одеяла, и обнажились брючины, которые сверху были темнее, чем снизу. Сначала она решила, что это моча, но потом поняла.

Честно говоря, она не знала, что ожидала увидеть. К сожалению, в том, что бомж навсегда закрыл глаза на матрасе под несколькими одеялами, не было ничего необычного. Особенно зимой. Но сейчас не зима. К тому же этот мужчина не просто закрыл глаза. Он истек кровью.

Дуня уже поняла, что имеет дело с убийством, но не от этого у нее перехватило дыхание. И не от широко раскрытых глаз, и не от метрового пятна засохшей крови на матрасе под телом.

Нет, ее взгляд остановился на грудной клетке, которая была так неестественно глубоко вдавлена, что все ребра наверняка были сломаны. Она отвела взгляд, но у нее перед глазами стояло, как асфальтовый каток медленно едет вперед-назад по беззащитному телу.

Пора просыпаться, подумал Фабиан, сворачивая на парковку рядом со зданием полиции в поисках свободного места. Они с Лильей собирались поехать в Лунд, чтобы встретиться с генеральным директором «Ка-Чинга». Но после зашифрованного сообщения Утеса о том, что они с Эльвином якобы нашли объяснение, они поехали обратно в участок на экстренное совещание.

Позвонила Соня, и только с помощью силы воли Фабиану удалось противостоять инстинкту, который приказывал ему притвориться недоступным и не отвечать на ее звонок.

– Фабиан Риск слушает.

– Алло, ты же видишь, что это я, – со смехом сказала Соня.

– Э... я сижу в машине, – сказал он, сразу же пожалев, что не послушался инстинкта. – Выходит, ты проснулась.

– Да, вчера все немного затянулось.

Ему хотелось спросить, что она делала и с кем праздновала. Но что-то подсказывало ему, что лучше не трогать эту тему.

– Надеюсь, тебе было хорошо.

– Лучше не бывает. Не помню, когда я последний раз так много смеялась.

– Хорошо. Сейчас я еду на важное совещание. Поговорим подробнее сегодня вечером.

– Отчасти поэтому я и звоню. Ты помнишь этого коллекционера из Арильда Алекса Уайта?

Фабиан ничего не ответил, хотя слишком хорошо знал, кто такой этот Алекс Уайт. Одно только имя вызывало у него раздражение.

– Ты знаешь, о ком я говорю. Я вас вчера познакомила. В общем, он предоставил мне полную свободу в его доме.

– Чтобы делать что? – Фабиан сразу же пожалел, что заговорил таким тоном. Но было уже поздно.

– Что угодно. В этом весь смысл. Он обещал купить одну из моих работ. Потрясающе, правда?

– Конечно, поздравляю, – отозвался он, проходя мимо рецепциониста Флориана Крусе (идеальный пробор, глаза устремлены в монитор). – Ты знаешь, что будешь делать?

– Нет, понятия не имею. Но сейчас собираюсь поехать туда и

посмотреть. Сегодня вечером он хочет провести презентацию, так что пожелай мне что-нибудь придумать.

– Иными словами, сегодня вечером ты не придешь к ужину? – спросил Фабиан слишком недовольным тоном. Но у него больше не было сил притворяться. Он был действительно недоволен.

– Приду, но не успею ничего приготовить. Так что придется тебе. А сейчас мне пора. Созвонимся позже. Чао-какао.

Поднимаясь наверх на лифте, Фабиан слышал, как последние слова жены отдаются в нем эхом, словно у него внутри было совершенно пусто.

– Хорошо, тогда начнем. – Утес стоял в торце стола, ожидая, когда можно открыть совещание. Рядом сидел Эльвин на своем специально сконструированном стуле. Оба упрямо отказывались говорить, к чему они пришли, пока вся команда не соберется за столом.

– Все налили себе кофе и взяли по булочке? – продолжил Утес и кивнул на поднос, доверху наполненный свежими булочками с корицей и фисташками.

Фабиан быстро пробежался глазами по настенным доскам, но не увидел ни новых фото, ни каких-либо сенсационных записей, которые могли бы расставить все по местам. Возможно, сделанные коллегами находки лежали в старой потертой папке на столе перед Эльвином.

– Как вы все знаете, мы с Хуго собирали сведения о господине Брисе, и хотя до завершения работы еще далеко, у нас есть версия, как все взаимосвязано.

– Тогда давайте рассказывайте, а то скоро выходные, – сказал Муландер.

– Ты все узнаешь и останешься более чем доволен. Но всему свое время. – Эльвин посмотрел на Муландера без всякого намека на улыбку.

– Хорошо, – отозвался Муландер, ответив таким же взглядом.

– Как вы знаете, мы уже поняли, что Брисе был богат, – продолжил Утес, не обращая никакого внимания на небольшую стычку между коллегами. – И когда Ирен рассказала о разногласиях между Брисе и финансовым директором «Ка-Чинга», мы подумали, что это ответ на наш вопрос. Что мотив преступления – деньги. Ни больше, ни меньше. – Он подошел к одной из досок и обвел символ доллара рядом с фотопортретом Брисе. – И мы начали с того, что связались с его банком, а именно с Торговым банком на улице Гасверксгатан в южной части города. Главным образом с целью получить общее представление о его материальном положении и о том, не было ли за последнее время каких-либо странных операций с его счетами. Сегодня утром Хуго съездил в банк и встретился с

его персональным банковским менеджером Рикардом Янссоном. Оказалось, что он стал персональным менеджером Брисе только семь недель назад. Не знаю, что считают все остальные, но меня слегка удивляет тот факт, что через неделю после предполагаемой даты смерти убитый перевел все свои счета и управление фирмой из крупного отделения на Большой площади, которое к тому же находится ближе к его дому, в меньшее отделение в южной части города.

– А у этого Рикарда Янссона нет никакого подходящего объяснения? – спросила Тувессон.

– Его единственное объяснение заключается в том, что он привык работать с крупными счетами, поскольку его клиентами являются и *Scandlines*, и *Zoegas*, – ответил Эльвин.

– Но он хотя бы успел встретиться с Брисе? – спросила Лилья. – Если тот уже два месяца как мертв.

Эльвин кивнул.

– Несколько раз, по его словам. Последний раз в прошлую среду, а именно 2 мая в 14:30.

Сначала риелтор, теперь персональный банковский менеджер. Фабиан не знал, что и думать. Оба утверждали, что встречались с Брисе, хотя на самом деле тот был мертв.

– Если еще кто-то считает, что Коса ошибся, могу сказать, что больше нет никакого сомнения в том, что жертва – Петер Брисе, – заключила Лилья, ища одобрения у Фабиана, который кивнул.

– Он может что-нибудь добавить относительно времени заморозки? – спросила Тувессон.

– Не более того, на чем он настаивает.

– Совершенно неважно, до какой степени Коса неправ, – заметил Муландер. – Он скорее умрет, чем признает свою ошибку.

– Но сейчас мы собрались не для того, чтобы обсуждать Косу. – Эльвин встретился взглядом с остальными, желая подчеркнуть значительность своих слов. – И я думаю, что этот хиппи прав. Смотрите сами. – Он включил проектор; на стене появились кадры, снятые камерой наблюдения в банке. – Эти кадры сделаны в отделении Торгового банка в южной части города непосредственно перед их последней встречей 2 мая. Здесь вы видите, как Брисе входит.

Мужчина с гладко выбритой головой, в очках в роговой оправе и свободном пиджаке, надетом на футболку, проходит через вестибюль в помещение банка и оглядывается.

– Но это же точно он! – воскликнула Тувессон. – Значит, я ничего не

понимаю. А вы? – Она посмотрела на остальных. – Ты действительно уверен в том, что это снято на прошлой неделе?

– Достаточно только посмотреть на время в углу экрана. – Муландер показал лазерной ручкой.

Тувессон права, подумал Фабиан. Конечно, кадры были сделаны сбоку и сверху, и если бы Коса не был на сто процентов уверен в своей правоте, не было бы никакого сомнения в том, что в банк вошел Петер Брисе.

– А вот Рикард Янссон, – продолжил Эльвин, когда возле с обритым человеком появился крупный мужчина в слишком тесной рубашке. – А теперь смотрите дальше.

На потолке появились кадры, сделанные под другим углом камерой, которая находилась ниже и показывала двух мужчин сбоку и спереди. Эльвин поставил на паузу кадр, запечатлевший лицо мужчины, и в тот же момент Фабиану и его коллегам стало ясно, что у Утеса и Эльвина достаточно оснований, чтобы поднять большой палец.

Мужчина, который жал руку своему новому менеджеру в банке, действительно напоминал Петера Брисе, но это был не он, а кто-то другой – человек, который, по-видимому, не только убил Брисе, но и присвоил себе его жизнь.

Крис Даун целую ночь не сомкнул глаз и теперь расплачивался за это не проходящей головной болью. Конечно, он не собирался спать по ночам. Нет, теперь, когда наконец весь дом был в его распоряжении, он мог вернуться к своему старому режиму: спать днем, а ночью работать в студии. Ему нравилось, что все в мире спят, а он один на всей планете бодрствует. Ночью он ощущал прилив творческих сил, и, по правде говоря, все его композиции, занявшие первые номера в списке рекордов *Billboard*, были созданы в самое темное время суток.

Но последняя ночь или все последние сутки было не чем иным, как одним большим фиаско. Он испробовал все. Но что бы он ни делал, ему никак не давался ритм. Аккорды и мелодии казались жалким повторением его предыдущих композиций. Словно эта проклятая птица унесла на своих крыльях всю его творческую энергию.

В два часа Крис сдался и лег спать, но сон не шел. Происшествие в гараже не давало ему уснуть. Одна его половина говорила о том, что птица всего лишь проникла через открытую дверь в постирочную, а другая напоминала о том, что он никогда не забывал закрывать за собой дверь.

Он хотел было заявить в полицию, но решил, что вероятнее всего это не более, чем галлюцинации. И, тем не менее, не смог удержаться и стал методически осматривать весь дом. Все выглядело точно так, как обычно. Каждый предмет лежал на своем месте. И вновь обретя спокойствие, Крис с удовольствием съел хороший завтрак, прежде чем идти в студию.

К сожалению, довольно скоро он перешел к экрану наблюдения и стал систематически просматривать кадры, снятые разными камерами. Первые часы это было хуже никотиновой зависимости. Его все время тянуло к экрану, где он проверял, нет ли в доме посторонних. Но после обеда, как следует прогулявшись по полям, он ограничил себя и подходил к монитору максимум раз в три часа. Это помогло ему сосредоточиться на музыке и даже написать нечто по-настоящему перспективное.

Сейчас до следующей проверки оставалось только две минуты. Две минуты, когда он все равно ничего не мог делать, кроме как ждать. Поэтому он встал, перешел в другую часть студии и включил монитор, который сразу же начал показывать кадры, которые он запрограммировал. Сначала офис, где за афишей в рамке его старой метал-группы *Crazy Motherfuckers* находился встроенный в стену сейф. Потом показались постирочная и

гараж, а затем камера вывела его из дома к воротам у длинной аллеи.

По какой-то причине ворота были открыты.

Это было странно, и Криса сразу же окатила волна холодного пота, а сердце заколотилось так, словно хотело вырваться из груди. Дрожащими руками он взял пульт, выключил ролик и пошел обратно к камере у входа. Но не успел, поскольку система переключилась на следующую наружную камеру и показала подъехавший грузовик, который остановился на покрытой гравием дорожке на полпути к дому.

– Какого черта, – услышал он собственный голос, остановив кадр и увеличив грузовик, на котором как раз опускалась погрузочная платформа.

– Нет, что за дьявольщина, – прошипел он и вышел из студии.

Кто бы ни вторгся на его территорию, он им покажет. Он сдал охотничий экзамен и, если понадобится, без малейших колебаний сделает предупредительный выстрел. Но сначала позвонит в полицию.

Выйдя из студии, Крис достал свой мобильный, разблокировал его и набрал номер экстренной службы 112, но не дозвонился. Сделав еще одну попытку, понял, что нет гудка. А ведь он даже сменил оператора, чтобы улучшить связь. Он поднял телефон как можно выше, но, не добившись никакого результата, подошел к панорамному окну в гостиной, где телефон всегда хорошо ловил.

Сигнал дверного звонка он выбирал по меньшей мере так же тщательно, как оборудовал студию. По мнению Жанетты, он переусердствовал и его фанатизм носил болезненный характер. Она не могла понять, зачем тратить так много энергии на какое-то звяканье. Но дело было именно в этом. Все мелодии, которые он испробовал, действовали ему на нервы, а значит, что стоило кому-то прийти и позвонить в дверь, как у него сразу же портилось настроение.

В конечном итоге он подключил дверной звонок к сэмплеру, который, в свою очередь, соединил с домашней системой хай-фай со скрытыми усилителями в каждой комнате. Таким образом Крис мог создать персональный звук для дверного звонка. Сейчас это был спокойный и гармоничный плеск волн, который он записал на побережье к северу от Роо. Но теперь в звучании спокойных волн слышалось что-то предательское.

В его дверь звонили. Кто осмелился заехать на грузовике на его территорию и к тому же иметь наглость позвонить ему в дверь? На смену страху пришла злость. Он ни за что не позволит этой сволочи продолжать отвлекать его внимание. Это его выходные.

По пути в холл Крис испытывал такую злобу, будто ждал в длинной

очереди и попал к какому-то некомпетентному идиоту, который ни хрена не знает о том, что такое поддержка клиентов. И когда он все же отпер входную дверь и открыл ее, собирался так сильно отругать посетителя, что кому угодно стало бы стыдно.

Но, увидев мужчину в кепке и синем комбинезоне, опешил.

– Примите заказ, – мужчина хлопнул одной рукой по запечатанному шкафу, стоявшему вертикально рядом с ним на тележке.

– Извините, а что это? – Крис переводил взгляд со шкафа на мужчину, у которого, как он сейчас заметил, не было бровей.

– Морозильник. Вы же заказали морозильник. Извините за небольшую задержку, но...

– Я не заказывал никакой чертовой морозильник, – сказал Крис и покачал головой. – Забирайте свой проклятый морозильник и...

– Простите, но вы же Крис Даун? – перебил его мужчина и посмотрел на накладную, скотчем прикрепленную к упаковке. – Или, точнее, Ханс Кристиан Свенссон.

– Да... Но...

– Как хорошо! Значит, мы прояснили это маленькое недоразумение. – Мужчина просиял, взял тележку за обе ручки и стал вкатывать ее в холл.

– Эй! Подождите! Я не заказывал никакого морозильника! – закричал Крис вслед мужчине, который уже протиснулся мимо него и вошел в дом. – Подождите, я сказал!

Мужчина остановился только тогда, когда дошел до открытой кухонной зоны, где опустил тележку и осторожно сгрузил морозильник с верхней загрузкой на натертый деревянный пол.

– Эй, вы что, плохо слышите? – Крис поспешил за мужчиной. – Не нужен мне никакой морозильник! – Он почувствовал, что наконец пришел в себя. – Предлагаю вам взять это дерьмо и чесать отсюда, пока я по-настоящему не рассердился.

Мужчина без бровей не обратил на него никакого внимания, раскрыл нож Стэнли и начал срезать упаковку.

– Уберите эту махину из моего дома! Немедленно! – Мужчина, который уже снял упаковку со всей морозилки и собирался открывать крышку, по-прежнему никак не реагировал. – Ладно. Но тогда пеняйте на себя. – Теперь, черт возьми, он спустится в подвал и возьмет одно из своих ружей. Он уже представил себе удивленное лицо этого идиота, когда он приставит дуло к его морде.

– Залезайте. – Мужчина кивнул на открытую морозилку.

– Что это значит? – Крис не знал, смеяться ему или плакать. – Это что,

неудачная шутка?

– К сожалению, будет не до веселья. Вот так. А теперь залезайте. Времени у меня в обрез, – коротко сказал мужчина и посмотрел на свои наручные часы.

– Даже не подумая. Лезьте сам, если считаете, что это так здорово. – Он повернулся спиной к мужчине и двинулся в сторону лестницы в подвал, но тут сзади послышался щелчок. Крис сразу же понял, что это, но не мог поверить, пока не обернулся и не увидел пистолет с глушителем, нацеленный на него. – О'кей, о'кей... а теперь спокойно.

– Я же сказал, что спешу. – Мужчина махнул пистолетом в сторону морозильника.

Крис понял, что у него нет выбора, и поднял руки, подходя к морозилке и залезая внутрь. Мужчина подошел к нему, ощупал его карманы, отобрал мобильный и коробочку со снюсом.

– Садитесь.

– О'кей, спокойно. – Крис сел. – Вот так. Хорошо? Но вы же не собираетесь...

Внутренняя сторона крышки ударила его по голове с такой силой, словно он получил хлыстовую травму. Дверь заперли на ключ, ключ вынули из замка. Что, черт возьми, происходит? Несмотря на боль в затылке, он попытался приподнять крышку, но ничего не получилось.

Его заперли в морозилке на кухне в собственном доме. Кто-то над ним издевается. Может быть, это тот самый мальчишник, который так и не состоялся. Кое-кто из его друзей действительно обещал ему объявиться, когда он меньше всего будет это ждать. Но с тех пор прошло несколько лет. Но мужчина вооружен. Или это только муляж?

Слабый звук загудевшего компрессора, за которым последовало характерное тиканье охлаждающего элемента, опроверг все надежды на запоздалый мальчишник. Крис сделал несколько глубоких вдохов, чтобы не впасть в панику. Ему никак нельзя этого делать. В ту самую секунду, как он поддастся панике, ему конец.

Нет, так просто он не собирается сдаваться. Теперь надо думать позитивно. Видеть решение, а не проблему. Первое, что надо сделать, – выбраться из ящика. Как, он не знал, но надо выбраться. Дальше спуститься в подвал, где стоит шкаф с оружием, и поскольку мобильный по какой-то причине не работает, ничего не остается, как полномасштабная война.

Крис на несколько секунд задержал дыхание, чтобы услышать, по-прежнему ли мужчина находится поблизости, но разобрал только гудение

компрессора. Иными словами, оснований ждать не было.

Он максимально выдвинул вперед нижнюю часть туловища и стал откидываться назад, пока не лег на спину, упершись ногами во внутреннюю сторону крышки. Затем убрал с лица волосы, собрался и изо всех сил нажал. Но крышка не поддавалась. Он сделал новую попытку и почувствовал, как на лбу у него выступает пот. Никакой полоски света вдоль краев он не увидел. Даже когда приготовился и пнул со всей силой. Крышку как приварили. Черт, черт, черт...

Меньше всего ему хотелось сдаваться. Но хотя он лежал здесь самое большее четверть часа, он ничего не мог сделать и отчасти понял, что в любую минуту даст волю панике.

Чао-какао.

Немного размяв ноги, Фабиан вернулся в совещательную комнату. С появлением версии о двойнике, который забрал жизнь у своей жертвы, они стали бурно обсуждать, что делать дальше. И, тем не менее, его мысли занимали последние слова, сказанные Соней.

Значит, теперь они так заканчивают свои разговоры. *Чао-какао*. У них нет секса, ладно. Это он мог и понять, и принять, пусть даже неохотно. Пусть в данный момент их отношения холоднее некуда и они просто притворяются перед детьми. Но *чао-какао* означает только одно: шаг к краю пропасти. Это само доказательство того, что Соня уже прыгнула.

Жена больше не считает его мужчиной, равноправным партнером и человеком, с которым надо считаться. Он превратился в чемодан без ручки, который она вынуждена тащить с собой, как бы он ей ни мешал. В бесполое нечто, которое максимум заслуживает похлопывания по голове перед тем, как она убегает дальше по своим делам. *Чао-какао*. Она сдалась, выпустила последнюю соломинку, и теперь поздно.

– ...хищение персональных данных становится все более серьезной проблемой, – опять говорил Эльвин, и Фабиан понятия не имел, сколько он пропустил.

– По прогнозам всего лишь через несколько лет такие преступления станут даже более распространенными, чем кража велосипедов. И если никто не оставит свой велосипед незапертым, большинство из нас, прямо скажем, беззащитны, когда речь идет об обнаружении наших персональных данных.

– Это действительно так распространено? – спросила Лилья.

Эльвин кивнул.

– Хищение персональных данных происходит каждые пять минут, и это только здесь, в Швеции. В большинстве случаев это чистое мошенничество со счетами и карточками – кто-то узнает номер карточки и старается сделать как можно больше покупок, пока карточку не заблокируют. К сожалению, украсть персональные данные не намного труднее, и тогда можно опустошить банковские счета их владельца и взять массу займов, – продолжил Эльвин.

Фабиан наконец начал понимать, о чем говорит коллега.

– Вот как это происходит. – Утес подошел к одной из досок во всю

стену и взял маркер. – Для начала мошенник просит временно изменить адрес своей жертвы, которая, разумеется, ни о чем не подозревает. – Он нарисовал нечто, одновременно напоминающее дом и почтовый ящик со стрелками в разных направлениях. – Следующий шаг – подать заявление о потере водительского удостоверения жертвы. Документы на получение новых водительских прав посылаются на новый адрес, и жертва по-прежнему понятия не имеет о том, что происходит. – Рассказывая, Утес все время добавлял новые стрелочки и символы, причем некоторые обводил в кружочки, а другие зачеркивал. – Остается только заполнить все анкеты, приложить свое фото и расписаться. Через пять рабочих дней на новый адрес приходит почтовое авизо, с помощью которого мошенник получает совершенно новые и абсолютно подлинные водительские права со своей собственной фотографией, но с именем жертвы и номером ее удостоверения. Понятно? – Утес выглядел по-настоящему довольным, когда закончил и отложил маркер.

– Полностью. Кроме всех черточек и стрелочек. Я в этом ничего не понимаю. – Муландер показал на клубок линий на доске.

– И никто не понимает, – сказала Лилья, скрестив руки. – Но мне все равно интересно, правда ли это. Неужели все действительно так просто?

– К сожалению, – ответил Эльвин. – Если позаботиться о том, чтобы жертва получала почту на свой обычный адрес, у нее нет ни единого шанса понять, что происходит, пока не станет слишком поздно.

– Значит, вы считаете, что все так и произошло? – спросила Тувессон.

Эльвин кивнул.

– Вот посмотрите. – Он нажал на пульт, и на самой дальней стене совещательной комнаты появилась проекция водительского удостоверения. – Вот Петер Брисе. А вот наш преступник. – На стене показалась еще одно увеличенное удостоверение.

Фабиан стал рассматривать два удостоверения на одно и то же имя, но с фотографиями разных людей. Каждое фото по отдельности не привлекало особого внимания, и если не знать, что это два разных человека, вполне можно было ничего не заметить. Вместо большой залысины мужчина стал брить голову наголо, под глазами у него появились мешки, а лицо стало немного шире. Вполне нормальные изменения в одной жизни с разницей в несколько лет. И только когда фото положили рядом друг с другом, все стало ясно.

– Как вы видите, первое удостоверение выдано 17 января 2008 года. 24 февраля этого же года в полицию поступило заявление о пропаже, – продолжил Эльвин. – Через неделю с небольшим было выдано новое

удостоверение как раз накануне его смерти.

– Но, честно говоря, – сказала Тувессон, – это же все равно не может быть обычной практикой.

– Может, хотя наш парень продвинулся на шаг вперед. Замораживая свою жертву, он способен делать гораздо больше, чем брать займы и опустошать счета. Он может продавать произведения искусства, недвижимость и доли в праве собственности и таким образом получать совсем другие суммы.

– А мы знаем порядок цифр?

– По словам Рикарда Янссона из Торгового банка, он осуществил продажи и переводы примерно на шестьдесят миллионов. Так что речь идет о гораздо большей сумме, чем может уместиться в копилке.

– Тогда нам надо отследить деньги и посмотреть, куда они попали, – предложила Лилья.

– Мы точно так и думали. – Утес сделал глоток кофе. – По сведениям Рикарда Янссона из Торгового банка, деньги были переведены на счет в Панаму, откуда они, похоже, ушли дальше на различные счета в регионах, с которыми у Швеции нет соглашений об экономическом информационном обмене, что делает невозможным их отследить.

– Давайте выйдем на немного более высокий уровень, чем этот Янссон, прежде чем окончательно сдадимся, – сказала Тувессон. – А что считают остальные? Фабиан, ты сегодня какой-то тихий, сам на себя не похож.

– Конечно, мы можем идти дальше вверх, – отозвался Фабиан, пытаюсь выкинуть из головы мысли о том, как он останется один. – Но, по-моему, это пустая трата времени.

– Это почему?

– Мы имеем дело с преступником, который замораживает свою жертву и, словно паразит, поселившийся в животном-хозяине, присваивает себе жизнь этого хозяина, чтобы отнять у того все ценное. После этого инсценирует автомобильную катастрофу в Северной гавани, где ему удастся бесследно исчезнуть на глазах у всех свидетелей. Иными словами, он настолько хорошо подготовлен, что я с трудом представляю себе, что он мог упустить какой-то момент.

– Вопрос в том, что нам терять. – Тувессон встала. – Кстати, мы закончили? – Она повернулась к Утесу и Эльвину, и те кивнули. – Хорошо. Вы проделали потрясающую работу. Наконец-то пазл стал складываться, и поэтому мы должны продолжать работать под совсем иным углом. Фабиан и Ирен, насколько я поняла, вы собирались в Лунд на фирму «Ка-Чинг»,

чтобы больше узнать об этом пропавшем финансисте. Как там его зовут?

– Пер Кранс.

– Именно. Если вся эта версия верна, наверняка прореагировал не только Кранс.

– А нам не надо объявить его в розыск? – спросил Утес. – Ведь у нас есть его фото.

– Ты думаешь, есть шанс, что он разгуливает по городу, переодетый в Петера Брисе? – спросил Эльвин.

– К тому же мы теряем наше единственное преимущество, – сказала Тувессон. – В данный момент преступник чувствует себя в безопасности и, надеюсь, расслабился. Он думает, что все идет по плану, и понятия не имеет о том, что именно сейчас Брисе – жертва в расследовании дела об убийстве. Еще меньше он думает о том, что мы идем по его следу. И так должно быть, пока мы его не схватим. Иными словами, ничего об этом ни СМИ, ни кому-нибудь еще вне этой группы.

– Но мы же все время встречаемся с людьми, – заметила Лилья. – Что мы скажем на «Ка-Чинге»?

– Как можно меньше.

– Извините, разрешите мне слово?

Тувессон и остальные повернулись к Муландеру, который оторвал глаза от ноутбука. – Похоже, вы все исходите из одного предположения, с которым я не совсем согласен. – Он так низко сдвинул очки, что они только чудом держались на самом кончике носа. – Что свидетельствует о том, что он закончил?

– Ты считаешь, что он не остановится и сделает то же самое со следующей жертвой? Боже, почему мы об этом не подумали? – спросила Тувессон.

Муландер пожал плечами.

– Это же явно эффективный план.

– Но на шестьдесят миллионов можно вполне неплохо прожить, – заметил Утес.

– Нельзя, если хочешь сто или двести.

Муландер прав, подумал Фабиан. Это как с грабителем банка – нет никаких гарантий, что он уже не планирует следующий удар.

– Нам надо составить список потенциальных жертв с теми же исходными данными, – сказал он и почувствовал, как к нему возвращается энергия.

– Именно это я и сделал. – Муландер подключил свой ноутбук к проектору, и на стене появился список фамилий. – Эти мужчины

зарегистрированы в северо-западной части Сконе. Их налогооблагаемый доход составляет минимум тридцать миллионов.

– Ой, их правда так много? – спросила Лилья.

– Двадцать восемь человек. Надеюсь, список станет короче, когда мы проверим, кто из них сменил водительское удостоверение за последние полгода.

– Вот этот. – Утес взял у Муландера лазерную указку. – Хеннинг Чемпе, это ведь он открыл сеть универсамов «Сити Гросс»?

– Да. За счет этого его состояние выросло на 148 миллионов крон, – заметила Тувессон. – Но ему уже больше шестидесяти. Это ведь он пережил пожар и лишился одного уха?

Муландер провел быстрый поиск по имени, и на стене появилось множество фото Хеннинга Чемпе, у которого действительно не было правого уха в результате ожога. – Хорошо, его мы вычеркиваем. – Он вычеркнул имя из списка.

– То же самое с ним. – Лилья взяла лазерную указку и показала.

– Ханс Кристиан Свенссон. Кто это? – спросила Тувессон.

– Он больше известен как Крис Даун – композитор, который написал массу хитов. Достаточно включить радио, и с большой вероятностью вы услышите его мелодию.

– А почему его надо вычеркивать?

– У него есть семья. И жена, и дети. По-моему, двое детей.

Муландер повернулся к Тувессон, которая, подумав, кивнула, и Криса Дауна тоже вычеркнули из списка.

– Вот уж не знал, что ты так интересуешься сплетнями, – заметил Утес со смехом.

– Не интересуюсь, но иногда мне приходится стричься.

– О'кей, времени у нас в обрез, – сказал Муландер. – Кого еще вычеркнем?

Все за исключением Фабиана покачали головами. Он снова не слышал ни одного слова из того, что говорили другие, поскольку целиком сосредоточился на одном имени в конце списка. Хотя впервые он услышал это имя меньше суток назад, оно уже врезалось ему в память.

Он не должен был так сильно удивиться, увидев в списке этого человека. Естественно, возможно и вполне логично, что состоятельный коллекционер Алекс Уайт может быть следующей жертвой преступника. Он не только сказочно богат и без семьи, но и примерно одного возраста с Петером Брисе, и у него такое же узкое и немного долговязое тело.

Но не поэтому Фабиан отгородился от всего вокруг и приглушил

голоса коллег до сплошного отдаленного бормотания, которое невозможно разобрать. Нет, перед глазами у него стояла Соня. Соня и ее последние слова.

Чао-какао.

– Почему ты не позвонила и ничего не сказала? – Магнус прикрепил ленту оцепления к одному из столбов, на которые так сильно натянули рифленую пластмассовую крышу, что она треснула. – Пойти сюда совершенно одной. – Он покачал головой и сделал новую попытку: – А что... Это могло кончиться чем угодно.

Дуня, которая шла на другой конец двора с рулоном клейкой ленты, остановилась и повернулась к нему.

– Магнус, я знаю, что ты просто хочешь как лучше. Но скажу честно. Как, по-твоему, это помогло бы, если бы я тебе позвонила? Ты бы не согласился оставить свою пиццу ради того, чтобы начать собственное расследование и пойти против четкого приказа Иба. Поправь меня, если я ошибаюсь.

Магнус хотел было возразить, но передумал.

– А если бы она была здесь? Что бы ты тогда сделала? Надеялась на то, что она еще раз промахнется?

Дуня повернулась к нему спиной и стала снова натягивать ленту оцепления.

– Дуня... – Магнус поспешил к ней и положил руку ей на плечо. – Я знаю, что все пошло совершенно не так. Но я оценил ситуацию как угрожающую и попытался сделать все, что в моих силах.

Дуня кивнула в ожидании, что он уберет с нее руку. Вместо этого он заглянул ей в глаза.

– Поэтому мы вдвоем, а не по одиночке. И что бы ты обо мне ни думала, я сделаю все, что смогу, чтобы с тобой ничего не случилось. Так и знай.

Дуня опять кивнула и даже одарила его улыбкой.

– И вот еще что. Как бы ты ни хотела, ни ты, ни я не следователи по убийствам, – продолжил он. – Мы – полицейский патруль по поддержанию порядка. Наша задача – быть на виду и поддерживать порядок. Что является одним из самых важных основных столпов...

– Эй... Ты сам в это веришь или просто заучил наизусть? – со вздохом прервала его Дуня, хотя в каком-то смысле ей нравилось, что Магнус-размазня превратился в Магнуса-законника. Теперь она с чистой совестью может повернуться к нему спиной и пойти дальше с лентой для оцепления к перевернутой тележке из магазина. – Ты, как и я, прекрасно понимаешь,

что если бы не я, он бы по-прежнему лежал здесь, а через неделю сгнил. – Она кивнула в сторону тела.

– Здесь полным ходом идет оцепление, как я вижу!

Дуня и Магнус повернулись и увидели двух одетых в гражданское следователей по делам об убийствах Сёрена Уссинга и Беттину Йенсен, которые шли по тесному проходу между фасадами.

– Привет, Дуня Хоугор. – Дуня подошла и поздоровалась.

Уссинг снял солнечные очки, похожие на летчицкие, сдвинул их на волосы и протянул Дуне руку. Потом повернулся к Йенсен, которая еще больше располнела с тех пор, как Дуня видела ее последний раз.

– Это ведь та, которую уволили в Копенгагене.

– Ты имеешь в виду ту, которая подделала подпись начальника. – Йенсен перевела взгляд на Дуню. – Точно, это она. – Она расплылась в улыбке, обнажившей желтые от никотина зубы, и зашла за оцепление вместе с Уссингом.

– Тело лежит вон там. – Дуня поспешила за ними, чтобы показать дорогу, пытаясь убедить себя, что самое главное – следствие, а не ее личное мнение о следователях.

– Послушай, думаю, мы прекрасно справимся без твоей помощи, – сказал Уссинг.

– Разумеется. Я только хотела показать, что я...

– Было бы замечательно, если бы ты вышла за оцепление, – прервала ее Йенсен, еще раз обнажив свои желтые от никотина зубы.

– Прости, ты хочешь сказать, что мне нельзя находиться внутри оцепления? – спросила Дуня. – Ты это говоришь?

Йенсен со вздохом остановилась и обменялась взглядом со своим коллегой.

– Ты помнишь, как зовут эту в форме?

– Меня по-прежнему зовут Дуня Хоугор. Д, У, Н, Я. Или так много букв трудно запомнить? – Краешком глаза она увидела, как Магнус, отойдя на безопасное расстояние, делает вид, что занимается оцеплением. – И никакая я не «эта в форме». Я здесь, потому что нашла тело. К тому же я встречалась с женщиной, которая...

– Именно, – оборвала ее Йенсен и показал на Дуню. – Ведь это ты лишилась табельного оружия.

– А теперь вот что. – Уссинг сделал шаг вперед, чтобы занять больше места. – Чем меньше здесь будут болтаться столичные штучки и затаптывать доказательства, тем лучше.

Дуня переводила взгляд с одного следователя на другого, размышляя, с

какого конца начать.

– Дуня, – позвал ее Магнус с другой стороны оцепления. – Делай, как они говорят, и иди сюда.

– Какой у тебя сообразительный коллега. Тебе надо его больше слушать, – сказала Йенсен и вместе с Уссингом пошла к окровавленному телу.

Дуня осталась стоять на месте. Она услышала, как следователи пришли к выводу, что, судя по внешнему виду, труп не более двух дней, и что по времени это совпадает с появлением *этой шлюхи и наркоманки* на улице Стенгаде. Они также без проблем назвали причину, по которой женщина якобы убила бомжа – нет ничего проще. Женщина вышла из себя, когда он отнял у нее последнюю дозу.

Дуне захотелось подойти к ним и спокойно объяснить, что им надо обратить пристальное внимание на провалившуюся грудную клетку, которая указывает на то, что преступник наверняка со всей силой прыгал обеими ногами по своей жертве. Ей хотелось рассказать о кедах бездомной женщины, на которых не было крови, что говорит о ее невиновности. Что кровь на ее ладонях, руках и футболке скорее свидетельствует о близких отношениях с жертвой. Дуня хотела пересказать разговор с женщиной, из которого она сделала вывод, что преступников было несколько.

Но в этом не было никакого смысла. Следователи не стали бы слушать ни одного ее слова.

Фабиан свернул с шоссе Северная прибрежная дорога на шоссе Большая дорога в сторону Арильда. Следственное совещание было закончено, и когда имя Алекса Уайта появилось в списке предполагаемых жертв, он попросил Лилью поехать на фирму «Ка-Чинг» без него, а сам отправился в северном направлении. Коллега сначала запротестовала, но, в конце концов, согласилась, хоть и было очевидно, что она видит его насквозь.

Конечно, она была права: это всего лишь список состоятельных мужчин из северо-западной части Сконе. К тому же, вероятнее всего, этот список очень скоро станет гораздо короче. Но никакой роли это не играло. От одной только мысли о том, что Соня в доме Уайта работает над инсталляцией, каждая клетка его тела рвалась туда, чтобы забрать жену домой.

Фабиан попытался дозвониться ей, но Соня не отвечала. Правда, она почти никогда не подходила к телефону в разгар работы. «Это отвлекает мое внимание» – так она обычно объясняла, почему выключен мобильный. Поэтому он не видел никакой другой возможности, кроме как поехать туда и *отвлечь ее внимание* на месте.

Уайт жил в Арильде в самом конце улицы Торндёнсвеген. По дороге к нему Фабиан поставил на повтор альбом *Neon Golden* группы *The Notwist* и под последние такты *Pilot* припарковался в двадцати метрах до того места, где дорога резко сворачивала вправо.

Во время поездки он пытался представить себе, как звонит в дверь и ему открывает удивленный Алекс Уайт. Что происходит потом, он видел более смутно. Что он скажет? Надо ли рассказать об их подозрениях относительно того, что кто-то, возможно, воспользуется его персональными данными, или просто задать ряд общих вопросов? А Соня? Как ему отнестись к ее присутствию? Похоже, могло произойти что угодно, поэтому Фабиан решил сначала прозондировать почву, прежде чем обнаруживать свое присутствие.

Красный «Мини-Купер» Сони стоял при въезде рядом с желтым «Фордом-Мустанг», который выглядел так, будто только что сошел с конвейера. Под углом над опущенными гаражными воротами висела камера наблюдения, и поэтому Фабиан пошел дальше по дороге, пока под защитой нескольких деревьев не смог пробраться на самый крайний

участок.

Он явственно слышал шум волн, но увидел всю дорогу до пустого берега, только когда вышел из спасительной тени деревьев и осмелился ступить на аккуратно подстриженную лужайку.

Дом, построенный на фундаменте на пологом участке, казался одновременно современным и классическим. За исключением нескольких небольших проемов, боковой фасад представлял собой кладку из камней различной величины и формы, что контрастировало с задней стеной дома, полностью стеклянной.

Пока что Фабиан не видел других камер наблюдения, хотя был уверен в том, что они есть. И все же продолжал приближаться к дому, прячась за стеной фасада, которая на несколько метров выступала дальше стеклянной стены. Собравшись с духом, он подтянулся и заглянул за край.

К сожалению, стеклянная стена отражала почти весь наружный свет. Чтобы посмотреть, что происходит внутри, ему пришлось вплотную подойти к стеклу. Поэтому он стал дальше обходить выступающую стену и поднялся по маленькой лестнице на деревянное крыльцо. Если они его видят, пусть видят. Фабиан миновал темно-коричневую диванную группу и вновь подошел к стеклянной стене. Внутри стоял столб, который хоть как-то скрывал его. Он прижал лицо к стеклу и сложил ладони над глазами домиком.

Помещение больше напоминало просторный выставочный зал в современном художественном музее. Площадь примерно сто квадратных метров, может быть, еще больше, высота потолка – метров десять. Лестница, словно висевшая в воздухе, зигзагом спускалась с балкона, который тянулся вдоль всей стены от одного края до другого. Весь этот величественный зал был заполнен произведениями искусства. Там было все – от огромных картин на стенах до странных видеоинсталляций и разноцветных абстрактных предметов, свисавших с потолка.

Но ни Сони, ни Уайта нигде не было видно. Единственные признаки жизни можно было заметить на кухне, находившейся в самом конце справа. На кухонном островке лежали хлеб и нарезка, а на плите дымилась кастрюля. Фабиан достал мобильный и увеличил изображение камеры, чтобы разглядеть получше. Как он и думал, в кастрюле кипела вода и, вероятно, варились яйца, судя по двум пустым подставкам для яиц рядом со стаканами с соком.

Ясно, что это завтрак для двоих. Или, точнее, завтрак Алекса Уайта для Сони. Это ее самый любимый сок – клубника с лаймом фирмы «Бремхульт». То же самое можно сказать о шоколадной пасте «Нутелла»

и икре «Каллес» с привкусом укропа, тубик которой лежал рядом с подставками для яиц. Из всех его знакомых это нравилось только Соне. Она сейчас будет завтракать? Чем она, черт возьми, занимается?

Фабиан удивился собственной внезапной злобе. Их отношения так долго оставались прохладными, что он перестал об этом думать, хотя в глубине души осознавал, что жена рано или поздно ударится во все тяжкие. Что он без проблем мог понять. В каком-то смысле он даже видел в этом положительную сторону, надеясь, что это восстановит равновесие и, в лучшем случае, поможет им двигаться дальше.

Но происходящее сейчас ему совсем не нравилось. Каждый мускул его тела напрягся в знак протеста. Так не должно быть, и, не приняв никакого решения, он уже был готов позвонить Уайту и попросить его позвать к телефону свою жену. Но Фабиан остановил себя, обнаружив, что парочка спускается с висящей в воздухе лестницы. На Соне был ее рабочий комбинезон, а в ушах – зеленые серьги, которые он подарил ей на последнюю годовщину их свадьбы. Уайт был босиком. На нем были черные джинсы, свободная футболка и синий пиджак в тон синим солнечным очкам.

Фабиан усилием воли выкинул из головы картины, пронесшиеся в его голове, одновременно пытаясь понять, не вышли ли они из душа. Но словно лазером подстриженная челка Уайта, скорее подходящая для героев «Звездного пути», ничего не выдавала, а Соня мочила волосы, только когда их мыла.

Новое сообщение от Муландера заставило Фабиана понять, что ему надо уходить отсюда и оставить их в покое. Но он был не в силах даже оторвать взгляд.

Алекс Уайт вычеркнут из списка возможных жертв.

Спустившись вниз, Уайт положил руки Соне на плечи и что-то прошептал ей в правое ухо. Фабиан увидел, как она засмеялась и кивнула. Самому ему хотелось плакать. Но не сейчас. Сейчас нельзя. Жена пошла дальше по светлому деревянному полу и остановилась у большого листа бумаги, лежащего на полу. Постояла несколько минут, рассматривая бумагу, потом села на корточки, взяла один из лежавших рядом мелков и энергичными движениями принялась делать наброски.

Фабиан представил себе, как разбивает стеклянную стену и идет к жене, весь в осколках стекла. Соня поворачивается к нему, в глазах застыл вопрос. Она совершенно не протестует, когда он берет ее на руки и уносит оттуда, а разбитое стекло хрустит у него под ногами.

Сильный стук заставил его очнуться. Стук раздавался прямо рядом с

его лицом, и он чуть было не свалился с табуретки, отпрянув назад. По другую сторону стекла стоял улыбающийся Уайт и махал ему. В висках у Фабиана пульсировало. Он поднял руку, а тем временем Уайт раздвигал дверь террасы.

– По-моему, это комиссар Риск, – сказал Алекс с американским акцентом.

– Я позвонил в дверь, но звонок, похоже, не работает.

– Соня! *Look!*^[3] Здесь твой муж!

Фабиан перевел глаза, чтобы уловить реакцию Сони, но снова увидел только море и свое собственное отражение. Чем он, в самом деле, занимается? Ему захотелось провалиться сквозь землю, распасться на атомы и унести с ветром, словно он никогда не существовал. Но сейчас у него не было никакого другого выбора, кроме как войти и пожать руку Уайту, который даже не счел нужным снять солнечные очки. Кем он себя возомнил? Какой-нибудь чертовой рок-звездой?

– Мы можем поговорить? – в конце концов выдавил из себя Фабиан.

– Что ты затеял? Что ты здесь делаешь? – Теперь Соня стояла в дверях и с недоумением смотрела на него.

– Дорогая, объясню позже, – ответил он, стараясь придать своему лицу бесстрастное выражение. – Сейчас мне надо поговорить с Алексом.

Соня взглянула на Уайта и покачала головой.

– Значит так. Я не знаю, что на тебя нашло, что ты ходишь здесь втихаря...

– Лучше всего с глазу на глаз. – Фабиан повернулся к Уайту, на этот раз с неестественно энергичной улыбкой.

– Конечно, никаких проблем, – ответил Уайт по-английски и поднял руки, стараясь всех успокоить.

– Надеюсь, ты понимаешь, как все это жалко, – сказала Соня, повернувшись к мужу спиной, пока Уайт проводил его в дом. Он слишком поздно понял, что его испачканные в земле ботинки оставляют следы на светлом деревянном полу.

– Ничего страшного, – сказал Уайт по-английски и открыл дверь в соседнюю комнату, стены которой были заставлены книгами. – Сразу хочу сказать, что мне некогда, и я скоро должен уйти. Кофе?

– Нет, спасибо. – Фабиан сел в одно из кресел и стал ждать, пока Уайт закроет дверь и сядет напротив него.

– О'кей, чем могу служить? – Уайт положил ногу на ногу и сплел пальцы. – Соня что-то говорила о том, что ты работаешь в убойном отделе. Надеюсь, меня не подозревают ни в чем серьезном.

– Я хочу, чтобы ты прекратил сотрудничество с моей женой и отменил заказ.

Значит, Соня говорила Уайту, что муж у нее полицейский.

Уайт рассмеялся, покачал головой и спросил по-английски:

– И почему я должен это делать?

– Потому что тебя совсем не интересует ее искусство. Ты думаешь, что я не понял, что тебе надо? Когда ты размахиваешь перед ней всеми своими миллионами, тебе ничего не стоит завоевать ее.

Что она еще рассказала?

– Дело вот в чем, Фабиан. Я занимаюсь этим с пятнадцати лет. Я работал с самыми известными художниками, и у меня есть галереи в Нью-Йорке, Лос-Анжелесе, Берлине, Лондоне и так далее. Так что я знаю, о чем говорю. О'кей? – произнес Уайт на смеси английского и шведского.

– Тогда почему ты переехал сюда?

– Потому что здесь происходят важные вещи. Или, точнее говоря, здесь они будут происходить. И Соня – одно из лучших доказательств того, что я прав. Поэтому я не отменю свой заказ и не позволю тебе мешать ее развитию. Ты уж извини. – Уайт развел руками и встал. – Если у тебя все, мне, как я уже сказал, надо на встречу.

Фабиан хотел дать сдачи, сказать что-то убийственное. Но ему подрезали крылья, и оставалось только встать и вслед за хозяином выйти в большой зал. К счастью, Сони нигде не было видно – ни у эскиза, разложенного на полу, ни где-либо еще. Зато один стакан теперь был пуст, а в одной из подставок для яиц лежали остатки яйца. Мужчины поднялись по лестнице и пошли по балкону к наружной двери.

– Когда она закончит, мы устроим небольшой праздник, – продолжил Уайт, открыв дверь. – Будет хорошо, если ты придешь. Может, даже снова обратишь на нее внимание.

– Правильно ли я понимаю, – сказал Фабиан, выходя из дома, пока Уайт ставил на охрану и запирали, – что ты утверждаешь, что у вас с Соней чисто рабочие отношения?

Уайт повернулся к Фабиану и покачал головой.

– Нет, нет, нет. Я утверждаю, что не я неизвестное в этом уравнении, а ты и тот факт, что последние семь лет ты не видишь свою жену такой, какая она есть, – если верить ей самой. Чао-какао.

Фабиан остался стоять на месте, переваривая последние слова Уайта. Тем временем «Мустанг» тронулся с места и выехал с участка.

Матильда до запятой следовала указаниям, полученным от Эсмаральды. Быстро вернувшись из школы домой, она спустилась в подвал и сдвинула все ящики и всю мебель с того места, где духовное проявлялось с особой силой. С диваном не было никаких проблем, а вот зеленая тумбочка цвета авокадо была настолько тяжелой, что девочка вся взмокла. Стоявший на тумбочке старый компьютер, за которым она никогда не видела своего отца, чуть было не перевернулся.

Кроме того, Матильда положила на пол одеяла, натянула бельевые веревки и повесила скатерти, чтобы создать «пространство духа», говоря словами Эсмаральды. В конце Матильда собрала все тепловые свечи, которые только могла найти, и поставила их в круг для защиты от злых сил.

Больше никого дома не было, и им никто не мешает провести сеанс, что, по мнению Эсмаральды, важнее всего. Если сеанс не закончить, как надо, дух может еще долго витать в помещении.

От приятелей в классе Матильда много слышала о говорящей доске. Чей-то знакомый узнал счастливый номер в лотерее, сначала не поверил, а потом тот номер и правда выиграл. Другой описался прямо во время сеанса. Матильда видела в Интернете видео о том, как в парня вселился бес и он стал дрожать всем телом.

Но, по словам Эсмаральды, если четко понимать, чем занимаешься, и относиться к миру духов с уважением, бояться нечего. Например, надо говорить не «говорящая доска», а «уиджа». Получается, это вовсе не какая-то игра, а способ вступить в контакт с потусторонним миром.

Ровно в пять часов в дверь позвонили, и Матильда бросилась открывать.

– Привет, я сделала точно так, как ты сказала. – Матильда закрыла дверь за Эсмаральдой, которая кивнула и огляделась, не сказав ни слова.

Хотя ей, как и Матильде, было не больше тринадцати лет, она вела себя спокойно, как взрослый человек.

– Хорошо, что кроме нас здесь никого нет, – сказала она и стала спускаться по лестнице в подвал.

Матильда вошла вслед за подругой в комнату духа за скатертями, пытаясь понять, откуда Эсмаральда знает, что они дома одни.

– Как хорошо ты все подготовила. – Эсмаральда с улыбкой повернулась к Матильде. – Ты зажигай свечи, а я выну доску уиджа.

Матильда достала зажигалку, которую нашла в мастерской в самой глубине ящика вместе с сигаретами, и зажгла свечи. Тем временем Эсмаральда сняла с плеча потертый кожаный ранец, села на пол и вынула прямоугольный деревянный ящик со сколотыми краями и резными узорами, которые когда-то были контрастными и четкими. Теперь резьба стерлась и в некоторых местах исчезла совсем.

– Мой отец нашел это на чердаке в доме умершего почти сорок лет тому назад, – начала рассказывать Эсмаральда, осторожно откинув на ящике крючок, подняв крышку и достав планшет – указку в форме сердца с отверстием на конце – также вырезанный из дерева. После этого полностью раскрыла ящик и поставила его на пол внешней стороной вверх.

Только теперь Матильда увидела, что стертая резьба на самом деле – буквы алфавита, которые двумя дугами идут через всю доску. Под дугами с буквами стоял ряд цифр, начиная с единицы и кончая нулем в самом конце справа. В самом верхнем углу слева рядом с солнцем было написано *да*, и в соответствующем углу рядом с полумесяцем – *нет*.

В самом низу стояли слова, которые заставили Матильду понять, что все серьезно.

ДО СВИДАНИЯ

– Положи палец вот сюда. – Эсмаральда коснулась указательным пальцем планшета. Матильда села напротив и сделала то же самое.

– Есть здесь добрые духи? – спросила Эсмаральда. Несколько минут они молча ждали, но ничего не произошло. – Я спрашиваю: есть ли в комнате добрые духи? – повторила она, держась пальцами за планшет.

По-прежнему ничего не происходило, и через какое-то время Эсмаральда опять задала свой вопрос. Сколько же так будет продолжаться? Честно говоря, Матильда не знала, что и думать. Она так долго ждала этого момента! С этим было связано столько мыслей и ожиданий. С самого утра, когда она проснулась, у нее урчало в животе. Сейчас ей показалось, что все просто исчезло, и она могла думать только о том, что пол жесткий, и у нее скоро устанет вытянутая рука, которая уже начала болеть.

Когда наконец стало что-то происходить, она сначала решила, что сама случайно нажала на планшет и тот зашевелился. Но это была не она. Планшет двигался сам по себе. Сначала медленно, а потом все быстрее туда-сюда по дугам с буквами и по ряду с цифрами.

– Это ты делаешь или кто-то другой? – спросила Матильда. Судя по собственному голосу, ей все это не нравилось. Во что она ввязалась?

Эсмаральда не ответила. Она сидела с закрытыми глазами с таким видом, будто без проблем следит за метаниями планшета. И только когда тот успокоился и, в конце концов, остановился, она открыла глаза и посмотрела на Матильду.

– Он просто хотел проверить доску. Они всегда так делают вначале.

Матильда собралась что-то сказать, но замолчала, когда Эсмаральда приложила палец к губам.

– Есть ли в комнате добрый дух?

Через несколько секунд указка стала двигаться к солнцу и остановилась на *да*.

Наверное, ее передвинула Эсмаральда, ведь больше некому. Во всяком случае, не сама Матильда.

– Как тебя зовут? – спросила Эсмаральда, которая, похоже, нисколько не боялась.

Планшет почти сразу задвигался. Словно точно знал, куда направляется. Он остановился на верхней дуге, и Матильда четко увидела в отверстии букву Г. Потом указка переместилась наискось влево и остановилась на Р. Следующая остановка – вверху у буквы Е, а затем указка стала двигаться вправо к букве Т и в конечном итоге остановилась слева в самом начале верхней дуги.

– Грета. Ее зовут Грета.

Эсмаральда кивнула.

– Теперь можешь ее спрашивать.

– О чем?

– О чем хочешь.

Матильда покачала головой. В голову ничего не приходило, хотя она мечтала об этом как минимум в тысячу раз сильнее, чем о Сочельнике, с тех пор, как Эсмаральда по секрету рассказала, что общается с потусторонним миром. Но теперь она чувствовала только пустоту и не могла придумать ни одного вопроса. «Какая строчка лотереи выиграет» – внезапно показалось ей банальным. Не спрашивать же, влюбится ли она в какого-нибудь мальчишку из класса.

На самом деле, ей хотелось поставить указку на *ДО СВИДАНИЯ*, прекратить сеанс и убежать в свою комнату. Но так делать нельзя. Они же договорились, и Эсмаральда нашла время прийти сюда с доской уиджа, хотя ее папа страшно разозлится, если узнает. А еще, может быть, эта Грета, если она вообще существует, ждет, что ей зададут вопрос. Возможно, так и надо сделать, пусть даже для того, чтобы закончить сеанс. Матильда ведь довольно давно размышляет над одной вещью. С тех пор, как они

жили в Стокгольме, если задуматься.

– О'кей, у меня вопрос.

– Только сформулируй его как можно более четко.

– Мой папа. Он был типа неверен?

Указка не двигалась, словно внезапно приросла к доске. У Матильды возникла надежда, что там она и останется. Что, как сказал папа, никаких духов нет. Но тут планшет зашевелился, правда, не очень быстро, и прямо указал на левый угол.

Нет.

Она выдохнула. Но указка не задержалась на месте, а заскользила к дугам с буквами. Дух явно не закончил.

– Это ты? – спросила Матильда, но в ответ подруга только коротко и едва заметно покачала головой.

Сначала Н, а потом почти сразу на О. Теперь дело шло быстро. Даже слишком быстро, чтобы она успевала следить. Может быть, дух показал на Т, а потом на В, а затем на О и Я. Она была не совсем уверена. Во всяком случае, ей бы так хотелось. Но вопреки своему желанию, она увидела и, хотя потом закрыла глаза, прекрасно поняла, на каких еще четырех буквах остановилась указка.

– Я больше не хочу. Тебе надо уходить. – Матильда отняла руку от планшета.

НО...

– Так нельзя. – Эсмаральда попыталась снова положить руку подруги на указку. – Если мы не поблагодарим и не попросим его вернуться на другую сторону, есть риск, что...

– Я же сказала, что не хочу!

ТВОЯ...

Матильда отодвинула доску и встала.

– Уходи! Слышишь? Я хочу, чтобы ты сейчас же ушла отсюда!

МАТЬ.

Крис Даун лежал взаперти не больше нескольких часов, а уже так замерз, что все тело была неконтролируемая дрожь. Он понятия не имел, сколько в морозильнике градусов, но догадывался, что температура уже опустилась на несколько отметок ниже нуля и, судя по звуку компрессора и тиканию охлаждающего элемента, продолжает снижаться.

Примерно час назад он оставил бессмысленные попытки выбраться силой и стал думать о том, что можно сделать, чтобы сохранить как можно больше тепла. Первой замерзает голова, это он знал. Поэтому снял один носок, надел его на голову как шапку, а в другой засунул обе ноги. Больше ему ничего не пришло на ум, кроме как заправить футболку в брюки и сжаться в комок, пытаясь занять как можно меньше места.

Правда, в одном углу лежала закрытая бутылка водки, которая притягивала его к себе. Но пока что ему удавалось преодолеть соблазн открыть ее, поскольку он хорошо знал, что тепло, которое дает алкоголь, обманчиво. Организм решит, что согрелся, кровеносные сосуды расширятся, и это приведет только к тому, что охлаждение пойдет еще быстрее.

Нет, он еще не готов умереть. Во всяком случае, пока не выяснит, в чем дело. Кто такой этот мужчина в рабочей одежде и что ему надо. Если речь идет о деньгах, есть гораздо более простые способы. Дома у них почти нет наличных. Все хранится в банке или вложено в различные фонды. Помимо украшений Жанетты и коллекционных вин в подвале, только машины и оборудование в студии представляют какую-то ценность. Правда, на стенах висят картины, но стоит заявить об их краже, как продать их на открытом рынке станет практически невозможно.

Во всяком случае, ему удалось прояснить один вопрос. Вчерашние события. Тень, мелькнувшая в камере наблюдения в гараже, приоткрытая дверь постирочной и пульт, брошенный на пассажирское сиденье «Камаро». Ясно, что мужчина в комбинезоне был там, чтобы каким-то образом скопировать сигнал активации ворот. Крис слышал, что есть такое оборудование. Иначе человек в комбинезоне не заехал бы на участок на грузовике.

Но это по-прежнему давало ответ на вопрос – зачем? В чем подлинный смысл происходящего – помимо того, чтобы причинить ему страдания? Поскольку Крис страдал. Те, кто утверждает, что смерть от замерзания

проходит без боли, не знают, о чем говорят. Холод кусал в прямом смысле этого слова. Как миллионы маленьких невидимых зубов, чьи острые кончики впивались во все, до чего могли дотянуться.

Крис прервал размышления и прислушался. Мужчина опять шел через холл. Было слышно, как грубые ботинки ступают по полу. По его полу в его доме. Мысль о том, что чужой человек разгуливает у него в доме, просто сводила его с ума. Первые разы он как можно сильнее кричал и стучал в стенки морозильника, чтобы привлечь внимание непрошеного гостя. Кричал, чтобы тот его выпустил и объяснил, что, черт возьми, происходит. Он даже обещал ему денег, много миллионов. Обещал в понедельник поехать в банк к самому открытию. Но мужчина просто проходил мимо.

На этот раз Крис решил не кричать, а, наоборот, лежать тихо и ждать. Лежать и притворяться мертвым. Это самое лучшее, что он мог придумать. Последняя соломинка. Притвориться мертвым в надежде, что мужчина отреагирует и подойдет проверить. И тогда держись. Он выскочит, как черт из табакерки, и набросится на него.

Внезапно компрессор перестал гудеть. Это произошло впервые и могло означать следующее: или мужчина вытащил шнур из розетки, или температура упала до запрограммированной. Вероятнее, последнее. Зато теперь гораздо лучше было слышно, что происходило снаружи.

Мужчина определенно остановился, и откуда-то раздалась мелодия. Крис узнал ее. Конечно, *Ordinary World* группы Дюран Дюран. Любимая мелодия Жанетты. Но минутку, это же его собственный мобильный, на который звонит Жанетта. Это не может быть никто другой, поскольку именно этот сигнал посвящен ей.

Мелодия смолкла, и он почти услышал, как мужчина засунул телефон в карман. Но не ушел, а остался стоять на месте. Наверное, отреагировал на тишину. Крису хотелось задрожать всем телом, но делать этого было нельзя. Не сейчас. Сейчас он должен был лежать совершенно неподвижно, готовясь выпрыгнуть. У него будет только один шанс.

Мужчина подошел ближе. Крис услышал шаги. Мужчина провел рукой по крышке и похлопал по ней, словно это было домашнее животное. Звяканье ключей. Осталось недолго, скоро он услышит, как один из ключей вставят в замок и повернут. Не дрожать. Ради бога не дрожать. Только лежать, не шевелясь, и задерживать дыхание.

Совершенно неожиданно раздался звук – компрессор опять заработал, и, не сумев сдержаться, Крис вздрогнул и ударился локтем о стену. Раздался сильный удар. Проклятие. Проклятие, проклятие, проклятие... Он не ничего слышал, поскольку компрессор слишком сильно гудел, но ключи

наверняка снова лежали в кармане. Ясно, что мужчина его услышал. Крис был на грани срыва. Но какой в этом смысл? Дело все равно швах. Он выдал сам себя, и больше шанса у него не будет.

По этой ли причине, он даже сам не знал.

Но одно он знал точно: он больше не может сопротивляться.

Трясущаяся рука так заоченела, что требовалась вся его сила воли, чтобы взяться за пробку. Он боялся выпустить бутылку и держал ее обеими руками, поднося ко рту. Жидкость обожгла ему рот. Сделав глоток, он почувствовал, как водка теплой струйкой стекает вниз по горлу.

Он выпил еще и по-настоящему насладился теплом, которое растеклось по животу и дальше по всему телу. Почему он не сделал этого раньше? Теперь, по крайней мере, можно снять с головы этот нелепый носок и расслабиться. После нескольких глотков дрожь в теле тоже прошла.

Рабочая смена Дуни давно закончилась, но она по-прежнему находилась в Хельсингёре, пытаясь убить время до тех пор, пока не убедится, что Сёрен Уссинг и Беттина Йенсен ушли домой. По-хорошему, ей не следовало влезать в это дело, но она не могла удержаться. Особенно после того, как услышала совершенно бессмысленные рассуждения следователей. Иб Свейструп может говорить что угодно. Она не станет разъезжать по округе и показываться в своей форме. Она будет расследовать, это следствие принадлежит ей.

В бассейне Хельсингёра, который находился в нескольких минутах ходьбы от участка, ей удалось провести два часа. Дуня больше двадцати раз проплыла туда-обратно и могла бы проплыть еще как минимум столько же, если бы не какой-то мужик, который упрямо теснил ее на дорожке своим брассом.

Первый раз она решила, что это случайная ошибка, но когда она во второй раз, обгоняя его, почувствовала, как его рука скользит по ее телу, Дуня решила, что с нее хватит. Она вылезла из бассейна и полчаса просидела в сауне. После чего убила еще час, бесцельно бродя по магазинам напротив участка. Чего там только не было – от универмага сети Квикли и зоомагазина до склада кроватей, где она опробовала надувной матрас, пока не пришел продавец и не разбудил ее.

Теперь она вернулась к входу в здание полиции и убедилась, что рецепционист ушел домой. Но рецепция была открыта для сотрудников еще час и двадцать минут. Правда, Дуня не хотела прикладывать свой пропуск и регистрироваться в журнале. Поэтому она подождала одну из машин с радиосвязью, чья смена закончилась, и вошла вслед за машиной через въезд в гараж.

После чего оставалось только пройти через открытое офисное пространство, где пустые и покинутые рабочие места ждали понедельника, кивнуть уборщику и, делая вид, что так и надо, дойти до комнаты Уссинга и Йенсен в самом конце между совещательной комнатой с одной стороны и кабинетом Свейструпа с другой.

Дуня закрыла за собой дверь и задернула шторы, прежде чем начать просматривать материалы следствия. На доске висело фото окровавленной женщины, которое она дала Свейструпу. «Санни Лемке», – было написано красным фломастером, и если верить записям, это была сестра жертвы

Йенса Лемке. Значит, следователи установили личности обоих; Дуня даже не ожидала, что они успеют так продвинуться. К тому же они обнаружили следы крови в заброшенном доме на улице Стенгаде и послали кровь на анализ.

Больше на доске ничего не было. Как она и предполагала, все подозрения были направлены на Санни. Дуня нигде не смогла найти никаких планов или версий, которые указывали бы на что-либо другое. Следователи уже определились.

На одном из письменных столов лежал отчет патологоанатома. Вскрытие проводил Оскар Педерсен из отдела судмедэкспертизы в Копенгагене, и, хотя этот человек совершенно не нравился Дуне ни с какой стороны, он по-прежнему оставался одним из лучших патологоанатомов страны.

Оказалось, что у Йенса Лемке сломаны все двадцать четыре ребра. Большинство в нескольких местах. В общей сложности пятьдесят девять переломов. Исходя из этого, Педерсен сделал точно такой же вывод, что и сама Дуня: преступник много раз обеими ногами прыгал со всей силой по грудной клетке жертвы. Преступник ломал ребро за ребром, пока сердце и легкие не остались без защиты; через несколько прыжков органы были раздавлены. Наступила ли смерть из-за прекращения работы легких или в результате остановки сердца, установить не удалось, поскольку органы были настолько повреждены, что осмотреть их не представлялось возможным.

Токсикологическая экспертиза показала наличие опиатов и алкоголя, а с помощью анализа содержимого желудка установили, что речь идет о виски. Последнее Педерсен пометил в скобках двумя вопросительными знаками и одним восклицательным.

Насколько Дуня могла судить, в самом отчете придраться было не к чему. Наоборот, он давал пищу для размышления. Например, содержимое желудка. Ничего удивительного, что там обнаружили и наркотики, и алкоголь. Среди бездомных часто встречаются наркоманы и алкоголики в одном лице, которые принимают то, что могут раздобыть. А вот на виски они никогда не будут тратить деньги. Это дорогой напиток, которого много не выпьешь. Иными словами, Йенс или украл виски, или его угостили.

Вот какой вывод можно сделать о методе преступника. Если вывод подтвердится, это многое о нем скажет. Или о них, если верить словам окровавленной женщины. Как бы жутко это ни звучало, тот, кто обеими ногами прыгал по своей жертве, не ставил перед собой цель убить бездомного. Для этого есть гораздо более простые способы. За всем этим

наверняка стоял совсем иной мотив, а смерть оказалась просто неизбежным побочным эффектом.

По словам женщины, злоумышленники смеялись и вели себя так, словно играли в какую-то игру. Может быть, здесь и крылась разгадка. Им было весело, и все происходило в шутку. В их игре жертва являлась не главным действующим лицом, а только необходимым реквизитом.

Дуня вспомнила игру «кошка в бочке»^[4], в которую все семьи с детьми упорно играли на Масленицу. Раньше мужчины соревновались, кто убьет кошку, запертую в бочке. В наши дни в бочку доверху кладут сладости, и задача детей, разодетых и поощряемых родителями, состоит в том, чтобы бить по бочке палками и щепками.

В детстве эта игра Дуне не нравилась. Она не могла понять, что кошка сделала такого ужасного, что ее надо забить до смерти. Теперь она считала это совершенно отвратительным и уже давно решила, что если у нее когда-нибудь появятся дети, они не будут в этом участвовать.

Она опустила на рабочий стул Йенсен. Хотя у нее не было особых ожиданий, она надеялась, что найдет больше следов и зацепок. Больше версий, пусть даже ошибочных. Больше рассуждений о том, кто может стоять за преступлением и как им продвигать расследование дальше. Ничего этого следователи не сделали. Была ли у них хотя бы цель найти виновного? Или бездомный настолько не представлял интереса, что они собирались не делать ничего сверх совершенно необходимого и быстро отправить материалы следствия в кучу к остальным нераскрытым делам?

Дуня встала и осмотрелась. Нераскрытые дела. Почему она об этом не подумала раньше? Кто сказал, что это произошло в первый раз? Правда, о подобных делах она не слышала. Но если Уссинг и Йенсен работали так много и добросовестно, как в этот раз, может быть, ничего удивительного тут нет.

Она подошла к шкафу с архивом и начала просматривать содержимое ящика с пометкой *текущие расследования*. Там хранились дела в отношении обычных автомобильных угонов и краж со взломом на виллах, когда заявление в полицию представляет собой не что иное, как обязательный документ для получения страховки. В том же ящике находились дела о причинении ущерба и наркопреступлениях, а также обо всех случаях скрытия с мест ДТП. Никто по-настоящему не ждал, что по поводу этих дел полиция хотя бы пальцем пошевелит.

Внимание Дуни привлекла папка с пометкой *нанесение телесных повреждений (?)*. Что такие случаи есть, в этом не было ничего особенного. Она принялась листать документы из-за вопросительного знака, стоящего в

скобках, и как только начала читать, сразу же поняла, почему там стоит этот знак.

Ларс Брём, 25.08.2011 г., вторая половина дня.

Жертва сидит в автобусе 338 по дороге в Хумлебек и читает книгу. При подъезде к остановке Снеккерстен Сташунсвей сидящий рядом пассажир оборачивается и совершенно неожиданно три раза ударяет жертву по лицу сжатым кулаком, после чего с ухмылкой выходит из автобуса.

Повреждения: перелом носа с сильным кровотечением, а также легкое сотрясение мозга.

Согласно показаниям свидетелей, преступник был в компании еще одного пассажира. Оба лет двадцати, одеты в темные джинсы, кеды и футболки с натянутыми капюшонами.

Трине Сибак, 20.11.2011 г., первая половина дня.

Жертва идет по улице Бликерсвей мимо многоэтажных домов и слушает музыку в наушниках, когда сзади подходит мужчина, хватая ее за волосы, валит на землю и несколько раз бьет ногами по лицу. До того как жертва теряет сознание, она успевает понять, что кто-то стоит на траве с мобильным телефоном и смеется.

Повреждения: переломы носа, челюсти и скул. Сильное сотрясение мозга со скоплением крови между черепом и мозгом.

Нет известных свидетелей.

Микаэль Лангбю, 11.03.2012 г., вечер.

Жертва едет на велосипеде по улице Гамле Хеллебеквей к северу от гольф-клуба Хельсингёра, когда преступник I хватая его, валит на землю и вместе с преступником II начинает избивать, нанося сильные пинки и удары.

Повреждения: перелом правой челюстной кости, сильное кровоизлияние в правый глаз, а также повреждение селезенки.

Согласно показаниям свидетеля, который в этот момент гулял рядом с собакой, был третий преступник, который стоял и снимал на мобильный. Все трое старшего подросткового возраста, одеты в тренировочные брюки Адидас, кеды и темно-красные футболки с натянутыми капюшонами.

Это испугало ее больше всего остального. Неспровоцированное насилие. Такое, против которого невозможно защититься и которое возникает из ниоткуда, когда ты просто идешь с работы домой и думаешь, что купить на ужин. И только от случая зависит, будешь ли это ты или кто-то другой.

Happy slapping^[5].

Дуня слышала об этом явлении, читала о нем в газетах и смотрела ролики на Ютубе. Она точно знала, что это такое. Оно возникло в Англии среди пролетарской молодежи, потерявшей всякую надежду на будущее. По мере появления смартфонов молодые люди стали сбиваться в банды и охотиться за ничего не подозревающими гражданами.

Цель: хорошо посмеяться и получить лайки.

Игра заключается в том, что кто-то снимает, как человек набрасывается на выбранную жертву и избивает ее, чтобы потом разместить нападение в сети и таким образом еще больше усилить унижение. Дуня только не знала, что это развлечение докатилось до Дании. Благодаря материалам приостановленных дел, которые никогда не будут раскрыты, ей стало ясно: это явление не только встречается в ее стране, но и принесло первую смертельную жертву.

Его штормило, и Фабиан чувствовал себя беспомощным подростком, который тонет в очень высоких волнах противоречивых чувств. Чем Соня занимается, и что на самом деле надо этому Уайту?

Он был обижен, обеспокоен и чувствовал, что ревность бурлит в нем, словно кипящая смола. Жалкие попытки держаться на плаву довели его аж до Арильда, где он опозорился до такой степени, что в конце концов камнем опустился на дно.

Теперь он не знал, что делать. У него еще остались чувства, но он не смел доверять ни одному из них. Может быть, в критике Уайта что-то есть? Может, на самом деле он поворачивался к Соне спиной все эти годы? Или оба были хороши?

Он уже представлял себе их ссору. Оба не в состоянии слушать и воспринимать то, что говорит другой, поскольку слишком заняты тем, что кричат и предъявляют друг другу раздутые обвинения. Обещание никогда не делать этого в присутствии детей внезапно кажется неважным. После ссоры начнется холодная война. Долгая удушающая тишина, на фоне которой они будут все глубже зарываться в свои окопы.

Вероятно, этого никак нельзя избежать. Но Фабиан все равно хотел сделать попытку и поэтому по дороге домой заехал в рыбный магазин и купил килограмм моллюсков. Соня обожала пасту с вонголе, а Фабиан нечасто баловал ее этим блюдом. Максимум раз в год – и каждый раз она восклицала, что никто так не готовит эту пасту, как ее муж. Секрет заключается в том, что помидоры надо предварительно сварить в хорошем белом вине и брать только наисвежайшие моллюски.

Но сегодня вечером жена, вероятно, не воскликнет ни по какому поводу. Если она вообще появится. После посещения Уайта Фабиан несколько раз пытался до нее дозвониться и наконец отправил сообщение с вопросом, собирается ли она прийти домой к ужину, и завлекающим намеком на любимое блюдо.

На сообщение Фабиан тоже не ждал ответа. Но, во всяком случае, Соня его прочитала. В этом Фабиан был уверен, поскольку она так и не научилась отключать функцию уведомления о получении. Он надеялся, что жена все же придет, и в лучшем из миров моллюски достаточно улучшат ей настроение, чтобы у него появился шанс объясниться.

Он даже поставил ее любимую песню *Closing Time* Тома Уэйтса, зажег

свечи и красиво накрыл на стол.

– Вы поругались?

Фабиан обернулся на слова Матильды, держа в руках кастрюлю с пастой. Дочь явно прочла его, как открытую книгу. Последнее время она делала это все чаще. Она словно видела насквозь и его, и Соню. Фабиан подавил свой порыв разуверить дочь и не стал фыркать, изображая непонимание.

– Нет, но нам надо кое-что обсудить, и, между нами говоря, я подозреваю, что она на меня немного сердится.

– Это ты должен на нее сердиться. – Матильда повернулась и направилась в гостиную.

Фабиан поставил кастрюлю на стол и пошел за дочерью, чтобы спросить, что она имеет в виду, хотя в глубине души подозревал в чем дело. Он просто не мог понять, как дочь могла это узнать. Они с женой не ссорились почти два года. Они даже об этом не говорили. Но не успел он дойти до дивана, куда легла Матильда, как открылась входная дверь и вошла Соня.

– Привет, – сказал он, не получив ответа. – Ужин готов.

– Хорошо, – коротко ответила Соня, снимая пальто.

– Матильда, пойдй наверх и позови Тео.

– Ты хочешь сказать, чтобы мы подождали наверху, или...

– Нет, я хочу сказать, что мы будем есть здесь.

Ужин в целом прошел так, как и предполагал Фабиан. В молчании. Во всяком случае, Соня молчала. А вот Матильда болтала обо всем на свете.

– Тео, кое-кто в моем классе говорит, что ты встречаешься со старшей сестрой его приятеля. Это правда?

– Но Матильда. – Это пока что было самое длинное предложение, произнесенное Соней за весь вечер.

– Разве нельзя спросить?

– Можно, но у Теодора, наверное, нет никакого желания отвечать.

– Ни с кем я не встречаюсь.

– Ты в нее влюблен, да?

Теодор вздохнул и закатил глаза.

– Матильда, прекрати.

– Это почему?

– Не всегда хочется говорить обо всем.

– Как, например, делаешь ты.

– Боже, Фабиан, что на нее нашло?

Фабиан покачал головой.

– Кстати, тебе не надо отвечать. Я могу просто спросить Грету. Она все равно знает все.

– Давай, спрашивай, – пробормотал Теодор.

– А кто такая Грета, позволю себе спросить? – произнес Фабиан в надежде, что это может помочь перевести разговор на другую тему.

– Никто. Во всяком случае, ты в такое не веришь.

– Только опять не начинай об этих привидениях. – Теодор положил себе добавки.

– Никакие это не привидения, а духи, и пока что мы вступили в контакт только с одним.

– А кто это *мы*? – Фабиан попытался заглянуть Соне в глаза. Ведь это она все затеяла. Но жена, словно официант в переполненном ресторане, отказывалась смотреть в его сторону.

– Матильда, – продолжил он. – Я знаю, что мама утверждала, что в подвале водятся привидения, но...

– Ты, черт возьми, можешь говорить все что угодно, – прервала его Матильда. – Но это так, о'кей?

– За этим столом так не разговаривают. И вообще нигде.

– Ты что никогда не ругаешься?

– Дело не в этом, – ответил Фабиан, гадая, когда его хорошенькая дочурка с косичками, любившая сидеть у него на коленях и бесконечно напевать песенку об алфавите, успела превратиться в несносного взбалмошного подростка.

– Тогда в чем?

– В том, что надо уважать других людей. Соня, ты можешь мне помочь?

Соня посмотрела на него так, словно он говорил на незнакомом иностранном языке.

– Это ты не уважаешь, – возразила Матильда. – Я верю в духов. Хорошо? И у нас в стране свобода вероисповедания.

– Вероисповедания? Я скорее бы назвал это...

– Что бы ты ни говорил, мы вступили в контакт с Гретой, которая знает гораздо больше, чем ты. – Матильда встала из-за стола, хотя съела только половину своей порции.

– Вот как, интересно. Например?

– Например, что мама неверна.

Ответ прозвучал, словно удар плетью. Через секунду дочь ушла, оставив после себя гнетущую тишину.

– Думаю, я закончил. Спасибо за еду, – наконец сказал Теодор и тоже

вышел из-за стола.

Как дочь могла узнать? Может быть, она, как и Фабиан, чувствовала это и читала между строк? Понятно, что поэтому она говорила об этом вчера вечером. Но подозревать и чувствовать – это одно. Быть на сто процентов уверенным – совсем другое.

– Вот как... – выдохнул он. – Приятный получился ужин.

– О чем ты вообще, черт возьми, думаешь? – В глазах Сони горела такая злость, что он с трудом встретил ее взгляд.

– Думаю что?

– Ты что, с ума сошел? Рассказывать такое? Что ты себе думаешь?

– Значит, это правда, – произнес он, хотя хотел сказать совсем не это.

– Нет, не правда. Но дело не в этом, а в том, что ты почему-то посчитал уместным втянуть в это собственную дочь. Бред какой-то, понимаешь?

– Соня, я ничего не рассказывал Матильде. – Фабиан сделал усилие, чтобы не выйти из себя. – Я вообще ничего не знал до сегодняшнего дня.

– Ладно. Значит, теперь ты вдруг поверил в ее фокус-покус.

– Поверил, не поверил. У меня были подозрения. Поздние приходы домой и красивое нижнее белье, которые ты никогда раньше не носила. Вот такое несложное уравнение.

– Фабиан, мы вместе работаем. Алекс нанял меня для создания инсталляции, и больше ничего. Конечно, если ты уж так хочешь знать, я считаю его гораздо более привлекательным, чем тебя в данную минуту.

Он хотел ответить встречным огнем и дать сдачи чередой аргументов, показывающих, как она ошибается. Но никаких аргументов у него не было.

– О'кей, но если ты так считаешь, то нам больше не о чем говорить. – Фабиан надеялся, что она что-то возразит и выведет их на свет в конце туннеля. Но жена продолжала молчать. – Но независимо от этого, я должен попросить тебя прекратить с ним сотрудничать.

– Что? Почему я должна...

– Соня, просто постарайся выслушать, – прервал он ее и потянулся через стол к ее руке, но она одернула свою ладонь и скрестила руки на груди. – Мы не обнародовали эту информацию, так что это должно остаться между нами. Ты помнишь Петера Брисе?

– Да, он съехал в воду и утонул, – неохотно ответила Соня.

– Именно, но оказалось, что он был мертв свыше двух месяцев. Заморожен.

Жена сделала все, чтобы не ничего не выдать, но Фабиан все равно заметил. Она заинтересовалась.

– Цель – продать все его активы и инсценировать самоубийство.

– Вот как. И теперь Алекс станет следующей жертвой?

– Во всяком случае, он был в списке возможных жертв, и одной только мысли, что ты находишься рядом, оказалось достаточно, чтобы я поехал к нему. Искренне надеюсь, что ты бы сделала то же самое ради меня, если бы я оказался в подобной ситуации.

– Не пытайся выдать свой поступок за то, чем он не является. Ты поехал туда, чтобы шпионить под предлогом всего этого. Он еще есть в этом списке?

– В данный момент не совсем ясно. Побывав у вас, я поговорил с Муландером. Он как раз проверял, кто из списка недавно поменял водительские права. Оказалось, что Брисе, и на фото четко видно, что это не один и тот же человек...

– Но это не относится к Алексу, так ведь? – прервала Соня.

– Проблема в том, что у него нет шведского гражданства, и он ездит с американскими водительскими правами. Мы послали запрос, чтобы выяснить, не менял ли он их недавно, но на это уйдет время. В худшем случае несколько недель.

– Спрашиваю снова. – Она посмотрела мужу в глаза. – Он остался в списке?

– Нет, сейчас нет никаких оснований считать, что он находится в группе риска. Но я ничего об этом не знал, когда я...

– Но теперь ты знаешь. Так что окажи самому себе и всем остальным услугу и отнесись к этому с уважением. – Она встала из-за стола.

– Хорошо. Ты пошла?

– Поднимусь в мастерскую и поработаю. Ты как никто должен без труда понять мое желание. – Соня достала из сумки черный конверт и протянула его мужу. – Это уже разослали почти всей художественной элите страны.

Фабриан открыл конверт и достал открытку – тоже черного цвета и сложенную посередине. На развороте большими золотыми буквами было написано: *The Hanging Box by Sonja Risk*^[6].

– Так что если ты думаешь, что я собираюсь все бросить, то ты ошибаешься. Мне дали большой шанс, и как бы ты ни ревновал, я не собираюсь его упускать.

День обещал быть прекрасным. Солнечные лучи уже начали пробиваться сквозь утреннюю дымку, которая висела над лужайкой с небольшим котлованом, куда все глубже и глубже вгрызались зубья экскаватора.

Невдалеке, окутанный пеленой тумана, лежал лысый мужчина лет тридцати пяти и ждал. Он был одет в бежевые брюки-чинос и белую рубашку, на удивление чистую, если учесть, что он пережил за последние сутки. Еще чище был его правый ярко-голубой глаз, который смотрел прямо в безоблачное небо. На месте левого глаза была только темно-красная спекшаяся масса.

Ковш экскаватора перекинул тело через каменистую землю и перекатил его через край в котлован, где уже лежал черный мешок для трупов. При падении лицо ударилось о большой камень, а зубья ковша случайно вспороли рубашку и живот, когда тело перекладывали на середину. Но после нескольких манипуляций с землей и грунтом тело и мешок для трупа засыпали, и тогда человек в облегающих перчатках, кепке и синем комбинезоне выключил мини-экскаватор и направился к большому серебристо-серому фургону, припаркованному рядом с грузовиком.

Войдя в фургон, человек снял с себя одежду, аккуратно сложил ее и встал под душ. Его обнаженное бледное тело выглядело странно: худое, почти мальчишеское, оно было начисто лишено какой-либо растительности. Человек включил душ и намылился дезинфекционным мылом. Вымывшись, выключил воду, выдавил на ладонь пену для бритья, нанес ее на лицо и голову и стал бриться медленными движениями.

Было понятно, что он делает это далеко не в первый раз, и когда пена на голове закончилась, он принялся обрабатывать брови, лицо и шею. От лезвия бритвы не укрылся ни один волосок. Ни на груди, ни на руках, ни на ногах. Требовалось выбрить абсолютно все. Даже ладони и ступни.

Высохнув, мужчина тщательно намазал тело бальзамом для бритья, натянул пару новых резиновых перчаток, обулся и завернулся в купальный халат. Потом вышел из фургона и спокойно пошел к усадьбе, держа в руках потертый старый чемодан.

В постирочной он открыл чемодан и переобулся в одноразовые тапочки, после чего, насвистывая, двинулся по коридору к большому холлу с открытой кухонной зоной. Достал из холодильника бутылку с пивом,

открыл ее и сделал несколько глотков, листая список музыкальных композиций в мобильном телефоне Криса Дауна.

Вскоре из скрытых динамиков на потолке раздалась песня Бон Джови *Livin' on a Prayer*. Мужчина сделал погромче и, подпевая вступлению в ток-боксе и пританцовывая, вышел из кухни и подошел к морозильнику, который по-прежнему стоял на полу в холле, включенный в розетку. Мужчина запрыгнул на крышку и отпил несколько глотков пива. Потом отложил бутылку в сторону и принялся барабанить о стенку морозильника в такт музыке.

– *Whoa, we're half way there! Whoa, livin' on a prayer!*^[7]

Он допел-докричал песню, одним махом допил пиво, закончил длинным рэпом и спрыгнул вниз с морозильника. Достал из кармана маленький полиэтиленовый пакет, положил в него пустую бутылку и прошел дальше в дом под гитарное соло Ричи Самбора.

Мужчина шел по комнатам, расправляя перчатки на руках. Словно только сейчас у него появилось время осмотреться в огромном доме и обратить внимание на то, что висит на стенах и спрятано в шкафах и ящиках. Время от времени он останавливался перед какой-нибудь картиной, осматривал ее более внимательно, фотографировал на мобильный и только потом шел дальше.

На верхнем этаже левого флигеля он обнаружил спальню размером с квартиру средней величины. Пока скромный легкий барабанный ритм из композиции Фила Коллинза *In the Air Tonight* заполнял комнату, мужчина поставил чемодан на черное ковровое покрытие и осмотрелся. Вычурные обои в спальне были выкрашены в красный, черный и золотой цвета, а в центре возвышалась большая кровать с балдахином и ярко-красным постельным бельем. У ряда окон стояла кушетка, через спинку которой было небрежно перекинуто несколько платьев. По другую сторону кровати находился туалетный столик с большим зеркалом с подсветкой, а также подвесной держатель для украшений, на котором висело множество цепочек.

Мужчина прошел дальше в большую гардеробную, в которой зажглись сотни вмонтированных шарнирных светильников, и огляделся. Тем временем Фил Коллинз запел. Шкафы, ящики и полки. Все доверху забито одеждой, обувью и сумками. Судя по всему, немного меньше половины принадлежало Крису Дауну. Чего здесь только не было – от серой мягкой одежды до чисто сценических нарядов с блестящими бутсами и кожаными брюками с заклепками.

Well if you told me you were drowning, I would not lend a hand.^[8]

Гость натянул на себя пару красных боксерских трусов с черепами, темные носки и черные в меру потертые джинсы. Затем встал перед напольным зеркалом и посмотрел на себя в различных ракурсах. Защелкнул застежку и одернул штанины.

I've seen your face before my friend, but I don't know if you know who I am.^[9]

Убедившись, что джинсы велики ему как минимум на размер, мужчина решил эту проблему, надев пояс с заклепками и остроносые ботсы на каблуках. Теперь они сидели идеально.

Well I was there and I saw what you did, I saw it with my own two eyes.^[10]

Под конец мужчина выбрал поношенную старую футболку с логотипом группы *Aerosmith* и музыкальным автоматом, надел ее через голову и напоследок с довольным видом поправил свой наряд перед зеркалом.

So you can wipe off than grin, I know where you've been. It's all been a pack of lies.^[11]

Вернувшись в спальню, подошел к туалетному столику с чемоданом, сел и зажег лампы вокруг зеркала. Потом достал портрет Криса Дауна, вставил его в рамку, выбрал пару накладных бровей нужного оттенка и приклеил их. Когда вдобавок ко всему накладной нос, немного больше его собственного, встал на место, мужчина припудрился и стал больше походить на Криса Дауна. Но настоящего сходства он добился только тогда, когда надел парик с длинными прямыми волосами.

– I can feel it coming in the air tonight, or Lord^[12], – пел он, надевая на пальцы серебряные кольца с черепами, которые нашел в одном из ящичков стола.

Мужчина встал и принялся кругами ходить по комнате, словно чтобы прочувствовать новую внешность и сделать ее своей. Через несколько кругов у него полностью изменилась манера двигаться, и, когда зазвучали настоящие барабаны, он не смог удержаться – принялся танцевать и играть на воображаемых барабанах.

И тут сквозь музыку пробился телефонный звонок. Мужчина поспешил к приборной доске у кровати и полностью убрал звук, чтобы понять, откуда раздается звонок. Звонил телефон в соседней комнате, служившей кабинетом. Аппарат, бежевый телефон старого образца с динамиком и со встроенным автоответчиком, стоял на чисто убранном письменном столе. Гость подошел и стал пристально смотреть на него,

пока звонки не прекратились.

– Вы дозвонились Крису Дауну. Скажите что-нибудь приятное, и, может быть, я вам перезвоню. *This will not be repeated in English*^[13], – раздался голос Криса.

– Привет, любимый, это я. Пыталась дозвониться тебе на мобильный, но ты не отвечаешь. Ты, наверное, позвонишь, когда услышишь это сообщение. Дети очень хотят передать тебе привет. Завтра увидимся. Люблю тебя.

Разговор прервался. Мужчина подождал несколько секунд, а потом нажал на кнопку, чтобы прослушать записанные сообщения.

– Здорово, это Стюре. Позвони мне, когда прочтешь контракт.

Раздался писк.

– Привет-привет! Это Гугген из музыкального магазина Саундскейп. Просто хочу сказать, что гармонайзер прибыл. И если я тебя хорошо знаю, ты не захочешь больше ждать ни единого дня, так что решил заскочить к тебе уже сегодня, в субботу, после закрытия. Увидимся.

Опять писк.

– Привет, Крис, это мисс Г. Ты знаешь, что я не говорю по-шведски. В общем, я только что послушала твою новую песню. Мне она понравилась, я ее хочу. Перезвони мне, – произнес женский голос по-английски.

– Сообщений больше нет, – по-английски сказал стальной компьютерный голос.

Мужчина нажал на другую кнопку.

– Вы дозвонились Крису Дауну. Скажите что-нибудь приятное, и, может быть, я вам перезвоню. *This will not be repeated in English.*

– Вы дозвонились Крису Дауну, – повторил он с таким же сконским выговором. – Скажите что-нибудь приятное, и, может быть, я вам перезвоню. *This will not be repeated in English.*

Он опять нажал на ту же кнопку и прослушал то же сообщение.

– Вы дозвонились Крису Дауну. Скажите что-нибудь приятное, и, может быть, я вам перезвоню. *This will not be repeated in English.*

– Вы дозвонились Крису Дауну. Скажите что-нибудь приятное, и, может быть, я вам перезвоню. *This will not be repeated in English.*

Скучно.

На дисплее мобильного больше ничего не было. Единственное слово, которое к тому же пришло с неизвестного номера. Но для Теодора этого было вполне достаточно. Он без проблем понял, от кого смс и о чем идет речь. Александра не только думала о нем – она еще потратила время, чтобы узнать его номер. От осознания этого в груди у него екнуло. С бьющимся пульсом он лежал в постели, пытаясь придумать хороший ответ. Ему понадобилось целых десять минут, прежде чем он смог потными руками набрать и отправить два слова.

Мне тоже.

Хотя именно в этот момент это была чистая ложь. На самом деле он был так воодушевлен, что в ожидании ответа прыгал по комнате, как мячик.

Придешь?

Она опять ограничилась одним словом. И чтобы не отставать, он свел свой ответ к двум буквам.

ОК.

Теодор точно знал, где живет Александра. Ее дом, один из самых красивых во всем районе Тогаборг, находился на углу улицы Юхана Банера и улицы Карла X Густава. Парень миллион раз проезжал мимо на велосипеде, а иногда даже подкрадывался к дому, чтобы разглядеть ее комнату сквозь массивную изгородь.

Но сегодня он впервые открыл калитку, прошел по разноцветным каменным плитам и позвонил в дверь. Он нервничал и заметил, что все время сглатывает. Почему она не идет открывать? Он снова нажал на маленькую кнопку и услышал колокольный звон, раздающийся внутри. Она просто пошутила? Теодор уже было собрался уходить, все равно это слишком хорошо, чтобы быть правдой, но решил проверить, заперта ли дверь, и нажал на ручку.

Теодор никогда не видел таких холлов – размером с целую гостиную с высоким-превысоким потолком и двойными дверями, приоткрытыми во все стороны. Темно-зеленые стены украшали охотничьи трофеи, старые ружья и сабли. Широкая лестница вела из холла на верхние этажи.

– Эй! – закричал он. – Я уже здесь. – Никакого ответа не последовало. Может быть, она в туалете, или дом настолько большой, что она его не

слышит. Он снял обувь и прошел на кухню, ничуть не менее роскошную, чем холл.

– Зачем ты разулся?

Теодор резко повернулся и увидел Александру, которая сидела на полу, прислонившись к стене и держа в одной руке пиво.

– Э, я не знал...

– Хочешь? – Она подняла бутылку с пивом. – Тогда возьми в холодильнике.

– О'кей. – Он прошел мимо кухонного островка, открыл холодильник и взял пиво.

Он уже несколько раз пил пиво и даже напивался. И тем не менее, все было как в первый раз, когда они подняли свои бутылки и выпили, не спуская друг с друга глаз. Пиво было горьким и крепким и на самом деле не особо вкусным. Но какая разница? Он был влюблен. Да, черт возьми. Первый раз Теодор допустил эту мысль. Боже, как же сильно он влюблен.

– Пойдем, – сказала Александра и вышла в холл.

Теодор последовал за ней по лестнице и дальше через еще один холл в ее комнату, которая представляла собой двухкомнатную квартиру с собственной кухней и ванной. Александра провела его в спальню, где большую часть пространства занимала просторная кровать, вся заваленная подушками. У окна в одном углу стоял письменный стол, рядом – открытый шкаф со стереоустановкой, о которой сам Теодор мог только мечтать. Вдоль одной стены тянулся гардероб; несколько дверей были приоткрыты, свидетельствуя о том, что одежды у хозяйки в избытке.

– Ты слушал Люкке Ли? – Александра забралась на постель и села.

Теодор кивнул, хотя понятия не имел, кто это. Он подошел к висящим в рамках афишам Брюса Ли и Джеки Чана, на которых те демонстрировали боевое искусство.

– Ты этим занимаешься?

– Может быть. – Александра пожала плечами и потянулась за пультом. – Мне казалось, что ты слушаешь только дэт-метал и трэш-панк.

– Нет, я слушаю всякое-разное, и Люкки Ли просто класс. – Он сел на край кровати.

– Еще бы. Особенно последний альбом. Сейчас я только его и слушаю. – Она направила пульт на стерео. Установка осветилась, и на максимальной громкости заиграла песня *Wounded Rhymes*. Девушка опустошила бутылку и закрыла глаза.

Казалось, она целиком погрузилась в музыку и, похоже, знала наизусть каждую строчку. Сам Теодор толком не знал, что ему думать. Он такую

музыку не слушал. Масса ударных и странное вкрапление органа. Хотя местами это звучало хорошо.

Он отпил еще немного пива и заметил, что вблизи Александра еще красивее, если вообще такое возможно. Может быть, она сама красивая из всех, кого он когда-либо видел. Ему захотелось подползти к ней и поцеловать ее, но он не решался. Не хотел рисковать – а вдруг она надуется? Или, может быть, она только этого и ждет?

– Это правда, что он закрыл тебя в старой печи?

Теодора не удивило, что она знает об этом. Это было известно всем. Но никто ни о чем не спрашивал. Может быть, потому, что все знали: Теодор не ответит, да и вообще, меньше всего ему хочется говорить о случившемся в подвале его дома. И все же он заметил, что кивнул.

– Значит, ты типа чуть не умер?

Теодор опять кивнул.

– Вау... Ну и что ты чувствовал? Я слышала, ты лежал взаперти несколько часов.

– Вначале я думал, что это кошмарный сон. Но когда понял, что на самом деле я не сплю, по-настоящему испугался. – Он встретился с ней глазами и осознал, что впервые рассказывает об этом кому-то, кроме психотерапевта. – Никогда в жизни так не боялся.

– А ты пытался выбраться?

– Да, но ничего не получилось. Меня связали, плюс там было страшно тесно. Оставалось только одно: пытаться сохранять спокойствие и не тратить кислород. Но я не сумел сделать даже это. Через какое-то время я услышал, что в доме кто-то есть. Наверное, отец вернулся домой из больницы. Я запаниковал и начал кричать. Но он меня не услышал и снова ушел, а я продолжал лежать и кричать. – Теодор замолчал и покачал головой, удивляясь самому себе, а потом допил остатки пива.

– Послушай, думаю, в твоей ситуации большинство бы запаниковало.

– Но только не ты, да?

Александра пожала плечами.

– Может быть. Одно дело – сидеть здесь и говорить. И совсем другое – во всем этом участвовать. Возможно, звучит, как бред, но... – Она заколебалась и встретилась с ним глазами. – Отчасти мне кажется, что мне бы это чуточку понравилось. Ты, наверное, не понимаешь, но это словно плыть под парусом в никуда, перестать беспокоиться и просто на все положить.

Теодор был готов расплакаться. Наконец-то его поняли. Первый раз ему больше всего на свете хотелось говорить об этом.

– Именно это я и почувствовал, как только перестал надеяться. – Слова теснили друг друга. – Словно из меня ушел весь страх. Словно я избавился от всего неприятного и просто мог лежать и наслаждаться. – Он со вздохом замолчал и покачал головой. – Я знаю, что это неправильно, но я смотрю на жизнь как на тяжелый проклятый рюкзак, который надо таскать на себе, хотя ноша с каждым шагом становится все тяжелее и тяжелее. И именно когда отец ушел, я понял, что все пропало и что я наконец могу скинуть с себя этот рюкзак.

Он замолчал. Александра ответила на его взгляд. Никто из них ничего не сказал. Тем временем Люкке Ли пела о том, что скорее умрет в чьих-то объятьях, чем одна.

И тут девушка взяла его ладони в свои и наполнила их теплом, которое разлилось по рукам и дальше по всему телу. Он физически ощущал, как учащается пульс, а к низу приливает кровь. Это произойдет сейчас? Он никогда этого не делал. Думать – думал. Почти ежедневно.

– Иди сюда, я тебе кое-что покажу. – Александра выпустила его ладони и вышла из комнаты. – Иди же.

Теодор слез с кровати и по дороге в холл попытался опустить член, вставший в джинсах. Девушки нигде не было видно, но он слышал, как она идет вниз по лестнице. Он поспешил за ней и догнал ее только тогда, когда они спустились в подвал и вошли в большой освещенный зал для занятий йогой с мягкими коврами и зеркалами вдоль передней стены.

– Вау! – воскликнул он и огляделся по сторонам.

– Моя мама ведет занятия йогой и учит искусству жить осознанной жизнью. Но если спросить меня, я бы назвала это искусством гребаной жизни. Иногда они совершенно голые стоят в позе воина и собаки, и все это... Но сейчас плевать на это. Лучше пойдём... – Она встала в центре зала и приготовилась к бою.

– Что я должен делать?

– Постарайся опрокинуть меня на пол.

Теодор засмеялся и покачал головой.

– Почему я должен это делать?

– Если ты меня хочешь, ты должен меня завоевать. Если, конечно, посмеешь. – Александра одарила его улыбкой.

Конечно, он ее хотел. Но он никогда не станет драться с девчонкой. Теодор подошел к ней.

– А если нет? Если я откажусь? – Он обошел ее и встал за ней.

– Тогда можешь идти домой. Меня никогда не интересовали жалкие трусы, – ответила она, даже не сделав поползновения повернуться к нему.

Едва он успел подумать, что ударит ее сзади под коленками и подхватит на лету, как Александра обернулась на пол-оборота, схватила его ногу и так рванула, что он со всего размаха упал на мат. Через секунду она была на нем, прижимая его руки к полу своими коленями.

Но ноги у Теодора были по-прежнему свободны, и вскоре он поднял их за ее спиной, зажал ими голову Александры, потянул ее вниз и перевернулся на бок. Теперь ему надо было только сомкнуть ей руки и отпустить ее голову. Проблема заключалась в том, что девушка оказалась сильнее, чем он предполагал, и вскоре она сама держала его железной хваткой между своими предплечьями.

Он стал хватать ртом воздух, но не сумел его вдохнуть. Одновременно с разных сторон на него обрушились удары сжатых кулаков. Сильные и безжалостные. Словно его било несколько человек. И теперь он увидел их всех. Они были здесь. Лица из Стокгольма. Лица всех тех, кого он ненавидел и кого хотел избить до полусмерти.

В конце концов, он заметил, что у Александры из носа течет кровь, и понял, что их только двое. Проклятие, он ударил ее и к тому же слишком сильно. Он не успел развить эту мысль, как она рассмеялась и вытерла нос.

– Хорошо. Можешь же, если захочешь.

Ролик был снят на мобильный далеко не последнего выпуска. Изображение дрожало, было зернистым и нечетким, а цветовая гамма в основном состояла из различных оттенков бежевого. Но содержание было таким ужасным и пугающим, словно его снимали стедикамом с высоким разрешением.

Наполовину полный вагон метро – возможно, в Лондоне или Нью-Йорке. Большинство пассажиров выглядят усталыми. Они сидят, откинувшись, и почти спят, словно едут домой после слишком долгого рабочего дня. Мужчина средних лет листает газету. Рядом сидит чернокожая женщина с пышной прической и в наушниках и кивает в такт музыке. За ней – две девочки в школьной форме с рюкзаками, напротив – папа с маленькой дочкой, которая спит у него на коленях, и с сыном, который сидит рядом.

Никто, похоже, не замечает, что их снимают скрытой камерой. Поезд замедляет ход, и воздух прорезает визг тормозов, но только мальчик зажимает уши. Открываются двери. Некоторые выходят, другие входят – в частности, пожилая женщина, пытающаяся удержать равновесие, оглядываясь по сторонам в поисках места, которое никто не хочет уступить.

И тут в кадре появляется человек в темной одежде. Он подходит справа быстрым шагом и без предупреждения со всей силой бьет отца двоих детей по лицу. Удар настолько сильный, что мужчина выпускает из рук свою дочь, которая исчезает из кадра. Мальчик начинает плакать и отчаянно звать на помощь. Но на помощь никто не приходит. Наоборот, большинство пересаживаются, и одетый в темное мужчина продолжает бить сжатой ладонью лицо теперь уже потерявшего сознание человека до тех пор, пока поезд снова не тормозит, и двери не раздвигаются.

И только на выходе из вагона человек за камерой дает о себе знать. Не появлением в кадре, а смехом. Смеется молодая женщина, слышатся слова: *You should have taken the fuckin' screamer too*^[14]. На этом ролик заканчивается.

Дуня перевела взгляд с экрана ноутбука и на окно эркера. Она не могла решить, кто хуже: тот, кто бил, или та, кто снимала. Бессердечный смех, который отдается эхом презрения ко всему, что представляет для нее ценность. Или тот факт, что с жертвой были дети, которые наверняка

травмированы на несколько лет вперед. Или все эти окружающие, которые не сделали ни малейшего поползновения вмешаться. Все эти люди, несомненно, были в шоке, но главным образом испытывали облегчение от того, что их самих не тронули. Черт возьми...

Она потеряла счет просмотренным роликам. Дрожащие нечеткие кадры, на которых преступник неожиданно подходит к своей жертве и валит ее на пол. В большинстве случаев сильным ударом по лицу, иногда несколькими ударами или, как в последнем ролике, где преступник никуда не девается и продолжает бить, пока жертва не теряет сознание. Но пока что Дуня не нашла никаких связей с делом, над которым ей на самом-то деле нельзя было работать.

Желтые и веселые, сказала Санни Лемке. Даже повторила эти слова несколько раз. Все они выглядели веселыми. Но желтые? Что женщина хотела этим сказать? Она имела в виду азиатов или цвет одежды?

Дуня стала думать о Карстене. Так она делала всегда, когда заходила в тупик и ей ничего не приходило в голову. Может быть, потому, что ситуация напоминала ей то ощущение, которое она испытывала все годы, пока они были вместе. Ощущение того, что перед ней проблема, не имеющая решения. Лабиринт, из которого нет выхода.

Возможно, дело заключалось в том, что она по нему скучает, но каждый раз Дуня приходила к выводу, что скорее наслаждается тем, что Карстена больше нет в ее жизни. Сегодня ей трудно было понять, как она терпела его столько времени. Постоянно плохой запах изо рта и устаревшие взгляды на положение женщин, которые Карстену не удавалось скрыть, хоть он и старался изо всех сил. На самом деле, его измена в Стокгольме два года тому назад была самым меньшим злом. Дуня даже испытывала благодарность за то, что тот случай дал ей стимул, который был ей так необходим чтобы наконец уйти от него.

С тех пор она видела его только один раз. Это было сразу же после собеседования по поводу приема на работу, когда Ким Слейзнер вставил ей палки в колеса еще до того, как собеседование едва успело начаться. Дуня решила зализать раны в кафе «Диамант» на улице Гаммель Странд, но сразу же пожалела об этом, поскольку там наткнулась на Карстена. Он нежился на солнце, сидя на веранде за лучшим столиком со спутницей, которая, судя по всему, была совсем не против его взглядов на положение женщин. Он заметил Дуню, но сделал вид, что в упор не видит. Она поступила так же.

Желтые и веселые... Дуня по-прежнему ничего не понимала. Она просто ослышалась, или речь совсем не шла о так называемом веселом

избиении? Единственное одновременно желтое и веселое, что пришло ей в голову, – смайлик. Нет, минутку... Как же она не подумала об этом раньше?

У нее открылось второе дыхание – она села на диване, оживила ноутбук и забила в поиске *smiley slapping*^[15]. Появилось целое море результатов. Большинство – ссылки на различные анимационные ролики с драками смайликов. Но ближе к концу стало гораздо интереснее. Дуня кликнула на одну из ссылок и уже спустя несколько секунд классической музыкальной заставки не сомневалась в том, что нашла то, что искала.

В пятницу после ссоры за ужином Соня заперлась в мастерской на самом верхнем этаже. Сам Фабиан почти сразу заснул и на следующее утро постучался к ней с чашкой только что сваренного кофе и круассаном, пытаясь загладить конфликт. Но жены в мастерской не было. Из-за его бурной реакции чашка разбилась об пол с такой силой, что кофе попало на несколько еще не законченных картин.

С тех пор она не показывалась, хотя Фабиану не приходилось особенно гадать, где она находится. Его то и дело тянуло позвонить ей, чтобы потребовать развод или просто как следует отругать. Но ему удавалось держать кружащие над мобильным пальцы под контролем, и он пытался убедить себя, что она просто работает.

Не спеша приняв душ, Фабиан попытался пробудить к жизни Матильду и Теодора, но никто из них не хотел ничего предлагать. Поэтому он поехал на работу в участок, чтобы думать не о Соне, и это сработало сверх всяких ожиданий.

В участке уже собрались Тувессон, Утес и Лилья. Всем вместе им удалось полностью избавить его от беспокойства по поводу того, что Алекс Уайт может стать следующей жертвой преступника, – они сократили список возможных жертв до двух имен. Ярл Вреесе и Эмиль Миллес. Первый – предприниматель, который после ряда удачных вложений сколотил приличное состояние стоимостью 175 миллионов крон. Второй – магнат в области недвижимости, который специализировался на офисных помещениях категории А по всему миру и чей личный доход составлял 300 миллионов. Вреесе был разведен и не имел детей, а Миллес, на несколько лет моложе, по-прежнему жил один.

В течение последних шести месяцев оба заявляли в полицию о пропаже водительских удостоверений. К сожалению, проведенный Муландером сравнительный анализ старых и новых фотопортретов не дал результата. Конечно, различия были – они касались и кромки волос у лба, и оттенка кожи, и формы лица, но их было далеко не достаточно, чтобы утверждать, что на фото заснят другой человек.

Поэтому в полицию вызвали обоих мужчин, чтобы выяснить, действительно ли они те, за кого себя выдают. На допросы ушла почти вся вторая половина субботнего дня, и только тогда можно было с уверенностью сказать, что оба говорят правду и могут ехать домой.

Во многих отношениях это были хорошие новости – если окажется, что жертв больше нет. И в то же время сотрудники отдела были явно разочарованы, когда собрались, чтобы обсудить дальнейшие действия. Они чувствовали, что вернулись на круги своя, и у них пропал запал. Никто не выдвигал никаких новых версий.

Даже поездка Лильи на фирму «Ка-Чинг» не выявила ничего нового, а только подтвердила их подозрения в том, что преступник общался с фирмой через электронную почту, смс и изредка даже по телефону. Иными словами, он никогда не присутствовал на работе лично и всегда с помощью различных отговорок создавал у своих коллег впечатление, что болен, работает из дома или находится в отъезде.

Далее они стали обсуждать риелтора и банковского служащего, которые утверждали, что встречались с преступником несколько раз. Это, в свою очередь, навело следователей на мысль, что, вероятно, по этой причине он перешел в банковское отделение, где никто раньше не встречался с настоящим Петером Брисе. Больше они ни к чему не пришли, и ближе к вечеру Тувессон предложила на этом закончить и в понедельник выйти на работу с новыми силами.

Вернувшись домой, Фабиан обнаружил Матильду одну в гостиной перед телевизором. Он предложил ей поиграть в какую-нибудь игру, вместе приготовить ужин и уютно провести вечер. Но дочери ничего не хотелось, и она едва отвечала, когда к ней обращались. Когда Матильда демонстративно отнесла тарелку с ужином в свою комнату, Фабиан сдался и в виде исключения сделал именно то, чего ему самому хотелось.

Он откупорил одну из бутылок, названия которых никак не мог запомнить и которые Соня держала про запас для торжественного случая. После этого уселся на диван и первый раз за долгое время показал, на что способна стереоустановка. Он ставил все свои любимые композиции, которые никак не успевал послушать. Например, два фантастических альбома – *Transatlanticism* в исполнении *Death Cab For Cutie* и *I'm Wide Awake, It's Morning* в исполнении *Bright Eyes*. Ну и конечно *Chutes Too Narrow* в исполнении *The Shins*. Фабиан купил два экземпляра этого альбома, чтобы слушать его в машине. И где-то посреди песни *Good News Is For People Who Love Bad News* группы *Modest Mouse* заснул на диване, совершенно забыв о Соне.

Воскресенье было еще хуже и казалось одним длинным переходом через пустыню, где утро понедельника маячило впереди, как недостижимый мираж. Соня все время присутствовала в его мыслях и упрямо их запутывала. Если он ругался не с ней, то с оставшейся после нее пустотой.

Единственный способ заставить жену замолчать, кроме алкоголя и музыки, – работать. Проблема заключалась только в том, что Фабиану было так же нечего предложить, как и его коллегам.

Правда, он позвонил персональному банковскому менеджеру Петера Брисе, оторвав того от воскресного завтрака, и попросил его проверить, кто еще из крупных клиентов за последнее время сменил банковское отделение. Менеджер, не успев прожевать, неохотно обещал спросить у коллег и перезвонить. Вот и все, что удалось сделать.

Потом Фабиан позвонил Муландеру, чтобы уговорить коллегу снова попытаться отыскать какой-нибудь волосок, отпечатки пальцев или что-нибудь еще, что может привязать преступника к машине или к квартире Брисе. Но Муландер даже не подошел к телефону. Тогда Фабиан в первый раз за свои почти два года в Хельсингборге набрал номер Хуго Эльвина, хотя был выходной. Ведь именно благодаря Эльвину и Утесу в следствии был сделан большой прорыв и, может быть, тот увидел нечто иное, чем тупики и ледяные следы, ведущие в никуда. Но и там его встретила только запись на автоответчике.

Это Эльвин. Сейчас я не могу говорить, а ты можешь. Так говори.

Во второй половине дня Фабиан решил сделать последнюю отчаянную попытку: поехать в Мариестаден и постучать в дверь банковского менеджера Рикарда Янссона, который обещал позвонить, расспросив коллег. Но когда оставалось неясным, а Фабиан был не в состоянии ждать, что, возможно, ему кто-то перезвонит.

Хотя у него был адрес, он двадцать минут искал нужное место в покоем на лабиринт районе, где и дома, и сады были настолько одинаковые, что наверняка даже местные жители время от времени ошибались дверью.

Рикард Янссон стоял у своего гриля на газолитре – тот был такой большой, что занимал значительную часть лужайки за домом. Слишком плотно сидящая рубашка и галстук сменились на просторную футболку, кепку и короткие брюки, которые обнажали колени и несколько сантиметров голени, обтянутой гетрами. В одной руке Янссон держал пиво, в другой – щипцы для гриля, которыми орудовал с таким серьезным видом, словно это была дирижерская палочка. Рядом стоял мужчина в похожей одежде и тоже с пивом в руке и наблюдал за происходящим.

– Привет, привет, – сказал Фабиан и помахал с другой стороны изгороди, доходившей ему до колен.

Янссон перестал дирижировать сосисками и повернулся к Фабиану с недоумевающим видом.

– Фабиан Риск. Мы сегодня говорили по телефону, – продолжил Фабиан и перешагнул через изгородь, чтобы подойти и поздороваться.

– Разве я не сказал, что перезвоню?

– Я просто хотел узнать, как идут дела, успели ли вы поговорить с кем-нибудь из своих коллег.

– Не знаю, по какому календарю вы живете. По моему календарю сегодня воскресенье, а по воскресеньям Торговый банк не работает. Так что не успел.

– Я просто подумал, а вдруг вы начали кого-то обзванивать.

– Как видите, у меня много других дел. – Янссон перевернул сосиски щипцами для гриля так, словно это была наука, требующая университетского образования. – Но обещаю на неделе посмотреть, что я могу сделать.

– А о чем идет речь? – спросил стоящий рядом мужчина и отпил пива.

– Да насчет того Петера Брисе, который заехал в Северную гавань. Он только что перешел в наше отделение, и теперь полиция хочет знать, не сделали ли еще какие-нибудь крупные клиенты то же самое.

– Да, я как раз лишился одного такого в пятницу.

– Что? Вот как?

Мужчина, явно коллега Янссона, кивнул.

– И кто же это? – спросил Фабиан, почувствовав, что наконец-то пошел клев.

– Ханс Кристиан Свенссон. Или Крис Даун, как он себя называет.

Вообще-то Иб Свейструп любил воскресенья. Когда выходные, которые он обычно украдкой начинал уже в пятницу во второй половине дня, наконец-то входили в ритм и он мог чувствовать себя совершенно свободным. Чаще всего суббота уходила на покупки и массу обязательств, которые придумывала Дорте. Если они не принимали за ужином гостей, то сами шли к кому-нибудь в гости на ужин. Воскресенье представляло собой море свободы, которой Свейструп сам полноправно распоряжался. И неважно, читал ли он, сидя на новой застекленной веранде, или спал в висящем гамаке за домом. Главное – он делал только то, что ему нравилось.

Но не в это воскресенье.

Сегодня он не мог ни читать, ни отдыхать. Иб даже не смог досмотреть до конца «Мосты округа Мэдисон» на недавно купленном проекторе, поскольку то и дело думал о работе. Тогда Свейструп подравнял изгородь, которая по-прежнему упорно росла, как ей хотелось, хотя он использовал удобрения и подрезал ее по всем правилам искусства. Сейчас он мыл машину, которая совсем не была грязной. Все, чтобы отвлечься от, мягко говоря турбулентных, событий последних дней.

Сначала эта окровавленная женщина, которая исчезла вместе с табельным оружием Дуни и Магнуса. К счастью, об этом ничего не было в больших заголовках. Потом убийство этого бездомного. Опять Дуня.

Мало того, она позвонила ему утром на домашний телефон и рассказала о нескольких роликах, которые нашла в сети. По ее мнению, в роликах засняты виновные в так называемых веселых избиениях. Свейструп уже ничего не понимал. Почему нынешние преступники не могут вести себя, как нормальные злоумышленники?

Зная, что дело не в этом, он не мог не думать о том, что без Дуни тут не обошлось. Что именно она так или иначе притянула к себе все эти странные события, а не наоборот. Конечно, это было не так. Она просто пыталась выполнить свою работу, даже если это не входило в список ее рабочих обязанностей.

Чего он и опасался, когда брал Дуню на работу. У нее была не только слишком высокая квалификация для патрулирования улиц и поддержания порядка вместе с Магнусом. Она к тому же славилась тем, что плясала только под собственную дудку и высокомерно плевала на приказы. Вместе с тем, она была одним из лучших следователей по делам об убийствах, и

Свейструп не мог просто стоять и смотреть, как всемогущая законченная свинья Слейзнер вынес вопрос на обсуждение и лишил ее возможности устроиться на работу в регионе.

А теперь Свейструп, к собственному удивлению, дал себя уговорить и позволил ей взять бразды правления в свои руки и даже руководить следствием. Само по себе решение было правильным, здесь не было никаких сомнений. Если Дунины подозрения верны, только у нее и ни у кого другого есть шанс довести расследование до конца. Проблема заключалась не в этом. А скорее в том, как она доберется до цели. Через сколько трупов перешагнет, и в первую очередь – какие заголовки о ней напишут.

По этой причине Свейструп по окончании разговора не только положил трубку, но и выдернул шнур из розетки. Возможно, это было безответственно, но пусть будет так. Он уже один раз доходил до ручки и обещал самому себе со всей серьезностью относиться к предупредительным сигналам.

И сейчас он чувствовал себя немного лучше. Монотонные движения губкой по капоту вызывали именно такую гипнотическую усталость, на которую он надеялся, и он был уверен в том, что скоро сможет прикорнуть на диване под звуки Эрика Сати. Проблема просто-напросто красиво подождет до утра.

Уссинг и Йенсен, понятно, будут вне себя от ярости. Свейструп уже представил себе, как они врываются в его кабинет с пунцовыми лицами. Но он с этим справится. Совершенно очевидно, что Дуня более подходящий человек, и чем больше Свейструп думал об этом, тем больше ему нравилось собственное решение.

Через двадцать минут хлопнула дверца машины. Он обернулся и обнаружил машину-гибрид, которая бесшумно подъехала к его участку и остановилась.

– Так вот ты где, – произнес Ким Слейзнер с той улыбкой, которая часто озаряла его лицо на пресс-конференциях. – Я пытался до тебя дозвониться и случайно проезжал мимо.

Проезжал мимо? Так я тебе и поверил, подумал Свейструп и решил не подавать руки.

– Здесь никто мимо не проезжает. Если ты не едешь играть в гольф. Но я не вижу ни клюшек для гольфа, ни клетчатых штанов. Что тебе надо?

Слейзнер улыбнулся и огляделся.

– Хороший район. Спокойный. Здесь, наверное, прекрасно.

– Да, не жалуюсь.

– Я тебя понимаю. Особенно с учетом всего происходящего. И тем не менее, ты можешь уделить время мытью машины и плюешь, когда тебе звонят.

– Во всяком случае, я не лежу на заднем сиденье своей машины на углу улицы Лилле Истедгаде. – Свейструп поднес было руку ко рту, но опустил ее. Все равно поздно – слова, которые из него выскочили, уже не положишь обратно в рот. Два года назад именно Слейзнер не стал отвечать на звонок мобильного. Спустя несколько дней выяснилось, что он развлекался на заднем сиденье с Дженни «Мокрый поцелуй» Нильсен, или как там она себя называла.

Маленькая шалость, которая стоила жизни не только женщине на заправке в Леллинге, но и, в конечном итоге, полицейскому. Поступок, который по всякой логике должен был привести и к увольнению, и к уголовному делу. Но, понятно, ничего такого не произошло. И чем больше Свейструп об этом думал, тем меньше сожалел о своих словах, сказанных наделенному властью мужчине, который сейчас стоял у въезда в его гараж с невозмутимой ухмылкой на губах.

– Срезал! – Слейзнер рассмеялся и развел руками, словно подчеркивая, что он нисколько не обиделся, и что это его уже давно не трогает. – Но сейчас мы не будем стоять здесь и пререкаться, ладно? Между нами, начальниками, говоря. Нам доверили страну, в которой мы должны поддерживать порядок.

– Еще раз спрашиваю, – сказал Свейструп. – Что тебе надо?

– Я бы хотел немного поговорить об одной из твоих подчиненных.

– Ты имеешь в виду Дуню Хоугор?

– Именно, – Слейзнер снова улыбнулся одной из своих хорошо известных улыбок. – Я же знал, что мы пойдем друг друга.

– Дуня – один из моих лучших сотрудников.

– Вот оно что. Интересно. И тем не менее, ты в таком стрессе, что вынужден отключить телефон, чтобы расслабиться. Пойми меня правильно: я тебя нисколько не упрекаю. Исходя из моего опыта, ты видел только начало.

Слейзнер наверняка был прав. Но меньше всего Свейструп хотел признавать его правоту. К тому же он как никогда был уверен в том, что это расследование должна вести Дуня.

– Иб, а теперь выслушай меня. – Слейзнер приблизился к нему на шаг. – Я с ней работал и точно знаю, как она устроена. Поверь мне. Стоит дать ей мизинец, как она тебе откусит всю руку вместе с яйцами, не успеешь и глазом моргнуть.

– У меня о ней немного другое представление.

– Да, но как давно ты имеешь с ней дело? Полгода? Я работал с ней несколько лет. Я был тоже ослеплен ее целеустремленностью. Я даже оказал ей доверие, поручив руководить одним из самых сложных расследований в нашей стране. Ты наверняка помнишь убийство Карен и Акселя Ноймана в Тибберупе.

Свейструп кивнул. Он с большим интересом следил за расследованием со стороны и помнил фото с места жестокого убийства, словно это было вчера. Еще тогда на него произвело впечатление, как быстро Дуне удалось установить личность преступника.

– Спустя полгода она отблагодарила меня, подделав мою подпись и вонзив нож мне в спину. Да, признаю, я совершил ошибку, не ответив на звонок мобильного в машине. Но выступить в прессе после всего того, что я для нее сделал? – Слейзнер фыркнул и поднял ладони. – Пусть радуется, что ее только уволили. Уверяю тебя: я мог бы пойти гораздо дальше, если бы захотел. – Он сделал шаг к машине и рукавом плаща вытер маленькое пятно. – И дело не в том, что я не понимаю, почему ты взял ее на работу. Наоборот. Я бы сделал то же самое, если бы не знал всех обстоятельств. Она хорошо выглядит и чертовски горяченькая, если хочешь знать мое мнение. К тому же она прекрасно играет роль жертвы, которая ужасно пострадала от проклятого патриархата, лучше, чем Паприка, мать ее, Стен [16]. Якобы она на стороне добра и хочет только одного – докопаться до правды и схватить виновного. Но это всего лишь игра. Спектакль с целью получить то, что ей нужно. И знаешь, что это? Хочешь знать, что ею на самом деле движет? – Слейзнер подошел вплотную к Свейструпу и заглянул ему в глаза. – *Твое место.* – Он ткнул пальцем в грудь коллеги. – Точно тебе говорю. *Твоя* должность, которая более привлекательна и дороже стоит, чем все остальные проклятые должности во всем отделении. И когда она сядет и на твой стул и за твой письменный стол, ты будешь стоять здесь, тереть машину или что ты там делаешь, не понимая, что произошло.

Слейзнер замолчал, словно ждал реакции. Но Свейструп никак не хотел реагировать и, откровенно говоря, не знал, как ему реагировать.

– Сейчас ты, может быть, удивляешься, зачем я притащился сюда в эту дыру в свой свободный выходной, – продолжил Слейзнер. – Потому что, когда она разделается с тобой, она опять обратит внимание на меня. На меня и *мой* стул. – Он ткнул себя в грудь. – Потому что это единственное, чего ей надо. Утопить таких, как мы, в дерьме, чтобы самой забраться наверх и захватить наши места в качестве доброго человека.

Свейструпу никогда не нравился Слейзнер, и видит бог, он и сейчас ему не нравится. Но он не мог не согласиться с тем, что Слейзнер в каком-то смысле прав. В Дуне было что-то непредсказуемое. Это что-то всегда заставляло его быть начеку и чувствовать себя неуверенным и менее значимым. Словно она на самом деле считала, что он не справляется со своей работой и не заслуживает своего места.

– Ладно, – произнес он, хорошенько подумав. – Что, по-твоему, я должен сделать?

У Жанетты Даун не было никакого желания давать водителю такси на чай, но ничего другого не оставалось. Меньше всего она хотела, чтобы окружающие говорили о том, какая она скупая. И хотя сейчас риск был невелик, поскольку водитель был датчанин, Жанетту тоже знали благодаря успехам Криса. Она не один раз мелькала в таблоиде *Hänt Extra*, а после одной из вечеринок по случаю кинопремьеры про нее написали, что она была одета почти лучше всех. Не говоря уже о репортаже, который опубликовал журнал *Residence Magazine*, побывав прошлой весной у них в имени.

Поэтому Жанетта дала водителю хорошие чаевые, хотя от него пахло потом и застарелой простудой. Больше всего она ненавидела, когда у людей плохо пахнет изо рта. Ей казалось, что каждый раз, вдыхая удушливый воздух, она сокращает себе жизнь, и поэтому старалась дышать по возможности мало и отрывисто.

Но поездка по Эресуннскому мосту из Каструпа была слишком долгой, чтобы задерживать дыхание, и она немного приоткрыла окно. Однако ей пришлось отказаться и от этого, потому что встречный ветер чуть было не испортил ей прическу, а она хотела выглядеть красивой, когда приедет домой к мужу.

Жанетта вылезла из такси, открыла заднюю дверь и отстегнула мальчиков – оба спали, свесив головы.

– Суне, Виктор, пора просыпаться. Мы уже дома.

Суне открыл глаза и огляделся, словно понятия не имел, где находится, а через несколько секунд, осознав, что соска исчезла, чуть не закатил истерику. Но Жанетта уже достала из кармана другую и успела засунуть ребенку в рот, предотвратив крик.

Она вынула сына из детского кресла и поставила его на гравий.

– Стой здесь, – сказала она и обогнула машину. Она разозлилась, когда поняла, что водитель смеет оставаться на месте, не делая ни малейшего поползновения помочь ей достать сумки. Черт возьми, типичный датчанин, подумала она и помогла Виктору выйти из машины. Ни в какой другой стране нет такого плохого сервиса, как в Дании. Он наверняка из тех, кто ненавидит шведов и *сохраняет чистоту Дании*, перевозя шведов через мост.

– Виктор, бери брата за руку и иди к дому, а я займусь сумками.

Виктор, не протестуя, сделал, как ему велели, хотя еще до конца не проснулся. Он действительно хороший мальчик, самый хороший из всех, кого она знает. Жанетта часто об этом думала и так же часто боялась начала школы после лета. Одна только мысль о том, что с сыном сделает суровая действительность, заставляла ее всерьез думать о домашнем обучении.

Но Крис и слышать об этом не хотел и считал, что самое худшее, что они могут сделать своим детям, – чрезмерно опекать их; и в чем-то он наверняка был прав.

Всего лишь за пять дней Жанетта действительно соскучилась по Крису больше, чем предполагала. Она уже предвкушала, что, как только дети лягут спать, достанет окорок и откупорит одну из купленных в Дании бутылок вина. И тогда муж даст ей послушать сочиненные им мелодии, а она попытается облечь свои впечатления в слова. Жена всегда была его первым слушателем, и он считался с ее критикой.

Жанетта подняла крышку багажника и сразу же посадила пятно на свое новое белое пальто. Но не стоит раздражаться, подумала она, достав прогулочную коляску Суне, раскрыв ее и переложив в нее остаток багажа. Она не собиралась опускать крышку багажника. Водитель же должен что-то сделать за свои чаевые.

– Мама, смотри! – Виктор показал на дом-фургон, припаркованный немного поодаль. – Почему он там стоит?

Жанетта обратила внимание на фургон, еще когда они подъезжали по дорожке из гравия. Но вся ее энергия уходила на то, чтобы выжить среди зловония, исходившего от водителя, и только сейчас, наполнив легкие чистым воздухом, она отреагировала на эту странность: на их участке стоял дом на колесах.

– Наверняка папа что-то затеял, – сказала она, хотя это было совсем не похоже на Крису – покупать большой фургон, предварительно не поговорив с ней. Наверняка имелось какое-нибудь хорошее объяснение, подумала она и направилась к входу, где ее ждали дети. Одновременно она услышала, как водитель такси вылез из машины и закрыл крышку багажника, произнеся какое-то датское ругательство.

– Почему вы не входите?

– Заперто, и папа не открывает, хотя я звоню, – ответил Виктор.

– Он, наверное, сидит в студии. – Жанетта не смогла подавить закипающее раздражение, пока искала ключи в сумочке. Он же знал, что они должны приехать. Они ведь оставили его в покое почти на целую неделю.

Она отперла дверь, запустила детей в дом и затащила внутрь сумки.

После чего сняла пальто, сбросила туфли и пошла прямо в гостевой туалет. Там она села и достала мобильный. Последние дни она только и мечтала об этой минуте. Хорошая связь и свобода от ответственности за детей хотя бы на десять минут. Пусть теперь Крис берет эстафетную палочку.

– Мама! Ты где? – почти сразу же закричал Виктор где-то рядом. – Мама!

– Я в туалете и хочу, чтобы меня оставили в покое! – откликнулась Жанетта, хотя на самом деле не собиралась ничего говорить. – Пойди поговори с папой.

– Но я не могу его найти.

– А ты смотрел в студии?

– Нет, нам же нельзя заходить, когда закрыта дверь и горит красная лампочка.

Чем он там занимается? Одно дело – заканчивает сочинять мелодию, когда они вернулись домой. Но включать красную лампочку никуда не годится, черт возьми.

– О'кей, но тогда успокойся, пока мама не выйдет. Пойди в свою комнату и поиграй. – Она услышала нетерпеливый вздох за дверью, но, во всяком случае, без громких протестов. Теперь она наконец-то смогла открыть игру «Улитки-убийцы» и пройти одну дорожку.

Последнее время Жанетта подседала на эту игру как на наркотик и, хотя загрузила ее всего лишь несколько месяцев назад, дошла уже до семьдесят третьей дорожки. Обещание не тратить ни одной кроны на покупку новых жизней и кратчайших путей оставалось в силе до восемнадцатой дорожки, где она застряла и была вынуждена купить себе выход. После этого она покатила по наклонной плоскости и теперь даже не хотела думать о том, сколько потратила.

Сейчас деньги не представляли для них особенной проблемы. У них было столько денег, что они никогда не успели бы их истратить, так что почему бы не пользоваться моментом и не наслаждаться, пока есть возможность? Все может кончиться, когда ты никак этого не ожидаешь. Если не цунами, так бомба в гостинице. Или как у этого Петер Брисе, который изобрел «Улиток-убийц», а на прошлой неделе разбился насмерть. Какая ему теперь радость от всех его миллионов? Нет, Жанетта вовсе не собирается мучиться совестью только потому, что купила огнемёт за 289 крон, после чего прошла дорожку всего лишь за несколько минут.

Затем Жанетта зашла в Фейсбук и просмотрела свою страницу. Все как всегда. Плохие фото еды, дни рождения детей и хвастливые посты о том, что кто-то наконец пошел в спортзал или вышел на пробежку. От Криса

ничего не было, а это хороший знак. Значит, он был полностью поглощен работой в студии и, может быть, сочинил что-то по-настоящему стоящее.

Она отложила мобильный, вытерлась и вымыла руки. Прежде чем отпереть и выйти, понюхала себя под мышками и почувствовала, как затхлый, хотя и слабый, запах, забил свежий аромат лимонного дезодоранта. Но ничего страшного. Она все равно примет душ перед тем, как они лягут в кровать.

Жанетта прошла через холл на кухню и убедилась, что в основном все выглядело так же, как в среду, когда она уезжала из дома. Понятно, настоящего ужина ждать не стоит, и если она хорошо знает Крису, он... Она прервала свои размышления и уставилась на морозильник, стоящий на полу. Зачем он купил еще один морозильник, у них уже есть два в кладовой? И какой смысл ставить этого белого мастодонта посреди кухни? Это нарушает всю концепцию, над которой они с дизайнером так много работали.

Только сейчас она заметила, что некоторые картины пропали. Конечно, это территория Криси, а не ее, но Жанетта быстро поняла, что не стало наиболее ценных картин.

Ее охватило беспокойство, словно ей только что вкололи яд. Чтобы не потерять равновесие, она оперлась о морозильник и сделала несколько глубоких вдохов, как ей советовал ее психотерапевт.

Крис нередко грозился уйти от нее. Так много раз, что она перестала слушать. Это единственное объяснение. Он воспользовался отсутствием ее и детей. Как трусливая чертова собака он ушел втихаря, зажав хвост между ногами и забрав с собой самое ценное в надежде, что она не заметит. Значит, поэтому на участке стоит фургон? Конечно, это не объясняет уродливый морозильник на кухне, но это не играет никакой роли. Жанетта была полностью убеждена в том, что муж привел в исполнение свою угрозу.

Или нет, минутку... Внезапно до нее дошло. Зачем оставлять красную лампочку включенной, если его там даже нет? Может быть, она просто дала волю своим параноидальным мыслям? Почувствовав прилив энергии, она быстрым шагом дошла до студии, где действительно горела лампочка. Вытерла пот с лица подолом платья, поправила волосы и открыла дверь со звукоизоляцией.

В ту секунду, когда Жанетта увидела мужа, она простила ему все. Не имеет значения, что он делал в их отсутствие, не имеет значения, что он, похоже, забыл, когда они вернутся. Вот он сидит, повернувшись к ней спиной, и крутит ручки на микшерном столе. Крис полностью был

поглощен музыкой, которая раздавалась из больших наушников, и, похоже, не обратил на нее никакого внимания. Но почему у него на руках резиновые перчатки?

Она подошла к нему и уже собиралась положить ладонь ему на плечо, как он, улыбаясь, повернулся к ней.

– Привет, любимая, – сказал он, снимая наушники.

– Привет, – ответила она. Во всяком случае, она услышала свой ответ. Не потому что хотела его поприветствовать, а больше для того, чтобы заполнить паузу, которая иначе слишком бы затянулась.

– В чем дело? – продолжил он с той же резиновой улыбкой. – Но любимая, у тебя совершенно подавленный вид. Что-то случилось?

Мужчина говорил точно так, как ее муж, и на его большом пальце она увидела широкое серебряное кольцо с черепом, которое подарила ему на Рождество. Он даже выглядел почти как ее муж. Но только почти.

– Кто ты такой? – спросила она еле слышным голосом.

– Но любимая, я думал, мы договорились не ругаться при детях.

– И что ты, черт возьми, делаешь в моем доме? – Она была готова сорваться. Скоро и ноги, и голос перестанут ее слушаться. Ей хотелось только одного: очнуться от этого проклятого кошмара.

Сидящий перед ней мужчина рассмеялся именно тем кудахчущим высокомерным смехом, которым смеялся Крис, когда был очень сильно раздражен.

– Не хочется мелочиться, но теперь это мой дом, – сказал он, откинувшись на стуле. – Я микширую мое последнее творение. Хочешь послушать?

– Кто ты такой? И что ты сделал с моим мужем?

– Мама, кто это? – спросил Виктор, который неожиданно оказался у ее ног, держа Суне за руку.

– Папа! – воскликнул Суне до того, как она успела отреагировать, и подбежал к мужчине, который поднял его в своих объятиях.

– Суне, а теперь иди к маме.

– Нет. Папа. – Суне скрестил обе руки на груди и стал ждать, что мама рассмеется, как она делала всегда как по заказу, когда сын напускал на себя взрослый вид.

Но на этот раз Жанетта не рассмеялась. Она хотела было крикнуть Суне, чтобы он спрыгнул вниз и расцарапал мужчине глаза, если это необходимо. Что-то было не так, чудовищно не так, и она даже не могла объяснить что. Но сейчас она была вынуждена сохранять спокойствие, чтобы не испугать детей.

– Хоть кто-то меня узнал. – Мужчина похлопал Суне по голове. – Суне, ты хорошо провел время? Или скучал по папе?

– Папа, – повторил Суне и посмотрел на мужчину таким взглядом, словно в глубине души тоже почувствовал: что-то не так.

– Ну ладно. А теперь ты, Виктор и мама будете делать то, что скажет папа. – Мужчина уставился на Жанетту. – А не то папа очень-очень рассердится.

Дуня поставила будильник на пять часов, выбрав звук игры в пинбол – он больше всего раздражал ее, – чтобы больше не заснуть. Хотя обычно ей надо было ждать до десяти часов, чтобы кровь прилила к голове, теперь она чувствовала себя как никогда отдохнувшей и сосредоточенной. Каждая клеточка ее тела была так напряжена, что ей было трудно спокойно стоять в душе, когда она стала смывать с волос бальзам.

Наконец все изменится. Наконец произойдет то, чего она ждала с тех пор, как Слейзнер уволил ее почти два года тому назад. Через несколько часов она станет во главе следствия. Уссинг и Йенсен, понятно, будут препятствовать и протестовать, но в конечном итоге поймут, что у них нет другой возможности, кроме как красиво смириться и подчиниться приказу.

Свейструп все-таки включил здравый смысл и в воскресенье по телефону дал ей свое согласие. Он сделал все, чтобы отложить принятие решения в долгий ящик. Но Дуня проявила твердость и убедила его в том, что есть риск, что все другие альтернативы ударят рикошетом по нему самому. Вместе с тем устное решение Свейструпа – сырой товар. Поэтому она не собиралась тратить зря ни одной минуты, пока это не будет высечено в камне.

После завтрака она доехала на велосипеде до вокзала Нёррепорт и в 06:55 села на Эресуннский поезд до Хельсингёра. Через тридцать семь минут вышла на станции Снеккерстен и доехала на велосипеде до участка. В запасе у нее было больше часа, чтобы подготовиться к совещанию.

Она уже точно знала, что скажет. Большую часть вчерашнего вечера она репетировала перед камерой мобильного, оттачивая и шлифуя свое выступление до совершенства. Время ей нужно было для другого: чтобы сварить кофе, разложить венские булочки и переставить горшки с цветами так, чтобы шторы могли беспрепятственно опуститься вниз, когда она нажмет на пульт. Не говоря уже о проекторе, который подчинялся закону Мерфи, как только его подключали к новому компьютеру. Но после того как Дуня загрузила и установила новые драйверы, заработал и проектор, и звуковая система, и она почувствовала себя готовой как никогда.

Она ждала, что первым появится Свейструп вместе с прокурором Юлие Витфельдт, которая, понятно, уже была в курсе относительно смены руководителя следствия. Потом с опозданием приплетутся Уссинг и Йенсен, чтобы подчеркнуть, что они никак не намерены подчиняться

приказам не пойми кого.

Но вместо этого пришел Магнус Равн в форме и посмотрел на нее своими растерянными собачьими глазами, и она почувствовала себя самым плохим человеком на свете. Она совершенно забыла сказать ему. Нечистая совесть просачивалась, как пот, через поры, и скоро вишневая блузка потемнеет под мышками, если она не возьмет себя в руки.

– Привет, Магнус. Ты в порядке? – спросила Дуня, пытаясь сгладить все шероховатости.

– Где твоя форма? – Он посмотрел на нее так, словно на ней не было ни единой нитки.

– Дело в том, что Иб согласился передать мне расследование.

– Это правда? Как здорово. Поздравляю. – Он просиял. – Значит ли это, что я тоже...

– К сожалению. Поверь мне, я действительно испробовала все, – сказала она и отбила еще одну атаку пота. – Но получила отказ. Ты знаешь, каким может быть Иб, когда на него что-то найдет. Тогда для него каждая перемена не к добру. Помнишь, когда делали ремонт в раздевалках и мы предложили покрасить стены в любой цвет кроме белого?

Магнус кивнул и выдавил из себя улыбку. Но его взгляд говорил о том, что он видит ее насквозь. Она сказала слишком много и объяснила, что происходит, с помощью такого количества слов, что ложь стала явной. Почему она просто не сказала как есть? Что у нее нет ни времени, ни желания тащить за собой балласт. Что он замечательный парень, но ему надо перестать надеяться.

– Послушай, может, увидимся, как только я закончу эту эпопею. Может быть, вместе пообедаем или поужинаем, – предложила она. В это время в комнату вошли Сёрен Уссинг и Беттина Йенсен, каждый с дымящейся чашкой кофе в руке.

– О'кей, – сказал Магнус, кивнув им в знак приветствия и не получив ответа.

– Хорошо, тогда я тебе позвоню, – сказала Дуня, пытаясь не обращать внимания на тот факт, что Магнус, вместо того чтобы выйти из комнаты, сел на один из стульев. Зато Свейструп и прокурор пока еще не пришли, хотя уже было пять минут десятого. – Привет и добро пожаловать, – продолжила она после еще одной долгой минуты в гнетущей тишине. – Садитесь и угощайтесь. Венские булочки только что из печки. Кофе тоже свежий, если захотите добавки.

Почему она так страшно волнуется? Ей нечего стыдиться.

– Мы спешим. – Уссинг бросил взгляд на свои наручные часы.

– Посмотрим, сколько это займет времени. – Дуня нажала на пульт, и шторы начали медленно скользить вниз. В каком-то смысле стало гораздо легче, когда Уссинг перестал скрывать свое презрение. Что бы он там себе ни думал, он всего лишь некомпетентный подонок, к которому надо относиться соответственно. – Как вам наверняка известно, я не могла не думать о событиях в доме на улице Стенгаде.

– Да, не каждый день кому-то чудом удается отдать даже не одну, а две единицы табельного оружия наркоманке и шлюхе под кайфом, – заметила Йенсен с ухмылкой.

– Не знаю, какие у вас версии, если они вообще у вас есть, – сказала Дуня, краешком глаза увидев, что уже двенадцать минут десятого. Поэтому она решила начать без прокурора и Свейструпа. – Лично я убеждена в том, что это так называемое «веселое избиение».

– Тебе не надо беспокоиться. – Йенсен откинулась на стуле, сплетя пальцы на затылке. – У нас есть целый ряд версий. Разница между нами в том, что мы их не обнаружим, пока не убедимся окончательно.

– Ни перед кем я ничего не обнаруживала, кроме как перед вами. Я также не вижу никаких оснований делать это, пока виновные не будут схвачены, хотя я полностью уверена.

– Извини, но что такое «веселое избиение»? – спросил Магнус, подняв руку, словно сидел на уроке.

– Молодые люди бьют и калечат случайных и совершенно невинных жертв, одновременно снимая это на свои мобильные и выкладывая фото в сети. словно это забава за неимением лучшего.

– Это началось в Англии среди безработной молодежи, – добавил Уссинг. – Но пока нет никаких признаков того, что это явление дошло до нас.

– Именно что дошло, в чем ты скоро убедишься. – Дуня нажала на клавишу пробела и притушила свет. Проектор пробудился к жизни и показал опущенный экран. – Я нашла этот ролик на Ютубе. Это снято чуть больше года назад. Вы увидите, что дело происходит среди бела дня в центре Хельсингёра.

Она стала демонстрировать дрожащий ролик под классическую струнную музыку. Кто-то в темно-зеленой куртке с капюшоном и в натянутом на голову чулке появляется в кадре и кланяется, словно перед выступлением. Круглый желтый смайлик на чулке закрывает большую часть лица мужчины, который надевает на голову капюшон и начинает идти по улице.

– Что это за музыка? – спросила Йенсен.

– Наверняка Бетховен, как в «Заводном апельсине», – сказал Уссинг.

– На самом деле нет, хотя это наверняка служило источником вдохновения, – сказала Дуня. – Это Моцарт. Третья часть тридцать девятой симфонии ми бемоль мажор. – Теперь они наконец начали понимать, что она сделала свою домашнюю работу. Что нельзя просто так дать ей по рукам. – Что само по себе дает понять, что тут происходит. Наряду с «Женитьбой Фигаро» это считается в одной из его наиболее веселых и полных надежд симфоний.

Скачущая камера следит за человеком, который идет все быстрее пружинистым шагом, нагоняя женщину, разговаривавшую по мобильному. Один удар, нанесенный сзади прямо в правое ухо, – и женщина мешком падает на тротуар. Камера спешит к женщине, которая неподвижно лежит на земле, и снимает пять сильных пинков – почти в такт музыке – по голове поношенной парой кроссовок.

Сразу же после этого в кадре опять появляется замаскированный мужчина, который по-прежнему идет вперед по улице легким шагом, словно пританцовывая. Не останавливаясь, он поворачивается к камере лицом, закрытым желтым смайликом, и машет зрителям – мол, идите за мной. Через двадцать метров одним движением руки он стаскивает с велосипеда проезжавшего мимо мужчину. Машина сзади вынуждена затормозить и остановиться, но преступник, похоже, нисколько не беспокоится и продолжает бить и пинать велосипедиста. Вскоре тот перестает защищаться и остается неподвижно лежать посреди улицы. И только тогда злоумышленник спокойно бежит дальше мимо машины.

– Я нашла еще три таких ролика. – Дуня включила свет и увидела, что наконец пришел Свейструп. Хотя без Юлие Витфельдт. – Все сняты здесь, в Хельсингёре, около года тому назад и смонтированы под музыку Моцарта. В последнем уже трое злоумышленников замаскированы таким же образом: на головы натянуты чулки, а лица закрыты смайликами.

– А почему ты думаешь, что это имеет хоть какое-то отношение к нашему расследованию? – спросил Уссинг, взяв булочку.

Дуня как раз надеялась на этот вопрос, и ей пришлось сделать усилие, чтобы не ответить сразу же.

– Во-первых, – начала она, – кто сказал, что я так думаю? И во-вторых, у нас есть свидетель, а именно Санни Лемке.

– Ты имеешь в виду ту, что стреляет направо и налево твоим пистолетом? – спросила Йенсен.

– Именно.

– Как ты можешь быть так уверена в том, что не она убила своего

брата? Мы только что получили ответ, что кровь, которую мы нашли в доме на улице Стенгаде, принадлежит убитому, что привязывает ее к месту убийства.

– Да, но если вы прочли до конца отчет о вскрытии, то видели, что Оскар Педерсен утверждает, что преступник или преступники, вероятно, прыгали по жертве, пока он не умер, что подтверждают несколько кровавых следов обуви на месте убийства.

– Но это не говорит ни за, ни...

– Я хочу сказать, – прервала Дуня, – что на кедах Санни совсем не было крови.

– Она вымыла их или надела чистые. – Йенсен пожала плечами.

– Мы ведь говорим о бездомной наркоманке, которая...

– А как ты объяснишь кровь на ее руках и футболке? – перебил Уссинг.

– Точно не знаю, но предполагаю, что она попыталась оживить его, как только преступники скрылись.

– Мы не работаем с предположениями, – отозвалась Йенсен.

– К тому же Санни несколько раз повторила, что они были «желтые и веселые» и вели себя так, словно это игра.

– Желтые и веселые? – Уссинг рассмеялся. – Только не говори, что это единственное, что у тебя есть. Что мы сидим здесь и теряем время только поэтому.

– Сёрен, она была там и видела все собственными глазами.

– Может быть, она так утверждает. На самом деле, она всего лишь шлюха и наркоманка, которая глазом не моргнув убьет собственного брата еще за несколько грамм.

– Я думаю, что тут ты ошибаешься.

– Думаешь? Это же именно то, что ты не делала?

– Да, но... – Дуня сбилась.

Разговор пошел не так. Конечно, в возражениях есть своя польза. Они заставляют членов команды напрягаться и помогают оживить следственную работу. Но Уссинг и Йенсен занимались не этим. Они старались потопить расследование. Если они к тому же смогут унизить ее до предела, еще лучше. И плевать, если она окажется права.

– Но ведь я говорила с ней, и у меня сложилось четкое впечатление, что она говорит правду, и...

– Но подожди, можно мне сказать? – спросила Йенсен, и Дуня кивнула. – Ты сказала, что ролики сняты год назад. Разве это не указывает на то, что они прекратили этим заниматься?

– Не обязательно. Я бы скорее сказала, что это... – Она не успела

закончить, поскольку Йенсен продолжила:

– Или, может быть, ты также нашла ролик, в котором заснято убийство, и просто хочешь оставить его под конец? Поскольку, если твоя версия верна, они должны были снять и это.

– Как хорошо, что ты задала именно этот вопрос, – откликнулась Дуня, проигнорировав тот факт, что это совсем не вопрос, а еще один удар ножом в спину. – Это так. Нет, такой ролик я не нашла. Во всяком случае, пока не нашла. Но я убеждена в том, что такой случай был заснят. Может быть, они еще не выложили ролик в Интернет. Может быть, они стали более осторожными и делятся роликами только с себе подобными, как педофилы. – Дуня развела руками, чтобы подчеркнуть, что, несмотря на их разногласия, они работают в команде. – Как бы то ни было, мы приложим все усилия, чтобы найти соответствующее видео.

– Извини, но тут одно с другим не вяжется. – Уссинг покачал головой. – Мы имеем дело с хладнокровным убийцей, а не с какими-то молодыми людьми в масках, у которых слишком много свободного времени. – Он встал. – Спасибо за информацию. Это было интересно, но мы продолжим идти по намеченному пути.

– Но какому пути? Что это Санни Лемке? – Дуня повысила голос, хотя обещала самой себе сохранять спокойствие, что бы ни случилось.

Но охватившее ее отчаяние свело на нет все заранее отрепетированные реплики. Поделаться с этим ничего было нельзя. Она не могла просто стоять и смотреть, как Уссинг выплескивает свое презрение, собираясь выйти из комнаты. Если сейчас она не заставит его сесть, ей это не удастся никогда.

– Обе жертвы, которых ты только что видел на экране, заявили в полицию. Это только два из многих расследований, которые лежат на *вашем* столе в *вашей* комнате и зазря собирают пыль. И знай: я позабочусь о том, чтобы изменить сложившийся порядок вещей.

Уссинг посмотрел на Дуню, словно пришел в зоопарк и увидел совершенно новое животное. Он фыркнул и перевел взгляд на Йенсен.

– Пойдем, нам надо работать.

Йенсен встала, взяла две булочки и сделала поползновение уйти.

– Эй, подождите. – Дуня повернулась к Свейструпу, который пока что ни во что не вмешивался и не издал ни единого звука. – Иб, ты не сообщил нашим коллегам, что с сегодняшнего дня следствием руковожу я?

Наступила тишина. Такая, что все услышали, как у Свейструпа урчит в животе.

– Дело вот в чем. Я знаю, что вчера мы об этом говорили, и ты предложила этот вариант. Я хорошо это помню. Точно так же, как я обещал

хорошенько подумать.

– Что значит подумать? Что ты мелешь?

– И я пришел к выводу, что, возможно, это не такая уж хорошая идея. Отчасти собьется рабочий график. И как сказали и Сёрен, и Беттина, у них полно версий, которые им надо отрабатывать. Сейчас ты поделилась своими соображениями, и мы посмотрим, сможет ли следственная группа использовать их в своей работе. – Свейструп закончил с улыбкой и кивнул, словно чтобы подчеркнуть, какое правильное и продуманное решение он принял.

Это неправда. Это не может быть правдой. Конечно, ее начальник всегда отличался большой нерешительностью и без всяких проблем держал нос по ветру, и не раз, не два. Но всему есть предел.

Но какое теперь это имеет значение, если ее опозорили. Еще год назад Дуня бы заплакала. Но сейчас не могла выдавить из себя ни слезинки. Она только чувствовала, как в ней зарождается злоба, которая растет по мере того, как идут секунды, и причина становится все более явной. Причина, у которой есть только одно имя.

Ким, мать его, Слейзнер.

В воскресенье, сразу же после посещения Рикарда Янссона, персонального банковского менеджера Брисе, Фабиан попытался связаться с Тувессон, чтобы созвать совещание и обсудить дальнейшие действия. Но она снова стала недоступна: на мобильном отвечал автоответчик. Тогда он поехал к ней домой и увидел сбитый почтовый ящик. Фабиан позвонил в ее дверь, держа кнопку звонка дольше минуты, но, в конце концов, ему ничего не оставалось, как сдаться.

В телефонном совещании по дороге домой он обсудил с Утесом и Лильей, стоит ли им вызывать спецназ из Мальмё и провести операцию дома у Криса Дауна уже в тот же вечер. Но после длительной дискуссии они пришли к выводу, что никак не могут принять такое ответственное решение без согласия Тувессон, поскольку существует риск, что они не схватят преступника, а спугнут его. Поэтому они договорились подождать до утреннего совещания в понедельник, когда начальница, как они надеялись, выйдет на работу.

Фабиан проснулся почти в пять утра и обнаружил, что Соня еще не вернулась домой. Из попыток снова уснуть ничего не вышло, и тогда он устроил себе ранний завтрак в компании утренней газеты и радио. Затем оставил детям записку, сообщающую, что они с Соней уже уехали на работу и что в холодильнике есть каша, которую можно разогреть в микроволновке.

Было только семь часов утра, когда Фабиан вышел из лифта на последнем этаже в полицейском участке. К его удивлению, Лилья уже была на работе. Вместе выпив кофе, коллеги выяснили, что обоим в равной степени не терпится. Они поехали на лифте вниз, сели в машину Фабиана и вбили в навигаторе адрес Криса Дауна.

Даун жил на улице Норра Валлокравеген, 925, за городом, примерно в двадцати километрах к востоку от Хельсингборга. Вокруг дома простиралась поля, среди которых изредка встречались отдельно стоящие хутора. Когда Фабиан с Лильей отъехали на несколько километров от города, на дорогах тракторы им стали попадаться чаще, чем машины.

Полицейские поехали к Дауну, чтобы просто получить представление о том, что их ждет. Посмотреть, оставаясь невидимыми.

– Кстати, ты ничего не слышал от Эльвина на выходных? – спросил Фабиан. – В воскресенье я пытался несколько раз до него дозвониться, но у

него все время был включен автоответчик.

– Наверное, он просто не хочет, чтобы ему мешали в выходные, – сказала Лилья, оглядывая местность. – Ты же знаешь, каким упертым он может быть. Взять хотя бы его стул. Горе тому, кто случайно на него сядет.

Фабиану ничего не оставалось, кроме как кивнуть. Хотя прошло уже почти два года с тех пор, как он взял рабочий стул Эльвина и совершил смертный грех, поменяв все настройки, ему казалось, что это было вчера. Злоба, с которой он столкнулся, когда коллега вышел из отпуска, не знала границ. Чтобы избежать кризиса, Тувессон пришлось провести с ними беседу; Эльвин стал разговаривать с Фабианом лишь спустя полгода.

– Но ведь он, как и мы все, должен быть заинтересован в том, чтобы следствие не снижало обороты. Ведь это же он вычислил, как все взаимосвязано.

– Да, но сейчас не все так рвутся в бой, как ты, – отозвалась Лилья со смехом. – Например, Муландера также не было в выходные, и, если совсем начистоту, я понятия не имею, что у Эльвина в голове. – Она опять оглядела окрестности. – Может быть, это покажется странным, – ведь мы столько лет работаем вместе. Но единственное, что я знаю об Эльвине, – это то, что я вижу на работе, где он, безусловно, один из самых сообразительных. Но если ты хочешь узнать, чем он занимается, когда уходит домой, вопрос не ко мне. По мне, он с одинаковым успехом может мастерить модели бутылочных кораблей и смотреть порнофильмы. Возможно, у него самая большая в Швеции коллекция игрушек из киндер-сюрпризов. Что я могу знать? – Она пожала плечами.

– Но, во всяком случае, они с Муландером знают друг друга довольно хорошо? – спросил Фабиан.

Лилья кивнула.

– Хотя последнее время они почти не разговаривают.

– Вот как?

– Ты этого не заметил? – Лилья повернулась к Фабиану. – Стоит им оказаться в одной комнате, как они становятся раздражительными и грубыми.

– Через сто метров с правой стороны будет конечная точка маршрута, – раздался синтезированный голос, после чего Фабиан снизил скорость и припарковал машину с левой стороны дороги перед маленькой трансформаторной станцией.

Конечно, он заметил, что оба коллеги необычайно раздражают друг друга последние недели. Но он не придавал этому значения – но вообще-то Муландер почти всегда кого-то раздражает.

Фабиан оставил ключ в замке зажигания, вышел из машины и окинул взглядом аллею, которая начиналась на противоположной стороне дороги. Чтобы не попасть на возможные камеры наблюдения на деревьях, полицейские пошли по высокой траве с правой стороны, и через сто метров приблизились к стене, окрашенной белой известью.

– Вот одна, – Лилья показала на камеру, висящую справа от закрытой железной калитки.

Фабиан кивнул и пошел вдоль стены в другом направлении. Известь была еще такой ослепительно белой, что почти не вписывалась в окружающий пейзаж. Может быть, поэтому он сразу же зацепился взглядом за грязные пятна, которые шли вверх за край стены.

– Что это такое? – Лилья подошла к стене и стала рассматривать несколько выкрашенных в белый цвет выступов для скалолазания, смонтированных в стену в нескольких метрах друг от друга. – Посмотри, кто-то даже не пожалел на это времени вместо того, чтобы просто взять с собой лестницу.

– Значит, кто-то был здесь не один раз, – сказал Фабиан. – Вероятно, с целью наблюдать, фиксировать и изучать все привычки Дауна и его распорядок дня, прежде чем нанести удар.

Он попытался поставить один ботинок на самый нижний выступ, одновременно схватившись за один из верхних. Его поразило, как легко оказалось взобраться наверх, хотя ширина выступов составляла не более пары-тройки сантиметров. Оказавшись на стене, Фабиан увидел, что место выбрано очень тщательно. Листва нескольких берез хорошо закрывала вид на дом, поэтому они спокойно смогли спуститься вниз с внутренней стороны, не боясь, что их увидят.

Впереди в пятидесяти метрах от стены находилось главное здание с двумя флигелями по бокам. Но на таком большом расстоянии невооруженным глазом было невозможно рассмотреть, есть ли кто-то внутри. С помощью мобильного Лилья сумела приблизить изображение и убедилась, что снаружи вроде бы все тихо, только камера наблюдения делает панорамную съемку.

Фабиан взял у коллеги мобильный и навел его на камеру, висящую на фронтоне и направленную на газон, похоже, такой же новый, как и стена. Равномерные движения и равные интервалы говорили о том, что камерой управляли не вручную. Но это не значило, что она не может реагировать на движения и посылать сигналы тревоги.

Был только один способ узнать это – попробовать, подумал Фабиан и кивнул Лилье, чтобы она шла за ним, как только камера стала

отворачиваться от них. Но далеко они не ушли, поскольку позвонила Тувессон.

– Где вы есть? Мы начали пятнадцать минут назад.

Фабиан посмотрел на часы и понял, что уже начало десятого.

– Около дома Криса Дауна. – Стало тихо, и можно было почти услышать, как Тувессон кусает себе язык, чтобы успокоиться.

– О'кей, честно говоря, я не понимаю, о чем вы думаете, но...

– Вчера я пытался до тебя дозвониться, – прервал он. – Я общался с его банковским менеджером, и...

– Фабиан, я знаю. Утес уже рассказал мне, и мы отправили туда сыщика. Сейчас самое важное, чтобы вы как можно быстрее ехали сюда. И не дай бог вас кому-нибудь обнаружить.

– Но подожди, разве мы не должны...

– Черт возьми, ты можешь хоть раз в жизни сделать так, как я прошу? Мы только что говорили с Магтасом Рюборном, новым банковским менеджером Дауна из отделения Торгового банка на Большой площади. Очевидно, их первая встреча состоится уже сегодня во второй половине дня, и тогда у нас будет шанс схватить его. Если он еще не понял, что мы у него на хвосте.

Привет, Микаэль! Надеюсь, у тебя все хорошо. Посмотри ссылку ниже. Я убеждена в том, что за убийством стоят они, но не нашла ролика.

Думаю, ты знаешь, где надо искать.

Целую

Дуня.

Микаэль Рённинг сидел в кабинете без окон в самом конце отдела информационных технологий полиции и пристально смотрел на мейл, словно тот пришел с другой планеты. Он уже прочел его три раза, но был вынужден читать в четвертый. И не потому что не понимал. Наоборот, он понял все точно, и именно это ему не нравилось. Значит, он такой прозрачный и предсказуемый – говоря начистоту, скучный – что она считает, что ему известны все ее затеи. Как славный чертов песик, который всегда готов помахать хвостом, как только появляется хозяин.

О'кей, конечно, он всегда был в курсе последних новостей и, разумеется, знал, что теперь она работает в полиции по поддержанию общественного порядка в Хельсингёре и каким-то образом причастна к делу об убитом бомже. Но она не должна была на это рассчитывать. Хуже некуда, когда тебя принимают как должное. Особенно учитывая, что прошел почти год со дня их последней встречи.

Тогда он пригласил Дуню на ужин, который перетек в безумно дорогой поход по барам. Но что не сделаешь для своих друзей, рассудил Микаэль. Потому что он расценивал их отношения именно так. Друзья, может быть, даже на всю жизнь.

Первый раз она пришла в отдел информационных технологий с просьбой помощи, когда остальные коллеги ее игнорировали, поскольку Слейзнер поручил ей вести следствие по делу об убийстве телезвезды Акселя Ноймана и его жены. Не имея никаких полицейских полномочий, Микаэль помог ей с поиском и фильтрованием в различных реестрах. Она также проверяла на нем свои соображения и иногда могла позвонить ему посреди ночи только для того, чтобы узнать его мнение.

Микаэль очень любил работать вместе с Дуней, и ему этого сильно не хватало, когда ее выгнали и она исчезла. Они шутили, что в один

прекрасный день она станет начальником и переведет его в убойный отдел. Конечно, они общались по телефону и говорили о том, что надо повторить поход по барам, когда теперь у нее есть своя зарплата и она снова может приглашать других. Но дальше разговоров дело не пошло, и спустя какое-то время он постепенно стал терять надежду, что они когда-нибудь увидятся снова.

Но сейчас Дуня дала о себе знать и попросила его о помощи. К тому же таким тоном, словно все совершенно нормально. «Целую», мать твою. Может быть, ему стоило разозлиться, написать ответ капслоком и попросить ее пойти к черту. Сказать, что дружба – если она сейчас правда пытается изобразить дружеские отношения, – не ограничивается просьбами о помощи.

Но дело было в том, что он не разозлился. Ни капельки. Скорее, испытывал воодушевление и радость. Поскольку тон письма подразумевал, что они друзья, которые не должны ничего доказывать друг другу. Особенно не раздумывая, Микаэль понял, что в глубине души уже простил ее, и щелкнул на приложенную ссылку.

Ему не надо было долго смотреть ролик (там кто-то трусцой бегал по Хельсингёру, натянув на голову чулок со смайликом, и избивал людей), чтобы понять, что речь идет о «веселом избиении». Но почему Дуня увязала это с убийством бомжа, Микаэль не понял. Конечно, в Англии происходили смертельные случаи, но их было крайне мало, и он не слышал о том, чтобы такое случалось в Дании.

Но если он правильно понимал Дуню, у нее наверняка имелись свои соображения, и он не видел оснований ставить их под сомнение. К тому же, и это самое лучшее, он точно знал, где будет искать, раз эти преступники такие идиоты, что выкладывают ролики об убийстве в Интернете.

Когда Теодор проснулся в воскресенье, он засомневался, что это был не сон. Что напрасные мечты не приобрели такую силу, что в конце концов превратились в его подсознании в действительность. Но уже через несколько минут он убедился в обратном. Он был у Александры дома, они провели вместе несколько часов, слушали музыку и говорили обо всем на свете. Ни одного раза ему не приходилось обдумывать свои слова. Они словно появлялись сами по себе и выражали его мысли именно так, как он хотел.

Александра слушала, как никто другой, и говорила такое, что, по его мнению, могло прийти в голову только ему. Теперь их внезапно стало двое, и впервые он не чувствовал себя совсем одиноким. И хотя Теодор знал, что первая любовь никогда не длится всю жизнь, у них будет по-другому. В этом он не сомневался.

И они были близки, так близки, как это возможно, если не доходить до самого конца. Если бы не ее родители, которые вот-вот должны были прийти, это наверняка бы произошло внизу, в комнате для занятий йогой. Но тогда Теодор просто кивнул и согласился, что ему лучше уйти. Хотя он не ушел, а поплыл на облаке домой на улицу Польшёгатан.

Но уже через несколько часов в воскресенье во второй половине дня это чувство сменилось на неуверенность. Почему она не отвечает, когда он звонит? Если она сейчас так страшно занята, почему бы ей не перезвонить, когда у нее найдется время? Смс было бы достаточно. Маленький смайлик с поцелуем или чем угодно. Но она не удостоила его даже этим.

Весь оставшийся день Теодор делал все, что, как точно знал, делать не следует. Он звонил ей и посылал смс столько раз, что потом мать наверняка спросит, чем он занимался, как только увидит счет за мобильный. Он писал, как много слушает Люкке Ли и советовал ей певицу Файст, которую слушала его мама. Иными словами, вел себя просто жалко, хотя было совершенно ясно, что Александра не влюблена в него и совсем им не интересуется.

И все же что-то в нем отказывалось оставлять надежду. Как собаки на пляже в Таиланде, которые упрямо идут за тобой, куда бы ты ни шел. Вот кто он такой – трехногая блохастая проклятая собака из Таиланда. И все же он не мог не дать ей последний шанс. Если Александра им не воспользуется, он оставит ее в покое, удалит на Фейсбуке свой запрос на

добавление в друзья и сделает все, чтобы перестать о ней думать. Если понадобится, перейдет в другую школу.

Теодор все подготовил, и завтра это произойдет. Он снял со счета все свои сбережения и заказал столик на пароме, который выйдет из Хельсингёра в пять часов. Он съездил в Велу и купил сердце, которое разламывается на две половинки, с их именами, выгравированными на каждой половинке, а также написал стихотворение, которое прочтет вслух, когда она будет открывать коробочку. Если все пойдет по плану, они смогут провести на пароме целую ночь, поскольку на следующий день надо идти в школу, и его родители подумают, что он ночует у Йонте, чтобы вместе делать групповую работу.

Осталось только спросить у Александры, хочет ли она поехать.

Теодор надеялся увидеть ее сегодня на перемене в десять часов, но она не появилась, что его успокоило. Может быть, все же есть естественное объяснение ее молчанию. Может быть, она заболела. Может быть, накрылся мобильный. Или она просто сидит дома и занимается.

Во время обеденного перерыва, пока он ждал звонка от отца, он вспомнил, как Александра обмолвилась, что сейчас очень интенсивно тренируется, и решил прогулять последние уроки и найти ее спортивный клуб. Он вспомнил надпись на ее спортивной сумке – «Клуб боевых искусств Феникс» – и быстро нашел в Интернете адрес. Клуб находился на Кадетской улице в районе Западная Берга.

Там он и нашел девушку. Она боролась, стоя в кругу, вся потная и запыхавшаяся. На ней был на зубник и спортивный костюм явно на размер больше. Александра не обратила на Тео внимания. Она была полностью поглощена своим противником, парнем, который уже тогда ему не понравился. Парень был не только значительно крупнее и сильнее, чем Александра, но и боролся так, словно выжить должен был только кто-то один из них.

И тут она увидела Теодора и на мгновение просияла. Больше и не требовалось, чтобы перестать беспокоиться. Ее занимала только тренировка и ничто другое. Ничего странного.

Она отвлеклась всего лишь на секунду, но этого оказалось достаточно, – ее партнер-идиот нанес ей такой сильный удар, что она пролежала несколько секунд, прежде чем попыталась подняться. Теодор хотел было оказать парню достойное сопротивление, но сдержался, когда Александра рассмеялась и позволила своему противнику помочь ей встать на ноги.

Сейчас они сидели в пиццерии в районе Рингсторп. К сожалению, не

вдвоем, а с Хенриком Мааром – так звали этого идиота. К ним присоединилось еще двое парней. Теодор понятия не имел, как их зовут, и не собирался это выяснять. Тем более что они не обращали на него ни малейшего внимания. А вот Александре, похоже, все это нравилось, и она смеялась каждому сказанному ими слову.

– Да, кстати, ты кто такой? – будто невзначай спросил Хенрик Маар, когда им принесли пиццы и Теодор взял первый кусок. – Тебе уже разрешили засунуть?

– Что за вопрос? – сказала Александра.

– А что такого? Он присосался, как пиявка, к одному из моих лучших друзей, и не мешает за ним присмотреть, пока он не прилип намертво.

– Как так прилип? – Теодор прожевал до конца и накрепко каждый мускул своего тела – ведь могло произойти что угодно.

Парни, имена которых он не знал, засмеялись, напомнив ему героев мультсериала «Бивис и Баттхед», который отец подарил ему весной на день рождения.

– Не обращай на них внимания, – Александра положила руку на его ладонь.

– А я и не обращаю, – ответил Теодор, подбодренный ее прикосновением. – Во всяком случае, на Бивиса и Баттхеда.

Хенрик и два других парня переглянулись, и Тео понял, что они не знают, кого он имеет в виду и чего добивается.

– Но тот, кто называет себя твоим лучшим другом, хотел бы узнать больше, и я совсем не против ему помочь, – продолжил он, посмотрев Хенрику в глаза. – Меня зовут Теодор Риск, и я дрался больше, чем ты можешь себе представить. Но не в клубе с на зубником и обитыми стенами.

– Получается, я должен испугаться? – спросил Хенрик.

Теодор покачал головой.

– У меня нет привычки бить девчонок. Ты просто должен знать, кто я такой. Ты ведь этого хотел? – Он ни на миллиметр не отвел глаз и сам поразился своему спокойствию.

– Эй, давайте прекратим это и просто поедим. – Александра откусила кусок пиццы.

– Прекратим что? – уточнил Хенрик. – Мы просто разговариваем. Разве нет?

Теодор удостоил всех кратким кивком и последовал примеру Александры. Скоро они стали молча есть, и петушиные бои, похоже, окончились. И когда Хенрик и два его спутника вышли покурить, он воспользовался моментом и повернулся к ней.

– Послушай, я хотел тебя кое о чем спросить. – Он откашлялся, чтобы избавиться от нервозности в голосе. – Значит так. У тебя есть желание увидеться сегодня вечером?

– А что мы будем делать? – С одной стороны, эти жесткие слова подвергали всё сомнению, но в лице девушки он уловил любопытство. Она действительно хотела знать.

– Это сюрприз.

Молчание. Бесконечное свинцовое молчание. Как же он его ненавидел. И тут вернулись эти три идиота.

– ...ет.

Слова так быстро выскочили из ее рта, что он толком не расслышал. Она сказала *почему бы нет* или просто *нет*? Теодор почувствовал, как его охватывает паника. Что ему делать? Что-то сказать? Спросить еще раз? Но через несколько секунд по ее глазам он понял, что она ответила, как надо.

Но счастье длилось недолго, поскольку Хенрик вдруг закричал:

– *Run, Forrest, run!*^[17]

И как по команде Александра вскочила со стула и скрылась в дверях вместе с остальными.

Теодор ничего не понял, пока не принесли счет.

Слухи о провальном утреннем совещании распространились, как осенняя простуда, по отделению полиции в Хельсингёре и через несколько часов превратились просто в сплетни, где одно преувеличение было хуже другого.

Некоторые были убеждены в том, что Свейstrup уволил Дуню после того, как она послала его к черту и обозвала бесхребетной амебой без мозгов и члена. Другие на полном серьезе думали, что ее попытка возглавить следствие по делу об убийстве Йенса Лемке кончилась дракой с Беттиной Йенсен.

Но тем немногим, кто видел, как Дуня выходит из отделения вместе с Магнусом, чтобы приступить к смене во второй половине дня, ни один слух не казался правдой. Словно в самый обычный день, на ней опять была форма, и на ее лице нельзя было разглядеть ни малейшего следа утренних разногласий.

На самом деле, в глубине души Дуня клокотала от злости. Она уже давно не чувствовала себя такой раздавленной и униженной, как во время утреннего совещания. И, тем не менее, это чувство было ей слишком хорошо знакомо.

У нее не было ни малейшего намека на доказательство. К тому же она находилась в сорока пяти километрах от него, и, по ее сведениям, он не имел ни малейшего отношения к отделению полиции в Хельсингёре. Но она ничуть не сомневалась, что почву у нее из-под ног выбил слизняк Слейзнер. Она в прямом смысле слова почуяла его и от этого сходила с ума.

Но она не собиралась демонстрировать свое состояние окружающим и постаралась скрыть злость под толстым слоем равнодушия. Что бы ни случилось, она решила высоко держать голову и не показывать свое поражение ни одной сволочи.

К сожалению, план дал трещину спустя десять минут – всем пришло оповещение о пожилой даме, которую взяли с поличным с двумя свинными отбивными, которые она спрятала под пальто в магазине Нетто на улице Блихерсвей. Даже не взглянув в сторону Дуни, Магнус взял микрофон и ответил, что они едут.

– Ты что, серьезно? – в конце концов, выдавила из себя Дуня. – Мы даже не рядом.

– Нет, но я подумал, что...

– Прости, но какого черта?

– Дуня, я понимаю, что сейчас тебе все не так. Но ведь это наша работа.

– Да будьте вы все прокляты! Это всего лишь мелкая кража! – Дуня почувствовала себя вулканом, который больше не может сдержать свое извержение. – Маленький начальник с низкой зарплатой в Нетто, который демонстрирует свою власть по отношению к старой бабке! И ты подчиняешься приказу, как чертов солдат! Полная бессмыслица! Разве сейчас еще кто-то ест эту дешевую свинину?

– Ты можешь говорить, что хочешь, – сказал Магнус и покачал головой. – Но наша задача – поддерживать порядок как в большом, так и в малом. И, как всегда говорит Иб, малое имеет точно такое же значение, как...

– Иб? Ты думаешь, меня хоть сколько-то интересует, что говорит этот человек? Он обещает передать мне расследование, а затем трусит и отнекивается. Какая низость.

– Может быть, это кажется несправедливым, но я убежден в том, что у него есть свои причины и масса различных соображений, которые он должен...

– Только не говори, что ты защищаешь его.

– Защищаю, не защищаю. – Магнус сглотнул и посмотрел через плечо, прежде чем перейти в другой ряд. – Я просто считаю, что, может быть, все не так, как...

– Как ты можешь так считать после того, что произошло сегодня утром? А? Это потому, что ты такой же жалкий трус? Потому что ты, точно как и он, хочешь, чтобы речь максимум шла о тетке из Нетто с куском мяса, до которого никто даже не дотронется? Прости, Магнус, но мир устроен по-другому. И как бы ты ни хотел, нельзя закрыть глаза и зарыть голову в песок.

Магнус ничего не ответил. Он просто сидел и кусал нижнюю губу, а спустя еще семь минут гробовой тишины свернул на парковку и остановился у магазина Нетто. Они отстегнули ремни безопасности, вышли из машины и направились к входу.

– Магнус... Подожди секунду, – сказала Дуня. Магнус обернулся. – Прости, – продолжила она, заглянув ему в глаза.

– Ладно, – ответил он и кивнул.

– Точно?

Магнус, похоже, немного подумал, а потом расплылся в улыбке и опять кивнул.

– При одном условии. Что я приглашу тебя в какой-нибудь шикарный ресторан.

Дуня согласилась и собралась было обнять его, но тут зазвенел мобильный. Звонил Микаэль Рённинг – ее старый друг по копенгагенской полиции из отдела информационных технологий.

– Привет, Микаэль, сколько лет, сколько зим, – сказала она и вошла за Магнусом в магазин.

– Ничего, даже самым лучшим отношениям иногда нужен перерыв.

Во всяком случае, он на нее не дуется.

– Ради твоего же блага я надеюсь, что ты не слишком много ходишь налево.

– Нет, к сожалению. Тот, кто пришел на твое место, очень напоминает укрупненный вариант Джа-Джа Бинкса. Если честно, мне все еще не удалось вычислить, мужчина это или женщина.

– Когда это для тебя стало так важно? Я думала, ты отвечаешь «да» на все, что находится ниже пояса.

– Нет, нет, нет, – ответил Рённинг. В этот момент Магнус повернулся к ней с недоуменным видом. – Я сменю ориентацию только ради тебя. Да, кстати, думаю, я нашел твой ролик.

Дуня как раз хотела сказать, что ее постоянное предложение остается в силе. Но она остановилась, и Магнус один пошел к директору магазина, который стоял у касс, скрестив руки на груди и уставившись на напуганную до смерти даму.

– И где ты его нашел? – спросила она, решив встать на сторону дамы.

– Ты что-нибудь слышала о даркнете?

– Это Эльвин. Сейчас я не могу говорить, а ты можешь. Так говори.

Фабиан прервал звонок и посмотрел на часы на Ратуше. Без трех минут час. Только через час преступник придет на встречу в Торговый банк, который находится примерно в тридцати метрах от того места, где он припарковался.

Все произошло быстро. Так быстро, что ни у кого из них не было времени, чтобы выяснить, почему Хуго Эльвин не появился на утреннем совещании и не отвечает на телефонные звонки. Наверняка ничего серьезного. Скорее всего, коллега лежит дома с очередной весенней простудой и забыл взять больничный.

Последнее время он много отсутствовал, но никогда не забывал дать о себе знать. Сам Фабиан знал Эльвина еще хуже Лильи, но просто взять и не прийти на совещание было не похоже на Эльвина. При обычном раскладе они бы нашли время выяснить, в чем дело, или просто-напросто поехали бы к нему домой, чтобы убедиться, что все в порядке. Но у них не было такой возможности. Все сошлось. Они больше не блуждали в потемках, а внезапно были почти готовы схватить преступника. Человека, о котором никто из них не знал ничего, даже его имени.

Фабиан убедился, что центральный замок заперт на еще один оборот, опустил спинку сиденья и закрыл глаза. Спустя двадцать секунд он заснул и проснулся только через восемнадцать минут, когда на мобильном сработал сигнал. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы взбодриться. Еще пара минут – и он погрузился бы в сонное состояние на несколько часов.

После того как Тувессон сказала о предстоящей встрече, все происходило очень быстро. В первую очередь, за усадьбой Криса Дауна установили наблюдение на случай появления преступника. Помимо этого, все время и вся энергия ушли на предстоящую встречу в банке, и, учитывая, как мало часов было в их распоряжении, они подготовились очень тщательно. И, хотя по большому счету были задействованы все ресурсы, они обратились в Мальмё за помощью.

На первый взгляд операция казалась простой. Чтобы схватить кого-то во время встречи в банке, по идее достаточно двух полицейских в форме. Более чем достаточно. Но сейчас им предстояло схватить не просто *кого-то*, а преступника, который до этого момента продумал все и даже немного

больше.

К тому же, как заметила прокурор Стина Хёгсель, у них по-прежнему не было конкретных доказательств в виде отпечатков пальцев или волоска, чтобы привязать его к месту преступления. Поэтому они были вынуждены ждать, пока преступник не сядет и не подпишет какой-нибудь документ, подделав подпись. Только тогда у них будет цепочка доказательств, которой хватит для возбуждения уголовного дела и вынесения обвинительного приговора. Единственная грозовая туча на их горизонте – злоумышленник может не появиться, если каким-то образом поймет, что его выследили.

Фабиан и Лилья сделали все, чтобы не оставлять после себя никаких следов. В усадьбе не наблюдалось никаких признаков того, что там находится преступник. Но они не могли быть уверены. Ничего нельзя было принимать как должное. Может быть, он уже полностью осознал, что они вот-вот схватят его, и в эту минуту сидит где-то и наблюдает за банком.

По этой причине патрульные фургоны с полицейскими в форме не должны были показываться в районе банка. Ни один сильно вооруженный отряд спецназа не мог расположиться в соседних зданиях. Ни одному транспортному средству, которое каким-то образом могли связать с полицией, нельзя было находиться в радиусе ста метров от банка. Иными словами, они были вынуждены проводить всю подготовку в тайне.

Всему спецназу пришлось переодеться и разбиться на группы максимум по два человека. Те, кто занял позиции в самом банке, притворились уборщиками, чтобы не привлекать к себе внимание. Они спрятали свои автоматы в уборочных тележках, а проводную гарнитуру на одно ухо с витым проводом заменили на индивидуальные наушники.

Два задних входа в банк с каждой стороны квартала охраняли посменно все, начиная от «парковых рабочих» и «мусорщиков» до «гуляющих туристов» с картой в руке и камерой на животе. Всем дали роль, в которой они чувствовали себя более или менее комфортно.

Утес в синем комбинезоне изображал мойщика окон, а Лилья в костюме сидела за одной из касс. По такому случаю она покрасила волосы в темный цвет и вынула из ушей все кольца. Тувессон села за один из письменных столов с видом на дверь в совещательную комнату, где сотрудник банка должен был принять преступника.

Сам Фабиан взял напрокат машину, в которой только что поспал. К тому же надел поношенные джинсы, кроссовки и куртку с капюшоном. А поскольку он войдет в банк как посетитель и, вероятно, будет находиться всего лишь в метре от преступника, даже согласился приклеить накладную бороду, такую натуральную, что, посмотрев в зеркало, сам почти поверил,

что это его борода.

Муландер никак не вырядился, поскольку занял позицию в одном из офисных помещений над книжным магазином Чильберга на противоположной стороне Большой площади. Отсюда ему был виден фасад банка и большая часть площади от статуи фельдмаршала Магнуса Стенбока до кондитерской Фальмана.

Если преступнику вопреки предположению удастся пройти сквозь кордоны, менее чем за пять минут они сумеют оцепить улицу Дроттнинггатан с севера и с юга, а также улицу Хельсувеген и ступеньки, ведущие к башне Чернан. Им разрешили останавливать и поезда, и паромы, а если этого будет недостаточно, есть внешнее кольцо в виде шлагбаумов, в частности на трассе Е4, ведущей на север, и на трассе Е6, ведущей на юг. Наготове был даже вертолет, который одолжили в Мальмё.

Полиция была готова как никогда. Преступнику требовалось только появиться и поставить фальшивую подпись в ордере на продажу. Об остальном они позаботятся.

Но как только Фабиан проснулся, он понял, что все пойдет не по плану. Еще не было четверти второго, и его разбудил не сигнал мобильного, а голос Муландера в наушнике.

– Всем постам. Объект на подходе. Повторяю: сейчас объект переходит Большую площадь и идет прямо к машине Фабиана.

Как и в предыдущих роликах, кадры здесь дрожали, изображение было зернистым, а саундтрек тоже представлял собой отрывок из классического произведения. Наверное, также что-то из симфоний Моцарта. На преступниках – на этот раз их было трое, не считая того, кто держал камеру, – были темные куртки с капюшонами, белые кроссовки и чулки с желтыми смайликами, натянутые на лица.

На этом сходство с предыдущими роликами заканчивалось. То, что сейчас разыгрывалось перед глазами Дуни и Магнуса, носило совсем другой характер. Именно это она и подозревала, и, тем не менее, была так шокирована, что едва могла дышать.

То же самое испытывал Магнус, которого надо было избавить от этого зрелища и оставить в Хельсингёре, где он мог бы написать свой рапорт о вороватой тетке. Но, к удивлению Дуни, напарник стал говорить, что они – одна команда и что он отвечает за то, чтобы она не наделала глупостей. После этого он поехал с ней аж в Копенгаген, где они встретились с Михаэлем Рённингом в Доме культуры на Исландской набережной.

Они встретились в переговорке – ее выделил директор, который, по словам Рённинга, несмотря на почтенный возраст, не только регулярно ходил в бар Cosy Bar, но и упорно продолжал заниматься незащищенным сексом под мостом в парке Эрстедспаркен. Дуня заметила, что Магнус не понял, о чем говорит Рённинг, и, немного поразмыслив, решила, что, пожалуй, самое лучшее продолжать держать его в неведении.

Переговорка находилась в двух шагах от полицейского участка по другую сторону воды. Так они не боялись наткнуться на Кима Слейзнера. Он уже достаточно навредил и ни при каких обстоятельствах не должен был знать, чем они занимаются. Поэтому сейчас они собрались в тайне и смотрели ролик на ноутбуке Рённинга.

Сначала невинная съемка украдкой, которую может сделать каждый с помощью современного мобильного телефона. Бомж Йенс Лемке сидит среди груды грязных одеял и спальных мешков. Похоже, он только что опустошил шприц и ослабил натяжной ремень. Бутылка виски в руке и взгляд, который исчезает по мере того, как героин распространяется по телу. Через несколько секунд он начинает обмякать и превращается в бесформенную кучу, не подозревая о трех молодых людях с чулками на головах.

После этого злоумышленники с изощренным цинизмом переворачивают мужчину на спину и крайне тщательно поправляют ему голову так, чтобы лицо смотрело прямо вверх. Потом кладут его руки вдоль туловища, вытягивают ноги во всю длину и шнурками связывают друг с другом поношенные ботинки.

А потом – страшная жестокость.

С первого прыжка обеими ногами начинается замедленная съемка. Преступники прыгают примерно с метровой высоты и с такой силой, что, если бы не классическая музыка, наверняка был бы слышен хруст ребер. Йенс Лемке, похоже, приходит в себя, но не успевает понять, что происходит, и тут другой парень приземляется у него на груди, которая на этот раз явно продавливается на несколько сантиметров.

Йенс кашляет, по его подбородку течет кровь. Хотя героин, несомненно, значительно смягчает боль, видно, как он кричит и крутится, пытаясь увернуться. Но раны уже слишком серьезны.

Тем временем трое парней со смайликами по очереди разбегаются и прыгают, снова и снова; белые кроссовки покрываются красным, а бездомный перестает сопротивляться и лежит неподвижно.

Когда изображение почернело, и стихли последние звуки, Дуня не знала, что сказать. Никакие слова даже близко не могли описать то, что она чувствовала. Больше всего ей хотелось поехать домой, натянуть одеяло на голову и остаться там, пока мир за окном не станет немного лучше. Словно она болела затянувшейся простудой, и была надежда, что она скоро встанет на ноги.

– Разве не об этом ты предупреждала на утреннем совещании? – спросил Магнус с таким видом, будто потерял веру во все человечество.

Дуня молча кивнула.

– Черт возьми, – продолжил он и покачал головой. – Единственный положительный момент: у Свейструпа и остальных не будет никакого выбора, кроме как придерживаться твоей линии после того, как они увидят ролик. Может быть, тебе не разрешат участвовать в расследовании и руководить им, но, во всяком случае, ты сможешь сказать, что благодаря тебе оно пошло в правильном направлении. А это уже кое-что.

– Да, – сказала Дуня и кивнула. – Если бы сейчас я решила показать его.

– Что ты хочешь сказать? Ясно, что ты...

– Они не увидят его, пока я не дойду до конца и не привлеку этих сволочей к ответственности.

– Ты же не хочешь сказать, что...

– Именно это я и хочу сказать. – Она посмотрела Магнусу в глаза. – Ты сам решай, как тебе поступить. Я без проблем пойму, если ты предпочтешь разъезжать в форме и поддерживать порядок в Нетто.

– Дуня, дело совсем не в этом, а...

– Пожалуйста, ты можешь просто выслушать? – К своему собственному удивлению, она наклонилась вперед и взяла его руки в свои. – Как ты все время говорил, что это совсем не входит в наши рабочие обязанности. Так что, если хочешь жить спокойно и держаться в тени, все в порядке. Я понимаю. И, Магнус, я действительно так считаю.

– Дуня...

– Подожди, я не закончила. Независимо от того, что ты сделаешь, мне ничего не остается, кроме как взять больничный и закончить это дело. Как бы я ни хотела, я просто не могу сидеть рядом и смотреть, как Уссинг и Йенсен продолжают придерживаться линии, между тем как злоумышленники болтаются повсюду и своими прыжками доводят людей до смерти. Надеюсь, ты можешь это понять.

Магнус встал, не дрогнув ни одним мускулом, повернулся к ней спиной и посмотрел на набережную и на тех немногих людей, которые, несмотря на мелкий дождь, там прогуливались. Дуня ждала, хотя на самом деле хотела крикнуть ему, что ей плевать, о чем он думает. Если он хочет пойти против нее и настучать начальнику, пусть стучит. Это все равно ничего не изменит.

Проблема заключалась в том, что это было не так. Если Свейструп узнает, чем она занимается, скоро к ней привяжется Слейзнер. И, по своему обыкновению, начнет вставлять палки в колеса. А значит, следствие потерпит неудачу и преступники останутся на свободе.

Но было поздно. Ничего не изменится от того, что она прокликает саму себя, что взяла Магнуса с собой, хотя еще тогда почувствовала, что это плохая идея. Но он настоял, и ее уже в тот момент нечистая совесть взяла верх над инстинктом, и ей оставалось только ждать.

Через минуту он засунул руку в карман, достал мобильный и пробудил его к жизни. Дуня обменялась взглядом с Рённингом и убедилась, что тот так же взволнован.

– Привет, Грете, говорит Магнус Равн, – сказал он, глядя на плывущее за окном грузовое судно. – Послушай, к сожалению, должен сообщить, что я не очень хорошо себя чувствую... Я не знаю, но у меня температура и болит все тело. Вероятно, я буду лежать в кровати до конца недели... О'кей, спасибо тебе... Так и сделаем. Пока. – Магнус закончил разговор и повернулся к другим. – Что скажете? Начнем работать?

Фабиан поправил правое заднее зеркало, надеясь, что направляющийся к нему мужчина не заметит этого. Муландер был прав: это действительно преступник. На нем были остроносые бутсы, черные джинсы с ремнем с заклепками, солнечные очки и бордовый бархатный пиджак, а на голове – характерная прическа Криса Дауна в стиле хард-рок. Он их вычислил? Поэтому он шел прямо к машине, где сидел Фабиан?

Фабиан проверил пистолет в наплечной кобуре, который он не мог вынуть. Пока не мог. Тем более поздно было заводить машину и уезжать. Это будет слишком заметно и, вероятно, привлечет еще больше внимания. К тому же он лишится места на парковке, и ему придется кружить по площади целую вечность в поисках нового.

Мужчина уже подошел к машине с правой стороны. Не зная, хорошо это или плохо, Фабиан повернулся к ремню безопасности и вытащил его, словно только что сел в машину. К его большому облегчению, мужчина прошел мимо, не обратив на него внимания, и перешел дорогу.

– Объект только что прошел мимо и направляется в банк, – сказал Фабиан в микрофон.

– Но я ничего не понимаю. Разве встреча не назначена на два? Ведь сейчас только четверть второго, – услышался голос Утеса, который вышел из главного входа в банк в синем комбинезоне с ведром в одной руке и со стремянкой на плече.

– Может быть, он перенес встречу на более ранний час? – предположил Муландер. – Астрид, ты находишься внутри. Ты что-нибудь об этом слышала?

– Ни слова.

– О'кей, все посты готовы. Объект, похоже, уже входит.

Однако, пройдя между двумя конусообразными деревьями за несколько метров до входа, мужчина взял вправо, прошел мимо Утеса, который только что начал мыть окно, и исчез за углом.

– Он не входит, а идет дальше к Северной береговой улице, – сказал Муландер.

– Группа один здесь, мы его видим, – услышался голос.

– Что он делает? Расскажите, – попросил Фабиан, который уже потерял мужчину из вида.

– Идет дальше. Нет, подожди, он остановился у бокового входа и...

опять поворачивается... И снова идет дальше.

– Он осматривает местность, – сказал Муландер. – Думаю, он обойдет весь квартал.

Точно, подумал Фабиан. Именно этим преступник и занимается.

– Как обстановка на задней стороне квартала у переулка Кольметарегренден? Там есть кто-то?

– Ответ: нет, – отозвался Муландер. – Это на расстоянии свыше шестидесяти метров от банка. Мы сосредоточились на трех входах.

Значит, на короткое время они потеряют его из вида.

– Северная береговая улица, вы его все еще видите?

– Да, он продолжает идти вперед... Но сейчас снова остановился и оглядывается.

– Где он точно находится?

– В конце квартала.

– И в каком направлении он смотрит?

– На северо-восток, к переулку Кольметарегренден в сторону улицы Куллагатан. Пойти за ним?

Фабиан собрался было ответить да, но его опередила Тувессон:

– Нет. Все остаются на своих местах согласно плану. И заметьте: до начала встречи осталось сорок две минуты.

Тувессон, конечно, была права. Существовал риск, что они выдадут себя, и тогда мужчина скроется навсегда. Но хотя Фабиан сознавал, что они не должны брать преступника уже сейчас, он не мог отделаться от мысли, что у них был шанс и что, возможно, именно в эту секунду они его упускают.

– Как обстановка? Вы его видите? Разве он уже не должен быть на другой стороне? Группа два, вы на месте?

– Да, но не объект. Пока нет.

Тишина в рации все больше беспокоила его. Фабиан взглянул на часы – двадцать две минуты второго. Двадцать три.

По-прежнему ничего, кроме вакуума, который всасывал воздух из салона и все больше затруднял дыхание. Он больше не мог просто сидеть и ждать, так дело не пойдет. Преступник, как точно заметил Муландер, осмотрел местность. Но это не значит, что он не заметил кого-то из них и не покидает теперь поле боя.

Фабиан открыл дверь, вышел из машины и сделал несколько глубоких вдохов.

– Фабиан, что ты делаешь? – раздался в наушниках голос Муландера.

Он повернулся и поднял глаза на окно, где, как он знал, стоял

Муландер. Но в окне отражался свет, и он смог увидеть только небо и частично фасад Торгового банка с противоположной стороны.

– Пойду пройдуся по кварталу, – сказал Фабиан и захлопнул дверцу машины.

– Нет, не пройдешься. Ты останешься на месте и будешь ждать в машине, как планировали, – послышался голос Тувессон.

Фабиану даже не нужно было думать еще раз – он прервал разговор и пошел по улице. Он не мог просто сидеть и смотреть, как они упускают случай, который им только что представился. Особенно с учетом того, что в отношении преступника у них была только фотография из паспорта, на которой он напоминал Криса Дауна.

Но вместо того, чтобы идти по следам преступника, он пошел в противоположном направлении по улице Стальгатан слева от банка. Там парковые рабочие повсюду подрезали деревья, ряд которых тянулся вдоль переулка. Все трое проводили его взглядом, даже парень в кабине крана, и Фабиан почти услышал крик Тувессон в их наушниках.

Он вошел в переулок, зажатый между Ратушей с левой стороны и Торговым банком с правой, и вспомнил о гамбургерной «Клок», которая находилась здесь в годы его детства и на месте которой теперь находилось какое-то кафе. Что же случилось? Целая сеть гамбургерных, внезапно растаявшая, как дым. И, дойдя до переулка Кольметарегренден в другом конце квартала, Фабиан осознал, что именно это сейчас сделал преступник.

Растаял прямо на глазах у всех, кто вел наблюдение.

– Это Эльвин. Сейчас я не могу говорить, а ты можешь. Так говори.

Фабиан звонил уже в четвертый раз. Каждый раз он оставлял сообщение и просил Эльвина перезвонить, как только тот сможет.

– Привет, Хуго, это снова Фабиан, – сказал он после короткого сигнала, пытаясь перейти запруженную машинами улицу Хельсувеген и остаться при этом в живых. – Ты бы лучше откликнулся, чтобы мы знали, что ты живой. А не то мы объявим тебя в розыск и начнем прочесывать окрестности. – Он сказал это в шутку, но не мог не признаться самому себе, что где-то в глубине души все же испытывает смутное беспокойство с выходных, когда Эльвин перестал выходить на связь.

Согласно выцветшей от солнца табличке, Х. Эльвин жил на третьем этаже. Поднявшись наверх, Фабиан нажал на маленькую белую пластмассовую кнопку, желто-коричневую снизу, – вероятно, ее пытались поджечь скупающие молодые люди. Раздался громкий и отчетливый сигнал – не электронный бой часов, а настоящий, который больше напоминал жужжание ядовитого шершня. Но Хуго Эльвин, похоже, этого не слышал. Во всяком случае, дверь он не открыл.

Несколько часов назад они все убедились в том, что находившийся рядом с банком преступник исчез навсегда. Что каким-то образом он почувствовал слежку.

Фабиан сам обошел квартал и не по одному разу поискал мужчину в прилегающих улицах, а потом вернулся к арендованной машине и вместе с другими стал ждать двух часов. Но копия Криса Дауна так и не появилась. И, тем не менее, они оставались на своих местах. Сначала они прождали два часа, а потом еще час, после чего Тувессон наконец приняла единственное правильное решение и прервала операцию.

Фабиан приготовился взять всю вину на себя, считая, что всех выдала их поездка с Лильей в усадьбу. Но преступник опередил его – он позвонил сотруднику банка всего лишь за несколько минут до закрытия и сообщил, что, к сожалению, ему помешали кое-какие обстоятельства, а также спросил, есть ли возможность встретиться в пять часов на следующий день.

Фабиан положил ладонь на ручку двери Эльвина и потянул ее вниз. Дверь оказалась незапертой, и он мысленно заглушил все голоса, которые наперебой кричали ему, что он не может ни с того, ни с сего войти в

квартиру коллеги.

Он был здесь впервые – Эльвин был не из тех, кто приглашает гостей на ужин, – но все выглядело примерно так, как он себе представлял. Коричневые ковры на сером неровном линолеуме. Бежевые обои с водорослями за старыми фотографиями в рамках, изображающими Симрисхамн – город, где Эльвин провел свое детство. На одной из фотографий был изображен мальчик в платье, который помогал маме развешивать белье.

Фабиан прошел в гостиную и огляделся. Небольшой стеллаж с маленькими безделушками и плюшевый диван перед телевизором старого образца, две синие сюжетные тарелки на стене и придиванный столик с темно-зелеными изразцами и кружевной скатертью. Все дышало ушедшей эпохой.

Но Фабиан отметил не только это.

Эльвин был одиноким человеком, и Фабиан считал, что таким коллега оставался всю жизнь. Что у него никогда не было ни жены, ни детей. Но дом, в который он попал, не напоминал жилище асоциального и немного неотесанного мужчины. В этой квартире чувствовалась женская рука. Может быть, с тех пор прошло какое-то время и она давно умерла, и Эльвин оставил все так, как было, ничего не тронув. Правда, Фабиан нигде не мог найти ее фотографий. Ни на стенах, ни в фотоальбоме.

Он прошел на маленькую кухню, где сладковатый удушливый запах явно шел от одного или нескольких мусорных мешков с остатками еды, что совсем не было похоже на Эльвина – такого чистоплотного и аккуратного. Во всяком случае, за два года их совместной работы у Фабиана сложилось такое мнение о коллеге.

Без сомнения, Эльвин был самым компетентным следователем в их отделе. Никто не умел выявлять ключевые моменты в ходе следствия так искусно, как он. Он никогда не говорил больше необходимого и одновременно без проблем срывал свое плохое настроение на окружающих.

Вне работы Эльвин был для Фабиана терра инкогнита, и Лилья явно чувствовала то же самое. Они никогда не общались в частном порядке, в отличие от Муландера и Эльвина, которые знали друг друга со студенческих лет в Высшей школы полиции, если не еще раньше. Так что в решающий момент коллега мог по большому счету скрыть какой угодно личный секрет.

Поэтому он ходит по квартире непрошеным гостем и осматривает все вокруг? Или он действительно беспокоится, что что-то случилось? Если

честно, то Эльвин вызывал у Фабиана любопытство с тех пор, как он переехал в Хельсингборг и посидел за его письменным столом, единственным свободным в разгар отпусков.

Фабиан прошел в спальню, где увидел аккуратно заправленную кровать. Но никаких ответов на вопрос, что случилось с коллегой, найти не мог. Если вообще что-то случилось. И только открыв одну из дверей шкафа, обнаружил нечто интересное. Но из области не ответов, а скорее вопросов.

Первая мысль, которая пришла ему в голову: юбки, платья и блузы принадлежат женщине, с которой Эльвин явно жил, но о которой никогда не рассказывал. Колготки, трусы и бюстгальтеры – остатки прежней жизни. Но когда Фабиан нашел два парика, коллега предстал перед ним совсем в ином свете.

Фарид Черукури полностью смирился со своей ситуацией на работе в отделе по обслуживанию клиентов мобильного оператора TDC в бункере без окон на минус четвертом этаже под землей. Он выбросил из головы все мысли о какой-либо карьере, хотя именно карьерный рост ему обещали шесть лет назад, когда брали на работу.

И хотя он делал все, чтобы не думать об этом, он с болью осознал, что и через десять лет будет по-прежнему сидеть в том же бункере площадью полтора квадратных метра и отвечать на вопросы, один глупее другого. Вопросы потоком лились из наушников, которые давили так сильно, что вмятины на висках не успевали проходить даже за длинные выходные.

Конечно, в темноте были проблески света. Например, его интерес к программированию. Во всяком случае, так он обычно отвечал, если кто-то спрашивал. На самом деле он в основном занимался тем, что конструировал трояны с продвинутыми вирусами, обманывал систему безопасности и обходил брандмауэры. Но даже это ему стало надоедать.

Другое дело три года назад, когда ему удалось взломать самый важный криптоключ TDC и после этого проникнуть в святая святых – разговоры, смс и трафик передачи данных в сети компании. Политики, королевские особы и прочий сброд – не играло никакой роли. Если у него возникало желание, чаще всего достаточно было только ввести их номера и начать слушать.

Это озарило существование Фарида на несколько месяцев, пока он не понял, что большинство знаменитостей на самом деле жалкие и скучные люди. Не говоря уже об их разговорах, в девяти случаях из десяти совершенно бессмысленных. Ни об одном смачном скандале он не узнал раньше остальных.

И только когда эта женщина-полицейский Дуня Хоугор обратилась к нему два года тому назад и попросила отследить мобильный трафик ее начальника Кима Слейзнера, что-то стронулось с места и началась кутерьма. Особенно когда Фарид слил местонахождение мобильного – центр проституции во всем Копенгагене – газете «Экстра Бладет».

С тех пор его существование нельзя было описать иными словами, кроме как беспросветная тьма.

До сегодняшнего дня.

Фарид Черукури навел курсор на экране на виртуальную кнопку с надписью *временно недоступен* и щелкнул. В отличие от кнопки *выйти из системы* эта кнопка была предназначена для тех случаев, когда человек шел в туалет, покурить или налить себе чашку кофе, и, как неустанно повторял старший смены, слово *временно* означало только одно. Нельзя выходить из системы больше, чем на шесть с половиной минут, – промежуток, который после скрупулезных подсчетов и длинных переговоров определили как достаточный для выполнения перечисленных действий.

В тех случаях, когда тебя беспокоил живот или не работал кофейный автомат и приходилось проделывать весь путь вверх из бункера до главного офиса, чтобы налить себе кофе, приходилось просто смириться с наказанием в виде вычета из зарплаты.

Без всяких преувеличений, Фарид страшно ненавидел начальника смены, который к тому же был значительно его младше. С такой же силой он презирал некомпетентного идиота, который запрограммировал *временно недоступен* так, что текст не поместился на кнопке. Фарид до такой степени терпеть не мог свою работу, что в самые беспросветные минуты всерьез подумывал о том, чтобы запустить свой вирус в систему.

Пока его удерживало только одно маленькое обстоятельство: он в прямом смысле слова лишится работы и будет вынужден отказаться от квартиры. И не потому, что кто-то докопается, что это он, а потому, что через полгода вся эта куча говна рухнет.

Но сейчас он не поэтому кликнул на кнопку и снял с себя наушники. И не потому, что ему надо было сходить в туалет или покурить. Кофе он вообще не пил. Нет, пульс у него участился из-за сообщения, которое возникло на экране, когда он пытался объяснить клиентке, что, к сожалению, ничего не может поделать с тем, что память на ее мобильном переполнена.

Фариду Черукури немедленно пройти в совещательную комнату Лебедина мельница.

Сначала он подумал, что над ним издевается Цян Ху, который наделен чувством юмора и довольно хорошо знает программирование, чтобы прислать сообщение якобы из рецепции. Но, быстро обернувшись через плечо, он увидел, что Цян целиком поглощен разговором с клиентом, к тому же коллега не умел притворяться.

Тогда Фарид решил, что Богу, наконец, удалось вытащить из ушей беруши, услышать его молитвы и после всех бедных событиями лет вызволить его из проклятого бункера, чтобы он стал настоящим

программистом.

Но когда Фарид вошел в совещательную комнату, оказалось, что ни одна из версий не верна.

Дверь Хуго Эльвина оказалась по-прежнему незапертой, и Фабиан открыл ее, чтобы впустить Муландера, который вошел с тем напряженным видом, какой у него бывал всегда, когда он соглашался на что-то против своей воли.

– Надеюсь, ты понимаешь, что все надо делать быстро. У меня очень много дел до появления преступника, – сказал он и скрылся в квартире с сумкой с инструментами.

Встреча в банке была назначена на пять часов, то есть ровно через четыре часа, констатировал Фабиан, закрывая за собой дверь. Несмотря на тревогу Муландера, этого им более чем хватит, чтобы поискать в квартире возможные зацепки, которые могли бы вывести их на след коллеги.

Уже второй день Эльвин не давал о себе знать. Все сошлись во мнении, что это подозрительно. Все, кроме, возможно, Муландера, который рассказал, что Эльвин далеко не первый раз вот так исчезает и становится недоступным. Во время их совместной учебы в Высшей школе полиции он явно несколько раз уходил в подполье, иногда даже на две недели.

Лилья спросила почему, и Муландер сразу же стал отвечать более уклончиво, но все-таки рассказал, что ходили слухи, будто Эльвин – гомосексуал. Некоторые даже утверждали, что видели его в шоу трансвеститов в Копенгагене.

Лилья, Утес и Тувессон отвергли эту версию, считая, что Эльвин самый неженственный человек, которого они когда-либо видели. Совершенно невозможно было представить его себе в женской одежде и на сцене. Муландер согласился и подчеркнул, что это всего лишь слухи и что они с Эльвином никогда об этом не говорили.

До этого момента Фабиан хранил молчание и сомневался, надо ли ему рассказывать о том, что он нашел в шкафу Эльвина. Теперь у него не было выбора, и реакция была ожидаемой: свыше двух минут долгой тишины, после чего Тувессон наконец взяла слово и сказала, что у всех есть свои секреты, и как бы ни обстояло дело с сексуальной ориентацией Эльвина, это не обязательно имеет отношение к его исчезновению.

– Ты был здесь раньше? – спросил Фабиан и оглядел прихожую.

– На самом деле нет. Первый раз за более чем тридцать лет дружбы. – Муландер покачал головой и обвел прихожую глазами. – По мнению Гертруды, он должен нам несколько месячных зарплат, если сосчитать все

ужины, которые она для него приготовила.

Фабиан подошел к шляпной полке, чтобы осмотреть верхнюю одежду, одновременно пытаясь вспомнить, когда они с Соней последний раз приглашали кого-нибудь домой на ужин.

– Посмотри, вот он где.

Фабиан быстро обернулся, но все же успел четко представить себе, как Эльвин выходит из спальни в женском нижнем белье, не понимая, что они делают в его квартире. Но Муландер наклонился над старой фотографией в рамке, изображающей маленького мальчика в белом платье.

– Ты думаешь, это Эльвин?

– Думаю? Это видно за версту. То же самое лицо. Посмотри сам.

Фабиан подошел ближе и стал разглядывать фото – он не был уверен до конца.

– О'кей, начнем? – Муландер бросил взгляд на свои наручные часы.

Фабиан провел его в спальню, в которой ничего не изменилось со вчерашнего дня, и открыл шкаф с женской одеждой и париками.

– Вау. – Муландер покачал головой. – Почти как шкаф моей жены. Хотя у него больше порядка, надо отдать ему должное.

– Ты думаешь, это может иметь отношение к его исчезновению? – Фабиан открыл соседний шкаф, в котором хранилась обычная одежда Эльвина.

Муландер пожал плечами.

– Честно говоря, даже не знаю, что и думать. Но если ты заглянешь вон в тот компьютер, я начну брать пробы.

Фабиан обошел кровать и подошел к письменному столу у окна, выходящему на улицу Хельсувеген, где движение все время было оживленным. Компьютер, стационарный *Acer*, естественно, запросил пароль, как только включился. Попробовав некоторые из самых обычных, таких как *123456*, *password* и *abc123*, Фабиан набрал имя Эльвина и дату его рождения, а также несколько вариантов слова *semmla*^[18], о которых коллега начинал говорить уже в начале января каждого года. Но Фабиан все время получал один и тот же ответ:

Неверный пароль.

– Ингвар, какой, по-твоему, у него может быть пароль?

Муландер, который запечатывал пакет с доказательствами – парой трусов – покачал головой.

– А ты не пробовал *секс-леди*, *пума* или, может быть, *Ханна*?

– Почему именно Ханна?

– Хуго – Ханна, одно и то же. Ведь он же как-то называл себя, когда

наряжался. – Муландер держал перед собой ярко-красное платье.

Фабиан набрал предложения Муландера и их вариации, но ничего не подошло. Через пять минут под подложкой на письменном столе он обнаружил прикрепленную скотчем записку. В записке был целый ряд пользовательских имен и соответствующих паролей. В нескольких местах имя пользователя было *Эльвира*, что созвучно имени *Эльвин*, тут надо отдать Муландеру должное. Зато никто из них даже близко не угадал пароль *Time4achange*.

Объяснение оказалось вполне логичным, как только Фабиан просмотрел историю поисковых запросов в браузере. Поиски последних недель в основном касались коррекции пола. Там было все – от чисто информационных страниц до различных веб-форумов, где транссексуализм обсуждался со всех мыслимых точек зрения.

– Иди сюда. – Фабиан включил графическую анимацию, в которой подробно демонстрировалась операция по превращению мужчины в женщину.

Муландер посмотрел на анимационные картинки.

– Может быть, это странно, но я не особо удивлен.

Фабиан не знал, что ему сказать. Он никак не мог переварить мысль о том, что Эльвину нравится одеваться в женскую одежду. Тем более о том, что коллега всерьез собирается лечь под нож.

– А ты смотрел, что там? – Муландер кивнул на тяжелую вишневую портьеру, которая свисала с потолка и закрывала самую дальнюю часть стены в одном из углов.

Фабиан покачал головой и подошел к портьере. Он только сейчас обратил на нее внимание. Оказалось, что та состоит из двух частей, а за ней находится закрытая дверь. Таким образом, в квартире была еще одна комната, что Фабиан полностью упустил из виду.

Сладковатый затхлый запах уже подготовил его сознание к тому, что ему предстоит увидеть. И все же он был совершенно ошарашен представшим перед ним зрелищем.

Задернутые шторы, похоже, были из той же тяжелой вишневой ткани, что и портьера, и пропускали в комнату, по величине почти равную спальне, только несколько полосок света. Дальняя стена была заставлена длинными рядами книг, и в одном углу рядом с торшером с пожелтевшим абажуром и длинной бахромой стояла красивая старинная кушетка. В другом углу стояло напольное зеркало, а в центре комнаты лежал большой красный ковер с вычурным рисунком.

Муландер отдернул тяжелые шторы, и только тогда Фабиан смог

всерьез воспринять тот факт, что Хуго Эльвин в цветастом платье, серьгах и с накрашенными красной помадой губами совершенно неподвижно висит на крючке от люстры.

Дуня и Магнус сидели в Доме культуры на Исландской набережной вместе с Микаэлем Рённингом и работали. Как и Дуня, Микаэль считал, что преступники вовсе не прекратили распространять свой ролик, даже если его больше нельзя найти на Ютубе. Просто они стали более осторожно выкладывать свои творения. Поэтому Микаэль начал искать в даркнете.

– Даркнет? – переспросил Магнус, и Рённинг объяснил, что вопреки всеобщему мнению эта сеть не так сильно отличается от того, что мы называем Интернетом. На самом деле, по большому счету это одно и то же, кроме одной существенной разницы: Гугл и другие поисковики не могут ни найти, ни проиндексировать сайты даркнета, поскольку даркнет использует программное обеспечение *TOR* или *The Onion Router*, как оно на самом деле называется.

Поэтому и веб-сайты, и все пользователи даркнета являются анонимными, и с ними невозможно связаться с помощью обычного браузера. По этой причине даркнет населяют все – от педофилов и торговцев оружием до людей, которые предлагают секс за деньги или совершают убийства по заказу.

Чтобы получить доступ к содержанию даркнета, требуется браузер TOR, но тут Рённинг стал сыпать техническими терминами, и Дуня потеряла нить. Самое важное – он в конце концов нашел сайт, где анонимные пользователи выкладывали и раздавали друг другу съемки подлинного насилия, где жертв пытали, насильовали или убивали перед камерой. И точно, как в Ютубе, пользователи гонялись за лайками и показами, чтобы продвинуть свои ролики на верхние строчки в списках.

Рённинг нашел ролик об убийстве Йенса Лемке на сорок восьмом месте в списке *None weapon killing*^[19]. Но IP-адрес, откуда загрузили видео, отследить было невозможно, а это значило, что они фактически вернулись к началу поисков.

Но тут Магнус ошеломил и Дуню, и Рённинга, задав вполне естественный и одновременно совершенно блестящий вопрос: почему нельзя увидеть IP-адрес в Ютубе, где преступники выкладывали свои фильмы раньше? И скоро Рённинг узнал нужный им IP-адрес, который, как оказался, был подключен к мобильному.

Именно по этой причине Дуня и Магнус сидели теперь в одной из переговоров, которую какой-то дорогостоящий дизайнер нарек Лебединой

мельницей и ждали, когда Фарид Черукури сядет по другую сторону стола.

– Привет, Фарид. Ты меня помнишь? – Дуня одарила его улыбкой.

Фарид то ли кивнул, то ли покачал головой. У него был такой вид, словно он никак не может понять, чем обернется ее появление – добром или злом.

– Позволь мне тогда немного освежить твою память, – продолжила Дуня. – Ким Слейзнер и Дженни «Мокрый поцелуй» Нильсен. Тебе что-то говорят эти имена? Не надо делать такой удивленный вид. Я сразу же поняла, что это ты слил информацию газете «Экстра Бладет», хотя я буквально умоляла тебя о том, чтобы это осталось между нами. – Она сделала паузу, давая Фариду возможность что-то сказать. Но тот молчал. Магнус тоже молчал и смотрел выжидательно, точно как они договаривались. – Тогда я довольно сильно на тебя обиделась, поскольку это была одна из причин, по которой меня выгнали с работы. Я даже всерьез собиралась заявить на тебе в полицию.

– Но не заявила, – сказал Фарид, тоже улыбнувшись.

– Это не мой стиль. К тому же когда-нибудь в будущем мне могла понадобиться твоя помощь.

– Так вот почему ты здесь.

– Именно. – Дуня подалась вперед. – Мы не хотим, чтобы твои начальники знали, чем ты занимаешься.

– То же самое явно относится и к твоим начальникам.

Дуня засмеялась – она была под впечатлением от его сообразительности.

– Значит, мы друг друга понимаем?

– Это зависит от того, какая помощь тебе нужна.

Дуня протянула ему записку с цифрами, разбитыми на четыре группы, между которыми стояли точки.

– Это IP-адрес, – сказал Магнус.

– Я думаю, он и так это понимает, – сказала Дуня со снисходительной улыбкой.

– С мобильного соединения, – добавил Фарид и отодвинул от себя записку.

– Мне надо узнать, кому он принадлежит.

– К сожалению, это невозможно. Абонент использовал анонимную симку, купленную за наличные.

– Но ведь они могли зарегистрироваться. – Магнус опять вступил в разговор, и в этот раз Дуне пришлось взглядом напомнить ему об их договоренности.

– Да, если вы считаете, что у ваших преступников не все в порядке с головой.

– Конечно, нет, – отозвалась Дуня. – Но ты же не какая-нибудь посредственность, а настоящий маленький хитрец. – Она записала свой номер на обратной стороне записки и снова подвинула ее на его сторону стола. – Ты наверняка что-нибудь придумаешь.

Хотя Теодор действительно рассердился, когда Александра вместе с остальными сбежала из пиццерии, он оплатил счет и не подал вида, когда они вечером того же дня договорились увидеться на следующий день в четыре часа на школьном дворе. В это время у них заканчивался последний урок, и остаток дня таил в себе океан возможностей.

Он представил себе, как вместе они идут до города. Он даже продумал маршрут. Они пойдут не по улице Хельсубаккен, шумной из-за грузового транспорта, а через Эресуннский парк. Они сделают небольшой крюк, но оно того стоит. Теодор разведает этот маршрут на велосипеде. Ты словно попадаешь совсем в другой мир, где нет ни машин, ни стресса.

И может быть, может быть, он осмелится взять ее за руку до того, как они выйдут на улицу Святого Климента, откуда открывается самый красивый вид на пролив.

Но, к сожалению, он по-прежнему сидел на скамейке и ждал ее. К тому моменту, когда она дала о себе знать смс, он успел выкурить пять сигарет.

Зависаю в Коппи. Приходи что ли.

Коппи... Одно из этих чопорных супермодных кафе, где стремятся поднять кофе до уровня искусства, такого сложного, что насладиться им может разве что лауреат Нобелевской премии. Теодор собирался пригласить Александру в закусочную Эббы на улице Бруксгатан. Там была прямо противоположная атмосфера, а кофе был таким же вкусным, если не лучше, и стоил в три раза дешевле. К тому же у Эббы прекрасный выбор пирожных.

Коппи... А не послать ли все к черту. Ответить, что она может сидеть там и маленькими глотками пить свой великосветский кофе без него. Но что-то помешало Теодору нажать на *отправить*, и не прошло и пяти минут, как он пристегнул велосипед за фонтаном на углу улицы Недре Лонгвикельсгатан и вошел в кафе.

Теодор совсем не должен был удивиться тому, что она не одна. И, тем не менее, удивился. И вышел из себя. Этот вечер они должны были провести вдвоем. Она же, черт возьми, сказала да.

– Вы только посмотрите! Разве это не наша горлица собственной персоной? – с ухмылкой сказал Хенрик Маар. – Тебе понравились пиццы?

– Хенке, прекрати, – сказала Александра. – Не обращай на него

внимания.

– А я и не обращаю. Нам надо идти, – сказал Теодор, даже не глядя в сторону Хенрика.

– Нам надо идти, – передразнил его Хенрик. – А как же мы? Нам с вами нельзя?

Бивис и Баттхед заржали как по команде.

Зато у Александры вид был нерешительный.

– Я не знаю. Можно? – Она посмотрела на Теодора таким просящим и неуверенным взглядом, что у него стало пропадать всякое желание. – Они обещают хорошо себя вести.

– А что, мы всегда хорошо себя ведем.

Она искала в его глазах ответ, и Теодор пытался понять, чего она действительно хочет. Она задала вопрос под давлением своих друзей или в глубине души не хочет оставаться с ним наедине?

– Нет, это только для тебя и меня, – в конце концов произнес Тео и бросился в неизвестность, взяв ее руку в свою. – Пойдем. – К своему большому облегчению, он почувствовал, что она поддалась и встала.

– Подожди. – Хенрик тоже встал и взял ее за вторую руку. – Ты же не собираешься бросать своих старых друзей?

– Что? Нет, но...

– Так, как вы бросили меня в пиццерии? – оборвал его Теодор.

– Именно, – ответил Хенрик со своей отвратительной улыбкой. – Но есть одна маленькая разница: мы с тобой не друзья.

– Точно. Поэтому я собираюсь взять Александру с собой, а вас оставить здесь. – Теодор повернулся, чтобы уйти, но почувствовал, что кто-то похлопал по его плечу.

– Прости, но, кажется, ты не понял одну вещь.

Теодор повернулся к Хенрику.

– Никто не может встать ко мне спиной и остаться безнаказанным, – сказал Хенрик, уставившись на Теодора.

Удар – и Хенрик оказался на полу. Теодору даже не пришлось пинать его или наклоняться, чтобы удержать парня на месте.

Оставив за спиной все самое приятное, он поспешно вышел из кафе.

И самое прекрасное...

Александра по-прежнему не выпускала его руку из своей.

Самоубийство Эльвина произвело среди коллег эффект разорвавшейся бомбы. Шок парализовал их. Им словно подставили подножку во время последних приготовлений к предстоящей встрече в Торговом банке. Возникло так много непонятного, что Тувессон в конечном итоге пришлось созвать кризисное совещание, на котором она велела всем, как бы трудно ни было, пока не думать о коллеге, а сосредоточиться на предстоящем задании.

Но Фабиан был убежден в том, что остальные, как и он сам, по-прежнему тратят большую часть своих душевных сил, пытаясь понять, как они могли пройти мимо того факта, что один из их ближайших коллег чувствовал себя настолько плохо, что посчитал самоубийство единственным выходом. Он не знал, что испытывали остальные, но для него самоубийство Эльвина казалось таким же нереальным, как первые кадры самолета American Airlines Flight II, когда тот врежется в северную башню.

И только когда он вошел в красивое помещение банка на Большой площади, вдохнул прохладный воздух и взял из пластмассового аппарата талончик с номером своей очереди 667, до него дошло, что до пяти осталось всего лишь несколько минут.

Помимо него и Лилли, которая сидела на кассе и якобы работала, в помещении находилось еще четыре человека. Служащий банка в третьем окне, который помогал пожилому, хорошо одетому господину с оплатой, а также женщина в спортивном костюме, которая катала взад-вперед трехколесную детскую коляску. И преступник, который все же пришел, вопреки предчувствиям Фабиана.

Но вот он стоит здесь собственной персоной в нескольких метрах от Фабиана в браслете и кольцах с черепами и с впечатляющим спокойствием ждет, что его пригласят.

Преступник находился так близко, что Фабиан без проблем мог подойти и схватить его. Вся операция, в которой задействовано почти двадцать человек, закончится, даже не начавшись. Но поскольку у них по-прежнему нет неопровержимых доказательств, они вынуждены ждать, пока мужчина не подпишет какой-нибудь документ.

Фабиан подошел к одной из скамей, сел и, пользуясь случаем, быстро обменялся взглядом с Утесом, который мыл окно с внутренней стороны.

Оставалась только одна минута, и над всем висело серьезное спокойствие. Что по какой-то причине всегда ощущалось в банке. Он никогда не думал об этом раньше, но люди почти всегда начинают говорить тише, как только входят в банк, а некоторые даже переходят на шепот.

На этот раз воздух прямо вибрировал от серьезности момента. Это чувствовал только он или преступник испытывал то же самое? И по какой причине он отменил встречу и перенес ее на сегодня? Это просто его обычный ход и дополнительная мера безопасности или за этим стоит что-то другое?

Мужчина, который олицетворял спокойствие, просто стоял и слегка кивал, словно слушал музыку. Но не было слышно никакой музыки, и никаких наушников не было видно. Может быть, музыка просто звучала у него в голове. Или это наработанный штамп, чтобы еще больше войти в роль Криса Дауна?

В таком случае преступник не только пугающе хорошо подготовился, но и должен был заметить всех полицейский в банке и у банка. Они что-то упустили? Забыли обезопасить какой-то выход? Или он настолько поглощен своей ролью, что не обратил на них внимание?

И тут появился банковский менеджер. На его лице застыла нервная улыбка, а на лбу, слишком большом для его лица, блестел пот.

– Привет. Маттиас Риборн. А ты, должно быть, Крис Даун. – Менеджер подошел к преступнику и протянул ему руку.

– Говорят, что да.

Они пожали друг другу руки. Фабиан мысленно молил о том, чтобы ладони менеджера были не такими влажными от нервов, как его лоб.

– Сейчас они идут в совещательную комнату, – сказал Фабиан в микрофон на наушниках и увидел, как мужчины скрылись за кассами.

Раздался звук, как в игре Jeopardy^[20], когда кто-то дает неправильный ответ, и над третьим окном замигали красные цифры 666. Пожилой мужчина пошел к выходу, а женщина в спортивном костюме с детской коляской направилась к окошку.

Фабиан был совсем не суеверным человеком и прекрасно сознавал, что эти три цифры сами по себе значат так же мало, как тринадцатый ряд в самолете. Насколько ему известно, пассажиры с тринадцатого ряда никогда не бывают единственными жертвами авиакатастроф. И все же он не мог не отреагировать и не вообразить, что женщина отнюдь не пришла с пробежки, и что в коляске лежит совсем не ребенок, а нечто другое.

– О'кей, сейчас я их вижу, – послышался голос Тувессон, и Фабиан выбросил эти мысли из головы. – Все готовы и ждут моего сигнала,

чтобы войти.

Как только высохнут чернила на первой подписи, банковский менеджер подаст знак Тувессон, которая в свою очередь прикажет остальным начать оперативную фазу. Двое уборщиков из спецназа войдут и набросятся на преступника, чтобы Лилья с Тувессон потом смогли произвести официальное задержание. Тем временем Фабиан вместе с Утесом будут охранять главный вход, а остальной спецназ позаботится о двух служебных входах по бокам.

Вошло еще два клиента – молодой мужчина и вслед за ним женщина средних лет с маленькой дрожащей собачкой в сумке. Тогда Лилья нажала на новый номер очереди, и Фабиан подошел к ее окну. Чтобы потянуть время в ожидании сигнала Тувессон, он не спеша вынул бумажник, нашел водительское удостоверение и передал его через окошко Лилье.

– Ну, посмотрим, сказал слепой глухому, – произнес менеджер, нервно ухмыльнувшись, и закрыл дверь совещательной комнаты за преступником, одетым в ботсы из змеиной кожи, джинсы и поношенную футболку с Led Zepplin под тем же самым вишневым пиджаком, который был на нем в предыдущий день.

Они сели напротив друг друга за стол для проведения конференций, где лежали документы, готовые к подписанию.

– В первую очередь хочу сказать, что мы крайне горды и рады тому, что ты решил перейти в наше отделение, – продолжил менеджер и достал ручку из внутреннего кармана пиджака. – Теперь я, конечно, понял, что ты планируешь продать большинство своих активов, но мы, естественно, все равно надеемся на хорошее и плодотворное сотрудничество в будущем.

– Разумеется, – отозвался мужчина, слегка улыбнувшись.

– Как видишь, в основном я все подготовил. Открыт временный ликвидационный счет, на который будут поступать доходы, пока ты не будешь знать, куда их поместить.

Преступник кивнул и заложил волосы за уши.

– Так что сейчас мне нужно только твое удостоверение личности, чтобы идти дальше.

Преступник достал бумажник, вынул водительское удостоверение и положил его на стол.

– Олрайт. Тогда я пойду сниму копию, а ты пока начинай подписывать. Я поставил галочки во всех тех местах, где требуется закорючка. – Он указал на несколько пустых строчек и достал чернильную ручку.

– Спасибо, но у меня есть своя. – Мужчина достал ручку из

внутреннего кармана.

– Оки-доки. – Менеджер прошел из совещательной комнаты в копировальную, где его ждала Тувессон.

Руками в перчатках она взяла водительское удостоверение, насыпала на него порошок для выявления отпечатков пальцев и осмотрела, поднеся к лампе.

– Ничего. Здесь ничего нет.

– Нет? Но...

– Ты обратил внимание, как он брал документ? – прервала Тувессон. – Взял его в руку или зажал между пальцами?

– Понятия не имею. Надо было думать обо всем сразу.

– Ладно. Но ты, во всяком случае, дал ему ручку?

– Я попытался, но... – Менеджер сглотнул. – У него была своя.

– Черт... – Тувессон стала массировать виски.

– Я, пожалуй, пойду обратно с этой копией, а то он начнет что-то подозревать.

Тувессон кивнула и приблизила микрофон на наушниках ко рту.

– Не знаю, слышали ли вы, но мы так и не взяли у него отпечатки пальцев.

– Будем надеяться, что он оставит что-то на столе или стуле, – послышался голос Муландера. – Важно, чтобы он подписал бумаги.

Менеджер вернулся в совещательную комнату с водительским удостоверением и распечатанной копией. Он сразу же заметил, что ни один документ не подписан.

– Ну, вот я и вернулся. А как у нас дела? – Он отдал удостоверение обратно. – Что-то неясно?

Не выпуская ручки, мужчина поднял глаза и молча посмотрел на сотрудника банка.

Они бежали, словно во сне, держась за руки, всю дорогу через Большую площадь и дальше к вокзалу Кнутпунктен. У Торгового банка Александра хотела высвободиться и вырваться вперед. Но Теодор крепко держал ее – пока он чувствует руку девушки в своей, все меркнет. Заказанный столик и паром, на который они могли опоздать, внезапно потеряли значение. Пока они есть друг у друга, все наладится.

Они последними сели на паром, словно высшая сила раскатала перед ними красную ковровую дорожку. И теперь сидели по обе стороны столика на двоих с белой скатертью, живыми свечами и дорогими приборами.

Теодор никогда не был в таком красивом месте, во всяком случае, никогда сам в таких местах не расплачивался. 5 765 крон жгли ему карман, и если все пойдет по плану, они будут сидеть долго и сойдут с парома только тогда, когда у него не останется ни одного эре.

– Вы готовы сделать заказ? – спросил официант, который подкрался к ним так, что Теодор даже не успел заметить.

– Мы еще даже не посмотрели меню. Но думаю, мы начнем с двух Лонг Айленд Айс Ти. – Теодор расплылся в улыбке и провел пальцами по щетине, благодаря которой выглядел старше.

Официант посмотрел на него, будто видел насквозь его жалкие попытки и в любую секунду мог ткнуть пальцем в меню безалкогольных напитков. Но он только коротко кивнул и исчез. Опять вмешалась высшая сила и позаботилась о том, чтобы все шло по плану, подумал Теодор, когда они подняли бокалы и посмотрели друг другу в глаза.

Наконец-то они остались вдвоем. Образовали свое пространство и пробудут там остаток вечера, может быть, целую ночь, и все постороннее не будет иметь никакого значения. Дорога до Хельсингёра занимает двадцать минут. Через полчаса они отчалият обратно в Хельсингёр, а еще через час перестанут понимать, в какой стране находятся.

Его отец рассказывал об этой поездке, еще когда они сюда переехали. Он даже один раз взял с собой сына. Но только сейчас Теодор понял, какое это гениальное изобретение.

– Здесь мы бьем по-крупному. – Александра отставила бокал.

Теодор не нашелся, что сказать. Это она сказала с иронией? Что-то не похоже. Он решил, что она находится под впечатлением, и кивнул. Попробовав напиток, набрался мужества и засунул руку во внутренний

карман куртки. Там лежала она – коробочка с двумя половинками сердца, где были выгравированы их имена.

Правда, вечер только начинался, но он хотел это сделать. Стихотворение, которое он так старательно сочинял, вдруг показалось ему совершенно ненужным, и он решил перейти сразу к делу.

Тео отпил еще из бокала, чтобы собраться с силами, и заметил, что, несмотря на внушительные размеры, бокал внезапно опустел. Чтобы его затея удалась, ему нужно больше. Гораздо больше. Проблема только в том, что официант его не видит, хотя он машет ему обеими руками.

Поэтому Теодор поспешил в бар и заказал еще два Лонг Ти, или как они там называются, и после нескольких чоканий и глотков, наконец, почувствовал, как давление в груди ослабло, и обстановка разрядилась. Ему даже удалось рассмешить Александру, и не по одному разу, а ведь у него нет чувства юмора.

Внезапно все пошло путем. Как по заказу к официанту вернулось зрение, и он попросил принести один из этих напитков, названия которых забыл. К тому же Александра несколько раз прижала свою ногу к его.

Просто-напросто либо теперь, либо никогда.

Не говоря ни слова, он достал коробочку и поставил ее на стол между ними.

– Это мне? – спросила она.

– Открой и увидишь.

Александра сделала, как он велел, и вынула маленькое серебряное украшение в форме сердца с двумя цепочками.

– Вау, – воскликнула она с таким радостным и удивленным видом, на который он и надеялся.

Они вместе разломали серебряное сердце на две половинки и надели на себя цепочки с выгравированными именами друг друга. Совершенно ясно, что это самый лучший момент в его жизни, и он стал думать, а не прочесть ли ему стихотворение. Но именно тогда, когда он, наконец, сумел найти в куртке нужный карман, ее мобильный засветился, и она отвлеклась.

– Привет, Хенрик... – сказала она.

Теодору захотелось вырвать у нее телефон, выбежать на палубу и бросить его за борт. Но он остался сидеть, изо всех сил стараясь сфокусировать взгляд на стеариновой свече, а ресторан вокруг него кружился и качался все сильнее и сильнее.

Фабиан по-прежнему стоял у первого окна, пытаясь сделать вид, что он ждет, когда Лилья закончит вводить команду на компьютере. Но на самом деле они ждали сигнала от Тувессон. Пока он ждал, он все больше убеждался в том, что что-то не так.

– Как дела? – раздался в наушниках голос Муландера.

– Не знаю. Дверь по-прежнему закрыта, – судя по голосу Тувессон, она тоже считала, что ожидание затянулось не к добру.

– Ему надо подписать несколько документов. Это не должно занять столько времени, – сказал Муландер. – Если вскоре ничего не произойдет, предлагаю нам войти вовнутрь.

– Никто ничего не делает без моего сигнала.

В замкнутом пространстве совещательной комнаты, где преступник вроде бы спокойно просматривал документы, по-прежнему стояла тишина. А вот банковскому менеджеру, похоже, становилось все труднее. Если так будет продолжаться, скоро с его слишком большого лба скатится первая капля пота.

– Простите, что-то не так? – Менеджер немного ослабил галстук. – Сегодня моя очередь забирать детей. Вы знаете, как бывает, когда опаздываешь в детский сад.

– Значит, у вас есть дети.

– Да, трех и пяти лет. Мальчик и девочка. Вы нашли ошибку? Если что, мы исправим ее в один момент.

Преступник посмотрел мужчине в глаза.

– У меня тоже есть дети, двое. Это самое лучшее, что бывает на свете. Правда?

– Конечно. Я только хочу сказать, что ошибка всегда может прокрасться, сколько ни проверяй.

– Нет, нам ошибки не нужны. Что тогда будет? – сказал преступник, не сводя с менеджера глаз. – Но я их не нашел. – Он открутил колпачок своей ручки и начал подписывать документы один за другим. Закончив подписывать, мужчина прикрутил колпачок обратно, положил ручку во внутренний карман и встал. – Тогда благодарю за всю помощь.

– Не стоит благодарности. Мне было очень приятно, – сказал менеджер с широкой улыбкой и взял протянутую руку преступника. – Где-

то в начале следующей недели все в основном должно быть готово. Как я уже сказал, для сбыта такого крупного состояния требуется нескольких банковских дней.

Преступник кивнул, вышел вслед за менеджером из совещательной комнаты и увидел, что двое уборщиков достали оружие из уборочной тележки. Последовала мгновенная реакция: никто не успел и глазом моргнуть, как он притянул к себе менеджера и прикрылся им, как щитом, одновременно прижав пистолет к его виску.

– Думаю, нам лучше пойти вместе. А ты что скажешь? – спросил он тоненьким голосом, словно обращался к ребенку.

– Отпустите его! – закричала Тувессон, которая подскочила к ним, держа пистолет обеими руками. – Отпустите его, я сказала!

– Еще один шаг, и папа не придет в садик забирать детей, – сказал преступник таким же детским голосом.

– Весь банк окружен. Каждый выход охраняется! – сказала Тувессон. – Всем постам: объект вооружен и взял Маттиаса Риборна в заложники. Вам лучше всего сдаться. У вас нет ни единого шанса. Все кончено. Отпустите его и ложитесь на пол! – Тувессон подходила к нему.

Выстрел из маленького пистолета прозвучал так, словно стреляли из пугача. Но ущерб, который нанесла пуля, войдя в тонкую кожу, попав в висок и дальше в мозг, откуда она вышла через ухо с другой стороны, был совершенно сокрушительным.

Смерть наступила мгновенно, и когда окровавленная голова ударилась о каменный пол, мужчины уже давно не было.

Подобно электромагнитному импульсу, который выбивает все электронные приборы на своем пути, распространился шок и парализовал всех, кроме преступника, который быстрым и энергичным движением руки сорвал пропуск с пояса брюк безжизненного тела, лежащего у его ног, а потом схватил Тувессон и прижал теплое дуло пистолета к ее виску.

– Посмотри, что ты наделала. Кто теперь заберет детей?

Фарид Черукури не мог вспомнить, когда до этого испытывал такой подъем, как в последние часы. Если раньше время ползло вперед, то теперь каким-то странным образом оно перестало существовать. Он ни одного раза не нажал на *временно недоступен*, чтобы пойти в туалет или покурить. У него просто-напросто не было времени. Он даже не успел найти фото уродливого животного, чтобы послать Цян Ху.

Они обычно делали это каждый день. Фарид спрашивал себя, почему, но не находил подходящего ответа. Просто так получилось. Одно уродливое животное в день, по крайней мере, помогало как-то развеять скуку. Цян уже послал два фото – рыбы-луны и ядовитой крысы, и Фарид чувствовал, как недоумевающий взгляд коллеги прожигает ему спину.

Но у него нет времени на объяснения, сейчас нет.

Цян, наверное, подумал, что коллегу вызывали, чтобы сделать ему предупреждение, и теперь уделял все свое время входящим звонкам. Фарид тоже принимал звонки, но они служили лишь прикрытием для того, на что на самом деле уходил его рабочий день.

Задание, полученное им от женщины-полицейской. Стоило ему понять, о чем идет речь, как он увидел свет в туннеле, и до него дошло, что последние полгода он был скорее мертв, чем жив. Во время встречи ему хотелось вскочить со стула и так громко закричать от радости, чтобы его крик через стену услышали в *Небесном море* и дальше в *Мягком-приятном*, или как там назывались остальные совещательные комнаты. И так вплоть до самого руководства. Наконец-то ему есть чем заняться. Наконец-то ему снова есть чем дышать.

Но Фарид взял себя в руки и был спокойнее, чем дзен-буддист. Он даже зауспокоился и сказал, что это невозможно, что миссия невыполнима. Теперь он никак не собирается опростоволоситься, как в прошлый раз. Это будет его билет из бункерного ада на свободу. Полицейская угрожала и прессовала, как он и предполагал, и в конечном итоге он согласился сделать попытку.

При одном условии.

Она должна помочь ему выбраться отсюда.

Полицейская спросила, что для этого надо, и Фарид ответил ее же собственными словами: она настоящая маленькая хитрюга и наверняка что-нибудь придумает. На этом они расстались, и он вернулся обратно в бункер,

чтобы приступить к невыполнимой миссии.

Вычислить по адресу IP владельца незарегистрированной сим-карты, приобретенной за наличные, в принципе так же трудно, как найти угол в круглой комнате. Но мысль о том, что свет в туннеле погаснет, если он не справится, заставляла Фарида пробовать один притянутый за уши вариант за другим.

Как он и ожидал, ничего не сработало, и тогда он принял еще один разговор. Звонила пожилая женщина, которая утверждала, что внесла триста крон в счет абонентной платы, но это нигде не зафиксировалось. Она наверняка нажала на что-то не то, набирая код из двенадцати цифр, и при обычном раскладе он не мог бы ей помочь без подтверждения об оплате, которое она наверняка выбросила. Но этот случай не был обычным, и поэтому он положил на ее номер пятьсот крон и пожелал ей хорошего дня.

Причина заключалась в том, что женщина, сама того не зная, подала ему новую идею, и через час интенсивной работы он, наконец, схватился пальцами за расщелину в плоской скале. Он уже давно понял, что двое полицейских нашли адрес IP на Ютубе, куда анонимный пользователь выложил несколько роликов об избиении невинных людей. Он только не подумал, что ролики выкладывались в разное время. На самом деле это говорило гораздо больше, чем анонимный адрес IP.

Зная время, он установил фильтр в архиве всех платежей – этот архив он взломал еще три года назад – и, повозившись еще полчаса с фильтрованием, сумел выявить несколько номеров с сим-картами, приобретенными за наличные для того, чтобы выложить ролики в Ютубе. Затем взял компьютерные журналы, которые точно показывали, в какое время различные номера включались и соответственно выключались, а после этого ему, наконец, чудом удалось выявить один единственный номер. И мало того, ему к тому же удалось установить, в каком магазине в Хельсингёре были проданы симки.

Фарид позвонил полицейской, чтобы рассказать о своих успехах, и ожидал как минимум аплодисментов и обещаний новой работы. Но ему сказали только *хорошо*, не больше и не меньше. *Хорошо?* Что ему с этим делать? Он проделал такую работу и потратил так много энергии. *Хорошо?* За кого она его принимает, черт возьми?

Он закончил разговор в гневе, нажал на *временно недоступен* и в первый раз за много месяцев достал троян, который окрестил *DrappelFed* по названию своей любимой группы. Последние сомнения исчезли, осталось только кликнуть правым указательным пальцем на мышку, и весь

TDC заразится тем, что лучше всего подходит под описание неизлечимой болезни.

Но несколько немногочисленных пикселей справа на экране навели его на другие мысли. Пиксели сложились в красную точку, которая только что стала зеленой.

Зеленая точка наряду с номером, который он только что вычислил, означала, что у него есть нечто реальное, за что можно потребовать гораздо больше, чем вялое *хорошо*.

Анонимный абонент опять пробудился к жизни.

– Повторяю: Маттиас Рюборн мертв. Объект взял в заложники Тувессон и теперь направляется вглубь банка, – в наушниках Фабиана раздался резкий голос Лильи.

– Это полиция! – Фабиан показал свое полицейское удостоверение клиентам банка. – Здесь находится вооруженный и крайне опасный преступник, который взял заложника! Поэтому прошу вас как можно быстрее покинуть банк!

Трое клиентов кивнули и поспешно вышли.

– Всем постам: около банка стоит «скорая» и ждет разрешения войти, – слышался голос Муландера. – Я могу узнать, где сейчас находится объект?

– Они только что скрылись в одной из дверей, – ответила Лилья. – По словам сотрудников, эта дверь ведет к лестничной площадке, откуда можно выйти наружу через левый служебный вход.

– О'кей, скорая, вы можете войти, – сказал Муландер. – Группам один и два рядом со входами надеть жилеты и приготовиться.

Несмотря на все приготовления, преступник ошарашил их тем, что ни секунды не медля привел в исполнение свою угрозу и пристрелил менеджера. Если они ничего не предпримут, он вскоре уйдет. И на этот раз навсегда.

– Это Ирен. Мы наблюдаем за дверью, но объект не выходит наружу через боковые входы, а поднимается вверх по лестнице. Повторяю: объект и Тувессон поднимаются вверх.

Куда, на крышу? Фабиан быстро вышел из вестибюля, куда Утес впускал медиков «скорой», которые входили в банк с носилками и сумками с оборудованием.

– Продолжай охранять вестибюль, – сказал он и бросился на угол улицы Стальгатан.

– Куда ты? – крикнул вслед ему Утес.

Но конкретного ответа у него не было. Он молча повернул за угол и прошел мимо трех парковых рабочих, которые теперь надели защитные жилеты и охраняли служебный вход в банк с поднятыми автоматами.

– Мы нашли Тувессон! Он бросил Тувессон! – в наушниках раздался голос Лильи.

– Она жива? – спросил Утес.

– Она лежит... у нее течет кровь... со лба... проклятие... не шевелится... Вызовите сюда «скорую». Черт возьми! Немедленно сюда «скорую»!

Только не она, подумал Фабиан. Только не Тувессон. Он остановился на Ратушной площади и посмотрел на крышу банка. Но он стоял слишком близко и мог видеть только стену фасада, которая тянулась в небо.

– Она жива! – закричала Лилья. – Тувессон жива! Она просто без сознания!

Он выдохнул и отошел от здания к большой клумбе в форме тарелки в центре площади. Но и оттуда смог разглядеть только край крыши.

– А объект? Он тоже там? – спросил Утес.

– Нет, похоже, он выбрался на крышу. У нас там есть камеры?

– Ответ: нет, – отозвался Муландер.

Последовавшая за этим тишина говорила своим ясным языком. Они все недооценили преступника и теперь находились в замешательстве от его поступков, не способные что-либо сделать, кроме как ждать, что он растает, как дым.

Фабиан сделал усилие, сбросил с себя оцепенение и вспомнил, как накануне преступник стоял на углу Северной Береговой улицы и переулка Кольметарегренден и смотрел на улицу Куллагатан.

– Говорит срецназ. Дверь закрыта, и считыватель пропусков сломан.

Он разрабатывал план бегства? Тогда это значит, что каким-то образом он смог перебраться с крыши Торгового банка на крыши соседних домов, а потом спуститься вниз и выйти на улицу через один из магазинов на нижнем этаже.

Под аккомпанемент трех коротких выстрелов в наушниках Фабиан поспешил в переулок и протиснулся к месту, где накануне стоял преступник.

– Дверь форсирована, и мы на крыше.

Повсюду были люди. В тесном переулке царила сутолока. Словно все только что вышли с работы и отправились за покупками, прежде чем идти домой.

– Его здесь нет.

– Продолжайте искать. Он должен быть где-то там, – велел Муландер.

Хотя между ними было десять метров, Фабиан сразу же узнал женщину в спортивном костюме. Она вышла из магазина на углу под названием «Тайник», где продавали детскую одежду и игрушки, с трехколесной детской коляской и большим пакетом с покупками. Но его интересовала не женщина, а мужчина, который вышел сразу вслед за ней.

Он был без солнечных очков и длинных волос. Никакого ремня с заклепками или вишневого бархатного пиджака тоже не наблюдалось. К тому же у него как-то изменилось лицо. На таком расстоянии было невозможно сказать, в чем дело: стал ли меньше нос или что-то другое. Но без сомнения, это был он. Бегающий взгляд, которому мужчина пытался придать спокойствие, хотя в глубине души хотел только одного: убежать отсюда.

– Всем постам: в данный момент объект находится в переулке Кольметарегренден и направляется в сторону Куллагатан. Вместо парика и пиджака на нем синяя кепка, коричневые кроссовки, бежевые чинос и темно-серая куртка.

– О'кей. Первая группа продолжает двигаться на север в сторону переулка Хестмёллегренд и оцепит улицу Куллагатан в северном направлении, – сообщил Муландер.

– Вас понял.

Фабиан пошел за преступником как можно быстрее, но на бег не переходил. Пока он не потеряет мужчину из вида, с такой скоростью он нагонит его у Куллагатан, где сможет наброситься на него сзади и провести подконтрольный захват.

– Вторая группа, – продолжил Муландер, – вы выдвигаетесь с Большой площади и проходите весь переулок Стрёмгренден, чтобы он не ушел этой дорогой.

– Мы уже движемся.

По какой-то причине преступник побежал. Словно видел затылком и в этот момент понял, что его преследуют, и стал пробираться сквозь толпу людей.

– Думаю, он меня обнаружил, – сказал Фабиан, которому ничего не оставалось, кроме как тоже побежать и протискиваться мимо всех тех, кто попадался на его пути. – Он сворачивает налево на улицу Куллагатан. Повторяю: объект движется на север по Куллагатан.

– Первая группа сейчас находится в переулке Хестмёллегренд и готова встретить его.

– Хорошо. Вторая группа, вы идите по переулку Стрёмгренден и дальше на север по Северной Большой улице.

– Вас понял.

Мужчина двигался зигзагом, почти танцевал, пробираясь вперед среди пешеходов, и в тот момент, когда группа японских туристов различного возраста вышла из одного из магазинов и заблокировала Фабиану проход, скрылся из вида.

– Он просто исчез, – сказал Фабиан и огляделся. – Первая группа, вы его видите?

– Нет, пока нет.

Фабиан пробрался сквозь японцев.

– А теперь?

– Ответ: нет.

Они должны были увидеть его уже давно. Секунды переходили в минуты. Наверное, он пошел другой дорогой. Дело только в том, что другой дороги тут нет. Кроме... Кстати. Почему никто об этом не подумал.

– Наверное, он вошел в универмаг «Оленс», – крикнул Фабиан в микрофон на наушниках, быстро направляясь к входу. Он обошел универмаг, пытаясь взглянуть в каждое лицо в толпе.

– Я внутри, но я его не вижу.

– Может быть, у него припрятана машина для побега на верхней парковке, – предположил Муландер.

– Поднимусь и посмотрю, – Фабиан протиснулся к винтовой лестнице напротив. – Кстати, вторая группа, – продолжил он, поднимаясь вверх, – вы дошли до Северной Большой улицы?

– Да, мы как раз за Оленсом.

– Хорошо. Берите задний выход и выезд с парковки. Первая группа, вы берите два передних выхода.

Теперь все выходы были под охраной. Если преступник находится где-то здесь, они рано или поздно найдут его.

– Мы с Утесом будем на месте через полминуты, – сказала Лилья. За ней тяжело дышал Утес.

– Хорошо, – отозвался Муландер. – Тогда ищите в отделах. Поезжайте на эскалаторе на верхний этаж и начинайте со Стадиума. Во всяком случае, я бы попытался спрятаться там, и если я не совсем ошибаюсь, там также есть выход на парковку.

– О'кей, я уже еду вверх, – сказала Лилья. – Утес берет нижний этаж.

Фабиан вышел на парковку на крыше здания. Справа от него находился проход к выезду и въезду, а перед ним вдоль края стояли припаркованные машины. Насколько он мог видеть, все места были заняты. Но людей видно не было. Было на удивление тихо, хотя он находился в центре города – под ним на расстоянии вытянутой руки бурлила улица Куллагатан.

Он достал оружие и стал осматривать машины. Сначала под машинами и между ними, а затем стал проверять, не сидит ли кто-нибудь за рулем или не лежит на заднем сиденье, вжавшись в него. Он изучал

машину за машиной, слыша как Лилья и Утес отчитываются о своих поисках. Сам он не говорил ничего, боясь себя выдать.

Где-то завели двигатель, который стал набирать обороты. Фабиан поднялся и посмотрел, но, не увидев, в какой машине это происходит, поспешил обратно к проходу и встал посередине. Одна из дальних машин тронулась с места и поехала в его сторону.

Из-за света, отражавшегося в ветровом стекле, было невозможно разглядеть, кто сидит за рулем. Но это и не требовалось, поскольку машина увеличивала скорость.

– Это Фабиан. Объект находится в машине на парковке на крыше. Белая «Шкода», KFL 231.

– Вторая группа, вы готовы у выезда? – спросил Муландер.

– Ответ: да.

Фабиан расставил ноги на ширине плеч и встал по ходу движения машины, держа перед собой пистолет. Первый раз за долгое время он снова внутренним слухом услышал крики своих старых коллег. Но голоса раздавались не слишком громко, и хотя у него дрожали руки, они не выпускали пистолет. Если ему вскоре не удастся нажать пальцем на курок, на него наедет машина.

Впервые он произвел три выстрела не в тире. Время словно приспособилось к развитию событий, и, увидев, как пули попали в левую переднюю шину, он бросился в сторону, чтобы не попасть под колеса машины, которая все быстрее съезжала по проходу, резко ведущему налево к нижнему этажу. Но «Шкода» врезалась прямо в бетонную стену, где и осталась стоять с дымящимся капотом.

Фабиан быстро вскочил на ноги, подбежал к машине и распахнул дверь со стороны водительского сиденья. Там сидел он, прижатый подушкой безопасности, и улыбался жуткой улыбкой.

– Вторая группа, вы можете подниматься. Остальные могут прекратить поиски. Я взял его.

– Да! – воскликнула Лилья. Вскоре послышались возгласы Муландера, Утеса и части спецназа.

– Хорошо сработали, все, – сказала Тувессон, которая явно пришла в сознание и следила за развитием событий.

Фабиан отошел в сторону, чтобы пропустить спецназ, который только что прибыл и теперь вытаскивал мужчину из машины. Но только когда они завели руки мужчины за спину и надели на них наручники, он решился выдохнуть.

Преступник не только подделал чужую подпись, но и убил сотрудника

банка на глазах у Тувессон, а это значит, что у Хёгсель есть все основания приговорить его к пожизненному заключению. Отпечатки пальцев, следы ДНК, цепочка улики. Все это больше не играло никакой роли.

И, тем не менее, преступник улыбался так, словно его это не касалось.

От отчаяния Теодору казалось, что кто-то сидит у него в голове и бьет его кувалдой. С каждым ударом он чувствовал себя все хуже. Если так будет продолжаться, скоро его начнет рвать. Как же он ненавидел дурноту. Ненавидел, ненавидел, ненавидел. Не было ничего хуже.

Может быть, лучше всего вставить два пальца в рот и покончить с этим. Через какое-то время. Как только он соберет достаточно сил. Проклятие... И все этот чертов напиток. Он вливал его в себя так, будто пил сок.

Сначала Теодор решил, что паром качает. Но спустя несколько бокалов ему стало нехорошо и в конечном итоге пришлось встать из-за стола и пойти в туалет. К счастью, одна из трех кабинок была не занята, и он опустошил желудок прямо в туалете. А теперь ему опять туда надо. Черт возьми...

Он встал с сиденья, наклонился вперед, открыл рот и как можно глубже засунул туда указательный и средний пальцы, от чего весь живот свело судорогой, и едкий сок поднялся вверх по пищеводу. Теодор повторял процедуру, пока из него не вышла вся желчь, и глотка не стала гореть так, словно вот-вот треснет.

Несколько раз спустив воду, он понял, что мерзнет, хотя обливался потом. Он не знал, сколько времени провел в туалете. Каждая секунда все больше отдаляла его от Александры. Но теперь ему стало немного лучше. Правда, он испытывал слабость, словно не ел несколько лет, но дурнота, во всяком случае, прошла.

Умывшись и прополоскав рот бесчисленное количество раз, Теодор вернулся в ресторан к их столику, но обнаружил, что столик пуст. Он сел на свое место и обвел взглядом помещение, но ее нигде не было видно. Может быть, она просто тоже в туалете, подумал он, пытаясь убедить самого себя, что все идет как надо.

– Здесь есть поворот налево? – раздался голос Фарида из мобильного, который Дуня держала в руке.

– Налево? – Дуня посмотрела через лобовое стекло, пытаясь разглядеть что-то в темноте, которая шла на смену голубым сумеркам. – Да, но здесь только одна дорога. Ты уверен, что не хотел сказать направо?

– Не направо. Налево.

Дуня встретила взглядом с недоумевающим взглядом Магнуса и кивнула, после чего он свернул на маленькую покрытую гравием аллею сразу после станции Мёрдруп.

Прошло почти три часа с тех пор, как позвонил Фарид и рассказал, что анонимный абонент только что пробудился к жизни, и что он уже входит в систему через заднюю дверь, чтобы определить местоположение.

Они с Магнусом как раз сели за столик в уличном кафе перед булочной Лауры на улице Блогордсгаде рядом с ее подъездом, полчаса прождав два свободных места. Каждый заказал пиццу и большую кружку пива. Когда Дуня ответила на звонок, она уже успела выпить половину кружки. Поэтому Магнус стал настаивать на том, что машину поведет он, и она неохотно согласилась сесть на пассажирское сиденье.

Сразу после этого, как только они застегнули ремни безопасности и выехали с парковки на улице Баггенсгаде, Фарид выдвинул свое условие: он скажет только, в какой части света находится мобильный.

Работа, ответил он, когда она спросила, в чем дело. Он потребовал, чтобы Дуня пообещала устроить его на работу, и не на какую угодно. Он должен использовать свои знания как программист, беспрепятственно выбирать оборудование и, самое главное, работать выше уровня земли. Если она не может ему этого обещать, он прекратит разговор и заблокирует ее, и она больше никогда не сумеет с ним связаться.

Она еще раз пригрозила ему донести на него руководство его компании, но на этот раз Фарид видел ее насквозь. Он пожелал ей успеха и сказал, что если и дальше будет работать в бункере, рано или поздно все равно умрет от скуки.

В конце концов, у нее не осталось другого выбора. Хотя она сама не была уверена в том, что у нее будет работа после того, как все уляжется, она обещала ему место программиста. Следующий вопрос – как и где. Сейчас только одно имеет значение: он должен выяснить проклятые

координаты, чтобы они смогли схватить злоумышленников.

К сожалению, триангуляция далеко не точная наука, и поэтому два последних часа они практически без всякого плана кружили в районе к югу от Хельсингёра. И на этот раз они, похоже, не попали в нужное место.

– Здесь только хутор. Уединенный заброшенный хутор. – Дуня посмотрела в боковое окно на два сарая, пока Магнус объезжал покрытый гравием участок. Здесь нет ни машины, ни мопеда, и все окна погашены. – Здесь ничего нет.

– Вы как следует огляделись?

– Это старый крестьянский хутор посреди ничего. Какое они могут иметь к нему отношение?

– Не знаю. Я просто смотрю на экран и не виноват, что система не дает более точных координат. Но уверяю тебя: если бы я ее разрабатывал, она бы...

– Да-да-да, ты самый лучший программист в мире, мы это уже слышали. Но в любом случае их здесь нет. Поворачивай обратно на большую дорогу.

Магнус кивнул и опять поехал по узкой аллее. Он не сказал почти ни слова с самого Копенгагена. С его губ не слетел ни один протест, что на него совсем не похоже. Он даже снова не предлагал вместе поужинать после того, как им пришлось бросить свои пиццы. Может быть, он...

– Подожди, остановись!

– В чем дело? – Дуня посмотрела на Магнуса. – Может быть, все же надо было повернуть направо, как я говорила?

– Нет, налево.

– Что значит налево? Мы и так свернули налево. Ты хочешь сказать на большую дорогу?

– Нет, теперь прямо. И налево. Делай, как я говорю.

Она кивнула Магнусу, который остановился посреди аллеи.

– Подожди немного. Я не знаю, что ты видишь на своем экране, но здесь есть только пастбище для коров, или это...

– Эй, что вы ждете? Поезжайте! – закричал Фарид в телефон, и Дуне пришлось признаться самой себе, что ей нравится его напор.

– О'кей, спокойно, мы едем, – сказала она и жестами велела Магнусу сворачивать на пастбище.

– Как ты себе это представляешь? – спросил Магнус. – Здесь даже нет никакой дороги.

– Алло...

– Я знаю, но плюнь на это и поезжай.

Магнус покачал головой и поехал по траве.

– Давай вперед и прибавь немного скорости. Речь максимум идет о нескольких сотнях метров.

– Мне это не нравится. Совсем не нравится, – сказал Магнус, ведя машину по лугу.

– Для твоего сведения: здесь ничего нет, – сказала Дуня, когда они проезжали мимо лежащей на боку ванны.

– Как бы трудно ни было, поезжайте только вперед!

Они резко остановились, поскольку машина застряла в канаве.

– Смотри, что произошло. Что я говорил. – Магнус развел руками.

– Попытайся вытащить машину, а я пойду дальше. – Дуня вышла из машины, перепрыгнула через канаву, и быстро скрылась в темноте.

Трава доставала ей до пояса, и брюки уже были мокрыми от влаги. Она не знала, что ее ждет, но Фарид с его энергией был так убедителен, что она продолжала идти вперед, хотя не видела и не слышала никаких признаков того, что движется в нужном направлении.

Перед ней вдруг возник забор. Дуня так сильно ударилась об него, что почувствовала привкус крови. В отчаянии она закричала и хотела было повернуть обратно к Магнусу, но тут в заднем кармане завибрировал мобильный.

– Почему ты остановилась?

Она еще не успела поднести телефон к уху, как он начал разговор. Как он узнал? Он ее тоже выследил?

– Эй, ты что, остановилась пописать или...

– Нет, но я наткнулась на гребаный забор! Только не говори мне идти дальше, здесь ничего нет! – Она услышала свой истеричный тон и несколько раз глубоко вздохнула, чтобы совсем или хоть немного успокоиться. Нет ничего хуже женщин-истеричек. Разве что мужчины-истерики.

– Но тебе именно туда. Продолжай.

– О'кей, перелезаю через забор, – сказала Дуня, пытаясь контролировать себя. – Но если окажется, что и на этот раз ты ошибся или внезапно скажешь, что я должна бежать обратно или налево или почему бы не направо, давно не ходила направо, я лично позабочусь о том, чтобы ты остался в этом чертовом бункере до конца жизни.

– Мне надо заканчивать.

– Что? Подожди. Это почему? Алло? – Но разговор уже прервался. Сделав несколько неудачных попыток перезвонить Фариду, она перелезла через забор и пошла вперед по траве. И тут слева возник яркий свет,

который через несколько секунд проехал мимо нее. Машина.

Значит, она вышла на дорогу или скорее на выезд. Может быть, это трасса E47 между Хельсингёром и Копенгагеном? Почему она не слышит шума движения? Не играет никакой роли. Она должна идти вперед как проклятая. Дуня быстро перешла дорогу по асфальту и вошла в лес по другую сторону.

Там дорога резко вела вниз, и, чтобы не поскользнуться, она стала хвататься за деревья и ветки. Чем ниже она спускалась, тем слышнее был шум машин, и вскоре она увидела машины и автопоезда, которые ехали в обоих направлениях.

И тут Дуня поняла, что Фарид прав.

Она увидела их у обочины на другой стороне в южном направлении. Желтые улыбающиеся смайлики, закрывающие их лица, и сигналиющие машины, которые проезжали мимо и точно так же, как она, не понимали, в чем дело. Она насчитала четверых, один из них стоял немного поодаль и, похоже, держал что-то в одной руке перед собой. Остальные сгрудились вокруг какого-то предмета, блеснувшего в свете автомобильных фар.

Магазинная тележка.

Она ничего не поняла. Какое отношение они...

Дуня перестала удивляться, когда один из парней отошел в сторону. Но надеялась, что обозначась. Она со всех ног бросилась вниз по склону. Она не обозначась, и сейчас только одно имеет значение: успеть, пока не поздно.

Хорошо бы позвонить Магнусу, но нет времени. Ей надо как можно быстрее перебраться на другую сторону и помешать им. Она махала и жестикулировала проезжающим мимо машинам, чтобы они остановились и пропустили ее, но те только сигналили и мигали всеми фарами. Ей показалось, что какой-то БМВ даже направился на нее и заехал за сплошную линию.

Спасение явилось в виде старой ржавой «Вольво» с разбитой передней фарой и прицепом. «Вольво» снизила скорость, и Дуня решила войти в поток автомобилей с зажженным мобильным в качестве единственной защиты. Первую полосу она прошла относительно просто. Хуже обстояло с внешним рядом, где орды мотоциклов так близко пронеслись мимо, что каждый раз она чувствовала порыв ветра. Одновременно за ее спиной раздался рев автопоезда, который возвышался над всеми в своем ряду. В конце концов, она больше не могла ждать и была вынуждена броситься вперед, заметив чуточку больший просвет между двухколесным транспортом.

Дуня смогла выдохнуть на разделительной полосе только для того, чтобы понять, что все напрасно. Что время упущено, и ее, Магнуса и Фариду обвели вокруг пальца. Они опоздали, и она могла только наблюдать за тем, как тележка с бездомным, которого она узнала по развалюхе на улице Стенгаде, движется вперед в потоке машин.

И руки, и ноги у него были связаны, чтобы он не смог выбраться из тележки, а его широко открытые полные ужаса глаза не могли оторваться от сигналящего автофургона, который летел прямо на него. Несмотря на то что фургон притормозил, он врезался тележке в бок. От удара тележка выкатилась, как шар в керлинге, во внешний ряд, где в нее въехал кроссовер и опрокинул ее. А через какое-то мгновение тележку раздавил автопоезд. Все произошло в течение нескольких секунд.

Дуня попыталась сделать вдох, но легкие словно не хотели наполняться воздухом. Словно шок парализовал весь ее организм. Шум на трассе как будто стал тише. Она слышала только смех и крики ура с другой стороны дороги.

Теодор не решался поверить в то, что это правда. Что это не только желанный сон, который он видит внутренним зрением в формате 3D со звуком, запахом, вкусом и всем вытекающим. А вдруг он на самом деле просто лежит и спит? В таком случае он ни за что не хочет просыпаться, поскольку это... Да, это настоящее чудо вплоть до мельчайших деталей. Впервые ему показалось, что все силы во вселенной взаимодействуют друг с другом ради него.

Он сильно ущипнул себя за щеку, но ничего не произошло. Он действительно лежал голым в кровати.

Кровати Александры.

И рядом с ним действительно лежала и спала она.

Предыдущим вечером он расстался со всякой надеждой на нее и на то, что они когда-нибудь снова увидятся.

На всё.

Он слишком много выпил и перешел на воду, когда уже было поздно. Все кружилось быстрее и быстрее, и он понятия не имел, сколько просидел, засунув пальцы в рот, в этом отвратительном туалете.

Когда он, наконец, вернулся, девушки уже не было. Как оказалось, она исчезла.

Подождав за столиком, вокруг которого крутился все более недоумевающий официант, Теодор принялся искать Александру, сначала в дамских туалетах, а потом в магазине такс-фри и в других местах на ресторанной палубе. Но ее нигде не было. Он не по одному разу обыскал автомобильные палубы и заглянул в различные места для загорания, но ее словно поглотила окружающая их темная вода.

В конце концов, он перестал надеяться когда-либо увидеть ее снова и вернулся за столик, чтобы заказать большую колу и гамбургер. Александра сидела на своем месте, словно ничего не произошло. Она спросила, как он себя чувствует и где он был все это время. Оказалось, она забеспокоилась, что он так долго отсутствует, и пошла его искать. Она искала его везде, точно так же, как он ее, и, наконец, вернулась за столик, чтобы что-нибудь съесть.

И они стали есть – закуску, горячее и десерт. Они говорили и смеялись, и он произнес все нужные слова, и ему почудилось, что он без проблем может жонглировать целым миром в своих руках. В четыре утра

они сошли с парома в Хельсингборге и взяли такси прямо до ее дома.

Выяснилось, что ее родители не только в отъезде, но и к тому же появятся дома только в пятницу. Иными словами им не надо вести себя тихо и спокойно, и в отличие от нескольких часов на пароме, которые стерлись из его памяти, остальная часть ночь была кристально-ясной. Он помнил каждую секунду и мог прокрутить это в своей голове, словно целый художественный фильм.

Как они стянули друг с друга одежду, поднимаясь в ее комнату. Как поставили Люкке Ли, зажгли массу живых свечей вокруг кровати и стали заниматься любовью. Он делал это впервые в жизни и к тому же с женщиной, которую любил больше самой жизни. И вопреки всему тому, что он слышал и читал именно о первом разе, это было совершенно потрясающе. Все сработало.

Теодор, конечно, сразу же кончил, как только Александра начала ласкать его, но она не засмеялась, не легла на бок и не заснула. Она взяла его член в рот и стала делать вещи, от которых тот снова пробудился к жизни, и после этого они стали любить по-настоящему. Словно время не могло вторгнуться в их пространство, словно оно касалось всех остальных, но не их двоих. Но в какой-то момент они заснули, поскольку Теодор только что проснулся. Александра спала на животе, а ее распущенные волосы веером лежали на подушке.

Теодор откинул одеяло и стал изучать ее голое тело – одно из самых совершенных творений, которые он когда-либо видел. Такое никогда не опишешь словами в дневнике. Каждая попытка, каждая комбинация слов будет не чем иным, как насмешкой над действительностью.

Он осторожно положил ладонь на изгиб ее спины и почувствовал, как по его телу стало разливаться ее тепло, изгоняя холод из каждого уголка. Затем его рука скользнула по ее твердым ягодицам, которые казались расслабленными. Она слегка раздвинула ноги, словно чтобы впустить его пальцы, и он почувствовал опьянение. Она спала, но все равно хотела. С ним. Ей все было мало, как и ему самому.

И тут раздалась мелодия. Сначала он подумал, что слышит через стену соседей. Но потом понял, что здесь нет никаких соседей и что они одни в большом доме. Похоже, звучал синтезатор, булькающий синтетический мотив с эхом глухого аккорда из числа тех, которые слушает его отец, когда думает, что дома никого нет. Сам он даже не считал это музыкой.

Теодор встал с кровати и определил, что звук, который только что раздался снова, доносится из кучи одежды на полу. Он лежал в ее джинсах. Мобильный «Сони-Эрикссон», которого он раньше никогда не видел и

который теперь замолчал. Он знал, что у Александры нет такого телефона. У нее был последний «Самсунг-Галакси», который, по ее мнению, по всем статьям превосходит его «Айфон 4S». Тогда чей это телефон? Теодор взял телефон, посмотрел на него, нажал на стартовую кнопку и увидел один пропущенный звонок с защищенного номера. Кто-то ошибся?

– *Hrm... Message from the dark side there is*^[21].

Это был Йода, и он сразу же понял, что на «Галакси» Александры только что пришло смс. Он повернулся к кровати, чтобы посмотреть, проснулась ли она. Она не проснулась, и мысль о том, что ее надо разбудить и спросить, в чем дело, он по какой-то причине отложил на потом.

Звонил проверить, проходят ли сигналы, и они проходят. Масса сигналов, что означает, что телефон включен.

Сообщение пришло от некоего «Х». Нетрудно догадаться, что это Хенрик. Галакси еще раз завибрировал в его руке и голосом Йоды возвестил о том, что принято еще одно смс.

Эй, ты можешь ответить? Что, черт возьми, происходит?

Что он хочет? Он имеет в виду другой мобильный? И почему так опасно, что он включен? Теодор отложил «Галакси», взял «Сони-Эрикссон» и стал наобум нажимать на все подряд.

В телефоне не было ни одного сообщения, а список звонков был пуст за исключением пропущенного звонка с защищенного номера. Там также не было никаких игр или фоновых картинок. Иными словами, похоже, в телефоне совершенно ничего не было.

Так, во всяком случае, думал Теодор, пока не нашел ролик. Дрожащие кадры, которые, если верить указателю времени, было сняты всего лишь несколько часов назад. На дисплее кто-то пытался выбраться из магазинной тележки, которую выпихнули на шоссе и которая через несколько долгих, как вечность, секунд, исчезла под колесами грузовика.

Теодору этого было достаточно, чтобы понять. Высокий с желтым смайликом на лице – Хенрик, а двое других – его приятели. Ему даже показалось, что на заднем плане он узнал наигранный смех Александры. Значит, это она держала мобильный.

Внезапно все рухнуло и разрушилось. Из-под него вытащили ковер, на котором он научился ползать и сделал свои первые робкие шаги и который в конечном итоге стал казаться достаточно твердой почвой, чтобы он решился расслабиться и наслаждаться, а теперь он упал навзничь прямо в верную смерть.

Часть 2. 15–20 мая 2012 г.

Это твоя вина. Все это. Твоя и ничья другая.

Т. Р.

– Меня зовут Фабиан Риск и я работаю в криминальном отделе в Хельсингборге, – сказал Фабиан, рассматривая мужчину по другую сторону стола.

– Здравствуйте, Фабиан, – сказал мужчина на сконском диалекте, таком же широком, как и улыбка на его губах.

После задержания преступника Тувессон в связи с самоубийством Хуго Эльвина дала всей команде отгулы. Но Фабиан настоял на том, что проведет первый допрос с задержанным в ту же ночь. Он даже сам не знал, по какой причине: или он слишком беспокоился, чувствуя, что что-то не так, или хотел перестать думать о Соне.

– Назовите, пожалуйста, свое полное имя и номер удостоверения личности.

– Рольф Туре Стенсетер, 721025-1856. Туре это в честь моего дедушки.

Фабиан никак не показал, что поверил, хотя эти сведения совпадали со сведениями в документах, которые они нашли в бумажнике мужчины. Там было все – от скидочной карточки торговой сети MedMera и наличных до водительского удостоверения, выданного восемнадцать месяцев тому назад. Не потому, что ему выдали новые, а явно потому, что задержанный получил их только тогда.

Но он не решался верить ни одному слову из того, что произносил мужчина. Хотя преступник схвачен и, без всякого сомнения, действительно сидит напротив него, у Фабиана было такое ощущение, что все не так просто.

Может быть, ему мешала улыбка. Эта самоуверенная улыбка, которая говорила, что они могут делать абсолютно все, что угодно. Ничего не имеет значения, потому что в конечном итоге они все равно останутся с носом. Или улыбка на самом деле была блефом и признаком нервозности, защитой от осознания того, что они вышли на его след и теперь игра проиграна?

Мужчина к тому же отказался от защитника, к чему Фабиан в обычных случаях относился как к решенному делу – если подозреваемый виновен, он попадался со свистом. Сейчас такой отказ был еще одним основанием для беспокойства. Поскольку преступник так тщательно готовился вплоть до этого момента, не исключено, что у него есть запасной выход, который ни Фабиан, ни кто-либо из его коллег еще не успели обнаружить.

– Рольф, – Фабиан посмотрел мужчине в глаза, – вы убили Петера

Брисе?

– Петер Брисе... Это тот, о ком писали в газетах? Тот, кто слетел в воду в Северной гавани?

– Значит, вы утверждаете, что не вы вели машину с Петером Брисе 9 мая?

Мужчина засмеялся и кивнул.

– Да, могу действительно надеяться. В это время я был дома в Магналунде и точил газонокосилку для Хокана Йёнссона из Хоканторпа. Да, это так. Это как бы я переехал в Стенсетер под Хагафорсом. Почему я теперь должен...

– Давайте немного поговорим о Крисе Дауне, – прервал его Фабиан, пытаясь дать ему понять, что видит его насквозь и знает, что он лжет.

– Как вы сказали? О ком?

– О Хансе Кристиане Свенссоне. Вы оделись под него, когда вчера приходили в банк. Вы об этом забыли?

Мужчина притворился, что не понял, и покачал головой.

– Что-то я не совсем улавливаю. Я, правда, не могу взять в толк, о чем вы говорите.

– Вчера около пяти часов вы пришли в Торговый банк на Большой площади на встречу с Маттиасом Риборном. – Фабиан показал один из снимков с камеры наблюдения, на котором мужчина с длинными волосами, в солнечных очках и пиджаке стоял и ждал в помещении банка. – Может быть, это освежит вашу память.

Мужчина посмотрел на фото и покачал головой.

– Мне жаль, но это не я.

– Вы отрицаете, что вчера находились в банке и убили Маттиаса Риборна на глазах, в частности, моей начальницы?

– Да, отрицаю. Жуть какая-то. Кто на такое способен?

– О'кей. – Фабиан громко вздохнул, хотя в каком-то смысле актерский талант мужчины произвел на него впечатление. – Если вы невиновны, как утверждаете, как тогда получилось, что вы пытались скрыться, когда я вас преследовал?

– А я не пытался скрыться.

– Вы побежали.

– Моя парковка закончилась, а в «Оленсе» они к таким вещам придираются. Один раз я опоздал всего лишь на три минуты и получил штраф, который стоил целых девять обточек газонокосилок. Правда, после вычета налогов, но все же.

– Именно поэтому вы пытались на меня наехать?

Мужчина засмеялся.

– Нет, вы уж меня извините. Я просто-напросто запаниковал. Я начал водить сравнительно недавно, и меня совершенно заклинило, когда вы направили на меня свой пистолет. Извините, это было страшно глупо, и за это я готов понести наказание.

Допрашиваемый говорил, несомненно, убедительно, и на таком близком расстоянии он к тому же выглядел по-другому, чем в банке. Не только одежда и длинные волосы, но и лицо.

– У вас есть дети?

– Насколько я знаю, нет. – Мужчина рассмеялся.

– Что вы тогда делали в магазине детской одежды и игрушек?

– У моих ближайших соседей есть дети, и их Оливеру в воскресенье исполняется четыре года.

– Но вы ничего не купили.

– А вы видели цены? – Мужчина покачал головой и еще раз улыбнулся. – Честно говоря, не понимаю, кто может себе позволить покупать за такие деньги. Во всяком случае, не те, кто обтачивает газонокосилки.

– Почему вы все время улыбаетесь и хихикаете, если вы невиновны? Вам бы следовало беспокоиться, поскольку есть сильные основания подозревать вас в трех убийствах, подделке документов и краже.

– Я знаю, может быть, это глупо, но меня это немного забавляет. Видеть все это изнутри, а не как всегда по телевизору. И прямо скажу, это совсем не одно и то же. Как ночь и день, вот мое мнение. Но вы это и без меня знаете. – Мужчина рассмеялся и замолчал.

Фабиан думал, что ему делать дальше. У него была масса вопросов. Вопросов, которые еще не были заданы и на которые невозможно ответить, мгновенно не признавшись. Но сидящий перед ним человек играет с огнем, словно на свете нет ничего легче.

Он лжет, это ясно. С улыбкой на губах он лжет прямо в лицо. Проблема в том, что он делает это хорошо.

Так хорошо, что Фабиан не знал, как это доказать.

Мелодия. Дуня никогда не слышала ее раньше, и она ей не понравилась. Настолько не понравилась, что она больше всего хотела, чтобы мелодия прекратилась. К тому же у нее болел затылок, и она слышала отдаленный шум движения. Или не такой уж отдаленный? Нет, это близко. На самом деле так близко, что она слышала, как проезжают отдельные машины, а время от времени тяжелые автопоезда. Что-то ползло по ее лицу. Больше муравья, но меньше мышки. Может быть, паук или жук. Дуне хотелось открыть глаза и посмотреть, где она находится, но она не решалась.

Точно, трасса. Она видела, как преступники выпихнули бездомного в тележке на верную смерть прямо на дорогу. Четыре человека в масках с изображением желтых смеющихся смайликов, точно как описывала Санни Лемке. И они смеялись, словно находились в парке аттракционов без очередей.

Каким-то образом ей удалось перейти дорогу и начать их преследовать. Она приказала им остановиться, кричала, что она полицейская, и угрожала открыть стрельбу. Они скрылись между деревьями и побежали к съезду с трассы, но она действовала быстро и почти схватила одного из них. И тут началась драка. Внезапно они ударили ее в затылок. Или пнули, она не знала.

По крайней мере, по ее лицу больше ничего не ползало. Дуня открыла глаза, но по-прежнему ничего не видела. И только начав двигаться, поняла почему. Она лежала на животе, уткнувшись лицом в траву. Она села и почувствовала, что затылку срочно нужен массаж и что-нибудь теплое.

Она посмотрела вниз на дорогу, где машины медленно объезжали место аварии. Но никаких разноцветных машин не наблюдалось, значит, она отключилась самое большее на несколько минут. С другой стороны ее коллеги в Хельсингёре не отличаются особой расторопностью. Грузовика, который наехал на тележку и раздавил ее, тоже не было видно. Он скрылся? Она слышала, что водители грузовиков иногда наезжают на барсуков и косуль, даже не замечая их. Но не заметить тележку с человеком?

Наконец, звук отдаленных сирен заставил ее встать и добраться до трассы. И тут снова раздалась эта раздражающая мелодия. Точно, мобильный.

– Дуня, это ты? – Звонил Магнус. – Что случилось? Ты где? Я сто раз

пытался до тебя дозвониться!

– Магнус, все спокойно. Со мной все в порядке, но сейчас не успею объяснить. Ты вытащил машину?

– Да, но...

– Хорошо. Переезжай на другую сторону трассы и поезжай вниз на съезд в южном направлении, мы там увидимся.

– Но подожди, что...

Дуня прервала разговор и пошла дальше по склону. Вой сирен становился все слышней, а внизу на обочине она увидела, как издали в темноте приближаются голубые фары. Через несколько минут они подъедут и начнут ставить оцепление, и хотя там нет ни Сёрена Уссинга, ни Беттины Йенсен, коллеги сойдут с ума, увидев ее.

Она помахала одной из машин – «Рено» старого образца – и жестами попросила пожилого водителя за рулем подъехать к обочине и остановиться. Но водитель покачал головой, словно ни при каких обстоятельствах не собирался смотреть в ее сторону. Даже когда она сильно постучала по стеклу.

И только когда Дуня распахнула дверь и, поднеся полицейское удостоверение к его лицу, приказала ему выйти из машины, мужчина повернулся к ней.

– Я ничего не сделал. Я невиновен, я просто проезжал мимо и...

– Никто не утверждает, что ты что-то сделал. – Дуня бросила взгляд на свет приближающихся фар. – Но я хочу, чтобы сейчас ты вышел из машины, достал знак аварийной остановки и поставил его на проезжую часть. Немедленно.

Мужчина кивнул и стал расстегивать ремень безопасности, пока Дуня останавливала еще одну машину в другом ряду. Здесь переговоры прошли гораздо легче, и, когда движение, наконец, остановилось, она смогла дойти до перевернутой и смятой тележки, которая лежала на разделительной полосе в двадцати метрах от нее.

Части нижней половины тела были зажаты в сдавленной стальной решетке, как в огромной мышеловке. Если бы не внутренние органы, свисающие из разрубленной талии, можно было подумать, что это одетый манекен.

Остальные части тела были разбросаны на большом участке. Оторванная стопа здесь. Нечто, напоминающее ухо, там. Словно лев разорвал человека на части, а потом ушел, ничего не съев. Голова лежала в траве на разделительной полосе. Ее бо́льшая часть осталась на разорванной верхней половине туловища. Помимо глубоких царапин на правой

половине бородатое лицо пожилого человека, как ни странно, не пострадало. В нескольких метрах лежала зажигалка, с которой мужчина играл в заброшенном доме на улице Стенгаде.

Еще через несколько метров Дуня нашла оторванную руку. Она была практически плоской, словно по ней проехали асфальтовым катком. Ладонь же была более или менее не повреждена и крепко, почти судорожно сжимала какой-то предмет, блеснувший в свете фар.

Она села на корточки, осторожно высвободила блестящее маленькое серебряное украшение и поднесла его к свету, слыша отдаленные голоса и характерный писк из рации коллег.

Сначала она подумала, что прочла неправильно.

Потом решила, что это просто несчастливая случайность.

Третье предположение так сильно испугало ее, что она сделала все, чтобы выбросить это из головы.

Тувессон не поскупилась – на большом подносе лежали булочки с корицей, венские булочки, любимые круассаны Утеса с шоколадом и по-настоящему хороший кофе из кафе «Бар Сконе». И, тем не менее, в совещательной комнате нависла тишина, как мокрый от дождя брезент. Словно до всех членов команды только сейчас, когда они выпалились и отдохнули несколько часов от следствия, дошло, что Хуго Эльвин никогда больше не займет место на стуле, предназначенном специально для него.

– Никто не знает, когда будут похороны? – спросила Лилья.

Тувессон покачала головой.

– Я все еще пытаюсь связаться с его сестрой, которая живет в Швейцарии и явно является его единственной родственницей.

– Я бы вообще не принимал ее в расчет, – отозвался Муландер. – Они перестали общаться, не поделив оставшееся от родителей наследство. Насколько я понял, Хуго отдал ей все, лишь бы не иметь с ней дело.

Тувессон вздохнула:

– Обещаю сообщить вам, как только что-нибудь узнаю.

– На самом деле ты был ему самым близким человеком, – Утес повернулся к Муландеру, который кивнул, пожав плечами. – Ты знал о его склонности?

– Конечно, я кое-что подозревал, хотя он не демонстрировал этого. Но что ему настолько плохо, что он думает об операции... – Муландер вздохнул и покачал головой. – Нет, честно говоря, я понятия об этом не имел.

Наступила тишина, и Фабиан попытался ее заполнить, пытаясь совместить образ Эльвина, повесившегося в платье, с тем коллегой, которого он знал последние два года.

– О'кей, нам всем от этого нелегко, – наконец произнесла Тувессон. – Нам бы всем не помешало взять отгулы до конца недели, но, к сожалению, не получится. Хотя преступник схвачен, следствие далеко не окончено. Так что когда сюда войдет Хёгсель, что может произойти в любую минуту, прошу вас на время отбросить все чувства и мысли о Хуго, чтобы на сто процентов сосредоточиться на предстоящей работе. Хорошо?

Фабиан кивнул и увидел, что остальные сделали то же самое. Она права. Как бы ни было тяжело, придется отложить свою печаль на потом. Утес взял шоколадный круассан, бросив взгляд на пустой стул Хуго, и

послал блюдо по кругу. В этот момент открылась дверь и вошла главный прокурор города Стина Хёгсель, сразу же посмотрев на роскошное блюдо с булочками.

Наверняка Стина, как и он сам, решила держаться подальше от калорий, поскольку последние годы боролась с излишним весом. По слухам женщина похудела на сорок килограмм, и ей сделали операцию по удалению лишней кожи. Во всяком случае, она выглядела как минимум на десять лет моложе и стала одеваться совсем по-другому. Теперь она носила одежду, которая подчеркивала ее формы, а не скрывающие полноту куски ткани, что было раньше ее фирменным стилем.

– О'кей, вот как обстоят дела, – сказала она, хотя все еще передавали друг другу блюдечки и брали угощение. – Я должна возбудить уголовное дело не позднее двенадцати ноль ноль в эту пятницу. Чтобы сделать это, мне нужно достаточное количество неопровержимых доказательств. Доказательств, которых на сегодня у нас нет, и которые вам надо раздобыть в течение пятидесяти двух часов, начиная с этого момента. Если нам это не удастся, к сожалению, у нас нет никакого другого выхода, кроме как отпустить подозреваемого.

Ясно, что преступник на это и рассчитывал, подумал Фабиан. Вот почему он сидел с довольной ухмылкой и рассказывал одну басню за другой.

– Подожди немного, сейчас я не совсем понимаю, – сказал Утес, который как раз собирался откусить кусочек от своего круассана. – Я думал, что ему достаточно было поставить фальшивую подпись, чтобы попасться, и мы смогли бы схватить его. Сейчас он к тому же расправился с сотрудником банка на глазах у нескольких свидетелей.

– Это так. И если бы вы взяли его в банке, как было запланировано, а не на крыше «Оленса», все бы выглядело совсем по-другому.

Утес вздохнул и приготовился возразить.

– Утес, она права, – сказал Фабиан. – Сейчас он на голубом глазу отрицает абсолютно все, и как бы мы ни были уверены в том, что этот человек был в банке, пока что у нас нет никаких доказательств.

– Но Астрид, ты же его видела. Ты стояла именно там, когда он...

– Да, но ситуация была напряженной, – сказала Тувессон. – К тому же он выглядел совсем по-другому.

– Но ты без проблем можешь опознать...

– Эй, послушайте, – перебила Хёгсель. – Вы меня извините, но земля не перестанет вращаться в ожидании, пока вы наговоритесь. Его видело несколько членов вашей команды, но ваши показания мало что дают. Нам

нужен кто-то со стороны. Человек, который не видел подозреваемого после задержания и может опознать его на очной ставке. Организуйте это, и тогда мы сможем поговорить по-настоящему.

– А если не получится? – спросила Лилья.

– Тогда мы прибегнем к техническим доказательствам: отпечатки пальцев, волоски и тому подобное. Доказательствам, которые привязывают его к одной из жертв или к их дому или лучше всего к банку.

– А если и это... – сказал Утес, но Хёгсель его сразу же оборвала.

– В худшем случае мы будем использовать улики. Но, как вы все знаете, это крайне рискованный путь, где малейший пробел может обрушить все здание. Сейчас я больше не хочу тратить ваше время, но я буду находиться здесь в здании полиции практически круглые сутки до пятницы. Понятно?

Все кивнули, после чего Хёгсель взяла свой кофе и вышла из комнаты.

– Хорошо, тогда начнем. – Тувессон встала. – Как вы слышали, существует четкая очередность. Свидетели, технические доказательства и улики. – Она написала эти слова в строчку на одной из досок во всю стену. – В лучшем случае хватит чего-то одного, чтобы возбудить уголовное дело. Я считаю, что в конечном итоге сделают обобщающую оценку, где может понадобиться все, что нам удастся предоставить. Поэтому предлагаю работать параллельно по всем трем направлениям.

Все кивнули.

– Давайте начнем с возможных свидетелей. Нам нужен человек, который встречался с преступником, когда тот выдавал себя за Петера Брисе или Криса Дауна.

– У нас есть риелтор, который продал квартиру Брисе, и банковский сотрудник из Южного отделения, – сказал Фабиан.

– Точно. Рикард Янссон, – повторила Тувессон. – Давайте вызовем их и посмотрим, смогут ли они опознать его на очной ставке. – Она записала имена. – Как зовут риелтора?

– Юхан Хольмгрен, – ответил Фабиан. – Я могу с ним связаться.

– Затем у нас есть жена и дети Криса Дауна, – сказала Лилья.

– Да. Кто-нибудь знает, где они могут находиться?

– Согласно Инстаграму в выходные жена с детьми были на Крите. С тех пор о них ничего не слышно.

– О'кей, тогда лучше всего прямо сейчас свяжись с авиакомпаниями.

Лилья кивнула и вышла из комнаты.

– Игвар, до сих пор ты не проронил ни слова. Надеюсь, сейчас тебе есть что сказать. – Тувессон обвела заголовок *технические доказательства*

на доске.

– К сожалению, нет, – отозвался Муландер. – Мы еще не закончили с банком, но пока что нам не удалось найти что-нибудь конкретное.

– А как с крышей? – спросил Утес. – Вы поднимались наверх и тщательно осматривали крышу?

Муландер даже не удосужился ответить, а только устало кивнул.

– Я считаю, что он где-то выбросил пиджак и парик, когда переодевался.

– Правильно. Во всяком случае, он не оставил их на крыше.

– Кстати о крыше. А мы проверили, можно ли с крыши банка попасть прямо в магазин, из которого он вышел? – спросил Фабиан. Он, наконец, поддался искушению съесть сладкое и потянулся за венской булочкой.

Муландер кивнул.

– В принципе надо просто перебраться на соседнюю крышу и идти дальше до самого дальнего просвета, который в свою очередь ведет к подъезду, где находится служебный вход в «Тайник» или как там называется этот магазин.

– Значит, с одинаковым успехом он мог переодеться там или наверху, – заметила Тувессон. – Мы опросим сотрудников магазина, а ты, Ингвар, пошлешь человека, чтобы он еще раз прочесал магазин.

– Ты имеешь в виду кого-то конкретного? – Муландер попробовал кофе. – Трое моих ребят выше головы заняты в банке, а мы еще даже не начали осматривать дом Криса Дауна.

– Я говорила с Мальмё. Они согласились направить сюда двоих плюс кинолога. А что касается Дауна, то с этой минуты осмотр его дома стоит на первом месте.

Муландер кивнул.

– И еще один момент, пока мы не закончили. – Тувессон повернулась к Утесу. – Что тебе удалось узнать о Рольфе Стенсетере? – Она показала на только что сделанный фотопортрет преступника. – Его тоже где-то заморозили или на самом деле он не существует?

– Хороший вопрос, – ответил Утес. – Собираюсь поехать посмотреть, как только мы закончим. Сейчас могу сказать только одно: по моим сведениям пока все, что он рассказал Фабиану на допросах, соответствует действительности. Место жительства, соседи, работа, время получения водительского удостоверения. Все, к сожалению, совпадает. Да, кстати, я распечатал несколько фотографий, которые нашел в сети, и подумал, что как только у тебя появится время, было бы неплохо проанализировать их в компьютере. – Он достал три распечатанных фото из папки и передал их

Муландеру.

Одно изображало преступника перед белой «Шкодой», а на двух других он точил газонокосилку.

– Тут не нужен никакой компьютер, чтобы удостовериться, что это он. – Муландер вернул Утесу снимки.

– Ты считаешь, что он действительно тот, за кого себя выдает? – спросила Тувессон.

– Или да, или он выложил в сеть недавние снимки самого себя.

– Но... – Тувессон тяжело вздохнула. – О'кей, он крайне хорошо подготовлен. С этим я могу согласиться. Но ведь есть предел тому, что он может делать? Насколько глубоко он может вникнуть в каждую маленькую деталь? Я не права?

Вопрос остался висеть в воздухе без ответа, но с каждой секундой тишины ответ становился все очевиднее. Похоже, именно предела у преступника и не было. Вероятно, он не знал, что они выследили его и ждали в банке. И, тем не менее, он так хорошо подготовил план бегства, что тот почти удался.

Тишину нарушила открывшаяся дверь – вернулась Лилья, которая остановилась на пороге.

– Я только что связывалась с авиакомпанией Norwegian. Жанетта Даун и двое ее мальчиков Суне и Виктор должны были приземлиться в Каструпе еще в воскресенье.

Это обсуждали везде. В очереди в кассу в универмаге «Супер-Бруксен», в Фейсбуке и в столовой во время обеда. Словно все находились под гипнозом и не могли думать ни о чем другом, кроме как о ночном происшествии на автостраде в Хельсингёре.

Кима Слейзнера это раздражало. Раздражало до такой степени, что ему хотелось забраться на стул и крикнуть в мегафон, чтобы все заткнулись.

А еще больше ему хотелось кого-нибудь избить. Кого угодно, это не играло никакой роли, только бы ему дали бить и пинать, пока его не покинут последние силы.

Как сегодня утром. Стоило ему выйти из квартиры и спуститься в спортзал в подвале жилищного кооператива, как чертов сосед в шутку спросил его, откуда у него время на тренировки, когда преступники по-прежнему находятся на свободе. Или пожилая пара, мимо которой он шел к машине. Естественно, они обсуждали, куда катится страна, которую они строили, если дело дошло до того, что нападают на бездомных.

Слейзнер хладнокровно просчитал, что целое утро это будет новостью номер один, но изумился, когда дело полностью затмило все остальное. ТВ, радио и каждая газета придали такое значение этой истории, что она заняла все их пространство, а некоторые журналисты еще вели в прямом эфире репортажи с оцепленного отрезка дороги, где можно было видеть, как некомпетентные полицейские в форме из Хельсингёра ищут следы за лентой оцепления.

Новость, конечно, распространилась за пределами Дании. В первую очередь ее подхватили шведские СМИ, но и «Гардиан», и «Нью-Йорк Таймс» раздули это так, словно речь идет о новой бойне в школе.

THE WORLD'S HAPPIEST PEOPLE IN CHOCK [\[22\]](#)

Странно, что нигде не упомянули ни Дуню Хоугор, ни ее анемичного коллегу Магнуса Равна. А ведь Слейзнер просмотрел каждую газетную колонку и прослушал все новости, начиная с пяти утра.

Но он не даст себя обмануть. Понятно, она тут замешана. Эта история слишком лакомый кусочек, чтобы наша маленькая шлюшка не залезла туда своими ручонками. Иб Свейструп может сколько угодно заверять, что она не имеет к расследованию никакого отношения, что просто болеет и лежит

дома. Болеет... Наивная деревенщина.

Проблема в том, что никто не знает, чем она там занимается. То, что Свейструп не в курсе, его мало удивляет, но то же самое касалось всех остальных, с которыми он связывался. Никто не видел ее ни в здании полиции, ни рядом с местом преступления. Дома ее тоже не было, Слейзнер знал это наверняка. Она словно сознательно ушла в подполье, и ее никак нельзя было запеленговать. В результате никто понятия не имел, какие следы она разнюхала, нашла ли подозреваемых или насколько близко подошла к прорыву.

При самом худшем раскладе ей чудом удастся довести следствие до конца. Тогда все его аргументы против нее окажутся несостоятельными. Что, в свою очередь, означает, что он больше не сможет препятствовать ее возвращению в Копенгаген.

Ким ни при каких обстоятельствах не даст делу зайти так далеко. Поэтому после тщательных размышлений он решил послать смс, над которым работал свыше четверти часа.

Успел подумать над моим предложением? Если нет, советую тебе сделать это до того, как все покатится, как с горы.

Есть риск, что это ударит по нему самому. Но он был готов пойти на этот риск, даже если все складывается не в его пользу. Особенно учитывая, что он уже получил вежливый, но решительный отказ, когда несколько дней назад позвонил ему.

Тогда основной целью было представиться и заронить зернышко. Теперь зернышко надо полить и дать предложению вырасти, пока оно не пустит корни так глубоко, что согласие станет единственной возможностью. Слейзнер стал сочинять следующее сообщение. Там будет угроза, но между строк. Словно он желает добра и только искренне волнуется за последствия. Но не успел он дописать текст до конца, как в его руке завибрировал мобильный.

Подумал и решил принять твое предложение.

Слейзнер посмотрел на сообщение и несколько раз прочел его вслух, чтобы убедиться, что не ошибся. И он не ошибся. Он уже стоит на пороге и скоро так близко подойдет к ней, что она почувствует, что ей сопят в затылок. Но когда она повернется, то не увидит его, а когда он нанесет

удар, не поймет, от чего пострадала.

Фабиан свернул с дороги, поехал по аллее и остановился у закрытых ворот. На этот раз ему не надо беспокоиться о камерах наблюдения, и он просто перелез через забор.

Они пытались связаться с Жанеттой Даун – звонили ей и на домашний, и на мобильный, но автоответчик ее голосом все время сообщал им, что она не может говорить. Хотя триангуляция местоположения ее мобильного телефона показала, что она вернулась домой в воскресенье в 16.53. С тех пор мобильный был выключен.

По плану Муландер должен был поехать с ним, но остался ждать кинолога и подкрепления из Мальмё. Фабиан сейчас не мог себе этого позволить. Он ждал с воскресенья и не собирался больше тратить попусту ни одной минуты.

Отмычка не взяла замок входной двери, и он пошел дальше вдоль стены дома, повернул за угол и нашел другую дверь рядом с несколькими закрытыми гаражными воротами. Отперев замок, надел на себя защитный комбинезон с капюшоном, резиновые перчатки и бахилы и вошел в постирочную с двумя стиральными машинами с сушками, большой раковиной и камерой хранения для обуви и верхней одежды.

Фабиан открыл одну из двух дверей и заглянул в прилегающий гараж, где было полно спортивных машин. Вторая дверь вела в темный коридор, откуда раздавались приглушенные звуки. Из-за шуршания комбинезона он не мог ничего толком расслышать, но чем ближе подходил, тем звуки становились отчетливее. Похоже, это голоса. Два человека разговаривают друг с другом.

Он вытащил оружие, открыл следующую дверь ногой и вошел в широкий холл. Слева от него на верхний этаж вела лестница, и там, в десяти метрах от него рядом с кухней стоял он.

Морозильник.

Как Фабиан себе и представлял, с верхней загрузкой и достаточно большой, чтобы вместить взрослого человека. К тому же, судя по проводу, который тянулся по полу к одной из розеток, морозильник все еще был включен.

Фабиан не понял, что произошло с голосами: или они стихли, или он сам перестал о них думать. Но сейчас они раздались снова, и на этот раз в них слышалось волнение, словно в разгар крупной ссоры, к тому же по-

английски. Зазвучала музыкальная заставка, и он понял, что это телепередача. Одно из миллионов реалити-шоу, которым заполняют эфирное время.

Получается, кто-то смотрит телевизор.

Если только телевизор не включили для того, чтобы создать эффект присутствия. Внезапно раздались радостные возгласы, и, войдя в гостиную, Фабиан увидел на огромном плоском экране трех человек, которые стояли, закрыв лица ладонями, перед пустым диваном. Похоже, им сделали ремонт, и сейчас они переживали самый счастливый момент в своей жизни.

Не будучи уверенным, есть ли в доме кто-то еще, он не стал выключать телевизор, вернулся обратно на кухню к морозильнику, поправил перчатки и взялся за ручку, чтобы открыть крышку. Морозильник был заперт, но вскоре он нашел ключ на мойке рядом с большим шприцем с длинной, в несколько десятков сантиметров, иглой.

Крис Даун лежал в позе зародыша рядом с наполовину выпитой бутылкой водки марки Хеви Уотер. Широко распахнутые глаза смотрели прямо на него, словно спрашивая, почему он пришел только сейчас. Тонкий слой изморози покрывал большую часть лица и тела, и Фабиан уже слышал голос Косы: поврежденные колени и окровавленные кончики пальцев говорят о том, что жертва отчаянно пыталась выбраться.

И тут до него дошло, почему телевизор включен на полную громкость.

Не для того, чтобы создать видимость присутствия, а для того, чтобы *скрыть*, что здесь кто-то есть.

Он поспешил в гостиную, нашел там пульт и выключил телевизор. Выходя в просторный холл, громко крикнул *эй*, но не получил никакого ответа. Может быть, все равно поздно, и телевизор включили совсем не для того, чтобы заглушить крики о помощи.

Фабиан оглядел лестницу, ведущую на верхний этаж, но решил спуститься в подвал. Довольно скромная лестница привела его в холл с несколькими дверями, одна из которых вела в комнату с охотничьим снаряжением, ведь Крис увлекался охотой.

Там хранилась одежда и обувь для охоты в самую разную погоду. На одной полке стояла коллекция рожков, а на другой несколько биноклей.

На стене напротив доски с ножами находился шкаф с оружием, где хранилось пять ружей, некоторые с оптическим прицелом, а на рабочем столе лежало еще одно ружье, судя по всему, заряженное.

Но Жанетты Даун и двух ее сыновей нигде не было видно – ни там, ни в большой спа-зоне, находящейся за стеной охотничьей комнаты, ни в винном погребе, полном старых пыльных бутылок с марочными винами.

Он нашел их, когда спустился еще по одной лестнице, узкой, шаткой и деревянной, в самый низ.

Фабиан увидел их в самом дальнем углу земляного подвала – они сидели под висящей на потолке лампочкой без абажура за красным пластмассовым ведром и перевернутой канистрой для воды, тесно прижавшись друг к другу, словно чтобы сохранить тепло. Они так далеко вытянули головы вперед, что, казалось, те сейчас оторвутся. На них была грязная и рваная одежда, и хотя их руки и ноги были прикованы к трубе, идущей вдоль стены, они обнимали друг друга. Чтобы никому из них ни при каких обстоятельствах не пришлось остаться наедине со смертью.

Он быстро подошел к ним и положил пальцы на шею Жанетты, не зная, верить или нет. Может быть, он только принимает желаемое за действительное. Но нет, это не заблуждение. Он действительно прощупывался. Регулярное давление на кончики пальцев было таким же реальным, как вытоптаный земляной пол под его ногами.

Пульс.

Не только у женщины, но и у двух мальчиков.

Они спали. Может быть, их усыпили, и они были без сознания, сказать было невозможно. Или обессилены и обезвожены. Надо как можно быстрее вызвать сюда «скорую». Фабиан встал, пытаясь заставить мобильный поймать сигнал. Но он находился слишком глубоко под землей. И только когда до первого этажа оставалось несколько ступенек, мобильному удалось подключиться к одной из мачт. Телефон сразу же зазвенел в его руке.

– Привет, Ингвар.

– Где ты есть?

– В доме. Я нашел и жену, и детей. В самом низу, в подвале. А вы?

– Едем. Через пять минут должны быть на месте. Они живы?

– Да, но они без сознания.

– Вызову туда «скорую». Оставайся на месте, – сказал Муландер таким тоном, словно речь шла о покупке новых мешков для пылесоса, и поручил это одному из своих ассистентов.

Именно к этой особенности Муландера Фабиан никак не мог привыкнуть. Казалось, его ничего глубоко не трогает. Когда все остальные старались держать чувства под контролем и не сломаться, он мог беззаботно продолжать заниматься расследованием.

В позапрошлом году после нескольких рюмок за рождественским столом у Фабиана развязался язык, и он напрямую спросил коллегу, как тому удастся вести себя так профессионально даже в самых стрессовых

ситуациях. Объяснение во многих отношениях было неожиданным для полицейского, хотя Фабиана оно нисколько не удивило.

– Надо просто отрешиться от того факта, что речь идет о людях, – со смехом ответил Муландер.

Фабиан все еще помнил каждый слог, словно это было вчера:

– Наша работа на самом деле не что иное, как увлекательная игра. Головоломка в газете вроде бы с неразрешимой проблемой, которую надо решить любой ценой. Не более того, – после этого он поднял рюмку и подмигнул одним глазом, словно все это шутка, а потом опустошил рюмку.

Фабиан тоже засмеялся, хотя еще тогда подозревал, что объяснение, пожалуй, не так уж и далеко от истины, а теперь, полтора года спустя, был полностью убежден в том, что дело обстоит именно так.

– «Скорая» приедет через десять минут. Да, кстати, если есть какая-нибудь калитка или ворота, открой их, чтобы мы могли заехать...

Фабиан оборвал разговор и прислушался, не зная, ослышался ли он или действительно закрылась какая-то дверь. Наверное, дверь, потому что теперь он их слышал.

Шаги.

Но не твердых каблучков по полу, от которых шло эхо, а мягких кед, которые словно что-то шептали и парили, двигаясь вперед. Определить их местоположение было невозможно. Открылась еще одна дверь, тоже непонятно где. Но шаги становились все слышнее. Кто-то шел прямо к нему. И к тому же насвистывал.

Он узнал мелодию, когда увидел женщину лет двадцати пяти. Она шла по холлу раскачиваясь, почти танцующей походкой. В носу у нее был пирсинг, на ногах – цветные сникерсы, а одежда висела мешком. На светлых дредах, собранных толстой резинкой, пара больших красных наушников.

Девушка была вся погружена в музыку. Она беззаботно прошла мимо него, насвистывая закольцованную мелодию группы *Clash*, которую певица *M.I.A.* превратила в большой хит. Фабиан пошел за ней через холл и дальше на кухню, где она остановилась, увидев открытый морозильник.

– Эй? – крикнула гостья, сняв наушники. – Дома кто-то есть? Крис! Пришла Дина Ди! – продолжила она по-английски, а потом без предупреждения повернулась к Фабиану.

Фарид Черукури не мог об этом даже мечтать. Но вчера первый раз за годы работы в компании TDC ему пришлось покинуть бункер против своей воли. Время приближалось к полуночи, и он изо всех сил пытался вывести эту капризную женщину-полицейского в то место, где находился мобильный, когда экран перед ним внезапно погас, и на нем появилось одна фраза с красными мигающими буквами:

ВЫВЕДЕН ИЗ СИСТЕМЫ

Каким-то образом им удалось найти его. Будучи несколько лет невидимым, теперь он опознан и разоблачен. От шока и паники он весь вспотел под синтетической фирменной рубашкой TDC, которая прилипла к спине, как мокрая душевая занавеска. Фарид попытался понять, как им это удалось, но не нашел ни одного возможного объяснения. Он ведь никогда не оставлял после себя никаких следов. Что он упустил?

Не придумав ничего лучше, он прервал разговор с полицейской, закрыл ноутбук и поспешил к выходу, чтобы успеть выйти до того, как двое охранников, спускающихся в стеклянном лифте, подойдут к его рабочему месту.

Первое, что он сделал, придя домой, – налил себе большую миску молока с хлопьями «Фростис». После чего попытался успокоить нервы, сыграв десяток раз в игру «Боп ит», и только спустя несколько минут после личного рекорда в триста сорок восемь очков до него дошло, что, вероятно, дело тут в чистой скупости.

Его вывели из системы не потому, что застукали на хакерстве, а потому, что он остался на работе на несколько часов после окончания смены. О чем его предупредили на экране. К тому же переработка после полуночи оплачивается в двойном размере, и скупой оператор TDC, понятно, не собирается платить.

Единственная нестыковка в рассуждениях – два охранника в лифте. Вероятно, они не имели к нему никакого отношения. Но на всякий случай он пошел наверх по лестнице и поэтому не знал, куда они шли, – к его рабочему месту или по другому делу.

По этой причине Фарид с некоторым сомнением достал свой пропуск и набрал код. Но охранники не прибежали, и он без проблем спустился на

лифте до самого низа, сел на свое рабочее место, вошел в систему и стал принимать один тупой вопрос за другим.

Сначала его удивило, что это вызвало у него восторг. Ни один вопрос совершенно не действовал ему на нервы. Опасность миновала, и он испытывал легкость, словно это был первый весенний день года. Но длилось это недолго. Уже через несколько часов ему опять все опротивело, и как только закончился обеденный перерыв, он не удержался и снова взломал систему.

По какой-то непонятной причине мобильный был по-прежнему включен.

Как мигающий маяк, телефон пульсировал на виртуальной карте Хельсингборга.

– Я ничего не сделала, если вы что подумали, – сказала молодая женщина, глядя на стоящий перед ней стакан с водой. – Знайте это.

– А я ничего не подумал, – отозвался Фабиан и повесил пиджак на спинку стула, хотя они находились на улице, где было не больше четырнадцати-пятнадцати градусов. Но лучи солнца грели, наконец, так, как бы хотелось, чтобы они грели всегда. Не хватало только солнечных очков. – Но я бы с удовольствием узнал, кто вы такая и что вы здесь делаете.

– Это надолго? – девушка вздохнула. – Я спешу.

– Сожалею, что вам пришлось ждать, – сказал он и, посмотрев на телефон, убедился, что с тех пор, как женщина вошла в дом, уже прошло полтора часа. – Но сколько это займет времени, главным образом зависит от вас.

Муландер и его ассистенты явно справлялись сами с тех пор, как кинолог взял след в саду по другую сторону дома. Все время ушло у него на Жанетту Даун и двух мальчиков. Только распилика цепей заняла больше получаса. Но теперь они, слава богу, направлялись в Хельсингборгскую больницу, и была надежда, что ближе к вечеру их можно будет опросить.

– Давай начнем с вашего имени.

– Дина Ди.

– У вас есть какое-нибудь удостоверение личности?

– Что? В чем дело, черт возьми? Я пришла сюда встретиться с Крисом.

Он здесь или нет?

– Это не я спешу, – сказал Фабиан, хотя спешили они оба.

Женщина закатила глаза, достала свой бумажник и развернула его.

– Диана Давидссон. – Фабиан заметил, что удостоверение личности выдано свыше полутора лет назад.

– Да, но все называют меня Дина Ди.

Он хотел было спросить почему, но решил подождать.

– Откуда вы знаете Криса Дауна?

– Мы познакомились несколько лет тому назад, когда он играл в «Бомбадилле», а я работала там помощником звукооператора, так трогательно. Да, и с тех пор нас водой не разольешь. – Она показала два переплетенных пальца. – Когда его студия свободна, я могу работать там сколько угодно.

– Вы тоже занимаетесь музыкой?

– Если успеваю, когда не надо вкалывать.

– А это исполняют? В смысле музыку.

– Нет, но следующий год мой. *Dina Di is da shit*^[23] станет всенародным бедствием, так и знайте.

– Я вам верю. Кстати, а где вы работаете?

– В собачьем детском саду в Борслёве. Да, я знаю, что это типа жутко трогательно. Тем более, что мне совсем не нравятся собаки. Но начальник что надо, и зарплата вполне ничего.

– Получается, вы пришли сюда поработать в студии?

– Нет, чтобы вернуть вот это. – Она показала связку ключей. – Не спрашивайте почему, но последнее время Крис ходил мрачнее тучи. Он вдруг потребовал их обратно, и никаких гвоздей.

– Когда вы видели его в последний раз?

– Несколько недель назад, хотя тогда он был совершенно нормальным. – Девушка пожала плечами. – Но на прошлой неделе он позвонил и потребовал вернуть их.

– Он сказал зачем?

– Он нес какую-то пургу о том, как ему надоело, что я прихожу и краду еду из его холодильника. Я сказала, что это бред, и положила трубку. Если я что и взяла, то максимум два раза, и он не мог этого заметить, потому что вообще не ест креветочный сыр. Его дети едят, но я ведь им немного оставила.

– И вы так и не встретились?

– Нет, но знаете, что было супер? На следующий день я позвонила ему через фейс-тайм, а он этого не понял. Вы пробовали так делать? Совершенно потрясающе. И бесплатно.

– Значит, вы его видели?

– А как же, – девушка засмеялась. – Как же он надулся, когда понял. «Сейчас же положи ключи в почтовый ящик!», закричал он. Он просто обезумел и бросил трубку. *End of story*^[24], типа. – Она развела руками.

– А вы уверены, что это был Крис и никто другой?

– Что значит уверена? Что вы хотите сказать? – Девушка посмотрела на Фабиана, словно совсем потеряла нить. – Вы же не хотите намекнуть... Ни хрена себе, сказала я себе. – Она закрыла рот рукой. – Что, это был не он? Вы куда клоните? Мне показалось, что он немного похудел, или я не знаю... Черт знает что такое. – Она покачала головой, словно не могла поверить до конца.

– Мужчина, которого вы видели в мобильном. – Фабиан наклонился через стол. – Как вы думаешь, вы смогли бы опознать его на очной ставке?

– Картинка была довольно паршивой, но почему бы и нет. – Девушка пожала плечами и кивнула.

Это было почти слишком прекрасно, чтобы происходить на самом деле, подумал Фабиан и отклонился обратно на стуле. За несколько часов они уже нашли двух возможных свидетелей – а ведь еще даже не связывались с банковским менеджером и риелтором.

– Фабиан, у тебя есть время? – Это был Муландер, который, несмотря на шуршащий комбинезон, сумел обойти дом и подойти к Фабиану, не издав ни единого звука.

– Вы что-то нашли?

Муландер кивнул.

– Тувессон тоже едет сюда.

– Сорри, мы закончили? Мне надо вывести банду вонючих собак.

Фабиан кивнул и встал.

– Оставьте свой номер, и я позвоню вам сегодня попозже или завтра. О'кей?

– Да. – Диана Давидссон дала ему флайер с изображением самой себя над текстом *Dina Dee is da shit!* – Номер на обороте. – Она надела красные наушники, повернулась на каблуках и пошла по покрытой гравием дорожке к калитке.

И только когда он услышал, как Диана завела свой мотоцикл и уехала, Фабиан повернулся к Муландеру.

– Что вы нашли?

– Думаю, тебе лучше увидеть это собственными глазами.

Фабиан стал за Муландером обходить дом. Сине-белые ленты оцепления развевались на ветру на лужайке, где два ассистента все глубже и глубже погружались в яму размером приблизительно два на три метра.

Они прошли за ленту оцепления к раскрытому столу, стоявшему в тени тента. На столе лежали находки. В частности, бумажник из черной кожи, две ружейные пули и оторванная лапа животного.

– Что это за зверь?

– Овчарка. – Муландер обошел холмик земли и сел на колени рядом с расстеленным брезентом, где лежала собака. – Не спрашивай меня, что она сделала, чтобы заслужить такое. Ее расстреляли в упор. Настоящая казнь. Вот входное отверстие. – Он показал на кровавую рану прямо над собачьим носом и покачал головой. – Пуля прошла через все тело и, вероятно, разорвала все внутренние органы. Отвратительно.

Поэтому Муландер был таким тихим и подавленным. В виде исключения жертвой была собака, а не человек, как обычно. У каждого есть свои слабые места.

– А это, вероятно, хозяин. – Муландер поднял брезент, закрывавший лежащее рядом тело.

Мужчина лежал на спине. На нем были ковбойские сапоги, джинсы и поношенная старая футболка из турне группы *Dire Straits* под такой же поношенной джинсовой курткой. Он был мощным, под два метра и на вид чуть больше пятидесяти, несмотря на одежду, бороду и длинные волосы.

– И почему ты делаешь такой вывод? – Фабиан стал искать глазами повреждения на теле.

– Убит из того же оружия. Обе пули лежат на столе. – Муландер осторожно приподнял подбородок мужчины и показал на входное отверстие в бороде. – Выстрел был произведен под необычным углом, но учитывая, что в нем было два ноль пять, и наверняка он был силен как бык, преступнику просто-напросто пришлось угрожать с близкого расстояния, чтобы заставить мужчину делать то, что он хотел.

– И что он хотел?

Муландер пожал плечами.

– Думаю, подойти к краю ямы. – Он перевернул тело на бок и показал на затылке отверстие в десять миллиметров, откуда вышла пуля.

– Это может быть то же оружие, из которого стреляли в банке? –

спросил Фабиан и увидел, что к ним идет Тувессон.

– К сожалению. Это совсем другой калибр, Винчестер триста восемь, чаще всего его берут на охоту. – Муландер отпустил тело и встал. – Посмотрим, что скажет экспертиза оружия, но не удивлюсь, если структура следа покажет, что пуля выпущена из какого-нибудь охотничьего ружья Криса Дауна, хранящегося в подвале.

– О боже. – Тувессон села на корточки, чтобы лучше рассмотреть тело. – Вы предполагаете, кто это?

– Пока нет. – Муландер выпрямил спину. – Но учитывая, что он пролежал в земле не более двух недель, выяснить это не представляет особой проблемы.

– Во всяком случае, это не тот экономист из «Ка-Чинга», – сказал Фабиан.

– Ты имеешь в виду Пера Кранса? – Тувессон встала и огляделась.

– Нет, он лежит вот там. – Муландер перешагнул через несколько ящичков с доказательствами и поднял еще один брезент, который покрывал тело, сохранившееся гораздо хуже. – По крайней мере, если верить бумажнику, который лежит в кармане его брюк.

Большие участки живота под белой рубашкой были так разорваны, что обнажились некоторые внутренние органы. Из-за трещины в черепной кости правая половина лица была сильно деформирована, а в левой глазнице виднелось только свернувшееся кровавое месиво.

– Есть какие-нибудь предположения относительно того, как он умер? – спросила Тувессон.

Муландер покачал головой.

– Сначала мы решили, что ему выстрелили в глаз, но никакого выходного отверстия нет, так что я не знаю. Надеюсь, Коса найдет объяснение. Сильные повреждения на теле появились, вероятно, потом.

Фабиан мог только покачать головой. Хладнокровие, которое преступник продемонстрировал в банке, явно не одноразовое явление. Если на пути злоумышленника возникало препятствие, он устранял его. Похоже, он без малейшего колебания может лишить жизни кого угодно. Животное или человека, не играет никакой роли.

– Но почему он оставил в живых жену и детей? – вслух подумал Фабиан и сразу же увидел, как Муландер просиял.

– Я тоже об этом думал. По моей версии он собирался оставить их в живых до тех пор, пока не придет время Крису Дауну «лишить себя жизни».

– И как бы он это сделал? – спросила Тувессон.

– Очевидно, всадил бы себе пулю в рот, расстреляв всю семью. Оружия здесь сколько угодно.

– О'кей, предположим, план именно таков, – сказал Фабиан. – Преступник достает Крису из морозильника, размораживает его, расстреливает жену и детей, а после этого самого Крису. – Муландер кивнул. – Но Коса сразу же это увидит. Даже его коллега, как там его зовут...

– Арне Грувессон.

– Именно. Даже он спросит, почему на полу нет большой высохшей лужи крови.

– Точно. Тогда в игру вступает вот что. – Муландер снял крышку с одного из ящичков с доказательствами и показал большой шприц, который лежал на кухне. – Я не уверен, но учитывая размер шприца и длину иглы, думаю, что этим колют лошадей или еще каких-то животных. Во всяком случае, не людей. Но могу предположить, что это идеально подходит для того, чтобы выкачать из тела кровь, а потом разбрызгать ее по полу.

Неделю назад Фабиан покачал бы головой и пристыдил Муландера за то, что тот смотрит слишком много детективов по телевизору. Теперь такой сценарий представлялся ему в высшей степени вероятным.

– Можно сказать, что это производит впечатление, – продолжил Муландер.

– Впечатление? Это почему? – Тувессон скрестила руки на груди. – По-моему, преступник не кто иной, как садист и убийца с расстройством психики, который заслуживает несколько пожизненных сроков.

– Это как посмотреть. Он явно охотится за деньгами и готов сделать все, что требуется, чтобы заполучить их. Я не эксперт по профилям преступников, но я бы не обвинял его в садизме и расстройстве психики. Хладнокровный и наглый? Безусловно. Но, в первую очередь, ловкий. Если бы он случайно не въехал в твое зеркало заднего обзора, сомневаюсь, что мы вообще занимались бы этим делом.

– Здесь еще один, – неожиданно закричал один из ассистентов.

Фабиан и Тувессон вслед за Муландером подошли к краю ямы и заглянули в нее – помощники Муландера откопали там черный мешок для трупов.

– Вы сделали фото? – спросил Муландер.

Ассистент с фотоаппаратом кивнул.

– Хорошо, тогда поднимайте его.

Они вместе подняли мешок из ямы и положили его на расстеленный брезент. Муландер наклонился вниз, расстегнул молнию и увидел еще один

черный мешок для трупов.

– Что бы там ни было, это хорошо упаковано, – сказал он, открыв второй мешок.

Шедший от мешка смрад заставил всех инстинктивно отпрянуть и отвернуться. Как они и ожидали, в мешке находился труп, но он разительно отличался от двух предыдущих. Процесс разложения зашел здесь уже далеко, и тысячи и тысячи маленьких трупных червей покрывали мертвое тело белым кольшущимся покрывалом.

– Это человек умер не на прошлой неделе. – Муландер взял щетку и стал счищать трупных червей с отчасти разложившегося лица, принадлежащего женщине или молодому человеку азиатского происхождения.

На трупе был коричневый анорак и бежевые брюки свободного покроя. В одном из углов среди червей лежала вязаная шапка с черепами.

– Но подожди, это же она!.. – воскликнула Тувессон.

– Ты что, ее знаешь? – спросил Фабиан.

Тувессон кивнула.

– Разносчица газет. Разве вы не помните? Два года тому назад она обнаружила Сета Корхедена.

Фабиан попытался связать воедино концы нитей. Какое отношение к этому имеет Сет Корхеден?

– Твой одноклассник, – продолжила она. – Тот, с кем преступник поменялся местами.

– Я знаю. Но какое отношение Сет Корхеден имеет к...

– Эта женщина нашла его мертвым в постели, когда развозила газеты.

– И откуда ты это знаешь? – спросил Муландер.

– Мы с Ирен потом ее допрашивали. Сони Викхольм. Я помню все так, словно это было вчера.

Муландер рассмеялся.

– Вот это да – ты помнишь всех, кого допрашивала за годы работы.

– Нет, не помню. – Тувессон села на корточки, чтобы лучше разглядеть. – Это далеко не так. Но она, я не знаю, в ней было нечто особенное, что отличало ее от других.

– Каким образом? – Фабиан наклонился вперед, чтобы лучше рассмотреть лицо.

– Не каждый войдет в чей-то дом, как она. Сама Сони объяснила это тем, что ей показалось странным, что Корхеден, который вернулся из отпуска, не встал и не вырвал утреннюю газету из ее рук. Но из-за этого войти в дом, это не совсем нормально. Сколько бы разносчиков газет так

сделали вместо того, чтобы ехать дальше? Потом она видит тело, привязанное к кровати, и с отрезанными усами. Знаете, что она делает в первую очередь?

Фабиан и Муландер покачали головами.

– По-моему, нечто совсем безумное. Вы думаете, она звонит в полицию? Нет, она подходит к Сету и начинает его трогать. Поднимает ногу и кладет ее обратно на кровать. Хотите знать почему? Чтобы проверить трупное окоченение. – Тувессон покачала головой. – Она явно писала детектив и смотрела на это как на сбор материала.

– Иными словами, женщина проявила крайнее любопытство.

– По-моему, она скорее вела себя крайне странно.

– Может быть, здесь произошло то же самое, – сказал Фабиан. – Предположим, Крис Даун был один из тех, кому она приносила газеты. Однажды ранним утром она видит нечто, что вызвало в ней любопытство, заставило войти вовнутрь и увидеть то, что она не должна была видеть.

– Хорошая версия, и думаю, именно это и произошло с женщиной с собакой, – заключил Муландер. – Но проблема в том, что женщина умерла как минимум год назад. Может быть, еще раньше.

Теодору хотелось только одного – выбраться отсюда. Не играет никакой роли как, только бы подальше от кровати, которая всего лишь несколько часов назад была одним большим колышущимся морем счастья. Только бы натянуть одежду, украдкой выбраться из виллы и добежать до дома. Притвориться, что он никогда не находил ее мобильный с этим проклятым роликом. Словно на самом деле ничего не произошло. Словно они никогда не встречались.

Но он не мог. Как он ни старался, он был не в состоянии даже пошевелиться. Будто тело пребывало в режиме сохранения энергии, и у него отключались все функции, одна за другой, пока его полностью не парализовало. У него работало только сердце, которое билось в три раза сильнее. Но оно болело, будто с каждым ударом кто-то пинал его в грудь.

Так вот что такое паническая атака? Или он боится? Это чувство знакомо ему с детства, и он ненавидел его больше всего на свете.

Ничто так не сковывает, как страх, который может полностью сломать его и превратить в мокрое пятно. Тогда ему удавалось победить страх злобой, и если он себя хорошо знает, так произойдет и на этот раз.

Только бы она проснулась. Он уже ждет несколько часов, ждет, чтобы прижать ее к стенке и спросить, что происходит. Ждет, что злость возьмет верх. Но Александра просто лежала рядом с ним, распластавшись, словно только что пересекла Атлантический океан. Если бы не ее спина, которая поднималась и опускалась через равные промежутки, он бы не был уверен, что она вообще жива.

Теодор не мог оторвать от нее взгляд. От лопаток, которые торчали из спины, как песчаные дюны в Сахаре. От черных локонов, разбросанных по подушке и закрывавших часть лица. Любит ли он ее по-прежнему? Разве проблема в этом? Чувствует ли он по-прежнему где-то в глубине души под всем страхом, что, невзирая на то что произошло, их двое?

– Привет.

Теодор вздрогнул и понял, что Александра открыла глаза. Она улыбнулась ему сонной улыбкой и ждала, что он что-то скажет.

– Что это? – наконец спросила она.

Что это... Она спрашивает, *что это?* Как будто ничего не случилось. Как будто этот отвратительный проклятый ролик не существует, и на голубом небе светит солнце.

– А как ты думаешь, что?

– О'кей, ты явно встал не с той ноги. – Александра отвернулась от него; похоже, она без проблем может проспать еще несколько часов.

– Я, во всяком случае, проснулся. Что не скажешь о том парне из тележки.

Александра повернулась к нему – от ее сонного спокойствия не осталось и следа.

– Да, я видел ролик. – Теодор держал мобильный так, словно старался как можно меньше к нему прикасаться.

– Все совсем не так, как ты думаешь. – Она села и закуталась в одеяло.

– Вот как? Значит, это не ты и твои милые приятели посылают совершенно невинного человека на верную смерть? Как хорошо. Значит, каждая газета в сети сейчас пишет не о вас, а о совсем другой банде. Здорово, а то я уже начал волноваться. – Теодор дотронулся до своего лба и демонстративно выдохнул. – Но тогда все именно так, как ты говоришь, и я просто встал не с той ноги.

– Но Тео, выслушай...

– В проклятой тележке! Ты хоть сама понимаешь, как это мерзко? А?

– Я знаю, но это все Хенрик.

– Ясное дело, что это Хенрик! Ты думаешь, я этого не понял? Вопрос только в том, кто держит камеру. Кто сходит с парома и заставляет меня ходить по нему и искать часами? Кто стоит на трассе и ржет так, будто это веселый час? Вопрос в том, кто ты такая на самом деле?

Александра заплакала, и, чтобы самому не расплакаться, Теодор встал с кровати и начал одеваться.

– Подожди немного... Тео, пожалуйста... Дай мне объяснить...

Она тоже поднялась с кровати и натянула трусы и футболку. Но Теодор не хотел ждать, чтобы не пришлось выслушивать какое-нибудь вымученное оправдание. Наконец у него появились силы уйти отсюда, и если сейчас он этого не сделает, то застрянет и останется здесь навсегда.

– Все совсем не так, как ты думаешь! – закричала Александра, и он услышал, как она идет за ним.

На обратном пути холл показался ему длиннее. Не собираясь бежать и снова поддаваться страху, он как можно быстрее шел к лестнице.

– Внезапно он сунул мобильный в мою руку и велел мне снимать. Уверяю тебя, я ничего не поняла, когда он сбил с ног и стал пинать ту девушку, которая говорила по мобильному.

Теперь она плакала, и отчасти ему хотелось остановиться и утешить ее в своих объятиях. Но он был достаточно сильным, и ему удалось заставить

себя идти дальше по лестнице к входной двери. Теперь он даже мог видеть эту дверь.

– После этого все стало только хуже. Я не хотела, но он меня заставил. Грозил рассказать, если я струшу.

Еще несколько метров, и он снова сможет дышать полной грудью. Через какую-то минуту он перестанет это слышать и оставит все позади. А когда перейдет в другую школу и позаботится о том, чтобы их пути никогда не пересекались, все будет так, словно ничего не было.

– Черт побери, скажи хоть что-нибудь!

И только взявшись за ручку двери, он повернулся, чтобы попросить ее никогда больше не обращаться к нему. Но не успел. Внезапно кто-то позвонил в дверной звонок, прозвучавший, как перезвон колоколов в судный день.

– Ты знаешь, кто это? – прошипел Теодор, хотя видел по Александре, что она также удивлена. – Это Хенрик пришел забрать мобильный? – Он быстро прошел на кухню. – Одно слово, что я здесь, и я все расскажу отцу, так и знай.

Александра покачала головой и вытерла слезы:

– Ноги его больше здесь не будет.

Она подошла к домофону на стене, нажала на кнопку, и экран зажегся.

– Наверняка какая-нибудь мамина приятельница, – наконец сказала она, пожав плечами, и повернулась к двери, чтобы открыть.

– Подожди. – Теодор быстро подошел к домофону и посмотрел на экран, где было видно, как у входа стоит женщина и звонит в дверь.

Он также хотел бы пожать плечами, как это сделала Александра, и кивнуть ей, чтобы она открывала. Но так делать нельзя.

Он встречался с женщиной раньше, а именно один единственный раз почти два года тому назад. И, тем не менее, без проблем узнал эту датскую полицейскую, некогда спасшую ему жизнь.

Красная стрелка шла от увеличенного отпечатка пальца на доске во всю стену к одной из распечатанных фотографий с изображением грязной кофеварки на такой же грязной кухне. Другая стрелка указывала на увеличенное фото старых радиочасов рядом с кроватью. Третья, которую Утес рисовал в тот момент, когда в комнату вошла Тувессон в обнимку с коробками пиццы, вела к фото пульта, валявшегося на потертом кресле.

– Астрид, ты, наверное, прочла мои мысли. Как же я хотел пиццу, – Утес отложил экранное перо, взял коробки и стал расставлять их на столе.

– Да, я подозревала, что все проголодались, – сказала Тувессон и поставила напитки, тарелки и стаканы. – Как вы съездили домой к Рольфу Стенсетеру? Что-нибудь нашли?

– Да. Сколько угодно... О, пицца-кебаб. Ты, черт возьми, настоящий ангел. Поверь, не будь я женат, я бы, конечно, посватался к тебе, когда ты сейчас одна и все такое. – Он взял отрезанный кусок и начал есть.

– Так что вы нашли?

– Слои кожи, отпечатки пальцев, безделушки. Масса безделушек. А я думал, что у нас дома слишком много вещей. Никогда не ел такую вкусную пиццу. – Он откусил еще один большой кусок. – Только ничего не говорите Берит. Она думает, что я на диете.

– О'кей, но у тебя что-то есть, что может помочь с доказательствами против него?

Утес покачал головой.

– Насколько я вижу, каждый отпечаток соответствует отпечаткам задержанного. Но кто знает, может быть, Муландер найдет что-то еще. – Он пожал плечами и взял еще один кусок.

– Что ты хочешь сказать? Что он действительно тот, за кого себя выдает?

– Или это так, или он потратил уйму времени и энергии на то, чтобы создать видимость этого. Я даже обошел несколько соседей, и все они подтвердили, что это он на фотографии.

– И ты не видел никаких признаков того, что там находится могила или нечто подобное?

– Нет, ни я, ни Эйнштейн.

– Эйнштейн?

– Да, собака или как там ее. – Утес вздохнул и покачал головой. –

Берит заставила меня взять его сегодня с собой, поскольку у одной из клиенток, которая должна прийти в салон, аллергия на шерсть.

– А где он сейчас?

– За тобой.

Тувессон повернулась, но увидела только закрытую кожаную сумку на полу у стены.

– Ты хочешь сказать, что запер его здесь?

– Я же не могу позволить ему бегать тут и метить свою территорию. Но можешь быть совершенно спокойна: я оставил щелочку, чтобы он дышал.

– Тогда ладно, – сказала Тувессон и решила довериться Утесу. Ей было о чем подумать. Например, что у нее в машине лежит точно такая же сумка, с которой она всегда ходит в винный магазин. Это навело ее на мысль о том, что она не пьет с понедельника. Учитывая, как она жила последние полгода, это своего рода подвиг, которым можно гордиться. Но сейчас это не ее заслуга, а работы, и, если честно, она испытывала только одно большое желание, чтобы Хёгсель получила то, что ей нужно, и следствие закончилось.

Она повернулась к Фабиану, который только что пришел и уже брал еду.

– Как все прошло? Ты связался с Дианой Давидссон?

– Да, мы собрали всех. – Фабиан налил себе стакан минеральной воды Рамлёса. – Но нам надо назначить ей на половину четвертого между Рикардом Янссоном и Жанеттой Даун. Диана может только в это время.

– С этим не должно быть проблем. Сколько у нас теперь фигурантов?

– Восемь человек, и поскольку каждый раз он выглядел по-другому, надо обращать внимание на телосложение, а не на одежду и прическу.

– Хорошо, Хёгсель будет довольна. По ее мнению сейчас это наша самая сильная карта.

Фабиан кивнул и подошел к доске, где висели фотографии могилы и трех жертв.

– Да, кстати, я только что говорила с Косой, – продолжила Тувессон. – Мужчина с бородой опознан как Гуннар Фрёлин, не женат, детей нет и, как точно сказал Муландер, хозяин той овчарки. – Она подошла к Фабиану и написала имя под фото мужчины.

– Он имеет какое-то отношение к Крису Дауну?

– Да, он работал на фирме «Саундскейп», клиентом которой был Даун. Они продают и сдают в аренду студийное оборудование. Его коллега сказал, что в субботу у него была доставка, а в понедельник он позвонил и

взял больничный из-за радикулита. Явно не в первый раз. Последний раз он пролежал дома целых шесть недель, так что если бы мы его не нашли, его бы не скоро хватились.

– А машина? – спросил Утес. – Он, наверное, приехал туда на машине.

– Она припаркована рядом с его квартирой в Рюдебекке, и Муландер послал туда одного из своих ребят проверить отпечатки пальцев.

– А он, Пер Кранс? – Фабиан показал на мужчину с кровавой глазницей. – Коса о нем тоже что-то сказал?

– Да, но только предварительно. Ты же его знаешь. Во всяком случае, он якобы умер от кровоизлияния в мозг.

– Что за кровоизлияние? – спросил Утес и положил на тарелку еще один кусок пиццы.

– Мы говорим не о кровоизлиянии в обычном понимании, а о нескольких кровоизлияниях, вызванных каким-то острым предметом, которым проткнули левый глаз и который разорвал почти все на своем пути.

– Острый предмет, – повторил Утес, пока Фабиан рассматривал одно из увеличенных фото с поврежденной глазницей. – Что это может быть?

– Коса еще с этим не закончил.

– Но если я тебя хорошо знаю, ты все равно заставила его высказать предположение, – сказал Фабиан.

Тувессон кивнула.

– Штопор.

– Штопор? – переспросил Утес.

– Да, или открывалка для вина, или как там вы это называете. Он думает, что нашел следы пробки в глубине левого полушария.

Фабиан представил себе, как Пер Кранс, ни о чем не подозревая, позвонил в дверь Петера Брисе, чтобы прижать его к стенке и выяснить финансовые недоразумения на фирме «Ка-Чинг», и обнаружил, что ему открыл совсем не Брисе, а его двойник. А еще через секунду ему воткнули штопор в глаз.

– Вероятно, убийство было совершенно спонтанным, – продолжила Тувессон. – И поэтому преступник взял то, что попало ему под руку в квартире Брисе.

– Почему нельзя было пойти по простому пути и взять обычный нож? – спросил Утес.

– Наверное, он не хотел оставлять после себя никаких следов, – предположил Фабиан. – И тогда пусть повреждения по возможности лучше будут внутри, в голове, чем кровь растечется по полу.

Утес покачал головой и отставил тарелку, хотя на ней еще лежала пицца.

– Так вот вы где, – сказала Лилья и вошла, держа ноутбук под мышкой.

– Угощайся, – сказала Тувессон. – Да, кстати, ты встретила с ее родителями?

Лилья кивнула и взяла кусок пиццы.

– Чьими родителями? – спросил Утес.

– Сони Викхольм. Разносчицы газет, которую мы нашли в могиле, – пояснила Тувессон, повернувшись к Лилье. – Как все прошло?

– Да так, – сказала Лилья, пережевывая пиццу. – Непонятно, как им разрешили стать приемными родителями. Похоже, их совершенно не потрясло, что их дочь умерла. Они проявили полнейшее равнодушие и разобрали ее квартиру еще год назад только для того, чтобы не платить квартплату. Может быть, ей и ее брату было бы лучше в детском доме в Китае.

– У нее был брат?

– Да, Хао Викхольм, и, по-моему, он был как минимум таким же странным, как и его сестра. Если не еще хуже. Он явно ушел от своих родителей на следующий день после того, как закончил среднюю школу. С тех пор они его не видели и ничего о нем не слышали. У них остался только картонный ящик в подвале, где полно игральные кости и зачитанного экземпляра книги «Дайсмен, или Человек Жребия» Люка Райнхарта. Я никогда не видела так много игральные кости. Знаете ли вы, что существует...

– Но ты пришла туда не ради Хао, а ради Сони, – прервала Тувессон.

– Да, конечно. От нее у них осталось целых три картонных ящика, где я, в частности, нашла вот что. – Лилья показала цифровую камеру. – А там без сомнения есть много чего интересного. В частности, серия фотографий Сета Корхедена, когда он лежит мертвый в кровати. – Она зажгла проектор и подключила ноутбук. – Теперь смотрите внимательно. Я думаю, это и явилось причиной ее смерти. – Фото, которое появилось на одной из стен, было сделано прямо через окно, но на нем было только зеркальное отражение самой Сони. – Сначала я подумала, что она сделала автопортрет, но потом поняла, что ее заинтересовало.

– Можно увидеть, когда сделано фото?

– В 07.16 в субботу 11 ноября 2010 г. За день до ее исчезновения.

– О'кей, получается, она что-то выследила. – Тувессон подошла ближе к фотографии. – Интересно что.

– Вы видите открытую дверь, которая ведет в соседнюю комнату? –

спросила Лилья и увеличила более светлую часть фото.

– Похоже на ванную, – сказал Утес и прищурился, чтобы лучше видеть.

– Точно. – Лилья еще больше увеличила изображение, и остальным вдруг стало понятно, что она нашла.

В освещенной ванной комнате находился напольный шкаф с полуоткрытой зеркальной дверью, который решил все дело. В зеркале отражался лысый человек, который стоял в душе и тщательно смывал пену для бритья со своего худощавого мальчишечьего тела. Это был он, хамелеон с тысячью лиц, голый и без маски, запечатленный в мгновение.

– Как ты думаешь, где это произошло? – спросила Тувессон.

– Пока не знаю, но она, вероятно, разносила газеты и проходила мимо дома. Я собираюсь обратиться на фирму «Разносчики газет», чтобы узнать, по каким адресам Сони разносила газеты, проехаться по маршруту и посмотреть, смогу ли я найти этот дом. Во всяком случае, вот как он выглядит. – Лилья нашла фото с очаровательным белым домом с белым забором на заднем плане.

– Тебе не надо объезжать все адреса, – сказал Утес. – Я точно знаю, что это за дом. Он стоит в Викене на берегу моря и принадлежит сыну владельца пароходства Юхану Халёну.

– Ты имеешь в виду того, кто отравился газом у себя в гараже?

Утес кивнул.

Хуго Эльвин говорил об этом еще в начале расследования – о явных параллелях со странной смертью Петера Брисе. Даже жена Утеса Берит заметила это на Сонином вернисаже, а он сам просмотрел старое расследование и не мог не обратить внимания на совпадения. И, тем не менее, они это упустили.

– О'кей. Это означает, что у нас есть еще одна жертва. – Тувессон повернулась к остальным. – Нам с Фабианом надо ехать в СИЗО, чтобы провести очную ставку. Утес, предлагаю тебе сразу же отправиться в Викен и взглянуть на дом. Ирен, ты составляешь список всех исчезнувших за последние два года, о которых было заявлено в полицию.

Лилья и Утес кивнули и стали собирать свои вещи. Фабиан вышел из комнаты вместе с Тувессон, и они молча пошли к лифту. Он был уверен в том, что она задает себе тот же вопрос, что и он.

Сколько еще жертв они упустили?

В обычных случаях провести очную ставку все равно, что пройтись по слабо натянутому канату. Свидетель мог уже видеть виновного после самого задержания, на фото в специальном газетном выпуске или в сети. Фигурантов, стоящих в одном ряду с виновным, может быть мало, они могут быть не так одеты или не так выглядеть. Вопросы могут быть слишком наводящими, и свидетель может легко показаться неуверенным или так или иначе ненадежным. Каждая деталь таит в себе потенциальный риск того, что вся процедура будет объявлена недействительной.

В обычных случаях.

Но именно эта очная ставка не походила ни на какие другие и была такой сложной, что Фабиан потерял контроль над ситуацией. Здесь различные свидетели не только видели два совершенно разных обличья задержанного, который всеми возможными способами менял свою внешность. Они к тому же делали это, искренне веря, что он тот, за кого себя выдает. Никто из них не видел его таким, какой он есть, – лысым, без парика и специально подобранной одежды. Таким, каким он выглядел, держа в руках табличку с пятым номером.

К сожалению, начало прошло не слишком гладко. Риелтор Юхан Хольмгрен никуда не спешил и внимательно рассмотрел каждого стоящего в ряд. Он даже указал на задержанного, но был настолько не уверен, что, в конце концов, передумал и сказал, что не знает. Банковский менеджер Рикард Янссон вел себя прямо противоположно и зашел так далеко, что стал утверждать, что виновного здесь нет и что они схватили не того человека.

С Диной Ди все было по-другому. Она не только давно знала Криса Дауна. Ей к тому же удалось увидеть преступника по фейс-тайму, застать его врасплох и сразу же понять, что что-то не то.

– Привет, чувак! – воскликнула она по-английски и подняла ладонь в знак приветствия.

Фабиан изо всех сил постарался ровно приложить свою ладонь к ее, но немного промахнулся.

– Ну ладно, – сказала по-английски Ди и покачала головой. – Надеюсь, у вас лучше получается хватать негодяев, чем вот так здороваться.

– Тут вы можете не волноваться. Его уже схватили, – сказал Фабиан и помог ей пройти контроль безопасности СИЗО. – Теперь ты позаботишься

о том, чтобы нам не пришлось его выпустить.

– Для вашего сведения: Дина Ди не знает покоя. *Gotta stay on the top, so you don't drop*^[25].

– Это хорошо, – сказал Фабиан и повел ее по коридору в комнату, где проводилась очная ставка. – Как хорошо вы его успели рассмотреть? Вы что-то говорили о том, что изображение было «паршивым».

– Послушайте, я знаю, что видела. Во всяком случае, это был не мой Крис, понятно?

Он открыл дверь в ту часть комнаты для свидетелей, которая была отделена экраном и где ждали Стина Хёгсель и Тувессон.

– Привет, меня зовут Астрид Тувессон. Я руковожу криминальным отделом полиции Хельсингборга. На очной ставке также присутствует главный прокурор Стин Хёгсель.

Ди посмотрела на протянутую руку Тувессон, словно могла чем-то заразиться.

– Лучше я буду говорить вот с тем, ладно?

– Конечно, ничего страшного. – Тувессон убрала руку. – Может быть, сначала выпьете кофе?

– Это вам, может, нечего делать, а у меня полно дел и очень мало времени. К тому же кофе – это яд, так что зачем мне его пить?

– О'кей, – сказала Тувессон. – Тогда начнем. – Она коротко кивнула Фабиану и встала рядом с Хёгсель.

– Пожалуйста, садитесь. – Фабиан взял средний из трех стульев, стоявших перед темным широким окном.

Ди молча кивнула и села.

– Может быть, чуть-чуть опустить стул, чтобы вы были на уровне окна? – Фабиан немного опустил стул. – Вам удобно? Все в порядке?

– У меня что, во рту соска? – Ди показала на свой рот, и он покачал головой. – Хорошо. Тогда кончайте это баловство и запускайте их, пока опять не наступил ледниковый период.

– О'кей, – сказал Фабиан, который был вынужден признаться самому себе, что девушка ему симпатична. С ней было непросто, но она не даст сесть себе на голову и, похоже, знает, чего хочет. Что, вероятно, и требуется, чтобы получить шанс добиться успеха со своей музыкой. – Сейчас произойдет вот что, – сказал он и сел рядом с ней. – По моему сигналу в комнату запустят девять человек. Они вас не могут ни видеть, ни слышать. Каждый будет держать табличку с номером, и вам надо только назвать номер. Если вы почувствуете неуверенность или захотите, чтобы кто-то сделал шаг вперед, только скажите. Важно не торопиться. Ясно?

– Да, ясно.

– Мы готовы, они могут входить, – сказал Фабиан в микрофон.

В комнате по другую сторону окна зажегся свет. В самом дальнем левом углу открылась дверь, и вошла группа мужчин, все стройные и худощавые от тридцати до сорока лет. Но на этом сходство между ними заканчивалось. Один был блондин, другой темноволосый, а третий подстрижен под ноль, но с бородой. Одежда тоже была самой разной – от джинсов и тренировочных штанов до костюмов и галстуков.

Подозреваемый держал табличку с цифрой пять и выглядел таким же спокойным, что и на двух предыдущих очных ставках. Словно совершенно не волновался, что его могут опознать. Но он не знал, кто сидит по другую сторону зеркального стекла и изучает его. Насколько Фабиан мог судить, Дина подошла к делу основательно и спокойно и методично рассматривала каждого.

Может быть, поэтому он сначала решил, что ослышался.

– Третий.

Потом он подумал, что она оговорилась.

– Вы уверены? – спросил Фабиан, пытаясь скрыть разочарование.

– Абсолютно. Это он, номер три.

– Хорошо. Очень хорошо, – сказал Фабиан и стал думать, что делать дальше. Третий номер вообще не был похож на подозреваемого. Зато он единственный, кроме подозреваемого, был с бритой головой. – Я знаю, что у вас дела, но важно, чтобы вы не спешили и не испытывали стресса.

– А что, я разве ошиблась?

– Нет, нет, вовсе нет. Я просто хочу удостовериться, что вы не сомневаетесь. Если сомневаетесь, важно сказать это. Или, если хотите, чтобы кто-то сделал шаг вперед...

– Вы это уже говорили, – перебила его Ди. – Это он, и я без всяких проблем выступлю свидетелем на суде и укажу на этого подонка. – Она подняла растопыренную пятерню, и хотя сейчас ему было совсем не до этого, он точно приложил свою ладонь к ее.

С Жанеттой Даун все было по-другому. Помимо того, что она была прямой противоположностью Ди, она так горевала, что было невозможно не сострадать ей. Она была хрупкая, как крыло бабочки. В этом не было ничего удивительного – всего лишь несколько часов назад Жанетта сидела на цепи в подвале со своими двумя сыновьями в полной уверенности, что они никогда оттуда не выберутся.

Тувессон уже встречалась с ней в больнице, и если не произойдет

ничего непредвиденного, теперь ее очередь руководить процедурой. А Фабиан будет держаться на заднем плане с Хёгсель.

– Вы должны знать: мы очень благодарны вам за то, что вы нашли в себе силы прийти сюда и участвовать в эксперименте. – Тувессон взяла Жанетту за руку.

– Если это поможет вам вынести обвинительный приговор виновному, – сказала Жанетта так тихо, будто прошипела.

– Мы на это надеемся. Пожалуйста, садитесь. Хотите кофе?

Жанетта кивнула и села на стул перед темным окном, но, попытавшись поднять дымящуюся чашку с кофе, так разнервничалась, что у нее задрожали руки, и ей пришлось поставить чашку на место.

Если от этого зависит все, это слишком тонкая нить, подумал Фабиан, который был уверен, что сидевшая рядом с ним Хёгсель пытается найти альтернативные решения. Если суд решит, что свидетель не *полностью владел своими чувствами*, показания жены Дауна также не примут во внимание, как показания Лисбет Пальме.

– Вы в порядке? – Тувессон села рядом с Жанеттой и положила свою ладонь на ее.

Женщина кивнула, но не смогла сдержать слез.

– Послушайте, я понимаю, что вы нервничаете, поскольку боитесь не узнать его. Но вы не должны это делать. Мир от этого не рухнет. Тогда все решится каким-то другим образом. О'кей?

– Он сможет меня увидеть?

– Нет, он не сможет ни увидеть, ни услышать вас. Он даже не знает, что вы здесь сидите.

– Точно?

– Жанетта, он увидит только зеркальное стекло. Пойдем, я вам покажу. – Тувессон нажала на кнопку микрофона. – Вы можете зажечь свет? Свидетель хочет посмотреть.

В соседней части комнаты зажегся свет, и Тувессон провела туда Жанетту через дверь со звукоизоляцией.

– Они войдут вон в ту дверь слева и смогут увидеть только это зеркальное стекло. – Она повернулась и показала на стекло. – Можете постучать, если хочешь.

Жанетта осторожно постучала по стеклу.

– А дверь к нам – она будет заперта?

– Естественно. К тому же здесь будет полно охранников, так что беспокоиться не о чем.

Жанетта немного подумала и обвела вокруг глазами, прежде чем

вернуться вслед за Тувессон в изолированную часть комнаты для свидетелей.

– Вы чувствуете себя готовой?

Жанетта кивнула и села на стул.

– О'кей, тогда мы готовы, – сказала Тувессон в микрофон, и сразу после этого самая дальняя дверь слева открылась, и вошло девять мужчин, которые выстроились в ряд.

Жанетта сидела неподвижно и пристально смотрела прямо перед собой. Никто из них ничего не говорил, и через пять минут Фабиан стал сомневаться, моргает ли она, хотя она моргала. Вопрос только, что она еще делает. Еще через пять минут тревожной тишины Тувессон осторожно кашлянула.

– Жанетта, я понимаю, что это трудно. Но вы узнаете кого-то из них? Может быть, вы где-то видели его раньше, но не помните, где.

Жанетта покачала головой, не отводя глаз.

– О'кей, хотите, я попрошу их по одному сделать шаг вперед? Или, может быть, кто-то пусть выйдет из комнаты?

Жанетта продолжала смотреть, никак не реагируя. Но через какое-то время по ее щекам опять потекли слезы.

– Давайте сделаем перерыв? – спросила Тувессон, не получив ответа. – Что скажете? Наверное, сейчас нам лучше всего закончить, и посмотрим, что будет завтра. Договорились?

– Номер пять, – сказала Жанетта таким слабым голосом, что его сразу же поглотила тишина.

– Извините?

– Номер пять, – повторила Жанетта, теперь более четко. – Это он. Тот, кто держит пятерку.

– И вы в этом полностью уверены?

Жанетта кивнула.

– Я узнала его по глазам.

– Каким образом?

– Они холодные и мертвые. Думаю, до этого я никогда не видела такого холода. Может быть, звучит как клише, но у Криса были теплые глаза. Всегда. Даже когда он сердился. – Жанетта попыталась вытереть слезы, но они все текли и текли.

Тувессон протянула ей упаковку носовых платков, но тут подошла Хёгсель и нажала на кнопку микрофона.

– Думаю, мы закончили.

Утес припарковался у бывшего дома Юхана Халена в Викене, вышел из машины и взял Эйнштейна на поводок. Он только что говорил с Тувессон, которая рассказала, что Жанетта Даун сумела опознать преступника, и что Хёгсель уверена, что в пятницу сможет возбудить уголовное дело. Поэтому ему, как и остальным членам команды, дали вечером отдохнуть, и он может поехать домой.

Проблема в том, что ему придется рассказать Берит о Юхане Халене, и тогда она снова расвирепееет. Он был уверен. На прошлой неделе, когда они возвращались домой с вернисажа Сони, она была мрачнее тучи.

Утес пытался попросить прощение и даже предложил помассировать ей ступни, но ничего не помогло, и они уснули каждый на своей половине кровати, повернувшись друг к другу спинами.

Так продолжалось почти всю неделю, и только сейчас, когда он согласился взять Эйнштейна на весь день, жена смягчилась и начала с ним разговаривать, и одна только мысль, что придется беречь рану и сказать, что она была права, заставляла его держаться подальше от дома.

Он пошел к белому забору и посмотрел на очаровательный дом, пока Эйнштейн окроплял почтовый ящик. Мужчина в клетчатых коротких брюках, кепке и защитных наушниках ездил по участку и стриг газон, а ближе к дому две девочки от пяти до восьми лет учились держать хула-хупы на бедрах. Еще дальше женщина вешала белье.

На самом деле Утес не знал, что он здесь делает. Юхана Халена убили больше полутора лет назад, и все возможные следы с наибольшей вероятностью исчезли. К тому же Эльвин и Муландер уже были тут, когда это произошло. Правда, они вместе с Косой сделали неправильный вывод о том, что речь идет о самоубийстве, но, прочитав отчет, он не увидел никаких признаков того, что они схалтурили.

Даже в том, что непогрешимый Коса принял убийство за самоубийство, не было ничего особо примечательного. Стояла необычайно холодная зима с температурой несколько градусов ниже нуля, и поэтому тело в гараже заморозилось. Но они упустили не только это. Должно быть что-то еще. Вопрос только, что это и сохранилось ли оно.

– Простите, но что вам здесь надо?

Утес повернулся к мужчине и только сейчас понял, что газонокосилка смолкла.

– Вы уже стоите здесь несколько минут и что-то высматриваете, – сказал мужчина с неестественно бледным лицом в угрях, хотя ему было около сорока.

– Извините. Сверкер Хольм из полиции Хельсингборга. – Утес показал свое удостоверение и протянул руку.

– Вот как? Привет, привет, – мужчина пожал Утесу руку, и бровью не пошевелив.

– Потрясающе красивый дом. Сам я живу на «неправильной» стороне шоссе Хёганесвеген и могут только мечтать жить здесь. Знаешь, я следил за этим домом из чистого любопытства, но, наверное, пропустил, когда его выставили на продажу.

– Его никогда не выставляли на открытую продажу, – сказал мужчина и несколько раз коротко кивнул, чтобы подчеркнуть, что тема исчерпана. – В чем дело?

– Именно. Я не знаю, насколько вы в курсе того, что случилось с первым владельцем этого дома.

– Вы имеете в виду Юхана Халена. – Мужчина вздохнул. – Да, мы знаем, что он покончил жизнь самоубийством в гараже. Это было трудно пропустить. Но нас это не касается.

– Конечно, нет. Но сейчас, к сожалению, появились новые сведения, которые говорят о том, что, вероятно, это совсем не самоубийство, а... – Он прервался и повернулся к жене, которая как раз подошла к ним.

– Привет, я – Стефани, – женщина поздоровалась и пожала Утесу руку.

– Он тоже заинтересовался домом, – сказал мужчина, посмотрев на Утеса.

– Вот как! Не хотите войти и посмотреть? Правда, мы еще полностью не навели порядок, но...

– С большим удовольствием, – отозвался Утес, стараясь не смотреть мужчине в глаза, когда входил в калитку. Если он хочет играть в такую игру, олайт.

– О, какая прелесть! – хором закричали девочки, бросив хула-хупы и подбежав к Эйнштейну. – Можно нам его поддержать?

– Конечно, если мама не против.

– Мама, пожалуйста. Пожалуйста... – повторяли девочки, как выводок голодных утят, пока женщина не кивнула в знак согласия.

– Хорошо бы налить ему немного воды. Думаю, он страшно хочет пить. – Утес отдал поводок старшей.

– Сейчас принесу, – сказала младшая и быстро ушла.

Утес сразу же узнал дом по фото из материалов расследования. Тогда

дом показался ему холодным и безжизненным. Может быть, дело в произведениях искусства и пустых белых поверхностях. Или в слухах о тайной комнате секса, которую Муландеру так и не удалось найти.

– Извините за бардак, – сказала женщина, показывая ему дом. – Но с тремя детьми нам нужен целый штаб, чтобы поддерживать хоть какой-то порядок.

В отличие от фотографий из дела чувствовалось, что здесь действительно живут люди. Сакральное ощущение пустоты как рукой сняло. Теперь в комнатах было полно мебели, штор и прочей утвари, как в любой семье с детьми. Но его интересовал не первый этаж. Он это почувствовал. Ему надо спуститься вниз. Вниз в подвал. Может быть, это не только слухи.

– Да, вот так мы живем, – женщина повернулась к нему, дав понять, что показ закончен.

– Ваш муж сказал, что здесь не было открытых показов.

– Нет, иначе бы нам никогда не хватило средств. Они хотели провести быструю сделку и были готовы значительно снизить цену. Нам оставалось только поблагодарить и согласиться. – Она пошла в сторону холла.

– Тогда вас можно только поздравить, – сказал Утес, оставаясь на месте. – Кстати, какой у вас был риелтор?

Женщина повернулась к нему, словно была совершенно не готова к вопросу.

– По-моему, кто-то из Викена. Или из Хёганеса. Я не знаю. Петер включил нас в какой-то список, и нам действительно позвонили. Мы встретились здесь, а потом поехали в банк. Все заняло несколько часов. Невероятно, если подумать, что эта самая большая сделка в нашей жизни.

– Можно спросить, сколько вы заплатили?

Вид у женщины сразу же стал недовольный.

– Лучше мы оставим это при себе. Как я уже сказала, это гораздо ниже рыночной стоимости. Вы уж меня извините, но мне надо кое-что сделать. Сегодня вечером мы ждем гостей, и, сами видите, надо убрать несколько комнат.

– К сожалению, я не могу уйти, пока как следует не осмотрю подвал. – С этими словами Утес показал свое полицейское удостоверение.

– Вы что, полицейский? – спросила женщина с таким видом, словно он был взломщиком.

– Да, и мне хотелось бы узнать, дошел ли до вас слух о том, что у предыдущего владельца якобы была в подвале комната, куда он приводил женщин? – Он замолчал, не зная, что сказать дальше. – Да, он не был женат

и... Вы случайно не нашли эту комнату?

– Не понимаю, о чем вы. Что за комната?

– Ну, не знаю. – Утес сглотнул и почти услышал, как тонкий лед под ним начинает трещать. – По слухам, это комната служила своего рода... Своего рода комнатой секса, где он... с женщинами.

– Нет, подожди. Петер! – крикнула женщина в сторону входной двери. – Пееетер!

Утес, пользуясь моментом, спустился вниз по лестнице. Коридор подвала напоминал теплоход. Матовая полированная стеклянная дверь вела в спа. В потолок вмонтированы светильники, вдоль стен идут белые деревянные панели, причем доски положены горизонтально, что необычно. Впереди коридор поворачивал направо. Он остановился и посмотрел на стеклянный шкаф с подсветкой, встроенный в стену. На фотографиях из дела на стеклянных полках стояли модели различных судов пароходства семьи Хален. Теперь там стояла коллекция флаконов с духами разных цветов.

Он открыл дверь справа в метре от шкафа и убедился, что новые хозяева решили оставить здесь домашний кинотеатр с автоматом попкорна и всем прочим. Но обстановка чем-то отличалась от той, что была на фотографиях.

– Простите, но что, черт возьми, вы здесь делаете?

Точно. Дверь. Утес повернулся к мужчине, который подошел к нему. Жена шла за мужем по пятам.

– Извините, но вот эта дверь. – Утес постучал по двери в домашний кинотеатр. – Она здесь действительно была, когда вы покупали дом?

– Он ходит по дому, что-то вынюхивает и говорит о какой-то тайной комнате секса, – сказала женщина.

– Извините. Я действительно могу понять, что вы взволнованы, и я этого не хотел. Но, как я объяснил вашему мужу, появились сведения, указывающие на то, что Юхана Халена убили, и потому я здесь. – Он попытался улыбнуться и развел руками, но, похоже, не встретил того понимания, на которое надеялся.

– Значит, полиции больше не нужно никаких документов для проведения обыска, и она может вот так вторгаться?

– Да, документы в основном нужны в телесериалах. В жизни достаточно, чтобы кого-то «подозревали на веских основаниях». Сейчас вопрос о том, кто это, пока открыт. В любом случае мне нужно выяснить, вы ли поставили эту дверь, с каким риелтором вы имели дело и есть ли в доме что-нибудь, что угодно, на что вы обратили внимание, когда

вселялись.

– Мы не произнесем ни слова, пока вы не покажете нам бумагу о том, что имеете право здесь находиться.

– Понимаю, – сказал Утес и решил больше не испытывать их терпение.

– Но подождите... Петер, что ты думаешь о той пластмассовой штуке, которую мы нашли в гараже? Мы так и не поняли, что это.

– Я ничего не думаю, пока он не покажет бумагу о том, что не просто несет ахинею.

– Извините, но о какой пластмассовой штуке вы говорите?

– Подождите, сейчас принесу. – Женщина быстро пошла по коридору.

– Нет, не надо. Стефи! – закричал ей вслед мужчина. Но она уже исчезла в дверях гаража. – Как же, наверное, приятно стоять здесь и глазеть на маленьких девочек или завалиться к людям без малейшего повода и шарить по чужим домам, сунув в лицо хозяину полицейское удостоверение. Не удивительно, что им так часто злоупотребляют.

Утес собрался высказаться в свою защиту, но женщина уже вернулась с серебристо-серым пластмассовым предметом с двумя кнопками.

– Похоже на пульт, – сказал он и попытался нажать на кнопки, поворачивая и крутя в руках предмет.

– Мы тоже так думали. Но он не подходит ни к маркизам, ни к вентиляции, ни к чему-то еще в доме.

Вот оно. Наконец он нашел то, что искал, – крышку для батареек. Он сдвинул ее в сторону и подкрутил большим пальцем две батарейки. Затем поднял пульт и сделал новую попытку нажать на кнопки.

Что-то включилось, и послышалось слабое гудение. Утес не успел определить источник звука, как две доски в стенной панели между шкафом и входом в домашний кинотеатр стали отходить от стены в горизонтальной плоскости.

– Боже, что происходит? – женщина закрыла рот рукой.

Мужчина, похоже, не знал, что сказать. Утес тоже искал ответ, пока не обнаружил, что за панельными досками скрываются две мощные стальные балки, в свою очередь прикрепленные к боковой стене стеклянного шкафа, который теперь выходил из отверстия в стене. Теперь он все понял. Через несколько секунд шкаф повис в воздухе, а потом передней стороной сразу направился к дверному проему домашнего кинотеатра. Вся конструкция была такой стабильной и мощной, что недавно установленная дверная коробка с шумом треснула под тяжестью шкафа.

Но об этом никто не думал. Все внимание было направлено на проем в

двери, который теперь находился слева от шкафа.

– Что за чертовщина... – Мужчина знаком велел своей жене подождать снаружи, а сам собрался войти вслед за Утесом вовнутрь.

– Нет, подождите здесь, – сказал Утес, испытывая облегчение от того, что, наконец, может придать какой-то вес своим словам. Он прошел в комнату, которую никому не удавалось найти. Как и остальной подвал, она была выкрашена в белый цвет. Окон, похоже, не было. Зато везде были большие зеркала. На стенах и на потолке прямо над кроватью, стоявшей в центре комнаты. На кровати лежали обернутый в полиэтилен матрас, несколько подушек и простыня в темных пятнах крови.

Он заглянул под кровать и увидел, что ножки прикреплены к полу стальными уголками. Ровный слой пыли говорил о том, что больше года в комнату никто не заходил. Утес подошел к выкрашенным белой краской стальным тросам, которые хитроумным способом были натянуты на несколько чередующих блоков, чтобы Хален мог быстро и просто растянуть жертву на постели.

Пока почти все совпадало со слухами. Даже гардероб со всеми секс-игрушками, часть которых скорее являлась орудиями пытки. Только было непонятно, почему два из четырех тросов распилены. Не изношены и не порваны, а именно распилены.

– Мама! Папа! Идите сюда!

Утес сначала не понял, что кричат девочки с первого этажа.

Но когда слова, наконец, дошли до его сосредоточенного сознания, ему все стало ясно.

– Быстрее! Эйнштейн вырвался и роет на лужайке за домом!

– Не знаю, как вы обычно делаете в Дании, – произнес receptionист, которого, судя по бейджику, звали Флориан Круссе. По мнению Дуни это имя ему очень подходило – косой пробор, сделанный словно лазерной расческой, и застегнутая на все пуговицы рубашка с галстуком. – Но здесь, в Швеции, мы договариваемся о встрече заранее. Так что, к сожалению, не могу вам помочь.

– Ты только выслушай меня, – сказала Дуня, пытаюсь одновременно понять, поменял ли он имя, чтобы оно ему шло, или наоборот.

– Нет, это ты должна меня выслушать!

– О'кей, я явно задела тебя за живое. Ты уж меня извини. – Дуня посмотрела на Магнуса, который стоял в стороне и занимался своим мобильным.

– Проблема в том, что ты, похоже, вообразила, что это зависит от меня. Что я сижу тут и наслаждаюсь тем, что не могу тебе помочь. Не хочется тебя разочаровывать, но это не так. Я совсем не считаю, что это здорово. Криминальный отдел сейчас занимается очень сложным расследованием, и начальник отдела Астрид Тувессон буквально сказала, что ни при каких обстоятельствах их нельзя беспокоить вплоть до второй половины дня пятницы.

– Я понимаю, что ты говоришь. Но как я сказала, хотя ты меня не слушал, мы с Фабианом Риском знакомы, и я на сто процентов уверена, что он бы захотел со мной встретиться, если бы знал, что я здесь. Ты бы помог мне найти его номер, и я сама ему позвоню.

– И тогда возникает естественный вопрос, почему ты не делаешь это сама. Если вы такие хорошие друзья, у тебя в мобильном должен быть его телефон.

– Да, он у меня был. Но мобильный приказал долго жить. – Дуня показала полностью разряженный телефон. – Смотри, он совсем вырубился.

– Вот как, вижу. Такое может случиться даже с самым лучшим.

Дуня почувствовала, как на нее внезапно навалилась усталость, будто она врезалась в бетонную стену. Конечно, она не сомкнула глаз с ночи понедельника, но в основном это была вина штурмбанфюрера за стойкой, который к тому же нагло надел наушники и включил старую синти-чужь с такой громкостью, что она даже отчасти слышала текст.

Why kill time when you can kill yourself... [26]

Она не знала, из-за этой мелодии, усталости или всей ситуации, но в ней что-то оборвалось, и, словно это была не она, а кто-то совершенно другой, Дуня увидела, как хватается провод наушников, и те падают на пол.

– Эй, какого черта... Ты знаешь, сколько эти наушники...

– Нет, но я знаю, что ты меня так огорчил, что мне так и хочется их расколошматить. А еще я знаю, что не уйду отсюда, пока ты не извинишься и не поможешь мне.

– Дуня, может, лучше поедem домой, – предложил Магнус, подойдя к рецепции и положив руку ей на плечо. – Уже поздно.

– Магнус, если ты думаешь, что я собираюсь позволить этому мини-Гитлеру решать, что мне можно, а что нельзя, ты ошибаешься.

– Но Дуня, мы...

– Поезжай, если ты так хочешь. Я, во всяком случае, собираюсь здесь оставаться до тех пор, пока он не извинится и не поможет мне.

– Тогда могу поставить господ в известность, что через десять минут мы закрываем рецепцию.

– И что ты тогда сделаешь? Вышвырнешь нас на улицу?

Рецепционист устало посмотрел на Дуню.

– Ты что, действительно думаешь, что можешь справиться с нами обоими? У тебя, наверное, есть хлыст или что-то в этом роде.

– Неужели, Дуня! Привет!

Все трое повернулись к Фабиану, который выходил из лифта. Он подошел к Дуне и обнял ее.

– Что ты здесь делаешь? Почему ты не позвонила?

– Хороший вопрос. Почему бы не задать его этому гестаповцу. Он считает, что это очень плохая идея.

– Ведь Тувессон сказала, что вас не...

– Флориан, – Фабиан повернулся к рецепционисту. – Это Дуня Хоугор из датской полиции. Ее ты всегда пропускаешь, о'кей!

– Да, но ведь Тувессон сказала...

– Не играет никакой роли, что говорит она или кто-то другой. Если Дуня придет сюда и попросит помощи, мы ей поможем, даже если ей надо почистить сапоги. Вот и все. – Фабиан повернулся к Дуне. – Что случилось?

– Мы с моим коллегой Магнусом здесь по делу, но не совсем официально, и нам надо узнать, кто проживает по нескольким адресам. На самом деле недалеко от тебя.

– Конечно. Никаких проблем. Пойдемте, – сказал Фабиан и повел их к

лифту.

И хотя она знала, что не надо этого делать и что ей это так или иначе отойдет, входя в лифт, она не могла не улыбнуться рецепционисту презрительной улыбкой.

Фабиан вошел последним и только собрался нажать на кнопку верхнего этажа, как зазвонил его мобильный. Он достал телефон и увидел, что это Утес.

– Привет, я немного занят. Я могу перезвонить?

– *К сожалению, нет. Я не могу найти Тувессон, а у меня срочное дело.*

«Неужели это никогда не кончится», – подумал Фабиан и сделал еще одну безуспешную попытку связаться с Тувессон, пока изучал находки из могилы, разложенные на раскрытом столе. Пара больших красных наушников лежала рядом с сине-серой кроссовкой «Асикс» 36-го размера. Внизу лежал оторванный палец, темный от гниения и украшенный золотым кольцом с печаткой.

Сколько всего жертв похоронено в собственных садах? Он выпрямил спину и посмотрел, как копают большую яму на лужайке за домом Юхана Халена. Могилы с новыми телами и новыми вопросами. Преступник действительно схвачен, и у них есть свидетель, который смог его опознать. И, тем не менее, казалось, что они ищут горизонт.

По словам Утеса, Муландер и его люди работают вот уже почти три часа. Хозяин дома полностью вышел из себя, когда они прибыли со своим оборудованием и начали ставить оцепление и вскапывать лопатами его красивую лужайку. Он попытался остановить их и опять потребовал документ, где бы черным по белому было написано, что они могут уничтожать его сад. Если бы не пришедшие на ужин гости, им, вероятно, пришлось бы задержать мужчину.

– О'кей, а теперь я хочу знать, кто на самом деле отвечает за это.

Фабиан повернулся к хозяину, который опять зашел за оцепление. Судя по его взгляду, он выпил как минимум несколько бутылок пива и бутылку вина.

– Я, – сказал он, чтобы облегчить участь Утеса, который до этого находился под прицелом мужчины.

– Тогда вы, может быть, объясните мне, что тут происходит. – Мужчина кивнул на яму и на большую кучу земли рядом.

– Я понимаю, что вы в шоке и у вас масса вопросов. Но вы должны относиться с уважением к тому, что мы находимся в самом разгаре сложного расследования дела об убийстве и не можем...

– Я хочу, чтобы вы рассказали мне, кто заплатит за восстановление вот этого!

– Во-первых, – сказал Фабиан и сделал шаг к мужчине, – вы не имеете права находиться внутри оцепления. Так что теперь я хочу, чтобы вы зашли за другую сторону ленты.

– Право? Что вы несете? Это же, черт возьми, моя земля!

– Нет, это место преступления.

Мужчина собирался что-то сказать, но передумал и вышел из-за оцепления.

– Спасибо. Во-вторых, вопросы здесь задаю я и мои коллеги. Ваша единственная задача – отвечать и всеми мыслимыми способами оказывать нам всевозможную помощь, пока мы здесь.

– Вот что. Если вы думаете, что можете просто... – Мужчина замолчал и посмотрел мимо Фабиана, который в свою очередь обернулся и увидел Муландера. Обнимая оторванную руку, тот по лестнице вылезал из ямы в защитной одежде, покрывающей все тело.

– Фабиан, не принесешь камеру вон из той сумки? – Муландер осторожно положил руку на стол рядом с другими находками. – Пора делать снимки.

Фабиан кивнул, подошел к металлической сумке, открыл ее и достал камеру из отделения.

– Нет, оставайся на месте! – закричал Утес за его спиной.

Фабиан обернулся, но слишком поздно – он не успел помешать мужчине разорвать ленту оцепления и подойти к краю ямы.

– О боже... Что это? Что это такое? Отвечайте же, черт возьми!

Фабиан быстро подошел к мужчине, чтобы оттащить его от края. Но когда сам увидел на дне ямы тела, был совершенно ошарашен. Он увидел три трупа – мужчины, который лежал в рваном мешке, и двух женщин, выброшенных на помойку как мусор.

У женщины в спортивной одежде не хватало частей левой ноги. У мужчины была вывернута голова, а челюсть висела на груди. И повсюду толстый слой белых трупных червей, которые изгрызли жертвы до неузнаваемости.

Но не это вывело Фабиана из равновесия, а женщина, лежавшая в самой дальней части ямы слева и почти вся засыпанная землей. Ее лицо было также покрыто кишащей белой массой, но ему не нужно было видеть его, чтобы понять, кто это. Хватало яркой одежды, сникерсов и светлых дредов, собранных вместе толстой резинкой для волос. И, конечно, наушников.

Муландер, Утес и остальные повернулись к нему с вопросительными выражениями на лицах. Он видел, как шевелятся их губы, спрашивая, почему он стоит, не отводя глаз, словно первый раз видит мертвое тело. Но он не мог ответить. Пока не мог.

Его мозг и весь его организм отключились, и надо снова включить их, чтобы начать сначала и воссоздать две недавние встречи с девушкой.

Сначала у Криса Дауна, а потом в СИЗО на очной ставке. Мысленно прослушать их разговоры. Слово за словом. Слог за слогом.

Все с целью понять.

Что женщина в могиле – Дина Ди.

Что они имеют дело не с одним, а с двумя преступниками.

Почти двадцать минут датская женщина-полицейский упрямо стояла у входной двери и ждала, что они подойдут и откроют. Двадцать бесконечных минут. Им с Александрой оставалось только ждать, что она устанет и вернется в машину, где сидел другой полицейский.

Но, к сожалению, женщина не пошла обратно к машине, а направилась по лужайке вокруг дома до фасада, где поднялась на террасу и заглянула прямо в гостиную. Им пришлось броситься на пол и спрятаться за диваном. Они могли только надеяться, что полицейская их не увидела. Они лежали и буквально дрожали от страха, пока, наконец, не услышали, как машина завелась и отъехала.

И только через четверть часа они осмелились встать. Теодор пошел прямо на кухню, нашел кухонный топор и разрубил проклятый мобильный на разделочной доске на множество маленьких острых пластмассовых кусочков. Они собрали их веником и положили в полиэтиленовый пакет, который вынесли.

Когда они шли по улице Юхана Банера вниз по склону к воде, им почудилось, будто они провозят через таможенную полкилограмма наркотиков. Пакет с пластмассовыми обломками выпирал из его куртки как чумная гнойная опухоль, а каждый встречный казался им засланным полицаем в штатском, готовым в любую минуту схватить их.

Дойдя до моря, они забрались на пирс и вышли на валуны в поисках расселины, чтобы выбросить содержимое пакета и избавиться от него. Но везде загорали люди, наслаждаясь последними лучами вечернего солнца, и одна только мысль вынуть пакет казалась труднее, чем броситься в воду, доплыть до залива и заплывать так далеко, сколько хватит сил, а потом наполнить легкие водой и опуститься с пакетом на дно.

И только у большого открытого кафе в Грёнинге они набрались смелости и по частям выбросили содержимое пакета в несколько корзин для бумажного мусора, а потом направились в гавань для малых судов, где радостные владельцы мыли, чистили и красили днища своих лодок, словно впереди всех ждало самое лучшее лето и самое светлое будущее.

В каком-то смысле этот оптимизм заразил их, и на другой стороне моста Квикбрун в Северной гавани Александра предложила перекусить. Как раз освободился столик на солнце, и у них возникло ощущение, что перед ними опять расстелили красную дорожку.

Они заказали по капучино и съели один на двоих яблочный пай с ванильным соусом. Глядя друг другу в глаза, они решили никогда не смотреть назад и не говорить о событиях последних суток.

И тут он позвонил. Они только успели открыть забрака и начали думать, что, может быть, у них все-таки есть будущее, как он вернул их обратно к действительности. Александра уставилась на мобильный, словно он был заражен смертельной заразой, и Теодор ответил.

– Вот как, это не наша горлица, – сказал Хенрик. Теодор велел ему никогда им больше не звонить. – Ага, ты видел ролик. Я подозревал это. Хорошо получилось? – Тогда он рассказал о датской полицейской и о том, что мобильный с роликом уничтожен и навсегда исчез. На другом конце провода воцарилась тишина. Такая тишина, что ему показалось, что Хенрик положил трубку и, может быть, все же оставит их в покое.

– Нам надо увидеться.

Хотя он больше всего хотел проигнорировать эти три слова и послать Хенрика к черту, сейчас они сидели в пропахшем потом бойцовском клубе и смотрели друг на друга так, будто живым отсюда уйдет лишь кто-то один из них. Главное взгляд, он научился этому еще в средних классах. Стоит отвести глаза, и ты безнадежно пропал. Александра сидела слева от него и, чтобы показать, на чьей она стороне, взяла Теодора за руку.

– Вы только посмотрите, как трогательно они держатся за ручки, – сказал Хенрик, и два его спутника сразу же начали ухмыляться. – Вам точно не нужна соска? А, может быть, и пеленка, чтобы не наделать в штаны. – Еще ухмылки.

– Скажи, когда закончишь, и, может быть, начнешь говорить о том, ради чего мы здесь, – сказал Теодор и еще сильнее сжал Александре руку.

– Ради чего мы здесь, – повторил Хенрик. – Хм... Хороший вопрос. Ты хочешь узнать? Ты хочешь узнать, почему мы сидим здесь, а не лежим дома и смотрим порнуху? Да потому что вы такие гребано отсталые, что едете домой с включенным мобильником.

– Значит, это мы тронутые? А не вы, которые заставляют ни в чем не повинного человека залезть в тележку и выталкивают его на трассу. Какая мерзость.

Хенрик расплылся в улыбке и засмеялся.

– Не знаю, видно ли это в ролике, но когда до него дошло, он, по крайней мере, выглядел вот так. – Он раскрыл рот, вытаращил глаза и протянул своим приятелям пятерню. – А потом только бум! Чисто сработано!

– Да ты больной на всю голову. Ты это понимаешь? Или это выше

твоего понимания? Сколько человек ты убил на самом деле?

– Ни одного. – Хенрик опять встретился с Теодором взглядом. – Я бы скорее назвал их тараканами или крысами. И хотя никто не скажет это вслух, уверяю: большинство соглашаются со мной и считают, что это здорово, когда кто-то, наконец, занялся чисткой. Ну, ты знаешь, когда избавляются от вшей. Кто бы этого не хотел? Ты себе не представляешь, как от них воняет. Как от чертового слива, полного говна. Вот где мерзость. Нет, в следующий раз надену противогаз. А вы что скажете?

Остальные ухмыльнулись и кивнули.

– Следующего раза не будет, – сказал Теодор. – Все кончено.

– Да что ты об этом знаешь? Пойдешь к папаше и настучишь?

– Если я еще раз услышу о бездомном, с которым что-то случилось, может быть, именно так я и сделаю. – Он встал и проследил, чтобы Александра тоже встала. – И еще: если ты или Бивис с Баттхедом только посмотрите в нашу сторону, сомневаться не буду.

– А твоя маленькая горлица. Что ты собираешься с ней сделать?

– Она держала мобильный и снимала. Это плохо, но она готова понести наказание.

– О боже, как красиво. – Хенрик захлопал в ладоши. – Сейчас заплачу. Просто должен спросить из чистого любопытства. Почему ты так уверен, что она только снимала?

Теодор передумал в ту же секунду, как повернулся к ней.

– Смотрите, он об этом даже не подумал. – Хенрик встал. – Давайте ради дела скажем, что она говорит правду. Но почему ты считаешь, что полиция будет такой же наивной и станет думать одним местом? Мы всегда в масках, так что у каждого своя правда. И кстати. Где доказательства, что ты ни при чем? – Он подошел к Теодору и указательным пальцем ткнул его в грудь. – Вчера меня вообще не было в Дании. Я ходил в кино на Мстителей. – Он достал из кармана порванный билет и поднес его к лицу Теодору. – А учитывая, какого говна ты нахлебался, скорее поверят, что это ты стоишь за всем тем безумием, о котором пишут в газетах, а не кто-то из нас. О чем уже знает датская полиция.

Теодору хотелось сказать что-нибудь убийственное и хлесткое, что опрокинет аргументы Хенрика и покажет, что ему совершенно не о чем беспокоиться. Но не получилось.

– И Александра, – продолжил Хенрик. – Меня это не касается, но насколько я вижу, на тебе нет твоей очаровательной золотой подвески. Я действительно надеюсь, что ты ее не потеряла. Тогда господин будет очень огорчен, если я его хорошо знаю. И давайте держать кулачки, что

кулон не валяется где-нибудь на дороге. Я хочу сказать, кто знает, какие выводы может сделать полиция, если найдет на нем твои отпечатки пальцев?

Хенрик был прав. Как бы то ни было, ему оставалось только констатировать, что Хенрик прав.

От осознания того, что они имеют дело не с многоликим преступником-одиночкой, а с двумя преступниками, мужчиной и женщиной, сникла вся команда. Тот факт, что есть еще одна преступница, которая находится на свободе и к тому же настолько хладнокровна, что без проблем идет прямо в СИЗО, притворившись Диной Ди, и показывает не на того человека на очной ставке, выбил почву у них из-под ног. Фабиан не видел никакой другой возможности, кроме как дать Тувессон сдержать свое обещание и позволить им ночью отдохнуть.

Сам он все еще находился в шоке. Он понял это, когда по дороге домой заехал в магазин Ика Курир, чтобы купить продукты для тако на ужин, но стал метаться по магазину, начисто забыв, какие туда входят ингредиенты.

Но когда он, держа пакет с продуктами, пришел домой, к его удивлению там уже пахло только что приготовленной едой, а из стерео звучала композиция *Металлы* певицы Файст. Словно Бог не мог не вмешаться – в ту секунду, когда Фабиан закрыл за собой дверь, раздались первые ноты «Горько-сладких мелодий».

– Привет, – Соня издали улыбнулась ему. – Ты пришел как раз вовремя. Ужин готов. – Она открыла крышку духовки, достала оттуда лазанью, от которой шел пар, и поставила ее посередине накрытого стола.

Никто так не готовил лазанью, как Соня. У нее было свое тайное сочетание приправ, и он не мог вспомнить, когда последний раз вдыхал этот характерный запах, который, не спрашивая разрешения, перенес его в другое время. В другую жизнь, где они по-настоящему были вместе. Тогда они вместе ужинали, смеялись и делились своими бедами за еще одной бутылкой вина.

– Привет, – ответил Фабиан, одновременно пытаясь понять, в чем собственно дело. Ее не было дома с субботы, а теперь она всю хозяйничала на кухне и к тому же приготовила свою лазанью первый раз за несколько лет.

– Я думал, что ты у этого Алекса Уайта.

Ясно, что что-то не так.

– Там я тоже была, но это не то, что ты думаешь. Он был в Лос-Анджелесе, а я работала практически день и ночь. Посмотри, все почти готово. – Жена показала ему фото в мобильном – прямоугольный деревянный ящик высотой в несколько метров стоял на опорах посреди

большого выставочного зала в доме Уайта. – Остается только наружная отделка, и его можно вешать. Правда, красиво?

Фабиан кивнул. Он не мог не согласиться. И размеры, и форма действительно впечатляли. Это полностью отличалось от всех ее предыдущих работ. К тому же Соня сделала все за рекордно короткое время, словно после долгих лет наконец вскрыла код собственной творческой энергии. Может быть, поэтому у нее хорошее настроение.

– Но я также успела о многом подумать, – продолжила Соня и взяла обратно мобильный. – Пойди позови детей. Сейчас будем ужинать.

Фабиан кивнул и достал телефон, чтобы послать смс, но потом решил подняться к ним. На самом деле ему хотелось спросить Соню, думала ли она о них и к чему пришла. Остается ли она с ним, или все кончено.

Поднимаясь наверх, он столкнулся с Матильдой, которая так сильно накрасилась, будто собралась в Копенгаген на угол улицы Истедгаде. Он повернулся, чтобы что-то сказать, но дочь уже спустилась вниз, стуча каблучками, и прошла на кухню.

Из комнаты Теодора лилась та же музыка судного дня, которую сын обычно слушал в предыдущие годы, когда ему было совсем плохо. Как Фабиан и ожидал, он лежал на кровати, уставившись в потолок.

– Теодор, сейчас будем есть. Ужин готов.

– Я не голоден.

Фабиан подошел к стерео и сделал тише.

– Что-то случилось?

– Нет, просто не очень хочу есть.

– Точно?

– Тебя это напрягает?

– Не знаю. – Фабиан сел на край кровати. – А должно?

Теодор закатил глаза, ничуть не скрывая, что готов сделать все что угодно, только бы у него был новый отец.

– Послушай, – продолжил Фабиан, – я же вижу, что что-то случилось. Если не хочешь рассказывать, не надо. Видит бог, я тоже не хотел рассказывать моим родителям. Но знай, что ты всегда можешь прийти к...

– Эй вы там, наверху! Где вы есть? – прокричала Соня с нижнего этажа.

– Послушай... Ты как минимум можешь составить нам компанию. Пойдем.

Лазанья была такой же вкусной, как и раньше, а благодаря итальянскому вину, на которое не поскупилась Соня, последний поворот в расследовании отступил на задний план. Даже Теодор положил себе

немного, хотя был бледен, как никогда, и в основном сидел, уткнувшись носом в тарелку.

– Тео, что с тобой? – через какое-то время спросила Соня. – Что-то случилось?

– Черт, что вы никак не заткнетесь. Я же сказал: все спокойно.

– Попрошу не выражаться, – Фабиан поднял палец в знак предупреждения.

– У него несчастная любовь, – сказала Матильда с набитым ртом. – Это видно издалека.

– Да что ты в этом понимаешь? – спросил Теодор.

– Мы с Эсмаральдой вчера говорили об этом с Гретой, и она сказала, что ты поссорился со своей девушкой.

Теодор так резко встал, что опрокинул свой стул.

– Ты ни черта не знаешь, о'кей? Ты понятия ни о чем не имеешь.

– Но Тео, – вмешалась Соня. – Ты не слышал, что сказал папа? В этом доме мы друг с другом так не разговариваем.

– Нет, и поэтому с этой минуты я не скажу ни слова. – Теодор скрылся на лестнице, и скоро раздались отдаленные такты музыки.

– Боже, что с ним? – Соня покачала головой. – Ничего не понимаю. Совсем недавно он был в прекрасном настроении.

– Тогда он был влюблен и счастлив, – сказала Матильда и допила свое молоко.

– А сейчас? Влюблен и несчастлив?

Матильда пожала плечами.

– Не знаю. Если хочешь, могу спросить Грету.

– А кто это? Привидение, о котором ты все время говоришь? – спросил Фабиан.

– Мы называем их не привидениями, а духовными сущностями.

– О'кей, но мне не нравится, что ты этим занимаешься. Я считаю, ты должна с этим кончать.

– Это почему? Ты же все равно в это не веришь?

– Нет, но будет лучше, если ты прекратишь.

– Должна сказать, что я согласна с папой, – сказала Соня, подливая себе вина.

– Ой, вы вдруг стали во всем заодно. Вы что, опять влюбились друг в друга или что-то еще?

– Не разговаривай с мамой таким тоном. Это относится к тебе в той же степени, что и к Теодору, – сказал Фабиан и убрал свой бессмысленный палец. – И потом хотелось бы узнать, почему ты так сильно покрасилась.

– Что, ты и на это будешь сейчас жаловаться?
– Матильда, тебе тринадцать лет.
– И? Я становлюсь женщиной, если ты этого не понял.
– Понял, но, во всяком случае, я еще не готов стать дедушкой. Так что почему бы не...

– Не беспокойся, я знаю, как предохраняться, – перебила его Матильда и встала из-за стола, не поблагодарив за еду и не убрав свою тарелку.

И только когда сквозь звуки музыки Теодора они услышали, как со всей силой хлопнула дверь в комнату дочери, он выдохнул и покачал головой.

– Ничего себе. – Он поднял бокал и посмотрел на Соню. – А я надеялся, что с ней будет проще.

– А кто не надеялся? – сказала Соня и тоже подняла бокал.

– Не намного проще, но хотя бы достаточно просто, чтобы выжить. Это же не такое большое требование? – Он выпил вина и увидел, как Соня засмеялась и покачала головой в знак согласия. Первый раз за долгое время ему показалось, что они сидят в одной лодке. – Ты сказала, что успела подумать.

Соня кивнула и наполнила их бокалы.

– Да, по-моему, очень хорошо, что я провела эти дни одна и успела кое-что осмыслить.

– Это никогда не бывает лишним. – Фабиан поднялся и пошел за новой бутылкой вина.

– Для начала хочу попросить прощение за то, что в прошлую пятницу я вела себя как сволочь.

– Выбрось это из головы, – сказал Фабиан и стал откупоривать вторую бутылку. – Я ничего хорошего не заслужил.

– Нет, именно что заслужил. И об этом я хочу поговорить. – Жена встретилась с ним взглядом, и он снова сел, не выпуская бутылки и не понимая, куда она клонит. – Фабиан. Я думаю, нам лучше развестись по-настоящему.

Жанетта Даун не любила больницы. Она никогда их не любила. Белые халаты, длинные коридоры и этот специфический запах казался ей сочетанием смерти и слишком сильных чистящих средств. От этого ей хотелось повернуться в дверях и уйти оттуда.

Последние роды прошли ужасно. Суне лежал неправильно, лицом вверх, и вышел лишь спустя сорок восемь адских часов. Она потеряла так много крови, что, наверное, это походило на съемки ремейка фильма «Ребенок Розмари». Просто чудо, что она вообще выжила.

А теперь она снова попала сюда. Правда, ей с мальчиками выделили отдельную палату с ванной. Но здесь были те же депрессивные лампы дневного света на потолке и те же белые халаты, которые заходили, когда надо и не надо.

Жанетта не могла понять, почему нельзя сделать палаты чуточку уютнее. Больше всего ей хотелось переселиться с мальчиками в «Гранд отель». В середине недели большой номер люкс почти всегда пустовал. Но нет, главный врач, естественно, воспротивился и настоял на том, чтобы они остались для наблюдения как минимум на трое суток.

Только после сильного давления полиции он согласился отпустить ее в СИЗО для опознания преступника. Но ей было тяжело. Гораздо тяжелее, чем она могла предположить. После этого она чувствовала себя как выжатый лимон, и больше всего ей хотелось лечь и снять с себя всю ответственность.

Они сказали, что у нее по-прежнему шок. Она ощущала только одну большую сплошную усталость, как после путешествия с опозданиями, улетевшими без нее самолетами и тусклыми светильниками в залах ожидания с неудобными стульями. Она была никакая, и вопрос заключался в том, сможет ли она выбраться из ванной и лечь спать.

Тот факт, что у нее убили мужа, на удивление не вызывал у нее особых эмоций. И не потому, что она его не любила, она его действительно любила. Конечно, между ними случались ссоры, как и у большинства, но он вне всякой конкуренции был самым важным человеком в ее жизни.

Но теперь его больше нет, и она почти ничего не чувствовала по этому поводу.

Это скорее походило на сухую констатацию факта. Как известие о том, что снега на Рождество не будет. Немного грустно, но на этом не надо

заикливаться. Если такая реакция вызвана тем, что она по-прежнему в шоке, то что с ней будет, когда шок пройдет? Хочет ли она этого?

А может быть, лекарства, которые она непрерывно принимает, слишком сильные? Смысл в том, чтобы сгладить остроту ситуации. Но вместо этого они отключали ее от всего. Кроме тех моментов, когда она думала о мальчиках. С ними было по-другому. Она могла по-прежнему испытывать беспокойство по поводу того, что с ними будет.

Пока они совершенно ничего не знают, и она не представляла себе, сколько сможет ждать. И как надо сказать детям о том, что они никогда больше не увидят своего отца? Что кто-то отнял у него жизнь таким страшным хладнокровным образом. Возможно ли это вообще?

Сейчас дети лежали в кроватях каждый со своим планшетником и в наушниках смотрели кино. Она даже слышала, как Виктор время от времени смеется. Он всегда смеялся, когда смотрел «Крысиные бега», хотя видел фильм бесчисленное количество раз.

Но это только временное спокойствие, она это знала. Сколько бы она ни наслаждалась горячей ванной и лекарствами, рано или поздно на них накатится страшная тоска.

В предбаннике открылась дверь, и в палату вошла сестра с тележкой. Виктор и Суне подняли глаза от своих планшетников.

– Привет, как вас зовут? – спросил Виктор, снимая наушники.

– Привет, привет. Меня зовут Йенни, и я буду дежурить в вашем отделении всю ночь. Я просто хотела заглянуть к вам и проверить, все ли в порядке.

– Вы смотрели «Крысиные бега»?

– По-моему, нет. А это хороший фильм?

Виктор кивнул.

– Знаете, один из них может заснуть в любую минуту. Бежать, остановиться и захрапеть. А другой, он... он висит на веревке от воздушного шара, которая развеивается над полем, где полным-полном коровок, и он влетает в одну коровку за другой. – Виктор рассмеялся.

– Ой. Да, звучит очень увлекательно, – сказала медсестра, одновременно наливая воду в две пластмассовые кружки.

– Как вас зовут? – Теперь наушники снял Суне.

– Йенни, – ответила женщина и подошла к их кроватям с кружками. –

А теперь вам надо принять лекарство.

– У вас есть собака?

– Нет. – Она дала каждому кружку с водой.

– А почему?

– У меня аллергия на шерсть. Иначе бы у меня было несколько собак.
– У моего папы тоже аллергия, – сказал Виктор. – Если он съест орешек, его лицо становится совсем красным, и его рвет.

– Если вы не будете есть собаку, может быть, все будет хорошо? – спросил Суне.

– Да, может быть, – рассмеялась медсестра.

– Знаете, один раз, когда я ел горох, меня вырвало, – сказал Виктор. – Так противно.

– Да, не очень-то приятно. Но послушайте, скоро пора ложиться спать. Так что если хотите еще немного посмотреть фильм, сделайте это сейчас. – Она помогла им надеть наушники, прибавила громкость и пошла в ванную.

– Привет, привет... Как дела?

Жанетта как раз засыпала, когда медсестра заглянула в ванную. Но она слишком устала, чтобы отвечать, и надеялась, что хватит маленького кивка, и ее оставят в покое. Но если бы все было так просто.

– Меня зовут Йенни, – продолжила улыбающаяся медсестра, которая не ушла, а подошла к раковине и налила в кружку воду. – Я буду дежурить в отделении всю ночь. Если что-то понадобится, просто нажмите на тревожную кнопку. О'кей?

Жанетта опять кивнула.

– Хорошо. Тогда осталось только принять лекарство на ночь. – Женщина подошла к краю ванны. – Наверное, легче всего будет, если вы откроете рот и я дам вам таблетки.

На самом деле, Жанетта не могла понять, зачем ей еще больше наркоза. Разве они не накачали ее достаточным количеством химикалий? С другой стороны, она была совсем не против того освобождающего от ответственности тумана, в котором плыла. По ней пусть так будет всегда. Поэтому она послушалась Йенни и почти сразу же почувствовала, что это лекарство сильнее. Значительно сильнее. Но впереди была целая ночь, наверняка поэтому.

Медсестра еще раз улыбнулась, повернулась в Жанетте спиной и вышла из двери, не сказав ни слова. Но у нее не было сил волноваться. Люди теперь пошли такие странные. Словно все правила отменили, но это никого не трогает. Взять хотя бы велосипедистов, ей никогда они не нравились. Думают, что улицы принадлежат им...

Почему сестра опять вошла? Она что-то забыла? И снова эта фальшивая улыбка. Жанетта может держать пари, что медсестра – велосипедист. Это видно за версту. Но почему она села на край ванны? Почему она никак не может оставить ее в покое? Ей будут мерить

давление? Поэтому она вынула ее руку из воды?

Но медсестра вовсе не собиралась мерить ей давление. Она хотела добраться до самой мощной вены на внутренней стороне запястья Жанетты. Найдя эту вену, она вонзила скальпель в тонкую кожу и сделала довольно длинный надрез, после чего в воду, от которой шел пар, потекла кровь.

Жанетта вздрогнула от боли и пробормотала что-то несвязное о велосипедистах, но у нее совершенно не было сил оказать сопротивление, когда медсестра подняла ее вторую руку и сделала на ней похожий надрез. Вода быстро окрасилась в розовый цвет, и Жанетта закрыла глаза и отклонилась назад, словно под воздействием всего этого наркоза поняла, что бороться бессмысленно.

В палате два мальчика уже спали крепким сном, и медсестра смогла спокойно снять с них наушники, выключить и отложить в сторону их планшетники, подоткнуть мальчикам одеяла и выйти из палаты.

Когда Фабиан вошел в совещательную комнату, мысленно он все еще находился дома в таун-хаусе на улице Польшёгатан и был полностью занят тем, что пытался воспринять слова Сони о разводе. На самом деле это совсем не явилось для него неожиданностью. Если оглянутся назад, последние четыре-пять лет они прямой дорогой шли именно к такому перепутью.

И, тем не менее, он не мог по-настоящему осознать это. В каком-то смысле ему все еще казалось, что речь идет не о них, а о ком-то другом. Они же обещали друг другу, перед друзьями и родственниками, что, чтобы ни случилось, их двое. Что как бы тяжело и трудно ни было, они все преодолеют. Конечно, он и сам думал о разводе, и не один раз, но никогда не считал это возможной альтернативой.

Утес и Лилья полным ходом перемещали все записи и фото на доске во всю стену. Они повесили новые фотографии из тайной комнаты насилия в подвале Халена и из могилы в его саду. Фото преступницы, когда она выдавала себя за Дину Ди, поместили под коллекцией фотографий различных альтер эго преступника.

Теперь на одной большой линейке времени в обратном порядке были отмечены известные им даты. От смерти Жанетты Даун этой ночью до смерти Криса Дауна и инсценированного утопления Петера Брисе на прошлой неделе, а оттуда до настоящей смерти Брисе два месяца назад и остальных предшествующих событий вплоть до смерти Халена полтора года тому назад.

Фабиан попытался обозреть всю информацию. Всех новых жертв, которые лежали в ряд. Преступницу, которая только что убила их единственного свидетеля и, похоже, так же чудовищно хорошо входила в роль, как и мужчина, с которым была в заговоре. Но у него ничего не получилось.

– А как же дети? – спросил он, пытаясь сформулировать. – Мы же должны... ради Тео.

– Фабиан, – ответила Соня, и ни один мускул у нее не дрогнул. – Через несколько недель будет два года, и мне с трудом верится, что он чувствует себя намного лучше от того, что мы продолжаем жить в этой лжи.

Он помнил каждое слово, будто оно высечено в камне. Значит, вот что осталось от их обещания. *Ложь*. Тонкая кулиса, которая отделяла их

неудачные попытки создать уют и атмосферу любви от черной как смоль пропасти на другой стороне.

– Эй? Ты не спишь?

Только сейчас Фабиан заметил, что перед ним стоит Утес и машет.

– Извини, я... Что ты сказал?

– Ты что-нибудь слышал о Тувессон?

Фабиан покачал головой, словно вообще об этом не думал, хотя на самом деле по дороге в полицию пытался дозвониться ей и на мобильный, и на домашний.

– Мы звонили ей всю первую половину дня, и только что я говорил с Косой, который тоже пытался с ней связаться, – продолжил Утес. – Кстати, он закончил вскрытие Хуго.

– И?

– Ты знаешь, каким он может быть. Он на самом деле хотел поговорить с Тувессон, но, насколько я понял, нет сомнения в том, что Эльвин кончил жизнь самоубийством, если кто-то вообразил что-то другое.

Самоубийство... Фабиан попробовал это слово на вкус. Вывод сделал Коса, чья безошибочность стала его визитной карточкой. Но он ошибся в отношении смерти Халена. Насколько велик риск, что он опять сделал неправильный вывод?

– Никто по-прежнему ничего не слышал, когда будут похороны? – спросил он, пытаясь выйти из тупика. Коллеги покачали головами. – Тогда предлагаю начать без Тувессон.

– О'кей, – сказала Лилья. – Вот как мы рассуждали с Утесом. Муландер сейчас в больнице и днем с огнем ищет возможные следы.

– Которые он, вероятно, не найдет, поскольку преступница, как мы теперь будем ее называть, судя по всему, по меньшей мере такая же предусмотрительная и хитроумная, как и преступник, – заметил Утес.

– Так что чисто теоретически есть риск, что смерть Жанетты Даун отнесут к разряду самоубийств, – сказал Фабиан.

– Зависит от того, что скажут двое мальчиков, когда у нас будет шанс опросить их. Вполне возможно, что они что-то видели и могут сообщить приметы.

– Вы посмотрели ролики с камеры наблюдения?

– Мы сделали запрос и получим их в течение дня. Но смею утверждать, что шанс, что мы что-то найдем, минимален. Вот эти двое, – Лилья подошла к доске и показала фото преступников. – Они точно знают, что делают, и как им себя вести, чтобы нам было не за что зацепиться.

– Взять хотя бы преступника, – продолжил Утес. – Он сидит у нас под

стражей целых двое суток, но мы по-прежнему даже приблизительно не можем его опознать. Его лицо, отпечатки пальцев, зубная карта и т. д. Ни в одном реестре ничего нет. Словно на самом деле его не существует.

– Мы подозреваем, что с преступницей будет то же самое, – сказала Лилья. – Последние сутки мы потратили массу сил, чтобы найти ее, а нам следовало бы поискать в прошлом. – Она повернулась к линейке времени, которая тянулась через доски во всю стену. – И вернуться назад туда, где все когда-то началось. Есть надежда, что тогда преступники не были такими ловкими и не так хорошо заматали следы.

Фабиан не мог не согласиться.

– О'кей, давай посмотрим, к чему это нас может привести, – сказал он и подошел к фото вырытых трупов.

Они насчитали шесть трупов. Семь, считая овчарку.

В саду Халена они откопали двух женщин и одного мужчину. Три человека, которые вроде бы не имели друг к другу никакого отношения, но разделили одну судьбу, поскольку кое-что увидели, – Сони Викхольм, Пер Кранс и Гуннар Фрелин из могилы у Дауна. – У кого-то из них были при себе удостоверения личности?

– Нет, но как ты и думал, похоже, это Диана Давидссон. – Утес ткнул пальцем в фото, где лежала девушка в яркой одежде в стиле хип-хоп и с длинными дредами. – Она потеряла всю свою семью в цунами 2004 г., и, похоже, с тех пор все больше отдалялась от окружающего мира. Иными словами, прекрасные персональные данные, если хочешь иметь прикрытие.

– Коса упомянул, когда она умерла?

– Думаю, что он еще не успел к ней приступить. На вскидку полтора года назад, когда вырыли могилу. Что само по себе удивительно, поскольку они использовали ее персональные данные только сейчас в связи с Крисом Дуаном. Но давайте перейдем вот к этой женщине, поскольку, во всяком случае, с ней Коса закончил. – Утес показал пальцем на рыжую женщину в спортивной одежде и без ноги. – Ее зовут Марианна Вестер, она бесследно исчезла во время пробежки 23 ноября 2010 г. А теперь слушайте самое главное: она работала персональным банковским менеджером в Скандинавском отдельном банке в Хёганесе, то есть именно в том отделении, которым пользовался Юхан Хален.

Вот как все взаимосвязано, подумал Фабиан. Как персональный менеджер Халена женщина должна была понять, что что-то не так. Может быть, она заметила, что на фото на новых водительских правах не Хален, и стала чинить препятствия. И чтобы не повторять ту же ошибку с Петером Брисе, преступник начал с того, что поменял отделение банка.

– У нее была семья?

– Кристоффер и Мейя. Муж и дочь, – ответила Лилья. – Газеты очень много писали об их безнадежных поисках мамы. Так что нам надо связаться с ними и все рассказать.

– Нам? – удивился Утес. – Разве этим делом не занималась полиция Хёганеса? Ведь это они вели следствие.

– Я бы тоже хотел с ними встретиться, – сказал Фабиан. – Может быть, у них есть какие-то сведения, которые подойдут к нашему пазлу.

Лилья кивнула и пометила в блокноте.

– Мы готовы и можем продолжать? – спросил Утес и, дождавшись кивка Фабиана, показал пальцем на двух женщин-жертв. – Я далеко не эксперт, но смею утверждать, что, похоже, тела этих двоих разлагались одинаковое количество времени. Что скажешь?

Фабиан подошел, чтобы посмотреть, и кивнул.

– А вот он, – Утес показал на мужчину, одетого в коричневые вельветовые брюки, рубашку и пиджак, – похоже, умер как минимум на полгода раньше.

Утес прав. На правой руке, торчащей из пиджака, не хватало не только безымянного пальца, но и части кожи. То же самое с черепом с тонкими волосами и лицом, которое трупные черви в нескольких местах проели до скелета.

– По-моему, он, так или иначе, отличается от остальных.

– Ты хочешь сказать, помимо того, что он умер раньше.

Утес кивнул.

– Точно как разносчица газет Сони Викхольм, он был упакован в двойной мешок для трупов, и, может быть, с ним произошло то же самое.

– Что именно?

Утес вздохнул.

– Сони Викхольм лежала не в той могиле, не так ли? Она не имела никакого отношения к Крису Дауну, и, тем не менее, мы нашли ее там. Наверное, ее не положили в могилу в саду Халена по той причине, что они уже успели заполнить и закрыть могилу, а женщина обнаружила их, когда они уходили оттуда.

– И они хранят ее в двойном мешке, пока у них не появится новая могила, – сказал Фабиан. Он начал понимать ход мыслей Утеса. – И ты хочешь сказать, что этот мужчина не имеет никакого отношения к Юхану Халену и на самом деле совсем другая жертва.

Утес кивнул.

– Но как я уже сказал, это всего лишь предположение.

Фабиан не мог не согласиться с Утесом.

– Как далеко мы продвинулись в установлении его личности?

– Не дальше того, что, во всяком случае, это его палец. – Утес показал сделанное крупным планом фото, изображавшее оторванный палец с кольцом-печаткой из золота.

– Где это кольцо? – спросил Фабиан.

– У Муландера. Но он наверняка еще не успел осмотреть его из-за убийства сегодня ночью.

Фабиан наклонился вперед, чтобы лучше рассмотреть грязную печать. Это был какой-то родовой герб, дворянский знак с двумя львами, стоящими на задних лапах с открытыми пастьями по обе стороны щита, который, в свою очередь, был разделен на две части. На одной был изображен рог благородного оленя, а на другой – меч.

Дуня стояла под душем, и теплые струи смывали остатки песка, попавшего ей в глаза, вместе с бальзамом, который она в кои-то веки использовала без всякой спешки. Наконец-то она чувствовала себя отдохнувшей. Вчера вечером она рухнула прямо в кровать в половине десятого и сразу вырубилась – не было сил даже открыть купленные пакеты с лакричными леденцами.

Она проспала двенадцать часов. Двенадцать часов глубокого сна оказали на нее такое благотворное действие, что сейчас она являла живое доказательство того, что недосыпание можно компенсировать. У нее даже хватило сил побрить ноги и выщипать брови, прежде чем вернуться в спальню, где она надела чистое белье и решила поменять простыню, хотя это всегда давалось ей с большим трудом.

Через полчаса придет Магнус, и они вместе просмотрят список имен, который этот эсесовец-рецепционист из полиции Хельсингборга помог им раздобыть. Как только Фабиан ушел, нацист, конечно, стал перечить и приложил все усилия, чтобы объяснить, почему это нельзя делать.

И если бы не Магнус, ситуация бы наверняка вышла из-под контроля.

Со своим природным спокойствием он заставил и Дуню, и косой пробор снизить обороты, и к ее большому удивлению ему удалось убедить шведа, по крайней мере, сделать попытку. Выяснилось, что для этого надо было только связаться с отделением реестра народонаселения в Налоговой службе и попросить их предоставить сведения.

Нет, Магнус превзошел все ожидания и оказался гораздо более ценным кадром, чем она предполагала. Он не только шел в огонь и в воду, но и демонстрировал социальные навыки, которые, как только теперь стала понимать Дуня, у нее самой отсутствовали. Если она по какой-то непонятной причине имела обыкновение вступать в конфликт и нередко развязывала полномасштабную войну, Магнус обладал способностью обходить мины и невредимым двигаться дальше.

Благодаря этому теперь у них были имена и номера удостоверений личности всех, проживающих в радиусе поиска, где по утверждению Фариды находится мобильный. В целом речь шла о 128 человек в пятидесяти восьми виллах. Они исключили всех младше одиннадцати и старше двадцати девяти, и осталось тридцать три человека. Девятнадцать мужчин и четырнадцать женщин.

Теодор Риск не входил в это число, поскольку таун-хаус Фабиана находился как раз за пределами радиуса поиска, и в списке не было никакого другого Теодора. Конечно, может быть тысяча других причин, почему это имя выгравировано на кулоне, который она нашла на трассе. Но если у них не будет другого возможного кандидата, Дуне ничего не останется, кроме как опять обратиться к Фабиану.

Может быть, ей придется даже попросить его взять у сына отпечатки пальцев.

За четверть часа до назначенного времени загудел домофон, словно речь шла о жизни и смерти, и, перелив кипящую воду в чайник, Дуня вышла в холл и нажала на кнопку, чтобы впустить Магнуса. Едва она успела натянуть джинсы и футболку, как в дверь позвонили.

– Как ты рано, – сказала она, отпирая и открывая. Но это был совсем не Магнус, а Фарид Черукури из TDC. – Э... Привет... Это ты? – спросила она, теряясь в догадках.

– Да, если только ты случайно не знакома с другим индусом из TDC, – ответил Фарид и скрестил руки на груди с деланной улыбкой, словно что-то ждал от Дуни.

Дуня ничего не поняла, но ей решительно не понравился его надменный вид, хотя он был на две головы ниже нее.

– Мне жаль, но я немного занята...

– Надеюсь, поисками работы.

– Извини?

– Ты обещала найти мне работу, если я тебе помогу, и вот я тебе помог. Ты забыла? – спросил он с еще более наглым видом.

Точно, это в ее духе. Черт...

– Входи, – наконец сказала она, понятия не имея, как ей быть дальше.

Фарид вошел в прихожую, и она закрыла за ним дверь.

– Хочешь чаю?

– Потому что я индус?

– Э, что?

– Поэтому ты считаешь, что я хочу чай? Я же из Индии. Знаешь, сколько на свете индусов?

Дуня покачала головой. Хотя скоро половина одиннадцатого, она, наверное, еще толком не проснулась.

– Один миллиард два миллиона. Ты действительно полагаешь, что у всех одинаковый вкус?

– Нет, – ответила Дуня, уже почувствовав усталость.

– То-то и оно. А что, если бы я решил, что ты все ешь с соусом

рамулад только потому, что ты из Дании?

– Рамулад?

– Именно, видишь, каково это. К тому же это расизм. Но ты ведь датчанка и не знаешь ничего лучше.

– И что это значит, черт возьми?

– Каждый знает, что все датчане – расисты.

– А как тогда назвать это высказывание?

– Во всяком случае, не расистским, – ответил индус и покачал головой. – Вы народ, а не раса.

Дуня вздохнула. Сил у нее больше не было.

– Как знаешь... Я просто сама собиралась выпить чаю и спросила, не хочешь ли ты тоже. Мне страшно жаль, если ты случайно воспринял это как расистскую выходку. Я могу сварить тебе кофе, а если хочешь, есть кола и сок. Или, может быть, ты хочешь молоко. И есть вода, с газом и без.

– Нет, спасибо, я выпью чай.

– О'кей, – сказала Дуня и по дороге на кухню прикусила себе губу. – Проходи в гостиную и садись, я скоро приду.

С чайником в одной руку и двумя чайными чашками в другой она вошла в гостиную, где Фарид сидел на диване.

– Что касается работы, которую, как ты считаешь, я тебе обещала. – Она поставила чашки на диванный столик и стала наливать чай. – Я скорее помню, что обещала следить за ситуацией и, конечно, замолвить словечко. Дело в том, что я не знаю, будет ли у меня самой работа, когда все...

– Что это такое? – Фарид показал на распечатку, лежавшую на столе рядом с вазочкой с леденцами.

– Это имена тех, кто живет в районе, который ты вчера вычислил.

– Что ты собираешься с ними делать?

– Проверить их. – Дуня пожала плечами и отпила чай. – Посмотрим, найду ли я что-то подозрительное.

– Сколько же здесь людей. – Фарид взял список и просмотрел его, одновременно взяв три леденца и засунув их в рот, но сразу же выплюнул, словно это был яд. – Ой, какая гадость.

– Тех, кому от одиннадцати до двадцати девяти, не так много, – сказала Дуня и едва сдержала смех. – Всего лишь тридцать три человек.

– Я бы начал с Фейсбука. – Фарид достал из внутреннего кармана маленькую электронную книгу с клавиатурой. – Хотя там больше пенсионеров, чем молодежи. Но у большинства все равно есть аккаунт, взломать который легче, чем почистить лук. Но это вряд ли понадобится. Большинство в таком возрасте больше всего хотят покрасоваться перед

всяким сбродом, – продолжил он и начал вводить первое имя в графу поиск. – После этого займемся блогами и Инстаграмом.

– Подожди, – Дуня поставила чашку. – Ты что, уволился из TDC?

– Ты же сказала, что устроишь меня на работу.

– Да, но ты ведь не можешь просто так... – Этот парень, черт возьми, на ходу подметки рвет. – Как ты себе это представляешь? Ты думаешь, что я просто так могу родить тебе новую работу...

– У вас, датчан, полностью отсутствует чувство юмора. – Фарид покачал головой. – Это шутка. Моя смена начинается во второй половине дня. Давай работать.

Дуня кивнула, хотя не была совсем уверена чему. Через пять минут она нагнала Фариду и могла только диву даваться тому, как многое можно узнать, не вводя ни одного пароля. Точно, как говорил индус, большинство словно призывали хором зайти на их страницу и познакомиться с их жизнью.

Они вместе стали внимательно просматривать каждый аккаунт, и, хотя во всех отношениях это был произвольный просмотр, она все равно могла разделить людей на две группы. *Совершенно неинтересные и возможные.* Пока что большинство попало в категорию *совершенно неинтересные.*

Но спустя семнадцать минут они добрались до одного из самых больших домов в квартале, и Дуня вспомнила, как долго стояла и звонила, чувствуя, что что-то не так. Может быть, ей показалось, но, заглянув вовнутрь через двери террасы, она увидела чей-то промельк. Конечно, это могла быть кошка или даже робот-пылесос. Но что бы то ни было, она не была готова вычеркнуть этот адрес и пойти дальше по списку.

Из полуоткрытой страницы Александры аф Гейерстам на Фейсбуке, в частности, следовало, что девушка слушает Люкки Ли, ей нравятся фильмы с Брюсом Ли, и она сама занимается бойцовским спортом. Может быть, вот где взаимосвязь. Ее отправили в нокаут ударом или пинком, который возник словно из ниоткуда.

– Поищи ее имя и одновременно бойцовские клубы в Хельсингборге.

Фарид задал поиск и сразу получил несколько отсылок к клубу «Феникс. Бойцовский спорт» на Кадетской улице, 2, в нескольких километрах от дома Александры.

– Зайди на их сайт, – сказала Дуня, хотя уже щелкнула на ссылку. Внезапно ее охватило нетерпение. – Вот. Сюда. – Она показала на закладку с фото, и в ту самую секунду, как все пиксели встали на место, она поняла, что они попали куда надо.

Фабиан припарковался на улице у дома Астрид Тувессон в Рюдебекке, вышел из машины и сразу обратил внимание на то, что и сосед-пенсионер, мывший машину, и мама в декретном отпуске с детской коляской проводили его таким взглядом, словно он первым высадился на Луну. Где-то замолчала газонокосилка, а старик перестал водить намыленную губку.

Конечно, они знали. Соседи всегда знают и, возможно, уже давно успели посплетничать. Мучительный развод, эхо которого в самые тяжелые моменты неслось из распахнутого окна или из приоткрытой двери по лужайке за границы участка, где начинало жить своей жизнью. В конце концов, мужу надоело ее пьянство. А ведь она начальник полиции и все такое. Но никто не сделал шаг и не постучал в дверь, предлагая помощь. Никто не хотел вмешиваться. Вполне достаточно заниматься своими делами и наблюдать за падением из партера.

Он не сказал своим коллегам о том, что собирается сюда ехать, но решил, что это единственно правильное решение. Пусть она сколько угодно злится. Следствие дошло до своей самой критической фазы. Сейчас им как никогда нужен сильный лидер, и Тувессон, пока она трезвая, лучше всех подходит для этой роли.

Входная дверь была закрыта, но Фабиан без всякого труда попал вовнутрь через приоткрытое окно. Воздух в доме был спертый. У него появились позывы на рвоту, а запах навеял воспоминания о том времени, когда он носил форму и работал в полиции по поддержанию порядка. Удушливая вонь от старых помоев и долгих месяцев без уборки, смешанная с горькой желчью и запахом туалета, в котором не спускают воду. В то время это была пьянь в домах, подлежащих сносу. Теперь это его собственный начальник.

Фабиан нашел ее на полу в гостиной. Она лежала у дивана, наполовину погрузив лицо в содержимое собственного желудка. Рядом был опрокинутый столик на трех тонких ножках. По осколкам стекла он насчитал минимум четыре марки алкогольных напитков. Но пульс прощупывался, а грудь вздымалась – пусть слегка, но ритмично.

Так вот что его ждет? Он не алкоголик, но одиночество пугает его также сильно. Он станет далеко не последним, в чьей жизни больше ничего не будет играть никакой роли. Когда на всем лежит печать бессмысленности, а любое действие лишено смысла. Что с ним тогда

будет? У него есть то, что требуется, или он станет одним из них?

Валявшийся на диване мобильный ожил с теми же нервными сигналами маримбы, который был у него и у миллионов и миллионов других. Это был Утес. Фабиан поручил разговор автоответчику, осторожно перевернул Тувессон на спину, подальше от рвоты, вытер ей лицо, оторвав кусок от лежащего на диване рулона бумажных полотенец, и пошел по дому, настезь распахивая каждое окно. По-хорошему здесь нужна фундаментальная санация с вредными для окружающей среды чистящими средствами, но пока что у него нет возможности остаться. Вместе с тем он не мог бросить ее просто так.

Фабиан снял пиджак, надел пару резиновых перчаток и начал с ванной. Сначала несколько сливов подряд, потом средство для очистки унитазов и немного работы с туалетной щеткой, и в целом унитаз приведен в порядок. Он убирал с пола старые зубные щетки, бинты и прочий мусор, как опять услышал сигналы маримбы. На этот раз звонил его собственный телефон.

– Привет, Утес. Это важно или я могу перезвонить? Я немного занят.

– *Занят чем? И, кстати, где ты сейчас находишься?*

– Мне надо сделать одно дело, а потом я поеду к дочери и мужу Марианны Вестер в Хёганес. Что-то случилось?

– *Ты что-нибудь слышал о Тувессон? Я несколько раз пытался до нее дозвониться и начинаю волноваться. Наверное, кому-то из нас надо поехать к ней домой.*

– Не надо. Я уже говорил с ней, – сказал Фабиан.

– *Что? Говорил? Когда?*

– Сейчас. Она только что звонила. Она сидит на кризисном совещании в Мальмё, где просит дать нам подкрепление, и ты знаешь, как долго они могут заседать. – Последнее, во всяком случае, было правдой.

– *Вот как?* – Утес замолчал. Было почти слышно, как ему трудно сойти с намеченной колеи.

– Послушай, созвонимся позже.

– *Легче на поворотах. Кто сказал, что я закончил?*

– Что тут такого непонятного? Она в Мальмё и выйдет на работу не раньше...

– *Речь идет не о Тувессон, – оборвал его Утес. – Я звонил совсем не поэтому.*

– Вот как?

– *Ну, ты помнишь тот родовой герб на кольце. Я был настроен просмотреть каждый герб. Знаешь, сколько их в Швеции?*

– Нет, – ответил Фабиан и включил микрофон на наушниках, чтобы продолжить уборку.

– *Свыше восьмисот, и я не могу понять, какой смысл иметь собственный герб, поскольку все выглядят более или менее одинаково.*

– Но тебе повезло. – Фабиан вошел на кухню и стал завязывать и выставлять переполненные мешки с мусором.

– *Да, как ты догадался? Стоило мне начать, как я вышел на род фон Юлленборг. Ты их знаешь?*

– Нет, а должен? – Он вынул посуду из посудомоечной машины и стал ставить туда новую партию.

– *Во всяком случае, большинство живет в Стокгольме или совсем рядом. Как это мило – все эти графы, бароны и прочая чушь. И...*

– Утес, ты установил личность убитого или нет?

– *Имей терпение, я к этому подхожу.*

Фабиан забыл, как может раздражать Утес именно в таких ситуациях. Сейчас он почувствовал, что начинает испытывать нетерпение, хотя пытался сосредоточиться на мытье пола.

– *Дело в том, что, похоже, с этим родом приключались многие странные вещи.*

– Утес, тебе не надо перечислять все...

– *Черт возьми, почему ты не можешь просто выслушать?*

Утес почти никогда не злился, и Фабиан ни разу не слышал, чтобы он на кого-то повышал голос, кроме, возможно, своей жены.

– Прости, – сказал он в надежде, что этого хватит, пока он будет выходить из кухни с мокрым кухонным полотенцем, от которого шел пар.

– *Все в порядке. На самом деле прощение должен просить я. – Длинный вздох на другом конце. – Я просто страшно устал от того, что мне никогда не дадут договорить до конца.*

– Пожалуй, мы все немного устали.

Вернувшись в гостиную, он сел на корточки и начал начисто вытирать лицо Тувессон горячим влажным полотенцем.

– Давай рассказывай.

– *Пока что это только ничем не подкрепленная версия, так что дели все надвое. Но не удивлюсь, если Коса подтвердит это, когда закончит свои дела. Как бы то ни было: в воскресенье 11 июля 2010 года граф Бернгард фон Юлленборг бесследно исчезает, и мне с трудом представляется, что мы нашли не его тело.*

– Граф? – Фабиан взял Тувессон под мышки и понес ее в спальню.

– *Да. Он жил в Стокгольме со своей семьей и должен был провести*

выходные в родовом поместье рядом с Йерной к югу от Стокгольма. Но, по словам его брата Акселя фон Юлленборга, который владеет половиной имения, он туда не доехал.

– А как он попал в сад Халена? Между ними есть какая-то взаимосвязь?

– Пока что я ее не вижу, но она должна быть. А сейчас станет по-настоящему интересно. В воскресенье 24 октября 2010 года, то есть почти через четыре месяца после исчезновения Бернарда, его брат Аксель найден мертвым в своих охотничьих угодьях. Ты хочешь знать, как все произошло?

– Да, – ответил Фабиан, осторожно кладя Тувессон в кровать и подтыкая ей одеяло.

– Насколько я понял, он жил там один и, согласно газетам, в субботу пошел на охоту и не вернулся домой. Его начали искать в ночь на воскресенье и нашли спустя восемь часов. Оказалось, что он случайно выстрелил себе в ногу и не смог дойти до дома.

– Но ведь от выстрела в ногу не умирают?

– Нет, он умер от холода.

– Он что, замерз насмерть?

– Именно в ту ночь температура опустилась ниже пяти градусов. Но, по-моему, к тому моменту он был уже давно мертв.

Бывшая коллега Фабиана Малин Ренберг сидела за своим письменным столом в здании полиции в стокгольмском квартале Крунуберг, прижав к уху трубку телефона. Она смотрела на пожелтевшее старое расследование, раскрытое перед ней. Час назад Фабиан имел наглость позвонить и попросить о помощи, а ей совсем не хотелось помогать именно ему. Наоборот, ей хотелось послать его к черту.

С момента драматических событий, которые произошли в подвале израильского посольства почти два года тому назад, когда один из ее не родившихся близнецов умер у нее в животе, она ждала, что он объявится, чтобы поговорить о том, что случилось на самом деле. И почему он не смог заставить себя нажать на курок и защитить ее, Томаса и Ярмо. О том, что двое их коллег ушли из жизни, а у нее только один ребенок.

Правда, он послал страшно дорогой букет цветов и через несколько месяцев навестил ее во время декретного отпуска. Но не для того, чтобы объяснить, а с целью рассказать, что они с семьей решили переехать из Стокгольма в Хельсингборг. Малин была совершенно огорошена – в руке она держала банку с кофе и совсем сбилась со счета, не зная, сколько положила ложечек в кофеварку.

А теперь, когда ему нужна помощь в расследовании, он позвонил, как ни в чем не бывало. Она была настолько удивлена и рада просто услышать его голос, что, не задумываясь, отбросила все раздражение и сказала да. Поэтому сейчас слушала гудки в ожидании его ответа, неумолимо втянувшись в нераскрытое дело двадцатилетней давности.

Фабиан сказал, что это срочно. То, что сегодня Вознесение, не играет, конечно, никакой роли, и как только ее гражданский муж Андерс пришел домой с большим количеством покупок из универсама «Виллис», она оставила на него Тиндру и поехала в Крунуберг, где в архиве нашла старое расследование. К счастью, у ее нового коллеги Пера Вигселя не было настроения работать. Или у Боба, как она его упорно называла по имени героя из американского мультсериала «Губка Боб Квадратные Штаны», поскольку коллега был таким же безнадежно квадратным и сразу бы стал задавать массу дурацких вопросов о том, чем она занимается и действительно ли Херман Эдельман дал ей задание.

– Привет, Малин, что-нибудь нашла? – раздался голос Фабиана, и у нее опять прошло раздражение. Она по-настоящему соскучилось по нему, и

хотя он не сидел за письменным столом напротив, они словно опять работали вместе.

– Да, нашла, – ответила Малин, отпив давно остывший кофе. – А именно расследование двадцатилетней давности дела об убийстве Хеннинга фон Юлленборга.

– *А кто это?*

– Отец Бернарда и Акселя Юлленборгов. 16 мая 1992 г. его нашли убитым на одном из хуторов в его владениях к югу от Стокгольма. Это была чистая бойня. Согласно отчету о вскрытии ему нанесли целых восемнадцать ножевых ранений в спину.

– *Кто отвечал за расследование? Эдельман?*

– Да. Но он так и не довел дело до суда и, в конце концов, был вынужден закрыть его.

– *Как так вынужден?*

– Фабиан, я знаю, о чем ты думаешь. Но некогда он был действительно хорошим полицейским, тебе это известно так же хорошо, как и мне. Насколько я вижу, он проделал добросовестную работу и практически перевернул каждый камень. Уверяю тебя, это целый талмуд.

– *О'кей,* – сказал Фабиан, но Малин уловила, что он остался при своем мнении. – *Есть ли какая-то взаимосвязь с убийствами братьев?*

– Пока я этого не знаю. Я только успела пролистать материалы. Интересно, что на пенисе жертвы нашли и сперму, и кровь. Семя его собственное, а кровь нет.

– *Значит, он кого-то изнасиловал.*

– Да. Пожалуй, эта версия наиболее близка к разгадке. Насколько я вижу, Эдельман был того же мнения и считал, что убийство было совершено из мести.

– *Были ли подозреваемые?*

– Да, некая Вера Мейер, которая работала в имении поварихой. Она жила на хуторе, где нашли Юлленборга, и, естественно, ее первую вызвали на допрос. Но у нее было алиби – весь тот уикенд она провела у подруги в Кальмаре. К тому же оказалось, что кровь не ее.

– *Но ведь они сделали не только это?*

– Да, они допросили как минимум двадцать женщин в округе и взяли у них анализ крови, но безрезультатно. Все это крайне странно. Словно преступник просто растаял, как дым.

– *Может быть, здесь мы можем провести параллели?*

– *Что ты хочешь сказать?*

– *Точно не знаю. Но наши преступники только и умеют, что таять,*

как дым. *Эта Вера Мейер, она еще жива?*

– Нет, она умерла от рака груди три года спустя. Как ты смотришь на то, что я поговорю с Эдельманом? Может быть, он скажет что-нибудь интересное.

– *По-моему, лучше всего не посвящать его в это дело. Вернемся к хутору. Там есть какой-то адрес, чтобы узнать, кто там сейчас живет?*

– Подожди, сейчас посмотрю. – Малин стала листать материалы расследования, пока не нашла несколько разворотов с фото, указаниями на карте и адресом места убийства. – Да, вот он. Дорога 857 прямо рядом с Йерной. – Она ввела адрес в графу поиска в полицейском реестре людей и адресов, и компьютер выдал список всех, кто жил на хуторе последние двадцать лет. – Нет, как странно, – сказала Малин и посмотрела на список более внимательно. – Похоже, там никто не живет с тех пор, как умерла Вера Мейер.

– *Получается, хутор пустует семнадцать лет?*

– Во всяком случае, если верить реестру.

Оба молчали больше минуты. Со времени их совместной работы прошло несколько лет, и, тем не менее, она точно знала, о чем думает Фабиан. Он хочет, чтобы она туда поехала, но не знает, удобно ли просить ее об услуге, и поэтому надеется, что она предложит сама.

Но она совсем не хотела облегчать ему задачу.

Фабиан заглушил мотор и расстегнул ремень безопасности. На душе стало легче. Он говорил с Малин второй раз, и она была совершенно спокойна. Она даже согласилась поехать на хутор, когда он набрался мужества и попросил ее об этом.

Он вышел из машины, запер дверь и посмотрел вверх на церковь Вознесения, которая со своей широкой и высокой колокольной явно слишком велика для маленького Хёганеса. Зазвонили колокола, приглашая на службу, и ему стало интересно: приходит ли в церковь с таким названием больше прихожан именно в день Вознесения Христа, чем в другие праздники.

Он перешел дорогу и подошел к четырехэтажному зданию на углу Большой улицы. Красный кирпич с одного торца и некрасивые балконы на передней части фасада, обшитые листовым железом. Почему комиссия по надзору за строительством разрешила это строить почти такая же большая загадка, как и то, почему архитектор потратил время на создание эскизов.

Кристоффер & Марианна Вестер было написано рядом с маленькой кнопкой на домофоне. Фабиан едва успел нажать на кнопку, как на застекленной алюминиевой двери зажужжал замок.

– Папа! Он уже здесь! – закричала дочка и исчезла в квартире, которая была оформлена в современном стиле – светлые тона, открытые пространства и окна на все стороны. Словно для того, чтобы подчеркнуть преимущество проживания в самом некрасивом доме квартала, квартира находилась в окружении одних красивых фасадов.

Папа сидел за обеденным столом в дальнем углу гостиной и смотрел на церковь. Он даже не повернулся, чтобы поздороваться. Фабиан прекрасно его понимал – мужчина совсем недавно узнал о том, что его жена больше никогда не вернется домой. Тем временем дочка, которой явно было не больше одиннадцати-двенадцати лет, принесла из кухни поднос, где стояли кофе, чай и только что испеченный пирог.

– Это банановый пирог. Ты любишь банановый пирог?

Фабиан кивнул, хотя не мог вспомнить, когда пробовал это последний раз.

– Можно я сяду?

– Садись сюда, – девочка кивнула на место напротив отца и поставила поднос на стол. – Кофе или чай?

– Лучше кофе, – ответил Фабиан и сел на стул. – Помочь тебе?

– Нет, не надо, – ответила она и начала подавать.

– Какая у тебя толковая дочь. – Фабиан ожидал какой-то реакции. Но отец продолжал смотреть в окно. – У меня самого двое детей, которые старше, но они даже не способны вынуть посуду из посудомоечной машины.

– Сегодня год, пять месяцев и три дня с тех пор, как вы перестали искать мою жену, – сказал мужчина, не отрывая глаз от слишком большой колокольни.

Фабиан кивнул, уверенный в том, что так и есть, и собирался объяснить, что не имел никакого отношения к следствию, как отец продолжил.

– Вы сказали, что поиски перейдут в новую и более эффективную с точки зрения ресурсов фазу, где вы принесете больше пользы за письменным столом.

– Возможно. К сожалению, я не имею никакого отношения к...

– С тех пор я не слышал ни одного слова, – перебил его отец и повернулся к нему. – Ни единого проклятого слова за полтора года. Я называю это эффективным с точки зрения ресурсов. Вы не хотели ни встречаться со мной, ни отвечать на мои звонки. Вы последовательно отказывались говорить, как продвигается дело и что происходит. На мои мейлы я получал лживые ответы под копирку с заверениями, что вы по-прежнему работаете над делом и совсем не теряете надежду.

– Мне очень жаль, что вы воспринимаете работу полиции как...

– А теперь самое время возникнуть. Теперь, когда вам нужна моя помощь. Теперь нам надо стоять по стойке смирно, угощать вкусным кофе и быть чертовски благодарными.

– Кристоффер, у меня всего лишь несколько простых вопросов, которые помогут нам...

– С чем? Найти ее живой, чтобы она снова вернулась домой? – Отец ждал ответа, который Фабиан не мог ему дать. – Нет, не собираюсь.

– Но папа...

– Мейя, не вмешивайся. Фабиан, или как там тебя зовут, мне плевать, кто виноват. Мне плевать, поймаете вы его или нет. Мне плевать, какое он получит наказание и что произошло. Мне плевать на все, пока Марианны нет.

Фабиан хотел было ответить, но передумал. Мужчина прав. Ни он, ни кто-либо другой не могут ничего сделать, чтобы этим людям вернули их Марианну. Это как с Томасом и Ярмо. Неважно, сколько часов в неделю он

проводит в стрелковом клубе. Он никогда не сможет снять с себя вину.

– Кристоффер, я понимаю, как...

– Ничего ты не понимаешь! – Мужчина встал, исчез в холле, и через несколько секунд послышалось, как хлопнула входная дверь.

Фабиан не знал, что делать. Он собирался рассказать, где они нашли Марианну Вестер и спросить, что произошло в день ее исчезновения. Но в первую очередь хотел поделиться их подозрениями относительно того, что Юхан Хален был одним из ее клиентов, и расспросить о том, что в таком случае ей удалось выяснить и почему это представляло угрозу для преступников. Но ему оставалось только встать и поблагодарить за кофе.

– Тебе не надо уходить. Пока, – сказала дочка. – Он вернется не раньше, чем через час, и я с удовольствием послушаю, что ты расскажешь.

– Только в присутствии твоего отца, Мейя. К сожалению. Ты слишком маленькая. Если бы при нашем разговоре мог присутствовать какой-нибудь родственник.

– Я была слишком маленькой, чтобы потерять мою маму. Но я же слышала, что происходит.

Фабиан опять сел. Девочка права. Какое право он имеет отказывать ей?

– Значит, в конечном итоге вы ее нашли.

– Да. И, к сожалению, твой папа прав. Она никогда больше не вернется домой.

Девочка поставила чашку с чаем и опустила глаза.

– Я поняла это, когда они позвонили папе. Но когда я его спросила, он промолчал.

С одной стороны, Фабиану хотелось взять ее на руки, обнять и утешить. С другой – выбежать на улицу, найти ее отца и трясти его до тех пор, пока тот не очнется и не осознает, чему подвергает свою дочь. Но он продолжал сидеть.

– Окружающие все время говорили, что я не должна терять надежду. Что это единственное, что я не должна делать. И я надеялась. Каждую ночь, засыпая, я лежала и надеялась, что я ошибаюсь. Что то, что я знала в глубине души, неправда. Но это оказалось правдой, и теперь я так же расстроилась, как и тогда. Не понимаю, почему все говорят о том, что надо надеяться. Если бы не это, у меня бы сейчас не осталось больше слез.

Фабиан наплевал на все правила, писанные и неписанные, посадил девочку себе на колени и обнял ее. Ничто в ней не сопротивлялось. Она вела себя совсем не так, как Матильда. Наоборот, она оказалась в его объятьях, словно ей не хватало именно этого.

Он хотел сказать, что количество слез – величина постоянная, и те

слезы, которые выходят сейчас, не могли выйти раньше. Заставить ее понять, что надежда все равно важна и существует, хочешь ты этого или нет. Как это помогало ей во всем – от вставаний по утрам до приготовления самого вкусного в мире бананового пирога. Но он молчал, поскольку ни одно слово не отзовется в ней, учитывая то, через что она прошла.

– Мама должна была помочь мне сделать уроки. Я написала сочинение о моей лошади.

– У тебя есть лошадь?

– Не по-настоящему. У меня аллергия. И потом она обещала прочесть четыре главы из «Мадикен», потому что ничего не читала мне в предыдущий вечер.

– А разве твой папа не мог тебе почитать?

Девочка покачала головой.

– Мне всегда читала мама. На разные голоса и так далее. Иногда она даже изображала звуковые эффекты, как «бах» или «тарарах», чтобы я подпрыгнула. Хотя теперь я читаю только сама.

– Ты что-то помнишь из того дня, когда она не пришла домой?

– Утром она была не в духе, что с ней почти никогда не случалось. Я попыталась включить музыку, чтобы она начала танцевать и развеселилась. Но она не захотела. Сказала, что работала всю ночь, хотя я поставила The Smiths, ее любимую рок-группу. Затем она просто ушла, даже не сказав пока.

– А ты не знаешь, над чем она работала той ночью?

Дочь покачала головой.

– Она всегда закрывала дверь в свой кабинет, когда хотела, чтобы ее оставили в покое, и тогда никто не мог туда войти. Даже папа. Я думала, что когда мама освободится, она выйдет и почитает мне, но она работала всю ночь.

– Этот кабинет. Он все еще существует?

– Да, но папа запер дверь и сказал, что мы туда больше никогда не войдем. Хотя я знаю, что ко всем дверям подходит один и тот же ключ. – Она встретилась глазами с Фабианом.

В комнате не больше десяти квадратных метров уместились потертое кресло для чтения со скамеечкой для ног и маленьким столом, телевизор с комбинированным видео- и DVD-плеером, большой книжный шкаф, полки которого прогнулись под тяжестью книг, груды бумаги и прочего, а также стол со швейной машинкой и начатое лоскутное одеяло. В глубине у окна стоял письменный стол, заваленный чашками с засохшим кофе, папками и документами.

На всем лежал тонкий слой серой пыли. Значит, никто здесь не был с той ночи накануне исчезновения Марианны. Даже полиция, когда поступило заявление о ее пропаже.

Фабиан сел на стул перед письменным столом, оглядел груды документов и попытался понять, что перед ним лежит. Насколько он мог видеть, в основном здесь были банковские бумаги. Некоторые с зеленым логотипом Скандинавского отдельного банка наверху слева, другие – с названиями зарубежных банков, о которых он никогда не слышал. В нескольких папках лежали длинные списки транзакций и сальдо, а под слоем пыли виднелись ордера на продажу и авизо о снятии денег со счета с обведенными в кружок и более или менее нечитабельными подписями.

Но что все это значит? Из-за какого важного дела Марианна закрыла дверь, не почитала «Мадикен» для своей дочери и не вышла пожелать спокойной ночи? Фабиан попытался собраться с мыслями, то беря один документ, то отодвигая другой, но это было невозможно. Мысли не хотели его слушаться, и он, в конце концов, оставил попытки обуздать их. Он стал водить глазами по всем таблицам и рядам цифр, пока они не слились воедино и не начали жить своей жизнью.

Наверное, так и надо было сделать, поскольку у него перед глазами возникла четкая картина. Фабиан увидел, как в объективе, который, наконец, настроили, на что он смотрит.

Как они и решили, Марианна Вестер была личным банковским менеджером Юхана Халена. Но она не довольствовалась подозрениями, что что-то не так. Что ее банковский клиент, может быть, совсем не тот, за кого себя выдает. Нет, она стала копать еще глубже, чтобы в деталях проследить за транзакциями после продажи всех активов Халена.

На эту работу у полиции ушла бы целая вечность. Одно только получение необходимых документов, чтобы затребовать движение по счетам в банках тех стран, у которых со Швецией нет соглашения об обмене информацией, было делом практически невозможным. Но каким-то образом Марианне чудом удалось отследить, как миллионы Халена уходят из Швеции, где их через несколько различных офшорных компаний рассеивают по всему миру, а спустя несколько месяцев через выплаченные страховые премии и якобы выигрыши в казино они возвращаются в Швецию.

Фабиан ожидал не этого и сначала решил, что ему показалось. Но присмотревшись внимательно, он убедился. Четырнадцать месяцев назад деньги вернулись на счет в банке Нордеа. Отмытые и кипельно-белые.

На счет с двумя владельцами – Стен и Анита Стрёмберг.

Вот они, черным по белому со своими подписями, номерами удостоверений личности и отсканированными водительскими правами. Конечно, оба выглядели старше и по-другому, но, как и Жанетта Даун, он узнал глаза и интенсивный взгляд, который смотрел на него.

Марианна Вестер проделала всю работу, и теперь не должно быть особой проблемы связать воедино убийства Халена, Брисе и Дауна с преступниками через жемчужное ожерелье транзакций.

Наконец-то круг замыкается.

Дуня не была в кафе «Севастополь» последние десять лет. Не потому, что имела что-то против или считала его плохим. Наоборот. Еда здесь вполне сносная – классическое французское бистро с божескими ценами. К тому же район рядом с площадью Святого Ханса, который находится в двух шагах от ее квартиры на улице Блогордсгаде, – один из самых приятных в Копенгагене.

И все же по какой-то причине она не чувствовала себя полностью комфортно. словно симпатичная оболочка не больше, чем именно оболочка, которая скорее подходит к центру города или к району Эстербро, чем к району Нёрребро. Пока что она не заметила ни одного гостя, который с виду был бы из ее квартала.

Дуня ничего не сказала Магнусу, который готов был лопнуть от гордости. Он лез из кожи вон, пытаясь найти идеальное место, и к тому же настаивал, что это должен быть сюрприз.

Сама она поняла, что ее пригласили на долгожданное свидание за ужином только тогда, когда он открыл дверь, и метрдотель провел их к бронированному для них столику. Дуня думала, что они быстро съедят по кебабу, а потом вернутся домой и продолжат работу по выявлению членов бойцовского спортивного клуба «Феникс» в Хельсингборге. Меньше всего ей хотелось долгого ресторанного застолья.

Но она оценила затею. Магнус, который мог быть таким скупым, в решительную минуту повел себя как настоящий джентльмен. Он угостил и шампанским, и ужином из трех блюд. Он был готов заказать самое дорогое блюдо, и когда теперь они шли домой по улице Фелледвей, пересекая улицу Нёрреброгаде, она не могла не отметить, что никто уже очень-очень давно не доставлял ей такого удовольствия.

– Не отказался бы от чашки чая с капелькой рома, – сказал Магнус, улыбнувшись. – У тебя дома есть ром? А то пойдем купим. Ром хорошо подходит почти ко всему. Например, к горячему шоколаду. Ты пробовала? Нет ничего лучше.

– Магнус. – Дуня попыталась поймать его блуждающий взгляд. – Это был очень приятный вечер, действительно. Но сейчас я думаю, что нам лучше всего разойтись по домам.

– Уже? Еще только четверть одиннадцатого.

Явно сказывается последний большой стакан виски, который он

обязательно должен был выпить.

– С каких это пор ты стала такой занудой? – Магнус остановился и повернулся к ней на нетвердых ногах. – Ты что думаешь, до меня не дошли слухи? Нет? Чем ты занимаешься каждый вторник. Да, конечно, сегодня четверг, но во вторник, насколько я знаю, было не до веселья, только если ты не успела по-быстрому в какой-нибудь машине, когда бегала по трассе.

Она ударила его ладонью по щеке, и звук отозвался эхом на пустой пешеходной улице. Дуня почувствовала, как кровь прилила к ладони, которая вся запульсировала. Она просто хотела заставить его замолчать, но почти свалила с ног, хотя, судя по всему, Магнус не придал никакого значения пылающей щеке. Он выглядел больше озадаченным.

– Извини. – Он взял себя за щеку, словно боль, наконец, сумела пробиться сквозь стену алкоголя. – Я сказал глупость, страшную глупость... Просто ты такая замечательная, такая хорошенькая, и я подумал, что... Мне же все равно, ты знаешь... Но ты совершенно права, и я действительно так считаю. Прости...

– Магнус, все в порядке.

– Совсем не в порядке, и теперь говорю я. – Он безуспешно попытался сфокусировать на ней взгляд. – Я ведь знаю, что ты обо мне думаешь. Я слишком большой и скучный и совсем не такой прикольный, как...

– Магнус, тебе не надо...

– Цыц, – перебил он ее и поднял в воздухе нетвердый указательный палец. – Я только хочу, чтобы ты знала: все, что я делаю, это ради тебя. Все.

– О'кей, теперь я знаю. А сейчас постарайся дойти до дома.

– Не сердись. Обещай мне не сердиться.

– Не буду, обещаю. Все в порядке. А сейчас постарайся дойти до дома.

– Ты такая хорошая. Ты, черт возьми, лучшая. Ты это уже знаешь. Дело в том, что ты, как никто, заслуживаешь, чтобы все шло правильно и без спешки. Понимаешь?

Дуня кивнула.

– И именно поэтому ты со мной не поднимаешься. – Она попыталась встретиться с ним взглядом, но он все время упрямо отводил глаза.

– Прости... Прости... – Магнус повернулся и пошел. Но если он собрался домой, то направился не в ту сторону. К тому же такой неустойчивой походкой, что казалось чудом, что он вообще стоит на ногах.

– Магнус! Подожди! – Дуня догнала его. – Тебе лучше переночевать на моем диване.

Он повернулся к ней и посмотрел мутным взглядом.

– Меньше всего я хочу...

Дуня успела вовремя отскочить в сторону, чтобы на нее не попала рвота, похожая на гороховый суп, хотя он в основном ел мясо с картошкой и пил красное вино.

– О, черт возьми... – успел сказать он до того, как изо рта выстрелил следующий залп. – Черт возьми, как обидно...

Когда он закончил, она взяла его под руку и повела в подъезд, вверх по лестнице и в квартиру.

– Магнус, ты в порядке, или будет еще?

– Нет, все в порядке. Мне гораздо лучше. Я только... – Он нетвердым шагом прошел в ванную, и она услышала, как он налил воду в раковину и стал мыться, а потом чистить зубы.

Дуня слишком устала, чтобы задуматься над тем, взял ли он с собой зубную щетку или нет, и пошла в спальню, где из выдвигного ящика под кроватью достала одеяло и простынь. Потом перешла в гостиную, задернула шторы и постелила ему на диване. Конечно, диван был слишком коротким для Магнуса, но больше она ничего не могла предложить.

Постелив, вернулась в спальню, закрыла дверь и сняла с себя одежду. Она слышала, как Магнус идет через холл в гостиную.

– Я постелила на диване, – крикнула Дуня. – Иди ложись, увидимся завтра.

Не получив ответа, она услышала, как дверь за ней скрипнула.

– Магнус... Я сказала диван, а не кровать. – Она наклонилась вперед и как можно быстрее надела пижамные штаны. Пижамная куртка, куда она запропастилась? – Магнус, ради бога, я действительно хочу, чтобы ты немедленно вышел из моей спальни. – Проклятие, она не может взять и повернуться, когда вверху на ней ничего нет. Дуня услышала, как дверь за ней закрылась. Этот черт остался. Она слышала его дыхание. Черт возьми... Он точно такой же, как все остальные. Но почему он ничего не сказал? – О'кей, я хочу, чтобы ты ушел из моей квартиры, – продолжила она. – Я хочу, чтобы ты вернулся обратно в гостиную, прошел в холл и исчез из моей квартиры. Сделай так, и мы подведем подо всем черту. Иначе у меня нет выбора, кроме...

К ее спине что-то прижали, и она вспомнила считалку, которую всегда повторяла в детстве.

Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана...

Но на этот раз ей в спину ткнули не кончиками пальца, а дулом пистолета.

Когда Теодор был маленьким, это называлось «убежать из дома». Но он не собирался этого делать. Бегство из дома предполагало, что место, где ты живешь, – твой дом. Но этот нелепый таун-хаус в прелестном районе Тогаборг никогда не был и никогда не будет его домом.

Все, что ему понадобится, войдет в рюкзак. И в путь. Сесть на паром до Копенгагена, а там запрыгнуть в первый попавшийся поезд, который увезет его дальше на юг. Никто ничего не заметит. Его родители, похоже, наконец решили развестись и до них дойдет, что сына нет в его комнате, когда он уже успеет доехать до какой-нибудь европейской страны.

Может быть, есть смысл сделать ставку на восток. Там все по-прежнему должно быть дешево, и с работой наверняка не будет особых проблем. Что угодно, только бы ему справиться. А если не справится... В каком-то смысле ну и черт с ним. Эта проклятая гребаная жизнь все равно не удалась.

Теодор пока не ушел из дома и не был в дороге только из-за Александры. Он намеревался спросить ее, хочет ли она уехать вместе с ним, но понял, что риск слишком велик. Как бы ни были сильны его чувства, лучше всего держаться от нее как можно дальше.

Он включил *Nevermind*^[27] на достаточно большую громкость, чтобы никто не услышал, как он собирается. Все, что ему нужно, находится в его комнате, и он без проблем успеет все сделать, пока отец готовит ужин. Потом надо наесться до отвала и вызваться убрать кухню, чтобы нижний этаж был в его распоряжении, и побыстрее смыться.

Меньше всего он ожидал услышать стук в дверь.

– Теодор! К тебе пришли! – Это был отец. Кто мог к нему прийти?
– Ладно, иду. – Он опять запихнул рюкзак в гардероб и открыл дверь.
– К тебе приятель. – У отца был такой вид, словно он только что выиграл в лотерею.

Он хотел было спросить, кто это, но тут увидел самого Хенрика Маара, поднимающегося по лестнице.

– Здорово, Тео. Как дела? – Хенрик поднял ладонь в знак приветствия, и Теодору ничего не оставалось, кроме как ответить и выдавить улыбку.

– Ужин будет готов через полчаса, – сказал отец. – Если у тебя есть желание, можешь составить нам компанию.

– Да, почему бы нет. – Хенрик пожал плечами. – Не отрицаю, что

пахнет очень вкусно.

– Папа, ничего не получится. Он ненадолго, только покажет мне кое-что в одной компьютерной игре.

– Олрайт. Если передумаете, крикните. – Отец стал спускаться вниз по лестнице.

Теодор затащил Хенрика в комнату и закрыл дверь.

– Что ты затеял?

– Спокойно. – Хенрик поднял руки в воздухе. – Я пришел сюда с миром, – добавил он по-английски.

– Ты пришел сюда с говном. – Тео схватил Хенрика за зеленую куртку-бомбер и прижал его к стене. – Какого черта тебе нужно?

– Мы ведь приятели. Ты уже забыл? – Хенрик высвободил куртку из рук Теодора, подошел к стулу у письменного стола, сел и положил ноги на стол. – А приятели заботятся друг о друге, разве нет, следят, чтобы они хорошо себя чувствовали и случайно не делали никаких глупостей.

– Например?

– Не знаю. – Хенрик стал рыться в его вещах на письменном столе. – Не говорят лишнее папусе или решают нарушить договор.

– Мы ни о чем не договаривались. Делай все, что хочешь. Мне плевать.

– Разве? Грустно это слышать. А мы как раз собираемся на новое маленькое задание. Вау, это действительно то, что я думаю? – Хенрик поднял его дневник. – До чего трогательно.

Теодор вырвал из рук Хенрика блокнот.

– Если ты думаешь, что заставишь меня участвовать в ваших проклятых казнях, то ошибаешься. И вообще тебе лучше всего уйти.

– Уже? Я еще не успел показать тебе мои игры. И не успел рассказать о том, что мы будем делать.

– Все в порядке. Я сказал, что меня это не интересует. Пока.

– Посмотри на нее. – Хенрик развернул распечатанное фото Санни Лемке из одного из роликов на Ютубе, где она с окровавленными руками и в забрызганной кровью футболке идет по пешеходной улице Хельсингёра. – Это Санни Лемке, которая одна может на нас показать. Если мы заставим ее замолчать, все обойдется, и мы сможем жить спокойно. И ты с Алекс будете веселиться сколько угодно.

– Ты, наверное, прогулял много уроков шведского, – Теодор пошел к двери. Он решил ответить ударом на удар. – Во всяком случае, ты, похоже, не понимаешь чистый шведский, так что я, пожалуй, поговорю с папусей. – Он открыл дверь. – Папа!

– Да? В чем дело? – послышался голос отца с нижнего этажа.

За его спиной раздался щелчок, и хотя он никогда не слышал этого звука в жизни, не было никаких сомнений, что это. Он повернулся и посмотрел на пистолет в руках Хенрика.

– Правда, красивый? – Хенрик вертел и крутил пистолет, словно хотел показать его во всех мысленных ракурсах.

– Где ты его раздобыл?

– Не надо напрягать свой маленький мозг. Ты должен сосредоточиться только на том, чтобы закрыть дверь и выслушать меня.

– Ничего, – закричал Теодор и закрыл дверь.

– Смотри сюда. Ты ведь можешь, если хочешь. – Хенрик махнул пистолетом в сторону кровати. – Как я сказал, у нас осталась только одна свидетельница, и как только мы найдем ее, начнем действовать. – Он достал из внутреннего кармана куртки черный матерчатый сверток, бросил его Теодору, засунул пистолет обратно за пояс брюк под футболку и пошел к двери.

Теодор развернул сверток и увидел, что это шапка грабителя с большим желтым смайликом во весь перед.

– Но подожди, ты же не хочешь сказать, что я должен участвовать? – Паника разлилась по телу, как змеиный яд. – Но почему? – наконец выдал он из себя.

– Потому что теперь ты один из нас.

Дуня была уверена в том, что это Магнус, который не смог себя сдержать и вломился в ее спальню. Но почувствовав, что к спине приставили пистолет, она совершенно сбилась с толку. У Магнуса есть свои причуды, но меньше всего его можно упрекнуть в злом умысле и непредсказуемости.

Она никак не ожидала, что у нее за спиной может стоять Санни Лемке с растерянным взглядом и с ее табельным оружием в руках. Дуня громко закричала, и на крик прибежал заспанный Магнус. Что в свою очередь еще больше накалило обстановку, и без того напряженная Санни стала бесконтрольно направлять пистолет то на одного, то на другого, угрожая выстрелить.

В конце концов, Дуне удалось убедить женщину, что она в надежных руках и ей нечего бояться. Она объяснила, что они с Магнусом официально находятся на больничном и ведут собственное расследование, поскольку не верят в то, что их коллеги когда-нибудь схватят преступников.

Санни послушалась и согласилась отложить пистолет и принять горячую ванну, и, когда она снова вышла в холл в одежде Дуни и с вымытой головой, ее можно было принять за самую обычную жительницу Копенгагена. Ее выдавали только нервно блуждающие взгляды, которые она все время бросала через плечо.

– Санни, кроме меня и Магнуса, никто не знает, что ты здесь. Так что можешь расслабиться.

– Это точно?

Дуня кивнула и осторожно взяла Санни за руку.

– Давай пойдем на кухню. Выпьешь чаю и немного поешь. Ты, наверное, страшно голодная.

Санни кивнула и пошла за Дуней к накрытому на кухне столу.

– Магнус! Ты составишь нам компанию? – крикнула Дуня.

– Начинайте. Я только сделаю одно дело, – ответил Магнус из гостиной.

Дуня налила чай.

– Бери все, что хочешь. Вот сыр, яйца, салями, а вот мед, можешь положить его в чай.

Санни неуверенно взяла ломоть хлеба и выпила горячий чай, держа чашку дрожащими руками. Но прожевав несколько кусков, начала

расслабляться и стала брать нарезку, и, когда к ним вошел Магнус, одетый, приведший себя в порядок, с пробором, сделанным мокрой расческой, и всем прочим, остался только запотевший кусок сыра и немного хлеба.

– Санни... – Дуня положила свою ладонь на ладонь Санни, одновременно пытаясь заглянуть ей в глаза. – Думаю, я знаю, кто убил твоего брата.

Санни убрала руку и отвела взгляд.

– Наверное, ты пришла сюда, чтобы помочь нам схватить их.

– Нет. – Санни покачала головой. – Нет, нет, нет, нет. Они взяли Бьярке, и мне... мне некуда идти, и я понадеялась, что ты не такая, как все остальные.

– Я не такая, и поэтому хорошо, что ты пришла сюда. Бьярке, этот тот с зажигалкой?

– Он только вышел собрать пустые бутылки, но так и не вернулся... – Санни закрыла себе рот, пытаясь сдержать слезы.

– Этот Бьярке, – сказал Магнус. – Ты разве не дала ему мое табельное оружие?

– Магнус, это может немного подождать.

– Я всего лишь подумал...

– Магнус, – перебила его Дуня и обняла Санни, пытаясь ее утешить. – Лучше принеси немного рома.

– Что, у тебя есть ром?

– В шкафу наверху направо. Но не для тебя. Тебе уже хватит.

Магнус протянул бутылку Дуне, которая добавила в чай ром и протянула чашку Санни.

– Вот. Выпей немного.

Санни опустошила чашку одним махом, поставила ее на стол и вытерла слезы.

– Я искала его всю ночь, но нашла только на следующее утро, когда он внезапно был везде, в каждой газете и на каждом телевизионном канале.

– Не понимаю, как они смогли найти его. – Дуня налила еще одну чашку чая с ромом. – Вы же все время прятались. Разве нет?

Санни кивнула, одновременно сделав глоток чая.

– Они всех расспрашивают, угрожают и платят. Стоит им только надеть на себя маски, как все начинают стучать друг на друга. В следующий раз будет моя очередь.

– Следующего раза не будет. Слышишь? – Дуня обняла ее. – Санни... И ты нам в этом поможешь.

– Как? Как я могу...

– Показав на них. Больше тебе ничего не надо делать.

– Больше ничего? – Санни вырвалась из объятий Дуни и посмотрела ей в глаза. – Ты хочешь сказать, что я стану свидетельствовать перед всеми. Что я приду в полицию, которая поставит меня на учет, потребует сдать анализ мочи и устроит мне массу неприятностей.

– Санни, обещаю проследить за тем, чтобы ты...

– Ты не можешь мне ничего обещать. Полицаи никогда не помогали таким, как я. Что, по-твоему, произойдет, когда они отсидят свой срок? Если их вообще осудят. За кем, по-твоему, они станут охотиться?

– О'кей, тогда что ты можешь предложить? Что они будут продолжать безнаказанно делать свое дело и брать одного за другим? А мы будем просто стоять и смотреть? Санни, я понимаю, что ты чувствуешь. Поверь, никто лучше меня не знает, на что способны некоторые полицейские. Но далеко не все такие, и, во всяком случае, за этим столом сидят двое, кто на сто процентов на твоей стороне. – Дуня повернулась к Магнусу, который кивнул в знак согласия. – И мы готовы сделать все, пока ты собираешься нам помогать.

Санни довольно долго сидела молча, а потом все же согласилась.

– Можно еще немного? – Она показала на бутылку со спиртным.

Дуня налила еще одну чашку чая с ромом и пошла за распечатанным фото членов бойцовского спортивного клуба. Вернувшись и положив фото на стол, она сразу же увидела по Санни, что та их узнала. Она вперилась взглядом в лица, как в холле зажужжал домофон.

– Что это? – Санни соскочила со стула, ища глазами выход.

– Все в порядке. Не о чем беспокоиться, – сказала Дуня и попыталась опять посадить Санни – Тут у нас так принято. Ночи не проходит, чтобы кто-нибудь не навалился на все кнопки и не разбудил целый подъезд. Привыкаешь, и сама я всегда сплю с берушами.

Но кнопку словно заело – жужжание не прекратилось, а потом раздался резкий звонок.

– Магнус, пойдй посмотри, в чем дело. Уже больше двенадцати.

Магнус исчез в холле.

– Санни, ты можешь быть совершенно спокойна. Никто не знает, что ты здесь. Уверяю тебя. – Дуня плеснула капельку рома в чашку чая, которую Санни сразу же залпом выпила, и только потом села. – Видишь? Теперь прекратили. Кстати, как ты вошла?

Санни покачала головой и улыбнулась.

– Ты, может быть, думаешь, что запираешь, когда уходишь из дома. Но старая дверь никогда не заперта. Во всяком случае, для таких, как я.

– Какие люди! Сколько лет, сколько зим!

В дверях, широко улыбаясь, стоял Ким Слейзнер. Дуня попыталась что-то сказать, но не могла произнести ни слова, хотя чувствовала, как у нее шевелится рот.

– Ты не рада меня видеть? – Слейзнер развел руками и прошел на кухню. – А это, наверное, Санни Лемке. – Он стал переводить взгляд с одной женщины на другую. – При других обстоятельствах мы могли бы неплохо провести время. – Он похлопал Санни по щеке и потрогал ее волосы. – Только сначала тебе придется вывести вшей.

– Ким, какого черта ты здесь делаешь? – Дуня встала. – И как ты узнал, что...

– На что это похоже? – Слейзнер поднял одну руку и щелкнул пальцами, после чего на кухню ввалились двое полицейских в форме. – Взять ее.

Санни опрокинула стол, пытаясь им воспрепятствовать, но вскоре полицейские схватили женщину и повалили ее на пол.

– Отпустите ее! – Дуня повернулась к Слейзнеру. – Ты не можешь просто так прийти сюда и...

– Именно, что могу, – перебил он. Тем временем полицейские завели руки Санни так высоко за спину, что у той хрустнули плечи, а потом надели на нее наручники. – Она украла полицейское табельное оружие и стала стрелять в тебя и твоего коллегу с избыточным весом. К тому же она главный свидетель в одном из наших самых важных расследований на данный момент. Так что у меня сколько угодно оснований забрать ее у маленького частного детектива в твоем лице. Если бы мне понадобилось несколько таких оснований. По правде говоря, я могу делать все, что придет мне в голову. С тобой. С ней. Со всем этим свиномордой. Когда угодно. Что угодно. – Он повернулся к полицейским. – Ведите ее к машине и ждите там.

Полицейские кивнули и пошли с Санни к выходу. Она упиралась изо всех сил, пристально глядя на Дуню, а потом плюнула ей прямо в лицо и исчезла в холле.

Слейзнер засмеялся и покачал головой.

– Знаешь, что меня поражает? Что? Знаешь? – Он встал напротив Дуни. – То, что у тебя такой удивленный вид. Я знал, что ты наивный человек. Но что до такой степени, озадачило даже меня. Ты же не думала всерьез, что все кончено? Что мы с тобой разобрались друг с другом? Или точнее сказать, что я разобрался с тобой. – Слейзнер подошел к холодильнику, открыл его и достал бутылку пива, которую откупорил

тупым концом вилки. – Если ты по какой-то причине так решила, могу сообщить тебе, что я с тобой никогда окончательно не разберусь. Знаешь, я как тот клиент, который только и делает, что извергает семя. – Он сделал несколько глотков пива и срыгнул. – Через какое-то время ты начинаешь спрашивать себя, когда это кончится. Но оно не кончается, и ты пытаешься глотать, чтобы успеть, а клиент извергает все больше и больше, и, в конце концов, тебя начинает рвать, а в итоге ты больше не можешь дышать. А когда ты лежишь совсем без сил, и из обвисшего рта у тебя идет пена, я продолжаю. Туда-сюда. Туда-сюда. – Он показал бутылкой пива. – Не потому, что мне это слишком нравится – мне больше нравится подавлять сопротивление – а потому, что я могу. – Он допил пиво. – Ммм... Как вкусно. – Он посмотрел на этикетку. – «Миккеллер». Никогда не слышал. Эта одна из хипстерских пивоварен? Ну ладно. Думаю, на сегодня все. – Слейзнер подошел к Магнусу, стоящему в дверях с таким видом, будто в любой момент с ним может случиться нервный припадок. – Не надо изображать такую печаль. – Он похлопал Магнуса по щеке. – Можешь быть спокоен. Ты вел себя прекрасно и исполнил твой маленький танец почти идеально. Я тебя не забуду. Бери пиво и празднуй. – Слейзнер исчез в холле, и сразу же раздался звук закрывающейся двери.

Сначала Дуня не могла в это поверить. Что именно Магнус действовал за ее спиной и связался со Слейзнером. Именно об этом он нес околесицу, когда они шли домой. А теперь у него такое выражение лица, словно его в любую минуту вырвет.

– Прости, – сказал он и сглотнул. – Я только хотел, чтобы все было правильно, понимаешь. Чтобы у тебя не было еще больше неприятностей. Я же не мог знать, чем все обернется, – сказал он в ожидании ее реакции. – Пожалуйста, скажи что-нибудь.

Но она не могла ничего ни сказать, ни сделать. Шок парализовал ее.

И, пожалуй, к лучшему.

На ясно-голубом небе без единого облачка всходило солнце, и хотя деревья все еще отбрасывали длинные тени, ночная влажность сменялась пуховым покрывалом, которое висело над ухабистой грунтовой дорожкой, шедшей через лес.

За резким поворотом из утреннего тумана вынырнул серебристо-серый автоприцеп. Он стоял в лесу, припаркованный рядом с небольшим грузовиком и мотоциклом. Из окна, сливаясь с птичьим щебетом, лилась радостная босанова.

Внутри перед зеркалом с подсветкой в нижнем белье сидела женщина с темно-рыжими волосами, подстриженными под пажа, и подпевала музыке, делая себя макияж светлой пудрой, черной подводкой для глаз и темно-красной помадой.

Помещение, в котором она сидела, напоминало тесную театральную гримерку. Повсюду висела одежда, а на полке стояли фриголитовые головы в различных париках. Доска рядом с зеркалом была усеяна полароидными фото нескольких жертв, снятыми сразу же после заморозки, вместе с фото преступника, замаскированного под них.

Закончив краситься, женщина надела большие серьги, достала пару колготок, темно-синюю юбку и блузку цвета слоновой кости. Под конец сунула ноги в лодочки на высоких каблуках, надела темно-синий пиджак и очки в толстой оправе, выключила музыку и вышла из прицепа с потертым кожаным портфелем под мышкой и со шлемом в руке. Сразу после этого она завела мотоцикл и рванула по лесной дороге.

Выехав на трассу, женщина направилась в сторону Хельсингборга, проехав справа все время растущий торговый центра «Вела», а слева – газету «Хельсингборгс Дагблад». Лишь после этого она снизила скорость, встала в правый ряд и свернула на улицу Куллавеген, чтобы опять сразу же свернуть направо на улицу Рундгонген, которая в свою очередь вела к зданию полиции.

Но в отличие от Фабиана, сидящего в машине впереди и свернувшего на парковку для сотрудников полиции, женщина проехала вперед и остановилась только через пятьдесят метров недалеко от СИЗО в соседнем здании. Привычным движением раскрыла подставку для мотоцикла, одновременно сняв шлем и повесив его на руль, заперла руль и положила ключ на заднее колесо.

– Ты, наверное, Сесилия Ульссон, – сказал полицейай, который встретил ее на входе.

Женщина кивнула, не пошевелив губами в красной помаде, и показала свое удостоверение.

– Я не думал, что он захочет адвоката, – продолжил полицейский, рассматривая удостоверение.

– Человек может передумать, – сказала женщина, слегка улыбнувшись.

– Да еще с такими ногами. – Он подмигнул и вернул ей удостоверение. – Тут невольно задумаешься, а не проехать ли на красный свет или совершить какую-нибудь другую провинность. – Он приложил свой пропуск к считывающему устройству и кивнул ей, чтобы она вошла вслед за ним в ворота безопасности. – Насколько я понял, сейчас речь идет об этом. Но по слухам они раздобыли больше, чем достаточно, чтобы приговорить его к пожизненному заключению.

– Тем важнее мне с ним встретиться.

– Можно и так посмотреть на это. Позор тому, кто сдается. – Надзиратель вынул полиэтиленовый пакет, и женщина положила туда мобильный, кошелек и ключи. – Портфель можешь положить на конвейер, а сама встань на эти отметки и вытяни руки.

Женщина сделала, как ей велели, после чего надзиратель досмотрел ее ручным сканнером, который запищал от металлических каркасов под грудью. После чего стал досматривать ее вручную.

– Вы всегда так тщательно досматриваете?

– Ты наверняка знаешь, что произошло здесь два года тому назад, и с тех пор у нас новые правила. Но надо признать, что день на день не приходится. – Он опять подмигнул и настойчиво стал проводить пальцами по ее спине и рукам, а потом по груди, талии и дальше по ногам.

Закончив, отдал женщине портфель и открыл еще одни ворота безопасности, где передал посетительницу женщине-надзирателю. Надзиратель повела посетительницу через ряд коридоров к закрытой металлической двери, которую открыла с помощью своего пропуска и шестизначного кода.

– Поскольку ты адвокат, мы не можем установить наблюдение. Но если хочешь, сделаем исключение.

– Спасибо, но я предпочитаю придерживаться правил.

Полицейская кивнула.

– Если захочешь выйти, нажмешь на красную кнопку. Вернусь через полчаса.

Женщина вошла в комнату без окон для посетителей, где стояли

обернутая в полиэтилен койка и стол, за которым сидел и ждал преступник. Бритый наголо мужчина был одет в светло-серые брюки и рубашку с логотипом СИЗО Хельсингборга.

– Привет. Сесилия Ульссон, – сказала она и протянула руку.

– Привет, привет. – Мужчина встал, чтобы пожать ей руку. Тем временем полицейская вышла и закрыла дверь; автоматические задвижки вошли в стену.

Мужчина подошел вплотную к женщине и встал к ней лицом. Посетительница сняла лодочки. Они посмотрели друг друга в глаза глубоким взглядом, словно шли к этому всю жизнь, и через какое-то время он наклонился вперед и высунул кончик языка. Она последовала его примеру и начала ласкать его язык своим. Словно две змеи, которым все мало.

– Скоро... – прошептал он и снял с нее очки. – Скоро все это кончится.

Она кивнула, и, как по сигналу, они начали снимать с себя одежду. Он рубашку и брюки, а она блузку, колготки и юбку. Когда он натянул на себя набитый бюстгальтер и ловко надел ее блузку, она взяла его рубашку. Каждое совершаемое ими движение казалось хореографическим номером, отрепетированным до мельчайших деталей. Как ритуал, который они выполняли бесчисленное количество раз.

Мужчина одним махом натянул на себя колготки и юбку, пока женщина застегивала серые брюки. Переодевшись, они опять встали друг перед другом и быстро, но крепко поцеловались, а потом продолжили.

Женщина сняла с себя накладные брови и приклеила к нему, а он снял с нее большие серьги и повесил их себе в уши. Она открыла портфель, достала пропитанную раствором вату и сняла с губ и остального лица грим, а мужчина взял грим и стал пудрить лицо, наработанным движением подводить глаза и красить губы такой же красной помадой, какая только что была на ее губах.

В конце она сняла парик и надела на него. Женщина тоже была побрита наголо, и, когда он надел лодочки и очки, стало почти что невозможно понять, что они поменялись местами.

Через десять минут послышалось, как отодвигают засов, после чего дверь открылась, и вошла надзирательница.

– Посещение закончилось.

Мужчина кивнул, поправил очки и взял свой портфель. Потом встал на высоких каблуках и повернулся к полицейской, которая вывела его из комнаты для посетителей и повела дальше по коридору, даже не задумываясь о том, что это не женщина.

Малин Ренберг и ее муж Андерс договорились о том, что возьмут выходной в предпраздничный день, чтобы раз и навсегда избавиться от всего строительного мусора, который остался после ремонта и лежал под брезентом в саду вот уже почти два года. Даже соседи, обычно такие милые и скромные, стали выражать свое недовольство. Не непосредственно им, а другим соседям, причем некоторые зашли так далеко, что перестали с ними здороваться.

Но из-за нераскрытого старого дела с графом у Малин все чесалось, как будто ее покусала туча комаров, и, точно как сказал Фабиан, есть только один способ унять зуд – поехать на старый хутор к югу от Стокгольма и посмотреть на месте.

Андерсу она сказала, что наконец-то почувствовала потребность заняться спортом, и поэтому ей лучше поехать в город и купить все для тренировок, а потом тихо-спокойно заглянуть в различные спортклубы, чтобы выяснить, на какой делать ставку. И потом она, конечно, сходит на занятие, а может быть, даже на два сразу в зависимости от того, сколько у нее хватит сил.

Как Малин и ожидала, Андерс дал себя провести. Он даже расплылся в улыбке и сказал, что это совершенно замечательная идея. И ей абсолютно незачем беспокоиться о строительных отходах.

Согласно навигатору поездка должна была занять примерно час, и, хотя прибор иногда несколько раз сбивался на маленьких покрытых гравием дорожках, петляющих в густом лесу, она, наконец, добралась до места.

Хутор находился в десяти метрах от дороги за стеной из дикорастущих кустов, пышная зелень которых практически загоразивала весь вид. Старый дом с классическими белыми углами, наверняка построенный больше ста лет назад и когда-то выкрашенный в цвет красной меди, теперь покрылся зеленым слоем мха и водорослей.

Малин вошла в некогда белую калитку, которая доходила ей до бедра, и пошла по высокой траве к крыльцу. На двери не было таблички с именем, но от нее остался темный прямоугольный контур с отверстиями в каждом углу. Хотя она не ждала, что кто-то выйдет и откроет, ударила ржавым молотком по дощечке. Твердый звук металла о металл быстро утонул в густой зелени, и скоро опять стало тихо.

Сделав еще три попытки, она потрогала дверную ручку, прикрепленную вверх ногами. Малин надо было только поднять ручку вверх и проверить, не заперта ли дверь. Дверь оказалась незапертой.

Внутри было на несколько градусов холоднее, чем снаружи, и, сделав несколько вдохов, она почувствовала признаки астмы, которая перекрывает ей бронхи. Иными словами воздух был не только влажным и спертым, но и со спорами плесени. Но ничего не поделаешь, заключила она и прошла на кухню с коврами, мебелью и всевозможными безделушками и вещичками. В мойке кто-то оставил тарелки, приборы и стаканы, а на столе лежала газета губернии Сёдертелье от 4 марта 1995 года, раскрытая на развороте с заголовком: *20-летний наемный убийца ограбил заправку Статойл и украл пятьсот крон.*

Ручки внутренних дверей тоже были перевернуты, и Малин вспомнила старый хутор своей тетки в провинции Даларна. Там было то же самое, и когда она однажды спросила почему, тетя ответила, что это для защиты от всех существ, которые населяют дом. Они не смогут проникнуть в дверь с неправильно повернутой дверной ручкой. Значит ли это, что в доме живут злые духи? Поэтому его бросили на произвол судьбы после смерти Веры Мейер?

В спальне из мебели был только старый секретер под единственной книжной полкой в одном конце комнаты и двуспальная кровать с резной спинкой в другом. Туго натянутое покрывало, наверное, когда-то было голубым, но выгорело и стало светло-серым. То же самое стало с тряпичным ковриком рядом с кроватью. Малин вошла и, отодвинув ногой коврик, увидела то, что подозревала, прочитав материалы следствия.

Темное пятно крови в форме амебы было на вид около метра в диаметре. Здесь Хеннингу фон Юлленборгу нанесли восемнадцать ножевых ранений в спину, причем несколько таких глубоких, что нож проткнул грудь насквозь. Нож так и не нашли, хотя прочесали весь район металлическим детектором и обследовали дно водоема кошкой.

Малин села на корточки и провела рукой по деревянным доскам, которые наверняка пытались отскрести, обработать наждаком и отбелить щелоком, пока не поняли, что сухой пол впитал так много крови, что остается его только полностью поменять.

Сзади что-то скрипнуло, и она резко обернулась. Но никого не увидела. Она встала и прислушалась.

– Эй? Здесь кто-то есть? – закричала она и стала вслушиваться в тишину, а затем покачала головой. Неужели из-за каких-то перевернутых дверных ручек она начала верить в привидения? А ведь она, в отличие от

Андерса, не станет ни во что верить, пока несколько раз не убедится.

Малин положила коврик на место и подошла к секретеру, на котором была та же резьба, что и на спинке кровати. В замке торчал ключ; Малин повернула его и откинула крышку. В глубине лежала кипа вырезанных кроссвордов, все начатые, но не законченные.

В одном из четырех маленьких ящиков по бокам лежали ручки и ластики, в другом – несколько карточных колод. В третьем хранились катушки с нитками, иголки и наперстки, а последний был пуст. Пятый ящик посередине был в два раза шире и такой же пустой. Выдвинув его, Малин тыльной стороной ладони почувствовала легкую тягу. Она целиком вынула ящик и отложила его в сторону. Теперь она четко ощущала, как из отверстия дует. Она села на корточки и наклонилась вперед, но ничего не увидела в темноте. Ей пришлось посветить мобильным.

Отверстие шло вдоль задней стороны секретера и исчезало в стене за ним. Если бы у нее за спиной снова не раздался скрип, она бы уже начала гадать, что там спрятано. Но вместо этого повернулась и еще раз спросила, кто здесь.

Естественно, никакого ответа не последовало, и хотя Малин прекрасно понимала, что, как правило, старые деревянные полы скрипят и трещат, на всякий случай закрыла дверь в прихожую.

После чего попыталась отодвинуть секретер от стены, но увидела, что он привинчен к полу. Иными словами, ей придется засунуть руку в темное неизвестное пространство.

Она наклонилась вниз, чтобы засунуть всю руку целиком, и кончиками пальцев нащупала что-то в самой глубине. Но только сняв пальто и свитер, сумела залезть достаточно далеко, чтобы взять предмет и вытащить его.

Это был старый фотоальбом. Она вытерла слой пыли и мышинного помета и открыла его. На первом фото двое детей лет пяти, взявшись за руки, стояли на лужайке перед домом. Дети отличались только одеждой – короткие брюки с подтяжками и рубашка, и платье с бантом. Помимо этого они были похожи, как однайцевые близнецы. Светлые волосы, глаза, форма лица, даже поза, в которой они стояли, положив руку на бедро, были почти что идентичными.

Дидрик и *Нова* были написано выгоревшими витиеватыми буквами под фото.

Малин стала дальше листать альбом, в котором было полно фотографий двух детей в различные периоды жизни. На большинстве они стояли, держась за руки, и смотрели прямо в камеру. На других обнимались и целовались, а на некоторых с ними была Вера Мейер. Она достала

мобильный и сравнила фото из альбома с фотографиями преступника и женщины, которые прислал Фабиан. Без сомнения, это они.

Дидрик и Нора.

Это дети Веры? Но ведь у Веры не было детей. Во всяком случае, если верить старому расследованию Эдельмана, который в свою очередь ссылался на реестр народонаселения.

И тут у нее за спиной раздался щелчок, который при всем желании нельзя было списать на игру воображения. Дуло ружья находилось от нее так близко, что, повернувшись, она смогла в него заглянуть. Инстинктивно рука Малин потянулась к наплечной кобуре, но остановилась на ходу.

Уже было поздно.

Прошло больше суток с тех пор, как Соня не приходила домой, не звонила и даже не присылала смс. В том, что она погружается в себя в разгар творческого процесса, не было ничего необычного. Не говоря уже о нем самом, который мог отсутствовать целыми днями, если работа того требовала.

С одной только разницей – на этот раз она ушла от него.

Из-за этой разницы секунды казались часами.

Следствие помогло ему сдержать беспокойство большую часть вчерашнего дня. Но стоило ему запереть входную дверь и повесить ключи в шкаф для ключей, его мысли устремились в эпицентр боли.

Фабиан приготовил ужин на автопилоте, и, пока они с детьми ели, забросал себя вопросами. Они будут продавать дом? И дети. Ведь они уже довольно взрослые, чтобы по неделе жить то у одного, то у другого родителя с постоянно собранными рюкзаками. А он сам. Кончится тем, что он станет отцом-одиночкой? Или, как Тувессон, станет пить? Все эти вопросы повисали в темноте без ответов.

Матильда спросила, где находится Соня, но он смог только пожать плечами и отделаться полуправдой о том, что она вынуждена работать допоздна. Но дочь, конечно, видела его насквозь и указала на нетронутые стакан, тарелку и приборы.

После ужина он постарался убить как можно больше времени и лег спать уже в половине десятого. Но не заснул. Вопросы, как навязчивый шум в ушах, никак не давали ему уснуть. Всю ночь он проворочался на потной постели, и в конечном итоге простыня стала больше походить на смирительную рубашку.

По этой причине он налил себе вторую чашку только что сваренного очень крепкого кофе и стал ждать, когда остальные члены команды займут места за столом в совещательной комнате.

– О'кей, давайте начнем, – сказала Тувессон, которая, наконец, вернулась и у которой единственной в комнате был более или менее отдохнувший вид. – Насколько я понимаю, вчера много чего произошло, так что кто хочет начать? – Она отставила чашку с кофе и обвела взглядом присутствующих.

– Но пока мы не приступили, я бы хотел задать маленький вопрос. – Утес поднял вверх указательный палец. – Где тебя носило весь вчерашний

день и вечер среды? Не знаю, как остальные, но мне, во всяком случае, надо знать.

– Мне тоже, – сказала Лилья и кивнула в знак согласия.

– По ходу следствия все время что-то происходит, – продолжил Утес. – Но когда я пытаюсь позвонить тебе и связаться с тобой, и не по одному разу, ты или не отвечаешь, или не перезваниваешь. И теперь я хочу знать, в чем дело. Так продолжаться не может.

Фабиан без труда мог понять Утеса и Лилью. Им действительно надоели проблемы Тувессон с алкоголем, которые все больше и больше влияют на обстановку на работе. Да и ему тоже. Но сейчас не время выяснять это.

– Она ответила, когда я позвонил, – сказал он, и на него удивленно посмотрели не только Утес и Лилья, но и сама Тувессон. – Но ты не могла говорить, потому что как раз была в самолете, разве нет? – Он встретился с ней взглядом, и как только первоначальное смятение прошло, она кивнула.

– Да, я летела в Берлин навестить сестру.

– В Берлин? – спросила Лилья.

– Да, извините, если я не сказала. Все произошло совершенно спонтанно – моя сестра предложила мне взять выходной в предпраздничный день и приехать к ней. Я не думала, что это получится, но когда Хёгсель в среду дала понять, что показаний Жанетты Даун достаточно, я в последнюю минуту купила билет и поехала прямо в Каструп. Но как только я услышала, что произошло, вылетела обратно первым же рейсом.

– Твоя сестра, наверное, расстроилась. – Утес потянул себя за щетину.

– Конечно, но что мне было делать? – Тувессон развела руками, словно больше добавить было нечего.

– А мне показалось, что ты вроде сказал, что она сидит на совещании в Мальмё. – Утес повернулся к Фабиану.

– Да, но это было на обратном пути после того, как она приземлилась.

– Так все и было. Я заехала на совещание по дороге, – вмешалась в разговор Тувессон. – Но послушайте, давайте лучше начнем. Скоро у меня встреча с Хёгсель. Фабиан, давай ты.

Фабиан кивнул и вкратце перечислил находки, сделанные дома у Юхана Халена. Тайная комната секса в подвале и могила с тремя телами в саду. Затем рассказал о каждом. В частности, о Диане Давидссон, благодаря которой они поняли, что речь идет не только о преступнике, но и о преступнице, которая, похоже, так же ловко меняет обличье.

Затем рассказал о графе Бернарде фон Юлленборге, брата которого

Акслея фон Юлленборга нашли замерзшим в его охотничьих угодьях зимой 2010 года с простреленной ногой, и о том, как его бывшая стокгольмская коллега Малин Ренберг сейчас устанавливает возможную взаимосвязь с убийством их отца двадцатилетней давности, которое до сих пор не раскрыто.

Он рассказал о сложной паутине денежных транзакций, которую удалось распутать персональному банковскому менеджеру Халена Марианне Вестер. Она отследила все переводы через различные офшорные компании с самого начала и вплоть до пары Стен и Анита Стрёмберг.

Когда Фабиан закончил, Тувессон стояла перед доской во всю стену, рассматривала линейку времени, фото всех жертв и мест убийств, а также взаимосвязей между ними и качала головой.

– Вы наверняка совершенно правы. Просто кажется... Не понимаю, как они сумели... Как бы это сказать? В обычном случае я бы отвергла весь сценарий как чистый плод фантазии и полный абсурд.

– Полный абсурд, по-моему, довольно хорошо подходит для описания наших преступников, – сказал Фабиан. – Не забывайте, что мы имеем дело с женщиной, которая глазом не моргнув идет прямо в СИЗО и срывает очную ставку, и с мужчиной, который в центре города заезжает за край набережной, а потом исчезает на дне морском.

Тувессон кивнула и повернулась к остальным.

– Как мы пойдём дальше?

– Думаю, надо сосредоточить все силы на ней. – Фабиан обвел в кружок фото из водительского удостоверения Аниты Стрёмберг. – Далеко не факт, что это ее настоящее имя, но есть шанс, что она по-прежнему им пользуется.

– Да, и наконец-то у нас есть номер удостоверения личности. – Тувессон повернулась к Утесу. – Предлагаю тебе отставить все в сторону и начать собирать сведения об Аните. Ирен, с твоей помощью дело пойдет быстрее.

Утес и Лилья кивнули и вышли из комнаты, каждый с полной чашкой кофе. Фабиан пошел вслед за ними, думая о разводе.

– Фабиан, ты как? – спросила Тувессон, не оставив ему выбора.

Он остановился и повернулся к ней.

– На личном или на рабочем фронте?

– Значит, дела совсем плохи. – Она подошла к кофейному автомату и налила себе чашку. – Когда я была беременна, не знаю, чувствовал ли ты то же самое, когда вы ждали детей, то повсюду видела женщин с животами. Когда я через полгода ходила с коляской, внезапно везде были одни

сплошные коляски. – Она встретила с ним взглядом. – То же самое, когда я только что развелась. Это видно по глазам людей. Читается между строк и слышится в интонации. Везде, все время.

Фабиан кивнул. У него не было никаких слов. Особенно сейчас. Только действия.

– Может быть, поговорим об этом в другой раз, – наконец выдал он из себя и направился к двери.

– Конечно. Прости, я не собиралась... я просто хотела... Еще одна вещь, и ты пойдешь.

Он опять остановился и обернулся.

– Я просто хочу поблагодарить тебя за то, что ты вызвался поддержать меня на совещании.

– Все в порядке. – Фабиан попытался улыбнуться. – Как я уже сказал, по-моему, не надо слишком много говорить о личном в разгар расследования.

– В этом ты совершенно прав, но это же ты был у меня вчера дома?

Он кивнул, и Тувессон прижала указательный палец к губам.

– Не знаю, как мне выразить...

– Тебе ничего не надо говорить.

– Нет, надо. Во-первых, хочу сказать, что я очень благодарна за то, что это был ты, а не кто-то другой из команды. Во-вторых, страшно извиняюсь за то зрелище, которое перед тобой предстало и которое, наверное, будет стоять у тебя перед глазами каждый раз, когда мы будем встречаться.

– Астрид, все в порядке.

– В порядке? Это черт знает что такое. Но... – Она посмотрела в окно. – И вот что важно. Что бы ты ни думал, я хочу, чтобы ты знал: это одноразовое явление и ничего кроме.

– Дело не в том, что я думаю, – сказал Фабиан, хотя вообще-то не хотел ничего говорить. – А в том, что мы в процессе расследования, которое не похоже ни на какое другое. Это расследование может полететь к черту без руководителя, который отвечает, когда мы звоним, даже если это в середине ночи, и которому не нужно все пересказывать из-за того, что он лежал дома в собственной рвоте.

– Фабиан, ты, безусловно, прав. Но как ты знаешь, мне было немного...

– Еще раз. – Он пригвоздил ее взглядом. – Еще раз, и я ни секунды не колеблясь подам заявление Букандеру.

Тувессон собралась что-то сказать, но тут зазвонил ее мобильный.

– Да, алло? Да, это Астрид Тувессон... Привет, Рагнар... Ага. Что? Но

подожди, ты можешь повторить последнюю фразу еще раз? – С ее лица исчезла вся краска, и ей пришлось сесть на стул. – Но... Я не понимаю. Как они только могли... Боже, этого не может быть... Это же сплошной абсурд. Но эй, каким образом это может быть наша ошибка? Ведь не мы... Что значит незаконное лишение свободы? Но Рагнар, ты же сам слышишь! Это чистое безумие.

Фабиан слышал взволнованный голос на другом конце, но ему не удалось разобрать слова. И когда Тувессон, наконец, закончила разговор и повернулась к нему, он увидел по ее лицу, что хотя она слышала каждое слово, она все равно не поняла.

– Они поменялись местами, – произнесла начальница словно под гипнозом.

– Как там поменялись местами? Кто с кем?

– Преступник с женщиной.

Фабиан по-прежнему ничего не понимал.

– Получается, сегодня утром она пришла к нему в СИЗО, а спустя полчаса он вышел оттуда в ее одежде. Сначала я подумала, что это шутка, но это правда.

– А она? Что сделала она?

– Еще четверть часа назад сидела, а потом обратила их внимание на ошибку.

– Выходит, теперь у них вместо него сидит она?

– Если бы так... – Тувессон вздохнула и покачала головой, словно уже была готова полностью сдаться.

– Подожди. Они же ее не выпустили?

– Именно что выпустили. Рагнар сам там не был, поскольку это предпраздничный день. Очевидно, женщина выдала себя за адвоката преступника и пригрозила им подать на них в суд за незаконное лишение свободы, если они ее не отпустят. Ничего худшего в моей практике не было, хотя в СИЗО Крунуберга в 2004 году произошло нечто подобное, если верить Рагнару Пальму. Знаешь, что он еще сказал? Помимо того, что сослался на нехватку персонала. Что? Ты хочешь услышать? Знаешь, что этот черт имел наглость сказать после всего того, что мы пережили? Ничего бы этого не случилось, если бы мы держали его в курсе расследования. Тогда бы они были «больше начеку». Слышал когда-нибудь подобную глупость?

Фабиан не знал, что ему ответить. Вопрос его вообще не интересовал. Значение имело только то, что и преступник, и женщина вновь находятся на свободе. Чья бы вина ни была, это не меняло тот факт, что они вернулись

к началу, не имея ни малейшего понятия, как им двигаться дальше.

Хотя Слейзнер имел обыкновение созывать пресс-конференции, как только у него появлялся шанс, Дуня не ожидала, что он поступит как безнадежный дурак и обнародует имя Санни Лемке. Но вот она в кадре на весь экран сидит на заднем сиденье полицейской машины и страшно испуганным взглядом смотрит прямо в камеру. О чем он, черт возьми, думал?

– *Может быть, для вас это будет сюрприз.* – В кадре опять появился Слейзнер. Верный своей привычке он как следует напудрил лоб и переносицу, чтобы они не блестели от жара прожекторов. – *Но не для нас, которые с этим работают.* – Он показал на Иба Свейструпа, который сидел по одну руку от него, и на Сёрена Уссинга, который сидел по другую руку. – *И хотите верить, хотите нет, но если в газетах ничего не пишут, это не значит, что мы сидим сложа руки.* – Кое-кто из журналистов рассмеялся. – *Как бы то ни было, это не что иное, как результат интенсивной, но вполне обычной скрытой работы полиции.*

Дуня взяла пульт и хотела выключить. Но хотя от одного вида Слейзнера ей становилось плохо, и каждая клеточка ее тела буквально требовала выбросить телевизор в окно, она не могла заставить себя нажать на красную кнопку.

– *Как вы понимаете, это означает, что расследование дела о brutальных убийствах Йенса Лемке и Бьярке Фриса продвинуется далеко вперед, когда теперь у нас есть очевидец. И я горжусь и радуюсь, что мог в этом помочь.* – Слейзнер изобразил одну из своих патентованных улыбок, которая прошла сквозь экран и коснулась всего на своем пути.

Дуне было достаточно. Она пошла в ванную, чтобы ополоснуть лицо. Она чувствовала себя грязной. словно он опять побывал здесь и испачкал ее.

– *Значит, теперь следствие ведет полиция Копенгагена?* – спросил один из журналистов.

– *Нет, и хочу подчеркнуть, что мы никоим образом не передали ничего себе.*

Дуня вытерлась и заметила зеленую зубную щетку в кружке рядом с ее собственной. Наверняка Магнуса, подумала она и выкинула щетку в мусорное ведро.

– *Но как всегда мы тесно сотрудничаем, и именно в этом деле я и моя*

команда смогли помочь с важным фрагментом пазла. К тому же на момент задержания фигурантка случайно оказалась в Копенгагене.

Получается, он был настолько уверен, что переночует у нее, что взял с собой зубную щетку. Она по-прежнему не могла понять, как Магнус мог обмануть ее и опуститься так низко. Правда, он пытался найти объяснение. Что пошел на это ради нее, что Слейзнер давил на него и фактически заставил.

– Сейчас ее допрашивают здесь, в Хельсингёре, под руководством моих коллег. Поэтому остальные вопросы можете задавать им.

Но Дуня воспринимала только отдельные фрагменты. Она вся кипела от злости и, как только собралась с силами, попросила его уйти.

– Вначале эта женщина была одной из главных подозреваемых. Она по-прежнему ею является?

Дуня вернулась в гостиную и увидела, что Слейзнер наклонился к микрофону.

– Нет, в первую очередь мы взяли ее как свидетеля, и сейчас она помогает нам составить фоторобот.

– А как вы расцениваете то, что она украла два табельных оружия и фактически стреляла в полицейского?

– В настоящий момент нам важнее ее свидетельские показания.

– Означает ли это, что вы не станете дальше...

– Это означает, что сейчас мы задействуем все ресурсы, чтобы опознать и схватить того или тех, кто виновен в этих ужасных убийствах. – Слейзнер отклонился назад от микрофона.

– Позвольте мне уточнить. – Уссинг откашлялся. – Не вдаваясь в специфические детали, могу сказать, что, к сожалению, в определенных обстоятельствах мы, полицейские, действовали не самым подходящим образом, что без сомнения явилось решающей причиной того, что все произошло так, как произошло.

– Ты намекаешь на Дуню Хоугор и на тот факт, что это ее оружие?

– Мы собрались здесь не для того, чтобы кого-то осудить.

– Но раз уж об этом зашла речь, – вмешался Слейзнер и поднял в воздухе палец. – Не будем также скрывать, что в организации есть негодяи. К счастью, они являются исключением, но Хоугор – одна из них. Как некоторые из вас знают, я сужу по собственному опыту и целиком убежден в том, что и Иб, и Сёрен согласятся со мной, когда я скажу, что ее, наконец, не будет в рядах датской полиции.

Дуню ничуть не удивило, что Сёрен кивнул. Но Иб? Правда, у него был такой вид, будто его запрограммировали против его воли, но все-таки.

Ведь он знал гораздо больше. Как он может просто сидеть там и не возражать им? По крайней мере, это дало ей силы нажать на красную кнопку.

– Входи, входи, – крикнул полуглухой старик Малин, которая вошла вслед за ним в избу с таким низким потолком, что ей пришлось пригнуться, хотя в ней всего метр шестьдесят три.

– Садись, сейчас принесу тебе кофе. Он уже варится на плите. – Старик поставил ружье к стене и подошел к плите. – Кстати, а дама пьет такой кофе?

Малин кивнула и села на один из двух стульев за кухонный стол с клеенчатой скатертью в клеточку и с пластиковыми цветами в вазе с водой. До этого она пила кофе, сваренный на огне, только один раз, во время похода на лошадях в глуши региона Норрланд пятнадцать лет назад. Хотя был разгар суровой зимы, она отказалась пить из погнутого металлического ковша с дымящимся горячим кофе и признала свою ошибку лишь тогда, когда участники группы сделали вид, будто пьют божественный напиток.

Как она и предполагала, кофе оказался очень невкусным, и она до сих пор уверена в том, что остальные в глубине души были того же мнения, хотя сидели в снегу и утверждали, что ничего никогда вкуснее не пробовали.

– Надеюсь, дама также любит сладкий рулет, – сказал старик и поставил на стол поднос с несколькими кусочками рулета, в которых, судя по их виду, было так много консервантов, что они вместе с тараканами без проблем переживут третью мировую войну.

– Как я уже сказала раньше, мы полным ходом расследуем дело об убийстве, – произнесла Малин, пытаясь ускорить процесс. – Поэтому мне надо знать, известно ли тебе об этих двух детях и что ты можешь о них сказать.

Малин достала и раскрыла фотоальбом, который нашла в стене.

Мужчина, не посмотрев на фото в альбоме, спокойно налил кофе и сел напротив нее.

– Дама должна знать, что я с семнадцати лет работал в имении дворником, и смею сказать, что в то время не было ни мобильных телефонов, ни цветных телевизоров, а ириска стоила не больше эре, если купить пять штук.

– Да, были времена. Но ты же должен знать, кто это.

– Что?

– Я просто сказала, что ты должен знать этих двух детей, – произнесла

Малин так громко, как только могла, одновременно пытаюсь скрыть раздражение. Она начинала понимать, почему он ее не слышал, когда она кричала на хуторе.

– Знаешь, в то время можно было схватить девушку за задницу и назвать шоколадный шарик негритенком, не боясь, что тебя арестуют. Кстати, почему ты не попробуешь кофе?

Малин кивнула и заставила себя сделать глоток кофе, который к ее удивлению оказался вовсе не так уж плох.

– Семнадцать лет и бриллиантин на волосах. Да, тогда можно было потрахаться то тут, то там, когда меньше всего предполагаешь. Знаешь, я ходил по дворам и делал разную работу, да еще имел такой член, что никаких проблем у меня не было. Знаешь, как они меня называли? Негр. И знаешь почему?

– Спасибо, я пойду, – Малин встала.

– Что?

– Я же сказала, что у меня нет времени сидеть здесь и слушать твои мужские шовинистические истории, которые пахнут проклятой расистской пропагандой в духе Шведских демократов^[28]. Ты уж меня извини, но мне надо идти. Спасибо за кофе.

– Другое дело старый граф. Ему приходилось по меньшей мере принуждать, чтобы что-то вышло, – продолжил мужчина и покачал головой. – И он получил то, что заслужил.

Малин обернулась в дверях.

– Старый граф. Ты ведь говоришь о Хеннинге фон Юлленборге?

– Знаешь, он делал то, что хотел. Заставлял всех, кто ему нравился, пока мужчины были на работе. Чем моложе, тем лучше. Почему ты не пробуешь рулет? Может быть, на вид он опасный. Но гарантирую: он не кусается. – Старик протянул поднос.

Малин опять села, взяла кусок и попробовала.

– Ты хочешь сказать, что Хеннинг фон Юлленборг насиловал женщин в округе?

– Все знали, но никто не смел ничего сказать. Ведь это он заказывал музыку.

– А Вера Мейер? Он ее тоже изнасиловал?

– Что?

– Вера! Мейер! – закричала Малин так, что куски рулета вывалились у нее изо рта.

– Даме не надо кричать. Я еще не совсем глухой, только полуглухой. Да, какое-то время Вера была в большом фаворе. Помню одно лето, думаю,

это был 1978 год. Он ходил туда каждый вечер, пока она не забеременела, и все стало не так забавно. – Старик покачал головой, взял в зубы кусок сахара, налил кофе в блюдечко и стал хлебать. – Но Вера была не единственной, кто от него понес. Далекo не единственной, если спросить меня.

– Я не понимаю одного. Ведь на его пенисе нашли кровь не Веры.

– Но она единственная, кто посмел обмануть его и взять у него деньги, не сделав абoрта. А это был не хрен собачий, уверяю тебя.

– Значит, она тогда забеременела Дидриком и Новой?

– Что?

– Ничего, – сказала Малин, проклиная себя за то, что не дала ему просто говорить, пока брала еще один кусок рулета.

– Хотя она носила близнецов, это почти не было видно, – продолжил мужчина. – Она и до этого была большой, так что он, наверное, ничего не заметил. Подумал, что она сделала так, как он велел. Потому она родила их тайно в спальне и нигде не зарегистрировала. Первые годы даже не позволяла им выходить из спальни. Она так боялась, что он обнаружит детей и, может быть, даже нанесет им вред, что никогда не спускала с них глаз. Они не ходили в школу и не выходили на улицу, и не делали ничего другого. Но она научила их всему, что знала сама. Думаю, только когда им было лет шесть-семь, слухи о ее поступке распространились так далеко, что дошли до самого графа. – Мужчина покачал головой, взял в зубы еще один кусок сахара и отхлебнул кофе. – Он, понятно, был вне себя от бешенства и избил ее поленом прямо на глазах у детей. После этого она так и не оправилась. Но он еще не закончил расправляться с ними. Далекo нет, как оказалось. Он стал приходить к ним. Каждый день, а иногда даже чаще. Но теперь не из-за Веры, а из-за детей. И не только девочке приходилось вставать на четвереньки. Мальчику тоже. Иногда он разом брал обоих и заставлял их делать друг с другом такие вещи, о которых лучше не думать. Дама знает, эти вещи застревают в голове и загрязняют мысли.

Малин кивнула. Она его прекрасно поняла.

– Но если есть ад, – мужчина первый раз посмотрел ей в глаза, – то заверяю тебя, что он все еще горит.

В конце концов, детям надоело, и они отомстили, нанеся восемнадцать ударов ножом, а после этого исчезли, как дым.

До недавнего времени.

Соня фантазировала об этом в течение многих лет. Первый раз больше десяти лет назад. Мысль возникла словно из ниоткуда. Дети, наконец, уснули, и они с Фабианом лежали валетом на диване и смотрели фильм из сериала «Клиент всегда мертв». Речь шла о дочери и ее любовнике, точно она не помнит. Но, во всяком случае, в Соне что-то пробудилось, и если бы Фабиан там и тогда выключил телевизор, то мог бы сделать с ней все, что угодно. Ничего, конечно, не произошло, и она отбросила от себя эту мысль, такую же запретную, как неверность.

Но мысль настойчиво возвращалась. Не дома на диване, а когда она была одна в мастерской и могла спокойно пропустить ее через себя. Это было далеко не каждый день, но с годами желание когда-нибудь претворить фантазию в жизнь росла и крепла.

Она ничего не говорила Фабиану. Даже тем поздним вечером пять-шесть назад, когда они открыли еще одну бутылку вина, и он спросил ее, что бы ей хотелось попробовать. Что угодно, добавил он и опустошил свой бокал.

Хотя Соня в глубине души с нетерпением ждала, что когда-нибудь он неожиданно задаст ей именно этот вопрос, она только покачала головой и напомнила ему о том, что через несколько часов проснутся дети. От одной лишь мысли, что надо будет облечь ее самое сокровенное желание в слова, она почувствовала одновременно омерзение и подъем.

И только теперь она поняла, что стремилась к бессловесному сюрпризу. Другой мужчина прочел ее мысли и проявил инициативу, не извиняясь, не спрашивая разрешения и не думая о последствиях. Не потому, что должен или его попросили, а потому, что хотел.

Повязка у нее на глазах не пропускала свет ни на миллиметр. Хотя была середина дня, темнота была настолько плотной, что ей казалось, будто она плывет в невесомости и рискует улететь, если бы ее руки не были привязаны к спинке кровати.

Чтобы все закончить к завтрашнему празднику, Соня работала почти всю ночь без перерыва. Ее работа *Висящий ящик* должна стать новым рискованным поступлением в солидную коллекцию Алекса Уайта, и она уже представляла себе, что это будет значить для ее имени. Она выставлялась не в первый раз, но в первый раз встретится со сливками шведского художественного мира.

Мало того – за всю свою карьеру она никогда не создавала такое цельное произведение. А если учесть, за какой короткий срок, это просто чудо. В кои-то веки она точно знала, что должна делать.

Только она переложила из маленького полиэтиленового пакета семь бриллиантов, которые купила за 140 000 крон, в длинный деревянный ящик длиной 1, 98 метра и привинтила крышку, как он внезапно встал за ней с повязкой в руках. Соня не слышала, когда он вошел, – она была так поглощена работой над своим творением, что даже не успела вспомнить, когда он должен был вернуться из Лос-Анжелеса.

Не говоря ни слова, он завязал повязку, поднял ее в своих объятиях и понес в спальню. Там он связал ей руки какой-то бархатистой тканью и спокойными бесшумными движениями начал раздевать ее.

Сначала туфли и рабочие брюки, так запачканные засохшей краской, что они могли стоять. Затем он снял с нее футболку и обнажил ее грудь, а потом снял с нее трусы. До сих пор он даже не коснулся ее кожи, и теперь она лежала и ждала, что произойдет, пока, судя по звукам, он снимает с себя одежду.

Ей было холодно. Не слишком, но достаточно, чтобы ощущать каждый квадратный миллиметр своего тела, которое так стремилось к этому и теперь готово понять, что сейчас это произойдет. Что ожидание, наконец, закончится.

Он начал с груди. Возможно, не самый неожиданный выбор. Но без сценария все может произойти, и, когда теплый кончик его языка коснулся ее правого соска, у нее возникли ощущения, которые она никогда не испытывала раньше. Словно временная слепота в несколько раз обострила ее другие чувства, и легкое, как перышко, касание разошлось по телу, как круги по воде.

Кончик языка продолжил игру с другой грудью, и теперь оба соска затвердели до боли. Соня застонала и поняла, что это гораздо лучше, чем можно мечтать. Тем временем его язык переместился вниз на ее живот, оставив после себя влажный след. И когда он подул на этот след, все ее тело словно превратилось в одну большую эрогенную зону.

Она попросила его войти в нее. Больше не затягивать. Но он не обратил никакого внимания на ее желание и продолжал спускаться все ниже. Она раздвинула ноги, чтобы дать ему доступ, и когда его язык, наконец, нашел клитор, ее тело содрогнулось так, словно никогда не испытывало ничего подобного.

Обычно она не выносила прикосновений в первые минуты после оргазма. По какой-то причине ей казалось, что ее режут, и, как правило,

Фабиан мог дотронуться до нее снова самое раннее через полчаса, хотя чаще всего к этому времени он засыпал.

В этот раз ее тело просило еще. И получило. Сначала в виде языка и пальца, которые, как ищущая цель управляемая ракета, нашли именно ту точку, какую ей никак не удавалось обнаружить. Когда он снова вошел, она закричала в голос, и ей показалось, будто она навзничь упала во что-то теплое и мягкое.

Она понятия не имела, как долго там пребывала, как долго его пальцы входили в каждое отверстие, и как долго он вкушал ее, словно никак не мог насладиться. Время шло по кругу или стояло на месте. Она потеряла счет тому, сколько раз напрягала низ живота, чтобы он мог проникнуть в нее как можно глубже.

Он схватил ее под коленями, поднял ей ноги и положил их себе на плечи. Она почувствовала, как по внутренней стороне ног течет пот, и услышала, как сердце старается прокачать кровь.

Потом он вошел в нее, медленно и до самого конца. Он заполнил ее, словно это было впервые, и она смогла прочувствовать точную форму и каждую вздутую жилу. Ему почти не надо было двигаться, чтобы она опять завелась и проделала весь путь оттуда и снова туда. Она кончала каждый раз, когда он входил в нее, и когда его толчки стали убыстряться, у нее словно наступил один сплошной продолжительный оргазм.

Все собрались в совещательной комнате. Все, кроме Стины Хёгсель. Она закрылась в своем временном кабинете, чтобы связаться с судом первой инстанции и попытаться объяснить, почему сегодня она не может подать исковое заявление. У собравшихся было много тем для разговоров, и, тем не менее, все предпочли молчание.

Фабиан вспомнил похороны бабушки Ингрид. Тогда стояла точно такая же тишина. Внезапно у бабушки произошло кровоизлияние в мозг, что повергло всех в шок. Никто из них по-настоящему не мог поверить в то, что случившееся действительно случилось. Словно в глубине души они ждали, что в разгар церемонии откроется крышка гроба, и Ингрид выскочит оттуда и начнет исполнять зажигательный африканский танец, который разучила на последних танцевальных курсах.

Сейчас было точно такое же чувство. Собравшиеся сидели и надеялись, что все окажется сном, розыгрышем, над которым они в любую минуту посмеются и которому заплодируют. Но это был не розыгрыш. Гроб останется закрытым.

Вся работа, проделанная ими за последние недели. Все нити, которые они отследили и откопали. Взаимосвязи, которые вычислили. Линейка времени, в которую Утес и Лилья вложили всю душу.

Все умерло и будет похоронено. Сгниет и превратится в память скорбящих родственников. В память о том, как близко они подошли к раскрытию чудовищных преступлений, которые для широкой общественности никогда не совершались.

Вошла Хёгсель и закрыла за собой дверь. На ней были юбка и светло-бежевый пиджак с золотым пуговицами. Она явно собиралась произвести впечатление при подаче искового заявления. Но ее бледное лицо свидетельствовало о том, что она пребывает в таком же шоке, что и остальные.

– Да, – произнесла прокурор, стараясь заглянуть каждому в глаза. – Мы себе представляли не совсем это. – Она вздохнула. – Я работаю в правоохранении больше тридцати лет и никогда даже близко не сталкивалась с подобной ситуацией. Я слышала о двух похожих случаях, когда близнецы якобы поменялись друг с другом местами в СИЗО. Один произошел в 2004 году, а другой где-то в семидесятых, оба раза в СИЗО Крунуберга. Но это были мелкие нарушители. Совершенно честно скажу,

что понятия не имею, как нам двигаться дальше.

– Прости, но разве не надо просто опять взять быка за рога и как можно быстрее схватить их? – сказал Утес и сглотнул, словно прекрасно осознавал, в какие глубокие воды заплыл.

– Просто-непросто, – сказала Тувессон. – Они уже наверняка сбросили кожу и уехали из страны.

– Может быть. Но мне и Ирен с помощью подробной документации Марианны Вестер удалось связаться с несколькими банками в Швеции и в других странах, где у Стена и Аниты Стрёмберг есть счета.

– По нашим оценкам их общее состояние на данный момент доходит до четырнадцати с половиной миллионов крон, причем, похоже, львиная доля находится в Швеции, – сказала Лилья. – Только сейчас, на прошлой неделе, из офшорной компании Count Enterprises^[29] в Панаме поступило около трех миллионов в виде необлагаемых налогами страховых премий. Иными словами, они выводят деньги из страны, отмывают их, а потом возвращают обратно.

– Count Enterprises. – Муландер покачал головой. – Во всяком случае, у них есть чувство юмора.

– В любом случае это указывает на то, что они по-прежнему находятся в Швеции и собираются пользоваться именно этими персональными данными.

– Может быть, такой план был у них до задержания, – сказала Тувессон. – Как обстоит дело сейчас, когда мы вышли на их след, мы понятия не имеем.

– Ясно, что не имеем, – вздохнула Лилья, словнохватило малейшего возражения, чтобы она сбилась с темпа.

– С другой стороны, – заметил Фабиан, – они, возможно, никак не предполагают, что мы знаем Стена и Аниту Стрёмберг.

– Точно, – воскликнул Утес, собираясь попробовать кофе. – А теперь послушайте. – Он быстро сделал глоток и от волнения случайно пролил кофе на свою белую рубашку. – 8 мая в 11.15 они сняли деньги последний раз. Пятнадцать тысяч крон в Сбербанке в Хёёре. Не знаю, что вы думаете, но смею утверждать, что рано или поздно им снова понадобится снять деньги.

– Или использовать одну из своих карточек, – добавила Лилья.

– Конечно, они наверняка пользуются бóльшим количеством банков в разных странах, чем мы сумели выявить на данный момент. Дайте нам несколько дней на следующей неделе, и мы получим более или менее полную картину. И тогда не играет никакой роли, где они находятся. Уехали

ли они во Флоренцию за мороженым или в Китай за китайскими пуфиками, один черт. Мы все равно это выясним. С каждым снятием денег или покупкой по карточке мы приближаемся к ним на шаг и в конечном итоге подойдем достаточно близко, чтобы можно было достать наручники.

Тувессон кивнула и посмотрела в окно.

– Без сомнения, это будет величайшая милость Божья и потребует крайне хорошо согласованного сотрудничества через границы.

– Мы знаем, как бывает легко с соседями по другую сторону пролива, – сказал Муландер и покачал головой.

– Проблема в том, что этого недостаточно, – сказала Хёгсель, которая до этих пор молчала.

– Что ты хочешь сказать? Что значит недостаточно?

– Просто взять их. – Хёгсель взяла термос и налила себе чашку. – Конечно, мы можем это сделать. Но нам все равно придется снова отпустить их через сорок восемь часов.

– Но подождите, – сказал Утес. – У нас ведь сколько угодно доказательств, чтобы их осудили. Ты же сама это сказала не далее, как вчера.

– Это так. Но тогда они еще не поменялись местами. Эта рокировка меняет все.

– Каким образом?

– Какой только можно себе представить. – Хёгсель повернулась к заполненным доскам во всю стену. – Все это рухнет, как карточный домик.

– Может быть, у меня сегодня особенно плохо работает голова, – сказал Утес. – Но кто-то из вас остальных понимает, что она говорит?

Никто ничего не сказал.

– Поскольку у нас нет физических доказательств в виде отпечатков пальцев или ДНК, а все исковое заявление основывается на свидетельских показаниях, уликах и в некоторой степени фото с камер наблюдения, предполагаемый преступник вполне может оказаться преступницей. Точно как в делах об убийстве и изнасиловании с несколькими преступниками, они могут валить вину друг на друга.

– Но у нас же есть свидетели. Например, женщина из Сбербанка в Хёёре. Она полностью уверена, что в отделение заходила Анита Стрёмберг и может без проблем опознать ее.

– Утес, это не играет никакой роли. Я только что связывалась с судом первой инстанции, и, по их мнению, у нас может быть сколько угодно свидетелей и снимков с камеры наблюдения. Но даже если надзиратели в СИЗО, наши собственные коллеги, не могут различить их, как мы тогда

докажем, что кто-то другой может? Взять хотя бы случай в Торговом банке на Большой площади. Тогда вы все были полностью уверены в том, что это он. Но положи руку на сердце. Вы по-прежнему также уверены? Разве нет крошечного шанса, что на самом деле это была она?

Никто из них ничего не сказал, и, как и остальные, Фабиан восстанавливал события в Торговом банке. Конечно, он был убежден в том, что в зале ожидания в нескольких метрах от него стоял мужчина.

Но так ли это?

– Что будем делать? – спросила Тувессон. – Мы же не можем просто залечь на дно и сдаться.

– Конечно, нет. Но именно сейчас, поскольку Ингвар не может снять отпечатки пальцев, ничего не остается, кроме как взять их с поличным.

Прошел почти час после бешеной любви, а Соня все еще чувствовала себя совершенно разбитой. Но прекрасным образом. Как после особо интенсивной тренировки, когда каждый мускул в теле превзошел сам себя. Она по-прежнему ощущала глухие удары – свидетельство того, что только что у нее был самый лучший сексуальный опыт. И, тем не менее, она хотела еще. Хотя у нее все ныло, и она знала, что будет больно, у нее возникло желание оседлать Алекса и пробудить его снова к жизни. Может быть, на этот раз ей следует завязать ему глаза, подумала она и провела рукой по его голой гладкой груди.

После акта они обменялись парой слов, но их было достаточно, чтобы она успела рассказать о бриллиантах, которые удорожали производство на несколько сотен тысяч, хотя они навеки будут заперты в ящике, и их никто не увидит. Алекс предложил держать бриллианты в секрете и переименовать работу в *Секретный висящий ящик*. По его мнению, возникнет совсем иная глубина, если реальное содержимое останется тайной.

Конечно, он совершенно прав. Странно, почему она сама об этом не подумала. Алекс потрясающий человек. Наконец она нашла того, кто делает ее лучше, а не довольствуется тем, что и так хорошо и красиво.

Наверняка он привез из Лос-Анжелеса много интересных произведений искусства. Он упомянул Кэтрин Эндрюс, Мата Басса и Картера Малла, но она не знала ни одного имени. Потом он, как и большинство других мужчин, заснул и, насколько она могла видеть, все еще крепко спал. Наверняка разница во времени, подумала она и отметила, что он, похоже, не обращает никакого внимания на ее руку, которая медленно спускается к его паху.

Его пенис был по-прежнему увеличен, хотя лежал на боку и с виду спал так же крепко. Она не подумала об этом раньше, но даже внизу у него не было никаких волос. Она осторожно дотронулась кончиками пальцев, и ее поразило, какая там гладкая и мягкая кожа.

Соня вспомнила Фабиана, который несколько лет назад начал делать себе внизу тримминг. Каждый раз волос становилось все меньше и меньше, пока, в конце концов, они не стали напоминать маленькие усики Гитлера. Хотя она знала, что так нельзя делать и что от менее невинных вещей мужчина может стать импотентом, она не могла удержаться от смеха, когда

их увидела, и вскоре он стал вновь отращивать там волосы.

Но с Алексом были другие ощущения. По какой-то причине она заводилась от чего-то порочного и запретного в нем. Словно он подобрал к ней ключ, которого никогда не было у Фабиана.

Она наклонилась и взяла его в рот. Хотя он был мягким, он был по-прежнему налит кровью и увеличен. Пытаясь разбудить его, она стала ласкать языком головку, одновременно схватив основу и принявшись водить рукой вверх и вниз. Но никакого отклика не последовало. Он явно тоже оказался жертвой разницы во времени, и она решила оставить его в покое.

Льняное масло наверняка высохло, и она без проблем сможет довести дело до конца и поднять ящик на стальных тросах. Она точно знала, как он должен висеть, и решила попытаться успеть до того, как Алекс проснется. Конечно, гости придут только завтра, но не помешает, если все будет готово уже сегодня.

Соня взяла в охапку свою рабочую одежду, крадучись вышла из комнаты и прошла через большой зал в ванную мимо приоткрытой двери. До сих пор дверь не только была закрыта, но и заперта. Она была в этом уверена, поскольку несколько раз пыталась ее открыть.

Конечно, именно поэтому она не слышала, когда он пришел домой. Он пошел другой дорогой, чтобы сделать ей сюрприз. Или таким путем он внес новые произведения искусства? Она распахнула дверь настежь, нашла внутри выключатель на стене и зажгла свет. Как она и подозревала, в доме был подвальный этаж, и здесь явно была лестница.

Внизу она обнаружила большой винный погреб, мастерскую с множеством инструментов и грубой рабочей одеждой и еще одну ванную с джакузи и сауной. Широкий коридор вел дальше в гараж. Они стояли, прислоненные к стене в упаковке из пузырчатой пленки. Она хотела было подойти и посмотреть на них. Увидеть, что в них такого потрясающего, что стоило везти их с другого конца земного шара.

Но тут ее взгляд зацепился за темно-красный морозильник, стоящий рядом. Или скорее за вмонтированный в него навесной замок, который не давал открыть дверь. Соня подошла и убедилась, что он заперт. Зачем запирать морозильник? Или это тоже арт-объект, как и ее ящик?

– Так вот ты где.

Соня вздрогнула и обернулась. Алекс стоял в нескольких метрах от нее.

– Да, я шла в ванную принять душ и увидела, что дверь открыта.

– Curiosity killed the cat^[30], – сказал он и поправил халат.

– Прости?

Он ответил улыбкой и стал подходить к ней. Это была совершенно новая улыбка. Во всяком случае, раньше он так не улыбался, и ей это совсем не нравилось.

– Алекс, что ты делаешь? Ты меня пугаешь.

Он поднес к ее лицу маленький ключ.

– Ты это ищешь?

– Нет, я ничего не ищу. Я же сказала, что просто шла в ванную принять душ. Может быть, потом ты сможешь мне поднять ящик?

– Вряд ли, – ответил он и покачал головой.

– Ладно, тогда я сама это сделаю.

– Это тоже вряд ли.

– Алекс, в чем дело? Чем ты занимаешься? Я думала, мы...

– Думала, – перебил он ее, по-настоящему удивившись. – Только не говори, что ты серьезно думала, что мы вместе. Что я тебя добивался.

– Не понимаю... Я ничего не понимаю. Что ты хочешь сказать? – Соня вдруг почувствовала себя грязной, ей стало не по себе и захотелось только одного – уйти отсюда. Одеться и скорей пойти к машине.

– Что ты хочешь сказать? – передразнил он ее и засмеялся. – Давай. Положа руку на сердце. Разве ты не понимаешь, что твое так называемое искусство иначе как мусором не назовешь? Да и мусором едва ли.

Значит, теперь все кончено. Мечта, в которую она так наивно поверила, с его стороны была всего лишь игрой, притворством, чтобы заполучить ее. Теперь он сделал свое дело, а ее использовали. Ей хотелось отругать его, закричать и устроить сцену, как она могла сделать с Фабианом, когда он заходил слишком далеко. Но давление в груди словно не давало злости выйти наружу.

– Думаю, никогда раньше я не встречал такого отчаявшегося и доверчивого человека, как ты, – продолжил он. – Который так жаждет удачи, что без проблем ложится с кем угодно, только бы покупали немного ее дерьма.

– Я, пожалуй, пойду. – Она сделала шаг в сторону, чтобы обойти его, но он выставил руку вперед.

– Лучше отопри и открой. – Он опять поднес ключ к ее лицу.

– А почему я должна это сделать?

– А почему бы и нет?

– Алекс... – Она вздохнула и стала вращать глазами, пытаясь выглядеть расслабленной, хотя на самом деле находилась на грани нервного срыва. – Ты же явно получил то, чего добивался, так что позволь

мне теперь уехать...

– Открывай. – Улыбка полностью исчезла, зато остался такой холодный взгляд, что она сразу поняла, что у нее нет никакого выбора.

Соня взяла ключ, повернулась к морозильнику и вставила ключ в замок. Она не знала, что находится внутри, и не хотела этого знать. Но вот она стоит, держа в одной руке замок, только что открывшийся одним щелчком, а другой держится за ручку двери.

Из морозильника что-то вывалилось, и ей пришлось отскочить в сторону, чтобы на нее ничего не упало. Через секунду она поняла, что это одетый манекен, который с сильным грохотом шмякнулся на бетонный пол. Это часть инсталляции?

– Опля... – сказал Алекс и рассмеялся. – Кто-то забрался в морозильник.

Теперь она увидела, что это совсем не манекен, а мужчина. Настоящий мужчина, которого заморозили. Соня пристально вглядывалась в лицо мужчины, но все равно ничего не понимала. Она никогда не видела это лицо раньше, но в нем было что-то знакомое.

И тут до нее дошло.

Она повернулась к Алексу, который не был Алексом.

Как все взаимосвязано. И почему.

Бросилась в сторону, чтобы обойти его.

Какой же жалко-наивной и отчаявшейся она была.

Пошла к двери. Еще несколько метров, и она сможет закрыть и запереть.

Как же Фабиан был все время прав.

Но кто бы это ни был, он ее опередил.

Дуня отклонила сотую за сегодняшний день попытку Магнуса объясниться и положила мобильный обратно в карман, входя в здание полиции Хельсингёра мимо рецепционистки, которая так посмотрела ей вслед, словно они играли в шпионском фильме шестидесятых годов. Она приложила свой пропуск к считывающему устройству, но вместо зеленого диода загорелся красный. Они уже заблокировали ее пропуск? Она сделала еще одну попытку, но результат был тот же.

– Откройте, пожалуйста, – Дуня повернулась к рецепционистке, которая сглотнула и попыталась сделать вид, что не слышит. – Извините, эй! Вы можете открыть дверь?

– Нет... не могу... Вам назначили время?

– Вы что, шутите? Давайте открывайте. Мне некогда.

– Если хотите, я могу позвонить Ибу и посмотреть, не ушел ли он домой.

– Вы можете звонить хоть самому черту. – Дуня пошла обратно в рецепцию. С нее хватит. Все это дерьмо стоит у нее поперек горла. Если они уже уволили ее, пусть. У нее даже нет сил волноваться.

– Подождите! Так делать нельзя, – запротестовала рецепционистка, когда Дуня перегнулась через стойку и нажала на кнопку для открывания так, что дверь щелкнула.

Не говоря ни слова, она вошла в открытое офисное пространство, где большинство еще сидели на своих местах. Они встретили ее таким взглядом, словно именно этого и ждали, – смотреть из первых рядов партера, как *Полицейскую из Копенгагена, которая о себе возомнила*, унизили и уволили.

И тут из своего кабинета вышел он, Иб Свейструп, словно часами репетировал свой выход.

– Дуня! Как хорошо.

Краешком глаза она видела, как он машет и пытается вступить с ней в контакт. Но она пришла сюда не для встречи со Свейструпом. Не потому, что она против него что-то имеет. В сущности, он милый и безвредный человек, хотя оказалось, что все разговоры о том, как он не прогибается под Копенгагеном, скорее относятся к области теории, чем практики. И теперь, когда Слейзнер впился в Иба когтями, ей лучше всего держаться от него как можно дальше.

- Дуня!
- Иб, мне жаль, но сейчас у меня нет на тебя времени.
- Нет времени? Приказываю тебе немедленно пройти в мой кабинет!
- Приказываешь? – Она остановилась и повернулась к нему. – Учитывая, что мой пропуск больше не действует и фифочка в рецепции спросила у меня, назначено ли мне время, я так понимаю, что я здесь больше не работаю.
- Да, и именно это я и собирался...
- Хорошо, тогда мне не надо увольняться. – Дуня достала табельное оружие и отдала его вместе с полицейским бейджиком. – Полагаю, что выходное пособие в размере годового оклада будет выплачено мне целиком не позднее следующей пятницы.
- Но подожди. Как ты себе это представляешь?
- А это уже твои проблемы. Иначе я пойду в профсоюз и напишу заявление о том, что все это расследование ведется кое-как под твоим руководством. Как ты постоянно прятал голову в песок и закрывал глаза на явные зацепки, которые имелись еще год назад, а потом выгнал единственного человека в этом здании, кто продвигал расследование вперед. Только в этой неразберихе на твоей совести две жизни. Будь я на твоём месте, я бы как можно скорее надела бы шлем и наколенники, поскольку падать тебе будет больно.
- Дуня, не будем волноваться зря. Давай лучше обсудим это...
- Иб, ты сам все решишь. У тебя есть неделя. – Она протянула руку. – Спасибо за это время. Было... интересно, хотя началось лучше, чем закончилось. – В конце концов, Иб взял ее руку и пожал. – А Сёрен и Беттина на месте?
- Да, но пусть они лучше спокойно работают. Как ты, наверное, понимаешь, им есть чем заняться, учитывая последние события.
- Как ты, наверное, понимаешь, я пришла сюда, именно учитывая последние события. – Она повернулась к нему спиной и направилась к кабинету Уссинга и Йенсен. Открыв дверь, Дуня поразились: похоже, они работали. – Нам надо поговорить, – сказала она и в прямом смысле слова увидела, как они посмотрели на Свейструпа, который, как маленький любопытный братик, выглядывал из-за ее спины.
- Вы меня извините. Я пытался ей сказать, но...
- Иб, – перебила начальника Дуня, не поворачиваясь к нему. – Мы с тобой все выяснили, а если хочешь здесь остаться, веди себя тихо. У меня сейчас нет ни времени, ни желания на твою чепуху.
- Может быть, я больше не твой начальник, но здесь по-прежнему

принимаю решения я!

– Я тоже так думала. – Она повернулась к Свейструпу. У того было такое красное лицо, что, казалось, у него вот-вот оторвется тромб. – Но теперь я понимаю больше. Не забудь передать привет Киму. – Дуня вытолкала его из кабинета, закрыла дверь на замок и снова повернулась к двум следователям.

– Не знаю, чего ты этим хочешь добиться, – Уссинг развел руками. – Беттина, что скажешь? По-моему, это жест отчаяния.

– Может быть, – сказала Дуня и прошла на несколько шагов в кабинет. Тем временем ее мобильный пробудился к жизни. – Но иногда в важный момент отчаяние – это единственное, что у тебя осталось. Не знаю, что вы думаете, но я не намерена ни играть в игры, ни пытаться взять расследование на себя. – Она достала мобильный и увидела, что это не Магнус ее третирует, а звонит Фарид Черукури, который, наверное, хочет узнать, когда он выйдет на новую работу, которую она ему еще не нашла. Она отклонила звонок, но уже представила себе, как он взял у Магнуса эстафетную палочку и собирается звонить ей круглые сутки. Если она сменит свой номер на секретный, он найдет ее и будет продолжать, пока она не предоставит ему работу.

– О'кей, что на этот раз хочет наш маленький частный детектив? – Йенсен скрестила руки на груди и откинулась на стуле.

– Я только хочу помочь вам сделать то, для чего вы здесь: схватить виновных.

Йенсен рассмеялась.

– И это предлагает нам человек, который помогал нашему главному свидетелю прятаться от полиции.

– Я никому не помогала прятаться. Санни пришла ко мне, потому что боялась идти в полицию. И знаешь... – Дуня подошла к Йенсен. – Я могу ее понять. Мы ведь предали и ее, и ее друзей.

– Говори за себя. Мы с Сёреном занимались этим делом последние...

– Если бы вы проявили неравнодушие и с самого начала по-настоящему взялись за расследование вместо того, чтобы сидеть и бить баклуши, ничего бы не случилось!

– Ты понимаешь, о чем она говорит? – Йенсен повернулась к Уссингу, который покачал головой.

Дуня подошла к шкафу с архивом, выдвинула ящик с пометкой *Текущие расследования*, достала папку с делами об избиении, которые никогда толком не расследовались, и швырнула ее на стол Йенсен. – Надо только прочесть вслух. Ты сама это написала. Если ты не в силах, могу

сказать, что они начали еще в августе. Так что давайте ненадолго перестанем играть в игрушки и в виде исключения сделаем все по правилам, пока они опять не нанесли удар.

– Именно этим мы и занимались, пока ты сюда не ворвалась, – сказал Уссинг, посмотрев на свои наручные часы. – Дело в том, что время поджигает. Через полтора часа состоится пресс-конференция, так что извини, у нас много дел.

– Пресс-конференция? Зачем? Что вы хотите обнаружить?

– А почему мы должны рассказывать...

– Ради бога! Что вы собираетесь сообщить?

Уссинг задумался, но потом кивнул Йенсен, которая показала рисованный фоторобот.

– Вот главарь.

– Это Санни Лемке помогла вам его составить?

– Да, мы не только бьем баклуши, – сказала Йенсен с таким видом, будто только что поняла это. – Мы собираемся объявить его в розыск и рассчитываем, что...

– Это надо делать в последнюю очередь, – перебила ее Дуня. – Чем меньше они знают, тем лучше.

– Теперь не ты стоишь у штурвала, а мы, – сказал Уссинг. – И если мы хотим раскрыть это дело, нам нужна помощь общественности.

– Вам нужна только моя помощь.

Уссинг засмеялся.

– Должен признаться, что я под впечатлением. Несмотря на все поражения, ты, по крайней мере, не потеряла веру в себя.

– Может быть, это зависит от того, что мне, в отличие от вас, уже удалось выяснить, кто они такие.

– Вот как, хорошо. Частный детектив вновь превзошел самого себя. – Уссинг зааплодировала. – Ты наверняка их и схватила. Если я тебя правильно понимаю, они лежат со связанными руками у тебя под кроватью, – продолжил он, хотя вид у него был уже не такой уверенный.

– Вот они, все четверо. – Дуня показала распечатанное фото из бойцовского спортивного клуба. – На обратной стороне написаны их имена, номера удостоверений личности и адреса.

Уссинг взял фото и стал молча рассматривать его.

– Можно мне, – сказала Йенсен и склонилась над письменным столом. – Да, посмотрите, он действительно довольно похож на фоторобот. – Она показала, и Уссинг кивнул.

– Но я не понимаю, – наконец выдал он из себя. – Как ты... – Он

посмотрел на обратную сторону. – Хельсингборг?

– Да, и поэтому вы должны обратиться в шведскую полицию, чтобы их задержали. Тем временем я хочу встретиться с Санни и подготовить ее к очной ставке.

– Санни? – Уссинг повернулся к Йенсен, а потом опять к Дуне. – Она... Ее... здесь нет.

– Что значит нет? О чем вы говорите? Понятно, что она здесь. Куда она... – Дуня замолчала и стала смотреть то на Уссинга, то на Йенсен. – Вы ее отпустили...

– Отпустили, не отпустили. Мы не держали ее под строгим наблюдением.

– Нет, и зачем нам надо было это делать? – вмешалась Йенсен. – Ее ведь больше ни в чем не подозревают, она же просто свидетель.

– Во всяком случае, она смылась, пока мы занимались... Да, просто-напросто смылась.

– Ладно, правильно ли я поняла, – сказала Дуня, которой хотелось что-нибудь расколошматить. – Сначала вы на всю страну обнародуете ее фото и персональные данные. Рассказываете, что она главный свидетель убийства своего брата и видела преступников, которые убили другого свидетеля, вытолкнув его в тележке на трассу. И что вы делаете потом? Составляете бездарный фоторобот и даете ей улизнуть. Вы хоть понимаете, в какой опасности она находится?

– Все было не совсем так, – возразила Йенсен. – Нам пришлось провести совещание, и мы буквально попросили ее подождать на кухне. Разве не так?

Уссинг кивнул.

– К тому же мы знаем, где она обитает, если она нам понадобится.

– И где же?

– В контейнере в машинном парке на улице Х. П. Кристенсена, – сказала Йенсен с улыбкой.

– Этого ты не ожидала! – крикнул Уссинг вслед Дуне, которая уже выходила.

Последние часы Фабиан и его коллеги связывались с авиакомпаниями, фирмами по аренде автомобилей, шведскими и датскими железными дорогами, чтобы выяснить, собираются ли Стен и Анита Стрёмберг выехать из страны или уже выехали. Хёгсель выдала разрешение банкам следить за карточками и счетами парочки на случай их использования. Ассистенты Муландера полным ходом осматривали в СИЗО комнату для посетителей.

Пока они не выявили ничего интересного, и им оставалось только ждать и пытаться выработать новую стратегию, чтобы разделить пару на предмет доказательств, когда их схватят.

Сам он в виде исключения решил поехать домой, пока еще не поздно, и преподнести детям какой-нибудь сюрприз. Соня, может быть, и ушла от него, но он не собирается терять Теодора и Матильду, и в эти выходные позволит им решать, что они будут делать. У них не будет никаких ограничений. Если они захотят в Лондон, то поедут в Лондон. Если предпочтут остаться дома и поиграть в игры, и с этим нет проблем.

Но только он собрался вставить в CD-проигрыватель машины композицию *Anywhere*^[31] своей старой любимой группы New Musik, как у него в кармане зажужжал мобильный. Сначала он решил не отвечать и сделать громче, но потом увидел, что это Малин Ренберг.

– Сорри, что не позвонила раньше, – сказала Малин, когда он сворачивал по улице Северного козерога. – Но мне пришлось купить абонемент в фитнес-клуб и массу дорогой спортивной одежды, которая сейчас так пропотела, что пахнет хуже, чем кальсоны Андерса после тяжелого сета игры в бадминтон. Ты можешь объяснить мне, почему ничего нельзя стирать при шестидесяти градусах? Ни единого шанса, что все станет чистым при сорока или тридцати градусах, как написано в инструкции. Мы говорим о спортивной одежде. Разве это не безумие?

– Конечно. Но сейчас мне не совсем удобно говорить. Мы можем созвониться...

– Предлагаю тебе съехать на обочину и остановить машину. Думаю, ты захочешь услышать это именно сейчас, а не позже.

Фабиан послушался и занял свободное место на парковке, как только свернул налево на улицу Йельмхультсгатан, пока Малин кричала на другом конце.

– Андерс! Сейчас я иду в душ!
– О'кей, начинаю готовить ужин! – послышался голос Андерса.
– Никакой спешки! Я все равно буду мыть голову с массой средств и всем прочим, так что это будет нескоро!

– Олрайт!

Послышалось, как Малин закрыла за собой дверь ванной и заперла ее.

– Вот так, теперь нам никто не помешает. Мне удалось установить личности твоей маленькой парочки преступников, без сомнения очень специфических людей. Во-первых, их зовут Дидрик и Нова Мейер, вот так. А во-вторых, они двойняшки.

– Двойняшки, – повторил Фабиан, и сразу несколько фрагментов пазла встали на свои места. Стало понятно, как им чудом удалось поменяться местами, а также то, как они блестяще согласовывают свои действия. Словно один почти телепатическим способом все время знает, что делает другой.

– И для краткости скажу, что они незаконнорожденные дети графа Хеннинга фон Юлленборга, которого они потом убили за то, что им надоели его домогательства.

– И спустя двадцать лет они также отомстили двум своим братьям, – заметил Фабиан, и тут до него дошло, что он припарковался как раз рядом со школой в районе Тогаборг, откуда в любую минуту может выйти Теодор.

– Именно. Но я к этому еще вернусь. Интересно, что мама родила их в тайне, и они выросли вне системы.

– Что значит вне системы? – Он проводил взглядом стайку молодых парней и понял, что уже больше недели перестал каждый день звонить Теодору.

– Их просто-напросто нет.

– Подожди. Как так нет?

– Ау! Что ты не понимаешь? Их нет ни в одном реестре. У них нет удостоверений личности. Они не ходили в школу, нигде не работали и не заплатили ни одной кроны налога. Их просто-напросто нет.

– О'кей, тогда это без сомнения объясняет, почему нам не удалось установить их личности. Ты сказала, что вернешься к братьям.

– Именно, тут что-то не так. Давай начнем с Акселя фон Юлленборга, того, кого нашли замерзшим в лесу. – Послышался слив воды в туалете. – Не волнуйся, это только для того, чтобы Андерс не начал интересоваться. Как бы то ни было, сначала я подумала, что они собираются продать его половину имения.

– Кому принадлежала другая половина?

– Его брату Бернарду фон Юлленборгу, которого вы нашли в Викене. Как я понимаю, Аксель владел большей частью земли и леса, где мог заниматься своей любимой охотой. Бернард, который был явно больше заинтересован произвести впечатление, устраивая званые ужины, владел замком. Дело в том, что в случае с Юханом Халеном и Петером Брисе были проданы их активы и опустошены их счета. Это так?

– Так.

– Но в этом случае этого не произошло. – Послышалось, как включили душ.

– А что тогда произошло?

– Вот этого я до конца не поняла. Половину, принадлежавшую Акселю, продали в понедельник 27 сентября 2010 года, и деньги в обычном порядке покупателя перечислили на его счет. Точнее пятьдесят три миллиона, а это тебе не фунт изюма. Кстати, почему ты не спросишь, как мне удалось все это выяснить?

– Да, прости. Как тебе это удалось?

– Хорошо, что ты спрашиваешь. Мой персональный менеджер в Сбербанке. Настоящая глыба. Думаю, он искал в архиве несколько часов. Во всяком случае, Аксель фон Юлленборг жил далеко не по средствам и заложил свою половину имения со всеми потрохами, что, в свою очередь, означает, что двойняшки не получили ни кроны, поскольку почти вся сумма от продажи досталась кредиторам. То есть банку.

– А они не могли сами купить это? – спросил Фабиан и понял, что, наверное, им, наконец, удалось проделать весь путь обратно к исходной точке. – В этом все и дело, – продолжил он. – Отомстить их отцу Хеннингу фон Юлленборгу, не только убив его и двух его законных сыновей, но и забрать себе все.

– Именно это я и подумала.

– Тогда что не так?

– Покупатели. Совсем другая пара. Стен и Анита Стрёмберг.

Сначала Санни Лемке почувствовала огромное облегчение, выбравшись из здания полиции. Благодаря свежему бризу, дувшему ей в лицо, когда она спешила оттуда, и безоблачному небу, простиравшемуся до бесконечности, у нее сразу же улучшилось настроение. Она, конечно, осознавала, насколько ей в полиции безопаснее, но ей претила мысль о том, что она проведет взаперти еще одну ночь.

Этим были пропитаны стены. Все, что она так сильно старалась заглушить, вернулось к жизни, как только она почувствовала запах, присущий только СИЗО. Все разы, когда они забирали ее только для того, чтобы скоротать ночь. Все то, что никому не надо испытывать, и чего никогда не было, когда первые лучи солнца начинали проникать сквозь зарешеченное отверстие.

Она много раз спрашивала себя, почему, когда ответ на самом деле был проще простого. Потому, что они могли. Потому, что им было слишком скучно слишком длинной ночью. Потому, что она была одной из тех, для которых правила вне игры и которые внезапно дают обет молчания. Теперь она оставила все это позади и уже ушла достаточно далеко, чтобы их взгляды и руки не могли до нее дотянуться.

Но идти ей было некуда. Нет такого места, где она не рискует встретить кого-то из остальных. Тех, кого она считала своими друзьями и на которых рассчитывала, но которых оказалось так легко купить, что хватило семидесяти пяти, чтобы они ее выдали.

Ее единственный шанс – надеяться на эту Дуню Хоугор. На то, что Дуня не такая, как все, что она сдержит свое обещание и схватит их. А пока ничего не остается, кроме как уйти в подполье и стать невидимой для всех, кто уже был невидимым.

И эта машина, которая, судя по звуку, преследует ее. Может быть, у нее просто паранойя. Может быть, водитель просто заблудился и ищет, где припарковаться. Что бы то ни было, это пугало ее до смерти.

Пока ей удавалось не заглянуть через плечо. Она даже не побежала, прекрасно понимая, что показать свой страх все равно, что полезть в петлю. Лучше стараться вести себя, как обычно, и продолжать идти вперед, будто у нее есть цель. Будто у нее действительно есть жизнь, которая ждет ее за углом.

Может быть, это и нужно сделать. Пересечь запретную черту. Перейти

в видимый мир и спрятаться в одном из этих роскошных домов, которые стоят пустые и ждут, когда их владельцы вернутся домой из Таиланда, элитной квартиры в Копенгагене или деловой поездки в Лондон. Если правильно выбрать дом, она наверняка сможет остаться, пока все не уляжется.

Она разработает свою методику и будет высматривать запрограммированные полоски света и белье, которое слишком долго сушится. Или машину, припаркованную у въезда в гараж и покрытую пылью. Проникнуть вовнутрь не составит никакой проблемы. Достаточно большой камень и окно с задней стороны – больше ей ничего не надо.

Наконец-то у нее есть план. Всего лишь через несколько часов, когда вечер перейдет в ночь, она будет лежать в горячей ванне с ароматными маслами, а потом первый раз за бог знает сколько времени заползет под хрустящие, только что выстиранные простыни.

Чем больше она об этом думала, тем ей казалось удивительнее, как эта идея раньше не пришла к ней в голову. Почему ни она, ни кто-либо другой не заявили о себе и не наплевали на закон, который все равно никогда не был на их стороне. Почему никто из них даже не думал ограбить банк или, по крайней мере, совершить кражу со взломом вместо того, чтобы шляться и просить милостыню.

Машина. Она исчезла, или просто Санни не думала о ней последние минуты? Сейчас машина, во всяком случае, опять вернулась. Звук двигателя, который работал почти на холостом ходу, поскольку автомобиль двигался очень медленно. Перед Санни находилась автобусная остановка, и, проходя мимо стеклянного навеса, она увидела отражение «Сааба» горохового цвета в одной из стеклянных стенок.

Она никого не увидела на заднем сиденье – значит, что это совсем не те, кого она опасается. Но меньше всего она чувствовала спокойствие, поскольку быстро прошла мимо похожей машины недалеко от здания полиции. Во всяком случае, та машина тоже была зеленой, и там сидело три человека, больше она ничего не знала.

Через двадцать метров дорога, по которой она шла, поворачивала обратно. Но как подарок с небес среди деревьев оказалась лестница, которая вела на верхнюю улицу. Она попыталась подниматься спокойным размеренным шагом, но после первых пяти ступенек начала перешагивать через ступеньки, а вскоре побежала изо всех сил. Пусть думают, что хотят, только бы ей уйти оттуда.

Лестница оказалась длиннее, чем она думала; в обычных случаях она смогла бы дойти только до половины, и ей пришлось бы остановиться. Но

сейчас она добралась до самой верхней ступеньки, где обернулась, и к своему облегчению увидела, что за ней никто не поднимается. Может быть, ей все это померещилось.

Как только дыхание пришло в норму, Санни повернулась, чтобы продолжить поиски подходящего дома, но наткнулась на человека, который стоял прямо за ней.

– Прости, – сказала она, пока не увидела, что у человека на лицо натянут капюшон с желтым смайликом.

– Ха-ха, сука подумала, что она в безопасности!

Санни повернулась на голос, который раздался сбоку, и увидела еще одного в маске с мобильным в руке. Больше она ничего не поняла, поскольку получила первый удар.

После разговора с Малин Фабиан повернул зажигание, включил фары и собрался ехать домой к Матильде. Но потом заглушил двигатель и несколько минут просидел в машине, положив руки на руль. Только сейчас до него дошло, что на самом деле означает информация, полученная от коллеги из Стокгольма.

Когда его осенило, он почувствовал прилив энергии. Внезапно перед его глазами встала вся картина. Двойняшки купили половину имения на деньги Юхана Халена, но они, понятно, не будут довольны, пока не получат все имение целиком. Поэтому ни Утес, ни Лилья, ни Интерпол не смогли найти никаких признаков того, что они выехали из страны.

Когда все говорило о том, что они должны уехать, они сделали наоборот и остались.

И сейчас, может быть, уже вовсю разделяются со следующей жертвой.

Мысль почти запретная, но если обычно они надеются на то, что преступник перестанет совершать свои деяния, то в данном случае это хорошие новости, которые, как это ни парадоксально, означают шаг вперед в расследовании. Наконец-то у них для отработки появилась конкретная версия, и решение проигнорировать выходные и вернуться обратно в полицию, чтобы опять заняться расследованием, показалось более естественным, чем когда-либо.

Он позвонил Тувессон. К его облегчению она ответила и, судя по голосу, была совершенно трезвой. Фабиан рассказал ей о Дидрике и Нове Мейер, об убийстве из мести Хеннинга фон Юлленборга и о том, что, скорее всего, они по-прежнему находятся в Швеции в поисках новых жертв.

Она взялась обзвонить остальных членов команды, чтобы попросить их отменить планы на выходные. Коллеги его тоже удивили. Все вернулись на рабочие места и к тому же сделали это с таким энтузиазмом, который не наблюдался у них уже несколько дней.

По традиции Тувессон купила пиццы и напитки, но пока что никто не взглянул на коробки. Даже Утес не мог сосредоточиться на еде, поскольку был полностью поглощен линейкой времени, которая теперь занимала целых две стены и тянулась назад аж до конца семидесятых годов, когда тайно родились двойняшки.

– После продажи всех активов Криса Дауна они приблизительно должны были получить сорок два миллиона крон, – сказала Лилья, не отрывая глаз от нескольких распечаток, лежащих перед ней на столе. – Я подсчитала: двадцать за дом, пятнадцать за различные ценные бумаги и другие основные активы и семь за движимое имущество, такое как произведения искусства, марочные вина и прочее.

– Получается, мы говорим о деньгах, которые они потеряли, когда мы схватили его после посещения банка, – сказала Тувессон, и Лилья кивнула.

– А сколько им понадобится, чтобы купить вторую половину этого имения под Стокгольмом? – Тувессон повернулась к Фабиану; он рассматривал фото, присланные ему Малин, из фотоальбома, который она нашла спрятанным в стене.

– Трудно сказать, пока имение не выставили на торги, но вполне вероятно от пятидесяти до ста. Во всяком случае, родственники Бернарда фон Юлленборга, похоже, намерены продать. По словам Малин, они пытались объявить его умершим полгода назад именно по этой причине. – На одном из фото Дидрик и Нова, лет шести-семи, сидели в одежде друг друга и занимались армрестлингом. Он в ее платье, а она напротив него в брюках.

– Да, похоже, сейчас у них с этим нет проблем, – заметил Утес.

– Иными словами, двойняшкам надо поторапливаться, чтобы успеть наскрести достаточно денег до начала торгов, – сказала Тувессон. – Да, кстати, Фабиан, дай мне номер Малин, хочу поблагодарить ее за помощь.

Фабиан кивнул, хотя не понял, что она сказала. Он рассматривал одну фотографию, от которой по какой-то причине не мог отвести глаз.

– Если бы не она, они бы продолжали делать свое дело, а мы бы понятия об этом не имели, – сказала Тувессон, подошла к последней свободной доске во всю стену и написала: **НОВЫЕ ВОЗМОЖНЫЕ ЖЕРТВЫ.** – О'кей, что скажите? У кого есть идеи?

– По-моему, они орудуют где-то здесь, в Сконе, – сказал Утес.

– Почему именно здесь, а не в какой-нибудь другой части Швеции?

– Лишить кого-то жизни – не минутное дело. Не удивлюсь, что они годами готовились, прежде чем начать действовать по-настоящему. Так что решение о том, кто будет следующей жертвой, не принимается в спешке. – Утес взял кусок пиццы. – Прибавьте к этому, что они, вероятно, стремятся держаться как можно дальше от имения в Стокгольме, чтобы их не узнали. И что может быть лучше, чем северо-западная часть Сконе, где полно состоятельных людей?

– К тому же невозможно работать параллельно сразу над несколькими

жертвами, если те живут в различных частях страны, – заметила Лилья.

Тувессон кивнула и обернулась к Муландеру.

– Как там обстоит дело со списком, который ты составил? Там еще были потенциальные жертвы?

– Нет, если мы не расширим радиус поиска.

– Насколько?

– По крайней мере, до Гётеборга, иначе нет смысла. Проблема только в том, что у нас вдруг появится целая куча богачей, которые только что получили новые водительские удостоверения.

– Подождите, – Фабиан повернулся к остальным. Он, наконец, понял, что пыталась сказать ему фотография. – В старом списке мы упустили одну вещь. – Внезапно это стало таким очевидным, что он не мог понять, почему ни он, ни кто-либо другой из его коллег не подумал об этом раньше. – В нем только половина всех возможных жертв.

– Что ты имеешь в виду? – Муландер скрестил руки с таким видом, словно считал, что критика Фабиана адресована непосредственно ему. – Если ты хочешь сказать, что они не обязательно должны быть одинокими, а могут иметь семьи, как Крис Даун, то я уже проверил список не по одному разу, и поверь мне, больше там никого нет.

– Я в этом не сомневаюсь, – отозвался Фабиан. – Не играет никакой роли, сколько раз ты просматривал этот список. Все равно в нем одни мужчины.

– Да, понятно. А кому там еще быть?

– Например, женщинам, – Фабиан развел руками. – Или ты считаешь, что нет успешных женщин, которые зарабатывают деньги?

– О боже, почему мы об этом не подумали, – вскричала Лилья и перебила Муландера, который как раз собирался что-то сказать в свою защиту.

– Да, действительно, можно задать себе такой вопрос, – произнесла Тувессон, пока Муландер молча сел за свой ноутбук. – Особенно с учетом того, что эта Нова, похоже, как минимум так же хорошо входит в образ другого человека, как и ее брат.

– Смею утверждать, что даже чуточку лучше. – Фабиан повернулся к Муландеру, который был готов ввести команду. – Ты можешь показать результаты на экране?

– Не все сразу, прошу вас, – сказал Муландер, который работал, словно время было золотом.

Остальные молча ждали. Даже Утес оторвался от линейки времени и как можно тише и спокойнее опустил экран проектора, чтобы не мешать

Муландеру, который, наконец, оторвался от монитора, нажал на пульт и включил проектор.

– Сколько? – спросила Тувессон.

– Одиннадцать с теми же критериями поиска, что у нас были для мужчин.

– И сколько из них получили новые водительские удостоверения за последние полгода?

– Трое, – ответил Муландер. Одновременно зажегся проектор и показал три имени и размеры их налогооблагаемого имущества. – Давайте начнем с Лидии Клевенъельм, – продолжил он с достоинством в голосе, что свидетельствовало о том, что он уже оправился от поражения. Он нажал на фото, где были изображены старое и новое удостоверение Клевенъельм. – Ее состояние оценивается в шестьдесят миллионов, и ей принадлежит несколько объектов недвижимости как здесь, в Хельсингборге, так и в Мальмё.

– Что ты знаешь о ее семейном положении?

– Разведена, она и муж – оба опекуны единственного ребенка, которому скоро исполнится четыре.

– Насколько я могу видеть, старое водительское удостоверение выдано десять лет назад, так что его все равно надо было менять, – сказал Утес, подойдя к проектору, чтобы лучше рассмотреть цифры.

– Наверное, поэтому они так по-разному выглядят, – сказала Лилья. – Ты не мог бы увеличить фото на удостоверениях?

– Уже увеличил. – Муландер нажал на два фото на удостоверениях, которые виртуально вырезал и положил рядом, – Но как я уже сказал, не все сразу.

Женщина на более поздней фотографии, без сомнения, выглядела на несколько лет старше. К тому же она была в очках и с совсем другой, более короткой стрижкой. Вдобавок у нее было другое лицо. Но и лицо могло измениться за десять лет, так что трудно утверждать, это одна и та же женщина или две разных.

– А вот Сандра Гульстрём, – продолжил Муландер, одновременно показывая фото двух ее водительских удостоверений. – Ее состояние оценивается где-то между двумястами и пятьюстами миллионов риксдалеров. В основном в виде акций различных частных инвестиционных компаний, которыми она владеет вместе со своим мужем Гуннаром Гульстрёмом.

Фабиан отметил, что старое удостоверение выдано чуть больше семи лет назад, и что, как и в случае с Клевенъельм, невооруженным взглядом

почти невозможно определить, это одна женщина или две разных. Во всяком случае, очки те же самые.

– И, наконец, Элисабет Пиль. – Муландер нажал на следующее фото с двумя последними водительскими удостоверениями. – Ее прапрадедушку звали Фредрик Альгрэн. Вместе со своим братом он изобрел в своем роде самый продаваемый автомобиль в мире. – Сделав искусственную паузу, он явно наслаждался тем, что все остальные, очевидно, не понимали, о чем он говорит. – Никто не слышал о машинах Альгрэна^[32]?

– Конечно. Разумеется, – сказал Утес. – И сколько она стоит?

– Сто шестьдесят миллионов, и, как видите, старое удостоверение выдано меньше двух лет назад.

– С другой стороны, женщины или женщина выглядят на фото совершенно одинаково, – заметил Фабиан.

– Может быть, тебе стоит провести анализ лица, чтобы удостовериться, кто действительно изображен на фото, – сказала Тувессон.

– Конечно, я могу это сделать. Но на каждую уйдет два-три часа, чтобы мы могли быть полностью уверены. – Муландер сдвинул очки для чтения на лоб и повернулся к Тувессон. – А с учетом того, что женщин трое, я закончу не раньше первой половины завтрашнего дня.

– О'кей, – сказала Тувессон и кивнула. – Нам надо просто-напросто разделиться и выехать по адресам. Фабиан, ты займешься Клевенъельм, я возьму Гульстрём, а ты, Ирен, поедешь к Пиль.

– Ты хочешь сказать, что мы поедем одни? – спросила Лилья.

– Конечно, нет. Я хочу вызвать спецназ, который разделится на три небольшие группы и будет находиться совсем рядом, но вне зоны видимости, пока мы не будем знать наверняка. Утес, ты становишься координатором и будешь перенаправлять их, как только кто-то из нас подаст сигнал тревоги.

Утес кивнул.

– Мы не должны привлекать к себе ненужное внимание, – продолжила Тувессон. – Не забывайте, что сюда нас привело их незнание о том, сколько нам известно.

– А что нам сказать, когда мы с ними встретимся?

Тувессон пожала плечами.

– Будем импровизировать. Самое лучшее – сделать вид, что вы пришли с обычным обходом на предмет безопасности с нашей стороны, вызванного увеличением количества краж персональных данных. Что-то в этом роде. Увидимся через час в вестибюле. А до этого я хочу, чтобы вы прочли о них все, что сможете найти.

Дуня пролезла через вырезанную дырку в заборе и, хотя начало смеркаться, быстро убедилась, что «Машинный парк», как значилось на табличке, полностью подходит для описания этого места.

Перед белым зданием с опущенными гаражными воротами стояло несколько тракторов. Дальше в темноте под деревьями она увидела две газонокосилки, одну снегоуборочную машину и четыре фургона. Посреди двора из асфальта торчал один насос для бензина, что напомнило ей картину Эдварда Хоппера.

Она нашла контейнер за похожим на ангар зданием из листового железа со сводчатой крышей. Похоже, в нем действительно жили бездомные. Как и на заднем дворе на улице Стуббедамсвей, здесь было полно пахнущих мочой покрывал, матрасов и спальных мешков.

Но Санни нигде не было видно. Впрочем, как и других бездомных. На самом деле Дуня именно это и ожидала. До седьмого пота она объехала на велосипеде все возможные места, где могла находиться Санни, и это место было последним в ее списке. Она испробовала все, и теперь ей только хотелось лечь в кучу вонючих покрывал и на все плюнуть. Если бы не звонок мобильного, она бы, наверное, так и сделала.

Фарид Черукури, кто бы еще. Если не Магнус, то он.

– Нет, я не нашла тебе никакой работы.

– Вот как? О'кей, но...

– И я же сказала, что свяжусь с тобой, как только у меня будет что-то...

– Но эй, ты можешь...

– Ты что, не понимаешь? У тебя что-то с головой. Я занята, о'кей?

– Ты ищешь Санни Лемке?

Дуня посмотрела на мобильный, словно чтобы удостовериться, что не ослышалась.

– Думаю, я знаю, где она. Потому и пытаюсь до тебя дозвониться несколько часов.

– Подожди, значит, ты знаешь, где находится Санни Лемке?

– Нет, на самом деле не знаю. К тому же мне не нравится твой тон, и если ты не изменишь...

– Эй! Ты знаешь или ты не знаешь?

– Не Санни, а твои преступники.

Соня зажала мобильный между грудями. Не для того, чтобы его спрятать, а по привычке, которая выработалась у нее с тех пор, когда телефоны были меньше, и ей надо было освободить руки. Теперь или телефоны стали слишком большими, или у нее уменьшилась грудь. Во всяком случае, мобильный соскользнул вниз и теперь давил ей на живот под рабочими брюками.

Другой вопрос, работает ли он. Алекс, или кто он теперь, избил ее. Пинал до тех пор, пока она не оставила попытки выбраться оттуда. После чего залепил ей рот скотчем, связал руки и потащил по бетонному полу к машине, где бросил ее в багажник.

Но мобильного он не нашел.

Как сделать, чтобы телефон спустился еще дальше вниз и упал на пол? Ее запястья были так крепко связаны скотчем за спиной, что к ним перестала приливать кровь, и руки стало покалывать. Может быть, она сумеет носом или подбородком включить телефон и позвонить Фабиану, пока не поздно. Пока не опустился занавес, и все их общие воспоминания не исчезли.

Она слышала, что Алекс говорит с кем-то по телефону. Она не разобрала слов, но тон был взволнованный. Не надо долго гадать, чтобы понять, что речь идет о ней. Она видела слишком много, и они решали, что с ней делать.

По замыслу она не должна выжить. Она ощущала это всем телом, которое болело. Для того, кто сейчас ведет машину, она всего лишь винтик в механизме. Страховка на случай, если Фабиан и его коллеги подойдут слишком близко. Теперь она сама подошла слишком близко, и поэтому ее надо ликвидировать.

Всю жизнь она никогда не понимала тех, кто боится смерти. Сама она относилась к смерти как к естественному и одновременно неизбежному концу жизни, которая, как она надеялась, в основном состоит из светлых моментов. Но сейчас, когда смерть стояла на пороге, она была страшно напугана. Она была как никогда не готова. Она так много не успела сделать. Сколько всего откладывала на потом, закрывая на это глаза. Все, о чем она думала, но не сказала в надежде на подходящий случай.

А теперь внезапно стало поздно.

В ожидании, что спецназ разместится так, что не будет виден из дома Лидии Клевенъельм по адресу: улица Софиеровеген, 11, Фабиан сидел в машине и пытался собраться, просматривая фото двойняшек, которые ему прислала Малин Ренберг. План просто-напросто поговорить с потенциальными жертвами, руководствуясь интуицией, был в равной степени непродуманным и очевидным. Чтобы иметь хоть малейший шанс, что план сработает, им придется отбивать мяч на лету и, как сказала Тувессон, импровизировать. Ни на что другое времени нет.

Уже прошло двенадцать часов с тех пор, как двойняшкам чудом удалось обмануть надзирателей в СИЗО. Двенадцать часов они находились на свободе. Оставалось только надеяться, что брат с сестрой не успели нанести слишком много вреда. Что они занимались воссоединением и зализыванием ран после задержания и поражения с Крисом Дауном.

Если у них вообще есть раны. Если они вообще способны терпеть поражение.

Фабиан был далеко не уверен. Хотя он встречался и подробно говорил с обоими, он понятия не имел, какие они. Они словно не подчинялись естественным законам человеческого поведения. Холодность, эффективность, осуществление задуманного вплоть до мельчайших деталей.

Единственный сбой их сверхъестественной программы – работа, проделанная Малин в Стокгольме. От этого они не смогли себя защитить. То же самое с посланными ею фотографиями, в которых не было ничего сверхъестественного, только двое детей из плоти и крови. Брат с сестрой с ошибками и недостатками, как у любого другого, но они росли в обстановке, где все время подвергались насилию, и поэтому их детство иначе как чистым адом не назовешь.

Спецназ на месте. Готов войти.

В мобильном звякнуло сообщение от Утеса. Фабиан проверил магазин в пистолете, потом вышел из машины и перешел улицу Софиеровеген.

Если район Тогаборг, где он сам жил, считался очаровательным, то этот район имел совсем другую репутацию. Отсюда открывался безупречный вид на пролив, благодаря чему он был одним из лучших в Хельсингборге по местоположению. Сам по себе дом не производил особого впечатления. Довольно большая вилла белого цвета с четырьмя

колоннами Даллас у входа.

Фабиан нажал указательным пальцем на кнопку и услышал где-то внутри электронную имитацию колокольного звона. Он увидит это в ее глазах или услышит в ее голосе? Или хватит пары контактных линз голубого цвета и другого диалекта, чтобы он растерялся?

Зазвонил мобильный. Он взял его и увидел, что это Соня. Он ждал звонка Утеса, но надеялся, что позвонит Теодор. На Соню он вообще не рассчитывал. Она передумала? Или просто хочет убедиться, что его не будет дома, когда она придет за своими вещами? Что бы то ни было, он займется этим, когда освободится, подумал он и отклонил разговор. В ту же секунду повернулся дверной замок, и дверь открылась.

– Добрый вечер, меня зовут Ирен Лилья, я из полиции Хельсингборга. – Лилья показала свое полицейское удостоверение, при этом отметив, что у Элисабет Пиль совсем другая прическа, чем на обеих фотографиях из документов.

– Ага?.. – женщина смотрела то на Лилью, то на удостоверение.

– Можно войти?

– Извини, но в чем... Что-то случилось? – Женщина поправила свитер с таким большим вырезом, что одно плечо было совершенно оголено.

– Именно это мы и пытаемся выяснить, и поэтому я здесь.

– Ты не можешь сказать, в чем дело?

– Могу, но, как я уже сказала, будет лучше, если мы поговорим внутри. – Лилья посмотрела женщине в глаза. Они по-прежнему выражали неуверенность. Но там было и нечто другое. Беспокойство или страх? – Тебя это напрягает?

– Нет. Почему меня должно это напрягать? – Женщина отошла в сторону и сглотнула, словно положила в рот слишком большой кусок мяса.

Лилья вошла в дом, который на первый взгляд показалась ей меньше, чем она ожидала. Особенно с учетом того, сколько у этой женщины миллионов в банке. Без спроса она прошла в гостиную.

– Извини, это надолго?

– Как пойдет. – Лилья села на один из двух диванов, стоящих перед открытым камином. – Дело в том, что участились кражи персональных данных у обеспеченных людей. И сейчас мы в плановом порядке обходим тех, кто недавно поменял свое водительское удостоверение, как, например, ты, хотя твое было выдано только два года тому назад.

– Что? Зачем мне надо было это делать? – Женщина села на диван напротив по-настоящему с недоуменным видом.

– Как раз на этот вопрос мы и хотим получить ответ, – сказала Лилья, напомнив самой себе о том, что сейчас она ничего не должна принимать на веру. – Получается, тебе это неизвестно? – Она положила распечатку двух документов и стала изучать реакцию женщины.

Удивление казалось подлинным. Дрожащая рука, которая держит удостоверение, широко распахнутые глаза и другая рука, закрывающая рот. Но на самом деле это ни о чем не говорит. Если Нова Мейер такая способная, как все утверждают, она наверняка может изобразить любой регистр чувств.

С другой стороны, если Нова действительно сидит на диване напротив и ломает комедию, почему не пытается придумать хорошее объяснение быстрой замены водительского удостоверения? Или это только сделает их еще более подозрительными?

– Что я вижу. К нам пришли.

Лилья обернулась и сразу же поняла, что у нее нет ни малейшего шанса защититься от мужчины, который направлялся прямо к ней.

Астрид Тувессон никогда не любила лошадей. Не потому, что они ей что-то сделали. Но величина вкупе с твердыми копытами внушали ей уважение, переходящее в чистый страх. И теперь она, конечно, вынуждена стоять всего лишь в полуметре от фыркающего чудовища, от которого шел пар после вечернего галопа.

– Совершенно точно, – сказала Сандра Гульстрём и отдала обратно распечатку двух удостоверений личности Тувессон, не слезая с лошади. – А кто это еще может быть, как не я?

– Тогда у меня вопрос: почему ты поменяла удостоверение? – спросила Тувессон, стараясь держаться на приличном расстоянии от лошади по дороге в конюшню. – Ведь твое удостоверение действовало еще три года, и мы не можем найти заявление в полицию о том, что его украли.

– Нет, думаю, я его просто потеряла. – Женщина завела лошадь в стойло.

– Потеряла? – Тувессон поняла, что ей так же не нравится резкий запах стойла, как и сами лошади.

– Да, во всяком случае, я написала это в заявлении. Честно говоря, речь скорее шла о чистом тщеславии. – Она засмеялась и начала расседлывать лошадь. – Теперь я, по крайней мере, сменила прическу.

– Получается, ты поменяла водительское удостоверение, которое у тебя было свыше семи лет, потому что была недовольна прической?

– Не только прической. Ты же сама видишь, как ужасно я выглядела.

Распухшая и жалкая. А ведь тогда я была на семь лет моложе. Хотя в то время я весила на пять килограмм больше, что, может быть, не так и много, но когда все откладывается на лице, хорошего мало. – Она покачала головой и вышла из стойла, прижимая к себе седло. – Не понимаю, как я могла мириться с такой фотографией в водительском удостоверении целых семь лет. Знаешь, на самом деле это мой психотерапевт сказал, чтобы я собралась с духом и поменяла фото. – Женщина повесила седло на держатель и повернулась к Тувессон. – Кстати, тебя можно пригласить на чашку кофе? Или ты из тех, кто не выносит кофеин после восьми часов вечера?

– С удовольствием выпью чашку, – сказала Тувессон с облегчением от того, что они, наконец, выходят из конюшни.

– Для твоего сведения: через сорок пять минут я должна быть на концерте, – сказала Лидия Клевенъельм и впустила, пусть и неохотно, Фабиана в холл. – В чем дело?

Фабиан пристально осмотрел комнату и потянул время прежде чем, наконец, повернуться к ней.

– Тебе известно, что недавно тебе поменяли водительское удостоверение? – Надо замедлить темп и не поддаваться стрессу.

– Как это может быть мне неизвестно? Мое удостоверение было выдано почти десять лет назад, и его срок заканчивался.

Во всяком случае, никакого сходства с Диной Ди он не видел. Но что-то в этой женщине внушало ему неуверенность.

– Вот уж не знала, что полиция может себе позволить выезжать на дом каждый раз, когда кто-то меняет водительское удостоверение.

– Последние время мы столкнулись с увеличением числа краж персональных данных, – сказал Фабиан, пытаясь понять, действительно ли она так разволновалась или переигрывает.

– Получается, вы подозреваете, что я могу быть одной из потерпевших?

– Мы ничего не подозреваем. Это рутинная проверка.

– О'кей, но тогда могу успокоить констебля – я сама захотела сменить удостоверение. Так что если это все, у меня, как я уже сказала, времени в обрез.

– Где ты была в первой половине дня между девятью и одиннадцатью? – Фабиан прошел в гостиную, откуда открывался потрясающий вид на пролив. Дом словно нависал над водой.

– Утром я занималась йогой на террасе, а потом села работать.

– Здесь, дома?

– Да. Какое это имеет отношение к моему новому водительскому удостоверению?

– Кто-то может это подтвердить?

– Нет, весь день я была одна. Если бы я знала, что это наказуемо, то, конечно, позаботилась бы о свидетеле и посадила его на диван.

– Спокойно. Тебе никто ни в чем не обвиняет.

– Вот как? Тогда, может быть, ты будешь так любезен и объяснишь, что все это означает? В чем меня подозревают, если вдруг мне нужно алиби? Я ukrала свои собственные персональные данные или в чем вопрос?

Если ты это ты, подумал Фабиан, подошел к книжному стеллажу, вынул фотоальбом и стал его листать.

– Как я сказал, увеличилось количество краж персональных данных.

Большинство фотографий были сделаны в тот период, когда у нее еще не было ребенка, и она была замужем. Насколько он мог видеть, они жили в том же доме, в котором он сейчас находится, и, судя по фото, были счастливы в браке.

– Да, и я объяснила, что сама заказала новое водительское удостоверение.

– Ты и твой муж. Почему вы разошлись?

На удивление женщину вопрос не взволновал, и она пожала плечами.

– Обычная история. Сходил на сторону, когда я была на последнем сроке.

Иными словами, мужчина дорого заплатил и оставил ей дом. Ничего странного. В целом все совпадает. Все, кроме того, что женщина перед ним ни капли не похожа на женщину на фото.

Матильда вспомнила, что всего лишь несколько лет назад у нее был воображаемый приятель. Приятель, который был только ее и о котором она никому не рассказывала. Она звала его Эрикссон. Это имя придумала не она. Просто его так звали. Эрикссон, и все тут. Иногда, оставаясь одна, она говорила с ним, словно он сидел напротив нее за столом или лежал рядом в постели, когда она засыпала.

Но как только другой человек находился в той же комнате, Эрикссон заползал ей в голову, и ей не надо было говорить с ним. Он и так все понимал, словно они могли читать мысли друг друга. Одно время она считала, что он один из ее игрушечных мишек, хотя в глубине души предполагала, что, возможно, по-настоящему он не существует.

То же самое было с Гретой. Она будто существовала, и в то же время нет. Матильда словно полностью в это верила, хотя знала, что на самом деле этого не может быть. Единственная разница – теперь тайный приятель был у них один на двоих, у нее и у Эсмаральды.

Они провели несколько сеансов за занавеской в подвале, и стало казаться совершенно естественным говорить с Гретой. От того страха, который она испытывала в первый раз, почти ничего не осталось. Совсем как у настоящего человека, у Греты могло быть плохое настроение, а иногда она совершенно не хотела идти на контакт. Но в основном она пребывала в радостном состоянии и соглашалась говорить обо всем, кроме себя самой.

Как только их вопросы касались того, кем она была и как умерла, Грета начинала дуться, и указка примерзала к доске уиджа. Один раз тишина настолько затянулась, что девочки стали волноваться: а вдруг Грета не захочет снова выйти с ними на связь? И только когда они обещали никогда больше не задавать этот вопрос, она согласилась говорить с ними.

Они также не спрашивали о неверности мамы Матильды. Хотя Матильде было любопытно, и у нее накопилась масса вопросов, она не хотела возвращаться к этому. В ней все еще сидело неприятное чувство после первого раза. Как после того случая, который она не могла помнить, потому что была слишком мала, когда она опрокинула на себя кастрюлю с кипящей водой и обварила половину верхней части тела.

Эсмаральда считала, что даже если у них есть ключ, который может открыть двери в массу различных комнат, некоторые комнаты лучше

оставить в покое. И, может быть, подруга права. Но это не меняло того, что ее мама отсутствовала уже целых два дня.

Матильда попыталась выяснить у Теодора, знает ли он что-то, но брат только посмотрел на нее таким взглядом, будто понятия не имел, о чем она говорит. А когда она объяснила, пожал плечами, сказал, что его это не волнует, и закрылся в своей комнате.

От папы она также не получила никакого ответа. У нее даже не было шанса спросить. Как обычно, у него на работе случилось что-то супер-мега-важное, и ему пришлось отменить и ужин, и сюрприз на выходные. Ужин и сюрприз. Сначала она обрадовалась, когда он сказал им о своей задумке, и чуть было не лопнула от любопытства, что это за сюрприз, но через несколько минут поняла, что тут за версту пахнет разводом.

Как бы там ни было, она решила спросить Грету напрямую. Пусть Эсмаральда говорит, что хочет, ей надо знать.

– В комнате есть хорошие духи? – спросила Эсмаральда, как только они сели, зажгли живые свечи и положили указательные пальцы на планшет, лежавший посреди старой доски уиджа.

Почти сразу же планшет под их пальцами уехал в левый угол доски.

– ДА...

– Это Грета?

Планшет зашевелился, но остался в углу. Иными словами, это Грета, подумала Матильда и обменялась взглядом с Эсмаральдой, которая ждала, что она задаст вопрос.

– Моя мама. С кем она вместе?

– Ты действительно уверена, что хочешь туда войти? – Эсмаральда выглядела по-настоящему обеспокоенной.

Матильда кивнула и стала ждать, когда планшет опять задвигается. Но ничего не происходило, и через какое-то время у нее заболело плечо от того, что она все время держала руку вытянутой.

– Во всяком случае, Грета, похоже, не считает, что нам туда надо, – продолжила Эсмаральда.

– Но я хочу знать. Слышишь, Грета?! Мне плевать, что это неприятно! Я должна знать, в чем дело!

– Тебе не нужно ей кричать. Она слышит... – Эсмаральду прервали – вздрогнув, планшет пополз вниз к нижней дуге букв и остановился так, что в отверстии они увидели букву Н. Затем планшет быстро показал на букву Е в верхней дуге, а потом вернулся на нижнюю дугу и показал Т, где и остановился.

– Нет, – сказала Матильда, ничего не поняв.

– Это может означать смерть, – пояснила Эсмаральда. – Что кого-то уже нет. Так может быть?

Как по команде планшет пошел вверх к левому углу.

– ДА...

– Нет? Что значит нет? – Матильда почувствовала, как все больше раздражается. – Я спросила, с кем моя мама.

– НЕТ...

– Ты понимаешь, к чему Грета клонит? – спросила Матильда, и Эсмаральда покачала головой. – Кто-то умер? – продолжила она, почувствовав, как злость сменяется все большим волнением. Что-то случилось?

– ДА...

– Это моя мама? Ты ее имеешь в виду? – спросила она и поняла, что плачет. – Это она умерла? – Только через какое-то время планшет пополз вверх к луне в правом углу, и Матильда смогла выдохнуть.

– НЕТ...

– Послушай, может быть, нам лучше закончить? – предложила Эсмаральда.

– Нет, я хочу знать. Ты слышишь, Грета. Я не собираюсь заканчивать, пока не получу ответ! – выкрикнула она.

– НЕТ...

– Кто умер? Ты понимаешь, что она хочет сказать?

– Нет, – ответила Эсмаральда. – Но я действительно считаю, что сейчас мы лучше всего закончим и попытаемся в другой раз.

– А что если это еще не случилось?

Эсмаральда пожала плечами.

– Грета, мы хотим поблагодарить тебя за сегодняшний разговор и теперь прощаемся с тобой...

– Нет, мы совсем не прощаемся, – перебила ее Матильда. – Мы не закончили. Грета, кто-то умрет? Ты это хочешь сказать?

– Матильда, нам не надо этого делать, – сказала Эсмаральда, пока указка двигалась вверх к ДА в левом углу. – Поверь, мне совсем не...

– Кто умрет? Грета, я хочу узнать, кто!

– Матильда, – попыталась Эсмаральда.

– Кто?

Указка так быстро стала двигаться по доске и по двум дугам из букв, что за ней было трудно уследить. Но Матильда без проблем фиксировала каждую букву, которая появлялась в маленьком отверстии, где на короткое время останавливалась указка. Но слово или фамилия, которое

образовывали буквы, было слишком знакомым, чтобы она могла его воспринять.

РИСК...

– Входи и ради бога не снимай сапоги. – Сандра Гульстрём провела Тувессон в старый жилой дом, превращенный в шикарное элитное жилье с открытой планировкой и высокими потолками. – У меня самой есть похожие, и, если удастся их надеть, потом никак не хочется снимать.

Тувессон прошла вслед за женщиной через гостиную, где стояли большие диваны и кресла, словно созданные для того, чтобы сидеть всю ночь с виски в одной руку и с сигаретой в другой.

– Какой у вас красивый дом.

– Спасибо. Мы два года делали ремонт. – Женщина покачала головой и обогнула кухонный островок. – Два проклятых года, если хочешь знать мое мнение. Знаешь, мы потратили практически все деньги. Теперь у нас есть пол с подогревом, тройные стеклопакеты и все такое. – Она намылила руки и сполоснула их в мойке. – Мой муж обычно ворчит, что мы заплатили бы вдвое дешевле, если бы построили новый дом где-нибудь в другом месте. Но тогда бы у нас не было такой атмосферы, но это ему никогда не понять.

– Да, здесь прекрасно, – сказала Тувессон. – Но мне кажется, что жить вот так, без соседей, немного одиноко.

– Ты не первая это говоришь. Но понимаешь, у меня есть лошади и соседи мне не нужны. И мой муж, конечно, хотя он большей частью в отъезде.

– Вот как, а где он сейчас?

– В Токио. Кстати, ты латtemanка или тебе подойдет старый добрый кофе из кофеварки?

– Подойдет любой. – Тувессон стала осматриваться.

– Несколько лет назад я ничего не могла пить, кроме эспрессо. И вдруг, не спрашивай почему, он мне надоел. С тех пор я пью только кофе из кофеварки. Но он должен быть свежего помола. В этом и заключается весь секрет. Те готовые пакеты, которые месяцами стоят на полке магазина, вообще не следует называть кофе.

Но не нашла ничего, что нарушало гармоничную картинку. Судя по тому, как женщина клала кофейные зерна в кофемолку и молола их, пока наливала воду в кофеварку и ставила кофейные фильтры на место, она проделывала точно такую же процедуру тысячи раз.

– Утром между девятью и одиннадцатью. Что ты делала?

– Разговаривала по телефону с моим мужем.

– Все время?

– Нет, но полтора часа точно. Знаешь, часто это единственный способ общения между нами, а поскольку он все время в разъездах, я обычно настаиваю на звонках.

Тувессон собиралась спросить, сможет ли муж подтвердить это, но тут раздались звуки маримбы – зазвонил мобильный. Она достала его, но поняла, что он по-прежнему выключен.

– Легко на помине. – Женщина показала свой мобильный. – Можно я поговорю? Он, как правило, не звонит в это время. Там у него самая ночь.

Тувессон кивнула.

– Если хочешь, можешь сама спросить у него, как долго мы говорили по телефону. Хотя уже сейчас могу сказать, что он ответит, что слишком долго, – сказала женщина со смехом.

Мужчина протянул руку, чтобы поздороваться с Лильей.

– Хокан Ханссон. Можешь быть совершенно спокойна. Я не кусаюсь.

– Извини, я думала, что кроме меня и Элисабет здесь никого нет, – сказала Лилья и пожала ему руку, одновременно пытаясь понять, может ли человек перед ней быть Дидриком Мейером.

– Разве я не просила тебя не выходить? – обратилась к нему Элисабет Пиль.

– Но любимая... Я ведь не могу сидеть там и прятаться. Особенно, когда к тебе пришла полиция. Ты уж меня извини, но Элисабет всегда боится, что это всплывет. Мы с ней пока что еще не совсем официально. – Он поднял левую руку и показал обручальное кольцо. – Но скоро от этого останутся одни воспоминания. Разве нет, любимая?

Женщина молча кивнула. Мужчина подошел к дивану и сел рядом с ней.

– А теперь рассказывай. Что произошло? – продолжил он и положил руку ей на плечо.

– Не знаю, понимаю ли я до конца. Но они утверждают, что кто-то недавно обновил мое водительское удостоверение. Посмотри сам. – Она протянула мужчине распечатку двух водительских удостоверений.

– Но зачем кому-то это делать?

– Чтобы взять ее персональные данные и опустошить ее активы, – сказала Лилья, наблюдая за их реакцией.

– Боже мой, какой ужас! – Элисабет позволила мужчине обнять себя. – У меня такое чувство, будто меня изнасиловали.

Лилья хотела было сказать, что это могло закончиться гораздо хуже, но

сдержалась.

– Понимаю, как это неприятно. К счастью, нет признаков того, что они уже нанесли удар. По схеме водительское удостоверение – только подготовка, и...

– Только? – На лице женщины не осталось ни одной краски.

– Она хочет сказать, что пока ничего реального не произошло. – Мужчина повернулся к Лилье. – Это так?

Лилья кивнула.

– Да, и чтобы ничего не случилось в дальнейшем, с этого момента мы предоставим тебе личную охрану, пока преступники не будут схвачены.

– Личную охрану? Ты же не хочешь сказать, что они... Но боже, что это?

Фабиан осмотрел спальню на верхнем этаже. Заправленная двуспальная кровать, туалетный столик с зеркалом и встроенный гардероб во всю стену. Ничто не заставило его остановиться и посмотреть более внимательно. Он обошел весь верхний этаж, а также гостиную, кухню и ванную на нижнем этаже, но не нашел ничего подозрительного.

Чтобы заручиться, что женщине не придет в голову какая-нибудь глупость, он пристегнул ее наручниками к одному из кресел внизу в гостиной. Она громко протестовала и замолчала только несколько минут назад.

Реакция во многих отношениях казалась настоящей, и на вопрос, почему она совсем не похожа на фото в альбоме, хозяйка дома довольно достоверно объяснила, что за последние годы сделала целый ряд пластических операций. Она не только увеличила грудь, которая после кормления превратилась в две прихватки, но и переделала нос, рот и скулы.

Но можно ли этому верить, или у женщины просто хорошо подвешен язык, он, честно говоря, понятия не имел. Слово все различные глаза, рты и скулы, которые он видел за последние дни, слились в один расплывчатый фоторобот.

Фабиан вышел из спальни и стал спускаться по лестнице на нижний этаж, когда позвонил Утес.

– Ты что-нибудь нашел?

– Пока ничего.

– Значит ли это, что это не она?

– Нет, это значит, что я пока ничего не нашел. – Фабиан посмотрел на женщину, сидящую в кресле с опущенной головой. – Лучше всего, если ты пошлешь сюда кого-то, кто мог бы установить ее личность. Бывшего мужа,

брата или сестру, или коллегу. Кого угодно, только бы этот человек знал ее длительное время.

– *Посмотрю, что смогу сделать.*

– Как дела у остальных?

– *У Ирен, похоже, пошел клев. В кои-то веки мы успели вовремя. И насколько я понял, Астрид все закончила и скоро должна уйти оттуда. Да, кстати, как ты хочешь поступить со спецназом? Прислать его тебе, чтобы они помогли с поиском?*

– Пока нет. Но держи их наготове, если что-то случится.

Фабиан закончил разговор и подошел к женщине, которая подняла глаза и посмотрела на него.

– Здесь есть подвал?

– Нет, нету, – ответила женщина, устало выдохнув. – Серьезно. Мы уже готовы?

– Не совсем. – Фабиан чувствовал, что что-то пропустил и еще раз обвел комнату взглядом. – Сейчас мы ищем человека, который может прийти сюда и установить твою личность.

– Вот как? А когда это закончится, ты меня отпустишь?

– Стиральная машина. Где она у тебя стоит? – Внезапно его осенило.

– А причем здесь стиральная машина?

– Стиральная машина. Где ты стираешь? – Почему он не подумал об этом раньше?

Женщина хотела что-то сказать, но осеклась.

– У меня ее нет. Стиркой занимается моя уборщица. Доволен?

Наконец неуверенность прошла. По ее глазам он видел, что она лжет. Через три минуты он нашел ее напротив ванной комнаты, оклеенную такими же обоями в голубую полосу, что и стена холла.

Дверь в постирочную.

Там стояли не только стиральная машина, сушильный шкаф и каток для белья. За задернутой шторой под несколькими полками с красиво сложенными полотенцами находилась также морозилка, похожая на ту, что он нашел дома у Криса Дауна.

Тувессон не видела Сандру Гульстрём с тех пор, как позвонил ее муж, то есть больше пяти минут. Конечно, это еще не конец света. Наоборот, прекрасно, что она может без помех собственноручно осмотреть дом. И к тому же без болтовни, в чем усматривала одно только преимущество. Хотя женщина утверждала, что прекрасно себя чувствует в безвоздушном пространстве с лошадьми в качестве единственного собеседника,

незакрывающийся рот говорил о том, что это сплошная чепуха. На самом деле ей не хватало общества больше, чем голодной кошке.

На нижнем этаже она не нашла ничего интересного. Ни на большой книжной полке, ни в ванной. А также в спальне, где была целая стена с фотографиями в рамках, изображающих Сандру Гульстрём, ее мужа или их вдвоем.

Верхнего этажа Тувессон не обнаружила, и когда Утес сообщил, что Элисабет Пиль понятия не имела о том, что ей выдали новое водительское удостоверение, сказала, что готова уехать отсюда, как только Гульстрём закончит разговор со своим мужем.

Воспользовавшись моментом, заглянула в подвал. Ей показалось, что она спустилась совсем в другой мир. Со вкусом сделанный ремонт совершенно не затронул помещение под землей. Вопреки ее ожиданиям, здесь не было ни винного погреба, ни домашнего спортзала, ни спа. Даже ни одного стильного хранилища на обозримом пространстве.

В подвале, если его вообще можно так назвать, царил сплошной хаос, гораздо худший, чем она устраивала дома во время своих самых страшных буйств. Низкий потолок подпирали деревянные столбы, поставленные как попало. То тут, то там висели лампочки без абажура, освещая островки в плотной темноте. Она не увидела никаких внутренних перегородок, только одно большое пространство, забитое строительным мусором и прочим хламом. Наверняка, все это осталось после ремонта. Астрид повернулась, чтобы подняться наверх.

И тут услышала. Или скорее не услышала. Вероятно, она слышала его с тех пор, как спустилась, но отреагировала только сейчас, когда наступила тишина.

Характерное жужжание.

– Ты соврала, когда я задал вопрос о стиральной машине. Почему? – спросил Фабиан, пока писал сообщение Утесу, где просил его прислать спецназ.

Женщина вздохнула и покачала головой.

– Потому что хотела положить этому конец. А теперь я хочу вызвать сюда моего адвоката, прежде чем скажу хоть одно слово.

– Сначала я хочу, чтобы ты сказала, где находится ключ к морозильнику?

– Если все дело в этом, это не ко мне...

– Ключ! Где он?!

– Не знаю. Спрашивай моего бывшего мужа. Это он использует его

для всех своих изысканных блюд из лосиного мяса и мяса косули. Я бесчисленное количество раз просила его прийти и забрать. Но теперь я желаю знать, о чем идет речь?

Фабиан не мог не восхититься, как хорошо она сохраняет лицо и до последнего играет свою роль. И к тому же делает это так натурально, что он опять почувствовал сомнение. Тем временем он услышал, как в холл входит спецназ, и, не ответив ей, вышел их встретить и показать морозильник в постирочной.

– Он заперт, и его надо отпереть как можно быстрее.

Руководитель отряда кивнул и махнул одному из своих бойцов, который с помощью угловой шлифовальной машины взялся за ручку, на которой висел замок. Фабиан не захотел выйти из комнаты, но повернулся спиной и закрыл уши, пытаясь заглушить пронзительный звук. Через несколько минут машина смолкла, и он смог подойти к морозильнику и открыть крышку.

Она лежала на дне морозильного ящика в позе зародыша с пораненными руками, сложенными как для последней молитвы. Ее брови и ресницы были покрыты изморозью. Как и части волос. Глаза были закрыты, словно она решила отказаться от борьбы. В одном углу стояла обязательная бутылка спирта.

Несмотря на изморозь на волосах и лице, не было никакого сомнения в том, кто это женщина. Сандра Гульстрём была похожа на саму себя даже без очков. И точно как утверждала Нова Мейер, у нее была новая прическа. Только она не сбросила несколько килограммов, а скорее наоборот.

– Разве можно без разрешения ходить по чужому дому и что-то вынюхивать.

Тувессон отпустила крышку морозильного ящика и повернулась к женщине, которая вышла из тени в нескольких метрах от нее.

– Воспитанные люди так не поступают, – продолжила женщина и приблизилась к ней на шаг.

– Это же не твой дом, – сказала Тувессон, быстро достала пистолет и направила его на женщину. – Лечь на живот, раздвинуть ноги и вытянуть руки.

Она узнала звук дополнительного морозильника, на котором стоял Гуннар и который теперь стоял дома у нее в гараже, занимал место и к тому же потреблял массу ненужного электричества. Он скрежетал точно таким же образом, как этот морозильник, когда компрессор переставал работать.

– На живот, я сказала!

А вот определить, откуда раздается звук, оказалось не так просто, и когда ей это удалось, выяснилось, что она проходила мимо этого места много раз. То, что она приняла за стол с красной скатертью, заставленный картонными ящиками, стопками книг и оплетенными бутылками с жидкостями, было на самом деле морозильником той же модели, что стоял дома у нее в гараже. Электролюкс с верхней загрузкой без замка.

Конечно, как только она обнаружила морозильник, ей следовало бы позвонить Утесу и попросить его прислать спецназ. Но тогда, всего лишь несколько минут назад, речь шла лишь об одном – успеть вовремя. Как можно быстрее выключить агрегат, поднять крышку и, наконец, кого-то спасти.

Хотя Тувессон в глубине души понимала, как это наивно, она не могла перестать надеяться. Может быть, поэтому чудом услышала очень слабый стон. Она повернулась к морозильной камере, откинула крышку и увидела, как Сандра Гульстрём открыла глаза.

После этого все почернело.

Утес сжимал антистрессовый мячик, который сделал из сотен, может быть, тысяч разноцветных резинок. Он находился в стрессе, это так, и если начистоту, не считал, что мячик особо помогает. Тувессон слишком долго не брала трубку, что для нее не характерно, если, конечно, она трезвая.

Вероятно, она возвращается в машине в полицию, хотя обычно это не мешает ей ответить. К тому же она как никто знает, что не отвеченный звонок может означать только то, что у кого-то возникла проблема.

А проблемы им сейчас никак не нужны.

– *Привет, Утес...* – раздался прерывистый голос Тувессон. – *Извини, что так долго не подходила...*

– Да, я уже начал немного волноваться.

– *Здесь внизу очень плохая связь... пришлось встать на... и...*

– Астрид, подожди. Тебя очень плохо слышно. Где ты находишься? Все в порядке? – Но он только слышал шумовые помехи. – Астрид, ты меня слышишь?

– *Так лучше? Теперь ты меня слышишь?*

– Гораздо лучше, – сказал он, хотя по-прежнему все шумело и прерывалось. – Но я не понимаю. Где ты находишься? Ты не едешь сюда в машине?

– *Я обошла дом и нашла подвал.*

– Что? Ты все еще там?

– *Да, он довольно большой, и в нем полно...* – Голос заглушил сильный шум.

– Астрид, ты что-нибудь нашла?

– *Нет, ничего.*

– Ты не хочешь, чтобы я прислал спецназ?

– *Нет, нет, все в порядке. Здесь ничего нет.*

– Фабиан тоже ничего не нашел, кроме пары замороженных стейков из мяса косули и некоей Лидии Клевенъельм, которая, если верить Фабиану, надулась так, как на меня иногда дуется Берит. – Утес засмеялся над своей шуткой и к своему удивлению услышал, что Тувессон тоже засмеялась. – Как хорошо, тогда я отправляю их домой. – А ведь она никогда не смеялась над его шутками. Но она, наверное, как и он, испытывает облегчение – ведь вечер оказался довольно удачным, и теперь они знали, что в следующий раз двойняшки собираются нанести удар по Элисабет Пиль.

– *И тогда, наверное, ты вернешься сюда минут через двадцать или через полчаса,* – слышался голос Утеса на другом конце.

– Да, что-то в этом роде, – сказала Нова Мейер в микрофон на наушниках, одновременно подняв две последние оплетенные бутылки с водой и поставив их на красную скатерть, которая свисала с морозильной камеры и время от времени немного шевелилась. Словно кто-то под ней пытался выбраться.

– *Хорошо, двое других тоже должны быть на подходе. Так что мы сможем выработать стратегию, что нам делать с Элисабет Пиль.*

– Конечно.

Нова Мейер закончила разговор, подняла один из картонных ящиков и поставила его рядом с бутылками. Затем подняла еще один ящик и поставила его на первый. Чтобы поставить третий, ей пришлось забраться наверх и встать на морозильник. Четвертый и последний как раз встал под низким потолком, и когда она закончила и убедилась, что картонные ящики плотно зажаты между морозильником и потолком, спрыгнула вниз и исчезла.

Шевеления прекратились. По крайней мере, издали их было не видно. Но если смотреть с близкого расстояния, можно было заметить совсем небольшую рябь на воде в оплетенных бутылках и услышать приглушенные крики Тувессон о помощи.

Осталась еще одна попытка, сообщил мобильный, осветивший темный багажный отсек. Два раза Соня неправильно набрала четыре цифры пин-кода кончиком носа и теперь решила сделать короткий перерыв и обратиться с силами перед последней попыткой. Если она не справится, мобильный фактически будет ей ни к чему.

Она сделала несколько глубоких вдохов и попыталась пошевелиться, чтобы не застаивалась кровь. Всего лишь несколько минут назад у нее так болели связанные за спиной руки, что хотелось крикнуть во все горло, но рот был заклеен скотчем. Сейчас боль стихала, и скоро она, наверное, вообще перестанет чувствовать, что у нее есть руки. Ее мозг словно прекратил на них надеяться и решил, что они больше не являются ее частью.

В детстве она случайно запуталась в кувшинках на загородном озере и быстро решила оставить попытки выбраться на поверхность. Словно жизнь, которая ее там ждала, не стоила всех усилий. В каком-то смысле в этом заключалась ее сущность. Всегда выбирать легкие пути и лучше подчиняться обстоятельствам, чем сопротивляться.

Но в этот раз она не собирается сидеть и смотреть, как рушится ее жизнь. В этот раз она намерена бороться. Впервые в жизни она почувствовала, что ей есть ради чего жить, еще как есть, чтобы позволить всему погаснуть. Матильда, Теодор, Фабиан... Конец не должен наступить. Не таким образом.

Машина свернула на еще более неровную и ухабистую дорогу. Соня догадалась, что это дорога с гравиевым покрытием, хотя уже давно оставила попытки вычислить, куда они едут.

Вместо этого она направила всю свою энергию на мобильный. Только на то, чтобы извлечь его из рабочих брюк, у нее ушло так много сил, что, закончив, она была вся в поту. Когда после этого кончиком носа ей удалось набрать четырехзначный код и позвонить Фабиану, надежда стала возвращаться. Батарейка была заряжена на шестьдесят три процента, и шли четкие и сильные гудки. Соня ничуть не сомневалась, что муж ответит и сразу же после этого придет и спасет ее.

К сожалению, она ошибалась. Фабиан не ответил и не спас ее. Она несколько минут приходила в себя от разочарования, а потом, попытавшись позвонить кому-нибудь еще, два раза подряд случайно нажала не на те

цифры.

Теперь мобильный лежал перед ней и ждал ее последней попытки. 5, 8, 9, 5 – четыре цифры в нужном порядке, ни больше, ни меньше. Она сделала глубокий вдох и наклонилась к мобильному. Пятерка далась ей без всяких проблем, как и восьмерка, которую она не смогла набрать в две предыдущие попытки. Потом она стала волноваться и почувствовала, как дрожит, когда наклонилась к девятке. К ее большому облегчению все получилось, и теперь оставалась вторая пятерка, которая ее никогда не подводила. И в этот раз не должно быть проблем, подумала она и, сосредоточившись, нацелилась.

Если бы машина внезапно не затормозила, она бы наверняка не промахнулась. Но сейчас она нажала на двойку, и мобильный сразу же погас. Одновременно машина остановилась, после чего заглох двигатель.

Санни Лемке не была уверена, открыты у нее глаза или закрыты. Во всяком случае, она ничего не видела. Она только что пришла в сознание и понятия не имела, сколько времени пробыла в отключке. В каком-то смысле она по-прежнему в ней находилась. Вопрос только где. Что произошло. Почему она так замерзла, что дрожит.

И что ее ждет.

Последнее, что она запомнила, – их смех. Это бьющее наотмашь злорадство, которое отдавалось в ней эхом с тех пор, как они набросились на ее брата. У них была цель убить его. Но с ней дело обстояло по-другому. От пинков и ударов она потеряла сознание, но не умерла, что беспокоило ее больше всего.

Санни села на что-то твердое и неровное. Асфальт. На улице. Без одежды. Понятно, что поэтому она замерзла. Она попыталась обнять себя, но поняла, что руки и ноги у нее связаны.

Теперь она слышала их голоса. Они подошли ближе, радостно хихикая.

– Проверь, может, она очнулась, – сказал кто-то из них.

– Дай мне, – послышался другой голос.

Ее ударили так сильно, что на несколько секунд все исчезло. К сожалению, она быстро пришла в себя и почувствовала боль от следующего удара. Больше всего ей хотелось ничего не ощущать и исчезнуть в темноте, где нет ни смеха, ни холода, ни боли. Как можно быстрее превратиться в бессознательную груду мяса. В боксерскую грушу без нервных волокон.

Но так легко она явно не отделается.

– Тебе не кажется, что она уже достаточно обмякла? – спросил один из них.

– Нет, – ответил другой и пнул ее так сильно, что у нее в голове как будто что-то лопнуло. По крайней мере, боль прошла. – А вот сейчас да, – продолжил тот же голос. И этот смех, который она ненавидела больше всего.

К ней кто-то подошел. Она услышала, как человек сел перед ней на корточки. Его дыхание. Почему она все еще может слышать? Почему вообще может думать? Положив одну руку ей на лоб, злоумышленник откинул ее голову назад, а другую прижал к нижней челюсти и заставил ее

широко открыть рот.

Один из них – это не мог быть первый, потому что его руки по-прежнему держали ее – ввел что-то Санни в рот. Какой-то твердый, удлиненный и чем-то смазанный предмет, чтобы он как можно глубже проник в ее глотку. Рвотный рефлекс изо всех сил пытался вытолкнуть этот предмет обратно, но множество пальцев у нее во рту давили на цилиндр и продвигали его все дальше ей в пищевод. Она попыталась глотнуть воздух, но у нее не получилось, и позывы к рвоте перешли в сильные конвульсии. Что они делают? Она так должна умереть?

Наконец пальцы оставили ее рот. Руки отпустили ее, и она опять смогла наполнить легкие воздухом. Облегчение было почти неопишным, хотя предмет по-прежнему находился в ней и вызывал рвотный рефлекс. Но что бы они в нее ни зачихнули, это опустилось далеко вниз. Будто через нее прошла нитка или проволока, которая выходила у нее изо рта.

– О'кей, все готовы?

– Да, черт возьми! Давайте, начинаем!

Зажигалка, по звуку, во всяком случае, зажигалка, и что-то заискрилось. Она не поняла, что.

С ее глаз сорвали повязку, и она увидела их перед собой с опущенными капюшонами и веселыми смайликами. Один из них держал в руках мобильный, свет которого ослепил ее. Другой – зажигалку. Небо над ними было темным, значит, они нашли ее несколько часов назад.

Только сейчас Санни поняла, что что-то по-прежнему искрит рядом с ней. Как бенгальский огонь, только слабее. Она опустила взгляд и увидела летящие ей в рот красные искры. Язык жгло, и она попыталась погасить искры своей слюной и выплюнуть их, но это было невозможно. Огонь прожигал ее насквозь, продвигаясь все дальше к глотке. Она закричала, но это только усилило боль от сварочного пламени, которое проникало через ее пищевод и испепеляло почти все на своем пути.

Взрыв был почти не слышен. Как глухой отдаленный хлопок где-то в глубине ее грудной клетки. Словно у нее было огромное сердце, которое только что билось в последний раз.

Каждый не отвеченный сигнал, за которым следовал еще один, воспринимался как удар по лицу. Совершенно непонятно, как Сёрен Уссинг может не отвечать после трех отмеченных красным пропущенных звонков с учетом того, как они опозорились. Если они когда и должны были сидеть, как на иголках, и ждать ее звонка, так именно сейчас.

Фариду удалось узнать шведский мобильный номер преступников и,

определив их местоположение, направить Дуню на улицу Эллекхаммерсвей в один из промышленных районов Хельсингёра. И вот они все четверо, опустив капюшоны, стоят полукругом рядом с Санни по другую сторону забора под большим элеватором.

Ей хотелось подбежать к ним и обезвредить их, но у нее нет ни малейшего шанса. К тому же она не вооружена. Единственная возможность – как можно быстрее вызвать сюда подкрепление. Поэтому, когда включился автоответчик Уссинга, она сделала новую попытку, в этот раз позвонив на общий экстренный номер.

Но, услышав звук передернутого затвора и почувствовав дуло пистолета на затылке, она уронила мобильный на землю и подняла руки.

– Теперь мы будем сохранять спокойствие, – сказала Дуня как можно хладнокровнее и сдержаннее, одновременно пытаюсь увидеть, правильно ли она сосчитала. Но нет, все четверо стояли по другую сторону забора. Тогда откуда взялся пятый?

Давление пистолета ослабло. Но опыт подсказывал ей, что это еще не значит, что все в порядке, и можно повернуться. Как она и ожидала, с правой стороны последовал удар прикладом пистолета. Но стоявший за ней человек не рассчитывал, что она откинёт голову назад. Судя по звуку, основной удар пришелся на его носовой хрящ.

Пистолет упал на асфальт, и не успел парень взять контроль над ситуацией, как она обернулась и сбила его с ног. Он грохнулся на землю, как куль с мукой, и Дуня сразу же поняла, что кто бы ни прятался за смайликом, напавший на нее не ходит в бойцовский спортивный клуб. Здесь и близко нет той непредсказуемой быстроты, с которой она столкнулась на трассе.

Парень застонал и потрогал рукой кровь, которая уже начала стекать по его шее, пока он пытался встать на ноги.

– Оставайся на месте. – Дуня подошла к нему и сорвала с него капюшон. Кровь из сломанного носа размазалась почти по всему лицу. Но, несмотря на это, она без проблем узнала того, кому некогда спасла жизнь. Эта мысль зародилась у нее еще тогда, когда она нашла половину подвески, но не придала этому особого значения. Она по-прежнему не могла этого понять. Как он сюда попал? И почему? Ведь их должно быть четверо, а не пятеро.

– Теодор... – наконец выдавила она из себя. – Почему?

Он медленно поднялся, глядя ей в глаза, и она увидела, как у него дрожит нижняя губа, и он вот-вот заплачет. Сзади раздались радостные выкрики, и послышалось, как открывают и закрывают двери машины.

Когда Дуня обернулась, она увидела, как зажглись фары, осветив в темноте два длинных коридора.

– Теодор, нам все равно придется с этим разобраться. Но сначала ты должен мне помочь. – Она повернулась к нему, но только чтобы убедиться, что он поднял пистолет и теперь целится в нее дрожащими руками. – Нет, Тео, это не ты.

– Заткнись!

С другой стороны забора послышалось, как двигатель набирает обороты, и скоро машина выехала на дорогу и скрылась в темноте.

– Видишь сам. Им на тебя наплевать.

– Заткнись, я сказал! – Держа пистолет в руках, Теодор отступил от нее на шаг, а затем еще на один. Отойдя на довольно большое расстояние, повернулся и побежал.

Дуня, в свою очередь, поспешила в другую сторону, обогнув забор и попав на соседний промышленный участок, где, прислонившись к стене, под элеватором сидела Сани, голая и со связанными сзади руками. Она опустилась на колени, обняла ее и стала искать кончиками пальцев пульс, пока не нащупала слабые удары. Перед глазами у нее стояла картина, которую она старалась выкинуть из головы. Обещание, которое она стремилась не нарушить.

– Санни, прости... – сказала Дуня, хотя ее слова ничего не изменят.

Словно сделав последнее усилие, Санни открыла глаза и встретилась с ней взглядом.

– Но нам известно, кто они, и я точно знаю, куда они сейчас направляются и как выглядит их машина, слышишь? У меня даже есть номерные знаки. Мне только надо позвонить моим коллегам, и они попались. Заверяю тебя. Даже если ты больше не веришь моим словам, заверяю тебя: они получат свое наказание.

Санни закашлялась и открыла рот, словно собиралась что-то сказать. Но ни одного слова не вышло, только кровь. Кровь бурным потоком текла из уголков рта, стекая на грудь и асфальт под ней, где скоро образовалась лужа.

Глаза были по-прежнему открыты и смотрели на Дуню, но взгляд отсутствовал.

Как и удары под кончиками ее пальцев.

Дуня осторожно опустила ей веки, сначала одно, потом другое. Затем положила тело на бок, встала и наполнила легкие влажным ночным воздухом.

Слейзнеру еще раз удалось залезть своими омерзительными

коррупцированными щупальцами в расследование. И еще один раз это закончилось самым худшим из всех мыслимых образов. Но больше никогда. Пусть это будет последним, что она сделает в своей жизни, но она позаботится о том, чтобы это не повторилось снова.

С этой минуты она посвятит все свое время и энергию тому, чтобы разоблачить его раз и навсегда. Найдет его слабые места и нанесет ему удар, когда он будет меньше всего об этом подозревать. Когда он решит, что она сдалась и все кончено. Что он выиграл.

А поставив его на колени, начнет топтать его, это чудовище, пока он не станет молить о прощении. Но она не простит его, а будет использовать все запретные средства борьбы, которые сможет раздобыть, до тех пор, пока он никогда больше не сможет подняться. Пока не исчезнет навсегда. Не будет искоренен.

И она точно знала, кого возьмет в союзники.

Дуня вышла обратно на дорогу и дошла до места, где стояла и смотрела. Мобильный лежал там, где она его выронила. Экран треснул, но зажегся, когда она стала искать его номер.

– *Привет, как все прошло?*

– Ничего хорошего. Я пришла слишком поздно. Но я звоню не поэтому.

– *О'кей, что теперь я должен сделать?*

– Уволиться из TDC.

Пока что Астрид Тувессон не притронулась к бутылке. Она даже не брала ее в руки, чтобы проверить, открыта ли отвинчивающаяся пробка и на месте ли нижнее металлическое кольцо. Сделать маленький глоток, если бутылка уже открыта, – совсем не то, что взломать печать. Вот где проходит граница. Но она не давала пальцам волю и даже не знала, что в бутылке.

Она также ничего не знала о том, что происходит снаружи. Ищут ли они ее? Знают ли вообще, что она пропала? Больше полутора часов она не слышала никаких звуков. Если не считать жужжания компрессора морозильной камеры, который время от времени то включался, то выключался, было так тихо, что, задержав дыхание, можно услышать собственный пульс. Но как раз тишина ее и беспокоила.

Может быть, она наивный человек, но все-таки рассчитывает на то, что Утес довольно скоро станет интересоваться, почему она не дает о себе знать и не подходит к телефону. И хотя он не отличается быстротой реакции, через какое-то время поймет, что нет другой возможности, кроме как отправить спецназ на ее поиски. Они должны будут тщательно осмотреть подвал. Вопрос только, сколько им понадобится времени, чтобы найти морозильник, который наверняка спрятан под скатертью и массой хлама. Но если она смогла его найти, они тоже смогут.

Вот примерно так она представляла себе ситуацию. Или скорее надеялась. Но теперь она уже не знала, что ей думать. Никакой паники у нее не было. Во всяком случае, пока. Она посмотрела на святящуюся стрелку наручных часов и отметила, что находится взаперти примерно час и сорок пять минут. Иными словами, через пять минут пройдет десять минут, и надо будет опять звать на помощь и издавать как можно больше шума.

Час и сорок пять минут... Не удивительно, что она замерзла. Правда, она всегда мерзла, и, как постоянно ворчал Гуннар, наверняка ее сосуды сузились из-за курения. Но сейчас она уже не курила несколько часов и все равно дрожала как осиновый лист.

Сначала Тувессон пыталась поделиться теплом своего тела с Сандрой Гульстрём, лежавшей под ней. Она обняла женщину и без конца повторяла, что их скоро спасут. Но вскоре поняла, что это бессмысленно и только приводит к тому, что она сама быстрее охлаждается. Гульстрём, к сожалению, не спасти, и если вскоре никто не придет, ее тело тоже

превратится в один большой кусок льда.

И тут эта бутылка, которая лежала в каких-то десяти сантиметрах от нее. Кому помешает, если она дотронется до пробки? Открыть ее – это запрещенный шаг. Это она знала. Открыть, просто чтобы почувствовать запах алкоголя. Это начало конца.

Она взяла бутылку и взвесила ее в руках. Похоже, из бутылки еще никто не пил. Тувессон твердо держала дно одной рукой, чтобы не уронить ее, а другой проводила по бутылке. Холод от запотевшего стекла ничуть не мешал ей, и на другой стороне она нащупала влажную этикетку, которая немного отошла по краям.

Это была водка «Эксплорер», она поняла сразу. Характерная этикетка с парусом корабля викингов в красно-белую полоску, который маленьким острием заходит за закругленный край с левой стороны. Именно его трогаешь, когда начинается абстиненция и пытаешься воздержаться.

Она провела рукой вверх по горлышку бутылки – к ее удивлению резьба на отвинчивающейся крышке была сорвана. Нижнее кольцо болталось, и как по заказу участился пульс, а вместе с ним и желание. Тувессон выпустила бутылку из рук, словно она была заразной, и попыталась нормализовать дыхание. Не трогать, ни в коем случае снова не трогать, повторяла она самой себе, пока не поняла, что забыла посмотреть на часы.

Час и пятьдесят две минуты. Она опоздала на целых две минуты и сразу же стала как можно громче звать на помощь, одновременно ударяя ногами по стенке. Шестьдесят секунд раз в десять минут, вот как она решила. Ни больше, ни меньше. Смысл заключается в создании и поддержании порядка, чтобы не поддаваться панике.

На этот раз она решила звать, сколько хватит сил, минимум две минуты. Может быть, три. Но через какое-то время ее зов перешел в крик, и сколько бы она ни пыталась себя сдержать, ее охватило отчаяние.

Она понятия не имела, как долго кричала. Но она кричала. Так громко, что они должны ее услышать, даже если просто находятся рядом с домом. Первый раз она кричала, спасая свою жизнь, и хотя прекрасно понимала, что только порвет связки, не могла остановиться.

И только когда она дрожащими руками подняла бутылку, отвернула пробку и сделала первый глоток, она, наконец, смогла заставить себя замолчать. Как же ей хотелось. Она проглотила и вздрогнула от удовольствия, а по всему телу разливалось обжигающее тепло. Она отхлебнула еще, на этот раз побольше, и никак не могла понять, почему так долго ждала.

Теодор сделал все, о чем они попросили. И свою часть, и немного больше. Он стоял на стрёме, и по договоренности все должно закончиться и остаться позади. Кошмар должен, наконец, завершиться, и каким бы страшным и реальным он ни был, через несколько лет он будет восприниматься именно как кошмар, а еще через несколько лет даже не как кошмар.

Во всяком случае, так утверждал тот самый Хенрик-дьявол. Но все полетело к черту, и сейчас он в полном одиночестве бежит ночью со сломанным носом, разоблаченный как один из них. Проклятый больной убийца в маске, который набрасывается на совершенно невинных людей и наслаждается видом их страданий. Черт возьми, какие свиньи...

Он не знал, что они сделали на этот раз, кроме того, что прогремел какой-то взрыв. Хотя никакого взрыва он не слышал и на самом деле вообще не хотел об этом думать. Он только хотел стереть все из памяти и полностью перезагрузиться.

Эти сволочи просто его бросили. Вместо того чтобы помочь с женщиной-полицейской, они взяли и смылись, хотя он согласился им помогать. Он, который на самом деле не имел к этому ни малейшего гребаного отношения.

Но они получают. Черт возьми, они у него получают. Включая Александру. А ведь он был в нее влюблен. Они могут идти к черту, все четверо. Или нет, он позаботится о том, чтобы отправить их в ад. Они могут сколько угодно протестовать. Пистолет-то у него.

Больше ничего не имело значения. Дело дрянь. Сам он дрянь. Таким он всегда был. Бракованный с первого дня. И никакие улучшения в мире ему не помогут. Порченный продукт, который надо списывать.

Теодор уже бежал достаточно долго по страшно длинной дороге и мог только надеяться, что бежит в нужную сторону. Так и было, поскольку на указывающем направо дорожном щите над ним было написано Хельсингборг – маленькая чванливая дыра, которая пытается что-то из себя строить. И, тем не менее, указатель придал ему сил, и всего лишь через несколько минут он увидел паромный причал в ста метрах от себя. К парому выстроились длинные автомобильные очереди, необычайно длинные для ночи пятницы. Или какие-то рейсы отменили, или паром отойдет в любую минуту.

Он не собирался заходить в зону терминала. Во всяком случае, пока. Если он пойдет туда пешком, он будет слишком заметен среди нарядных рядов автомобилей. Меньше всего ему хотелось, чтобы они увидели его в зеркале заднего вида раньше, чем он увидит их. Поэтому Теодор продолжал идти по дороге вдоль наружной стороны прилегающего забора. Так у него был обзор, и он мог спокойно выяснить, где стоит их безобразный старый «Сааб».

Весь смысл заключается в том, что он появится без предупреждения. Что вдруг он там. Он уже представлял себе, как они пытаются превратить в шутку, что наплевали на него, и сажают его на заднее сиденье, словно это не играет никакой роли. Но он не сядет в машину, как бы ни так. Он просто будет стоять и смотреть на них и, не говоря ни единого слова, долго молчать, чтобы до них дошло, что в этот момент они вырыли себе могилу.

«Сааб» стоял почти в самом начале своего ряда под одним из фонарей, освещающих причал, и хотя Теодор находился на расстоянии, он разглядел, что Хенрик сидит за рулем, рядом с ним – Александра, а на заднем сиденье Бевис и Баттхед. Он мог побиться об заклад, что они сидели и ухмылялись и пускали по кругу мобильный с последним роликом.

Он прибавил шаг, но не побежал. Когда до них оставалось тридцать метров, подошел к забору и встал рядом с фонарем. Забор оказался выше, чем он ожидал. С другой стороны наверху не было колючей проволоки – значит, он без проблем перелезет, быстро подойдет к ним и прикончит это дерьмо.

Ему надо только собраться, успокоить пульс, стучащий, как швейная машинка, и сосредоточиться на ближайших минутах. Последних минутах. Он просунул руку под куртку с капюшоном, как можно ближе прижал к телу пистолет, проверил, полон ли магазин, засунул пистолет обратно за пояс и решил, что с этой минуты никакого возврата нет.

Он на удивление быстро перелез через забор, под покровом тьмы пересек ряды машин, идущие от парома, и дошел до другого забора, который был значительно ниже и который можно было перепрыгнуть, не снижая темпа. Он уже был на причале. Его поразило, что он совершенно не колебался, идя к машине. Они не достойны жить, ни один из них. Даже он сам, мысленно повторял Теодор. Когда оставалось двадцать метров, снова достал пистолет и прицелился, держа оружие двумя руками.

Пятнадцать метров.

Десять.

Пульс. Теперь он был таким учащенным, что удары было почти невозможно различить.

Семь.

Он, наверное, никогда так не волновался. Но не испытывал ни малейшего сомнения. Наоборот, он как никогда мечтал о том, что она закончится. Что его жизнь, наконец, дойдет до финиша.

Три.

Если бы не отдаленный голубой свет фар. Тогда бы он уже был у цели. Может быть, даже успел бы произвести один или два выстрела. Вместо этого ему пришлось опустить пистолет и отступить в темноту.

Меньше, чем через полторы минуты, весь причал тонул в пульсирующем голубом свете моря полицейских машин. Они возникли в темноте словно из ниоткуда и внезапно были одновременно везде. Хенрик и остальные не успели отреагировать, как одетые в темное полицейские с пуленепробиваемыми жилетами и автоматами появились из всех углов и со всех сторон.

Теодор оглянулся – он искал, куда ему бежать, но бежать было некуда. Перелезть обратно исключено. Это привлечет к себе слишком много внимания. То же самое, если он побежит.

И тогда он стал медленно уходить. Один медленный шаг, за ним другой чуточку быстрее. Похоже, на него никто не обратил внимания, и через какое-то время он даже осмелился оглянуться через плечо и увидел, как они пытаются оказать сопротивление, когда их вытаскивают из машины и хватают, будучи в полном неведении, что полицейские только что спасли им жизнь.

Миниэкскаватор замолчал – в вырытую им яму посреди густого леса вполне можно положить взрослого человека. Ни больше, ни меньше. Рядом лежал удлинённый деревянный ящик, изготовленный Соней, его освещал сильный прожектор на штативе. Но если смотреть со стороны покрытой гравием дороги неподалеку, нельзя догадаться, что что-то готовится.

Дидрик Мейер вышел из густой листвы и подошел к желтому «Мустангу», припаркованному перед маленьким грузовиком с опущенными бортами. Он отпер заднюю крышку и дал Соне, которая, свернувшись калачиком, лежала в багажном отделении, несколько пощечин.

– Пора просыпаться.

Соня вздрогнула и открыла глаза, а потом изо всех сил принялась звать на помощь. Но из-под скотча раздавалось только невнятное бормотание.

– Кричи, кричи. Тебя здесь все равно никто не услышит. Вот так. А теперь вставай. – Не принимая во внимание, что сзади у нее связаны руки, он рывком поднял ее. Но у нее подкосились ноги, и она упала на землю.

– Как хочешь, – вздохнув, сказал он и потащил ее ногами вперед в лес.

Она пыталась высвободиться и оказать сопротивление, но сил хватало только на то, чтобы не касаться головой земли и не ударяться о самые острые камни. Дойдя до освещенной ямы, Дидрик положил Сонины ноги на землю и подошел к деревянному ящику, на котором с помощью отвертки на батарейках отвинтил последние винты и отодвинул крышку в сторону. Соня опять закричала во все горло из-под скотча, одновременно переводя взгляд то на ящик, то на яму.

– Тебя пугает твое так называемое произведение искусства? Теперь, когда оно, наконец, становится на что-то похоже. Сколько художников похоронено в собственных инсталляциях? Это я называю умереть во имя искусства. – Смеясь, он поднял ее на руки. – Жаль только, что никто никогда об этом не узнает. – Он подошел к ящику и положил туда Соню. – Вау, подходит почти идеально, – продолжил он и вдавил ботинком ее левое плечо в слишком тесный ящик. – Если тебе слишком тесно, вини саму себя. Дело в том, что все это твоя вина.

Только сейчас Соня замолчала, вся потная от крика.

– Именно. Если бы ты хорошо себя вела, ничего бы не произошло. Ты

могла бы вернуться домой, как только я здесь закончу. Ты бы поимела свое маленькое приключение, и все были бы рады и довольны. Но, к сожалению, этого не произошло.

Соня попыталась что-то сказать, но ее не было слышно.

– О'кей, только ради тебя, – сказал он и снял скотч с ее рта.

– Тебе не уйти, знай это. Они начнут интересоваться, где я, и станут искать, и уверяю тебя, Фабиан не успокоится, пока не...

– Фабиан, – перебил ее Дидрик Мейер со смехом, одновременно снова заклеивая ей рот скотчем. – Как трогательно, что ты по-прежнему думаешь, что он придет на коне и спасет тебя, хотя ты только что потребовала развод. Но кто знает? Может быть, ты права. Ты ведь всегда можешь надеяться. Проблема в том, что он не станет искать здесь. Может быть, где-нибудь в Лос-Анжелесе, куда ты сбежала со своим новым любовником Алексом Уайтом. Кстати, я тебе не сказал? Завтра вы покупаете билеты, а послезавтра едете. Даже не попрощавшись с детьми. Немного невежливо, если хочешь знать мое мнение. Я, по крайней мере, написал письмо и попробовал все объяснить, а ты даже на это не нашла времени. – Он покачал головой. – Тебе есть над чем подумать, пока не кончится кислород. Чао-какао.

Соня опять начала кричать заклеенным ртом, но на этот раз он не обратил никакого внимания. Положив крышку обратно на ящик, стал отверткой привинчивать винты – один за другим. Закончив работу, отложил инструмент, схватил ящик снизу и свалил его в яму. После чего подошел к миниэкскаватору и повернул было зажигание, как в его кармане раздался сигнал мобильного.

Он взял его и открыл сообщение.

Окружена полицией. Ни единого шанса.

Нова.

Матильда и Эсмаральда сидели в подвале на полу за развешенными скатертями, уставившись на свечу-колонну, пламя которой трепыхалось во все стороны, словно одновременно несколько человек пытались задуть его. Прошло несколько часов после последнего сеанса, когда все спуталось. И, тем не менее, Матильда все еще была потрясена. Если верить Грете, кто-то из членов ее семьи умрет, но она понятия не имела, кто. Она отвела глаза от мерцающего пламени и убедилась, что Эсмаральда, судя по ее виду, чувствует себя так же плохо.

– Эсма... Мы не можем сидеть здесь всю ночь, – наконец сказала она. – Мы должны что-то сделать.

– Знаю, – отозвалась Эсмаральда, не сводя глаз со свечи. – Я только не знаю что.

– Мы не можем снова обратиться к ней и попросить прощение?

– Это не так просто. – Эсмаральда подняла глаза и встретила с подругой взглядом. – Ее доверие к нам подорвано и, похоже, навсегда.

– Как ты можешь быть так уверена в этом? – Матильда невольно почувствовала раздражение из-за того, что Эсмаральда думает, что только она знает абсолютно все. – А что, если она не так сильно рассердилась, как ты утверждаешь. А что, если она только сидит и ждет, что мы опять вступим с ней в контакт.

– Ты разве сама не чувствуешь? – Эсмаральда развела руками. – Ты не чувствуешь настроения в воздухе?

Матильда покачала головой. Она чувствовала только то, что находится в свободном падении.

– Но что мы потеряем, если попробуем? – наконец спросила она.

– Много чего.

– Например? Что может случиться самого плохого? О'кей, она немного сердится, но это пройдет.

– Ты не понимаешь, – Эсмаральда покачала головой. – Я ни за что не должна была соглашаться на то, чтобы ввести тебя в тот мир.

– А почему? Я ведь ничего не сделала. Ты уже забыла, что это ты вдруг опустила указку вниз и прервала сеанс?

– Я ничего не забыла, а вот ты, похоже, забыла. Это было ради тебя. Я пыталась предупредить и остановить тебя, но ты отказывалась слушать. Что мне было делать?

– Дать мне продолжить, естественно.

– Продолжить? Каким образом? Ты же задала массу вопросов, на которые на самом деле не хотела получить ответы.

– Что значит не хотела? Тебе, может быть, плевать. Но не мне. Если кто-то из моей семьи действительно умрет, я, конечно, должна знать кто.

– Это почему? – Эсмаральда посмотрела Матильде в глаза.

– Что значит почему? Это и так понятно.

– Вот как? Я бы скорее сказала, что это точно наоборот. Если немного подумать. Что ты будешь делать с этой информацией? Расскажешь маме или папе? А если это твой брат? Или ты сама? И что ты скажешь? Ты же не думаешь, что можешь изменить ход событий. Произойдет то, что произойдет.

Матильда не знала, что ответить.

– Матильда... – продолжила Эсмаральда. – Проблема в том, что ты и так выяснила слишком много. Ты открыла дверь, которую никогда не должна была открывать.

– О'кей, я понимаю, – Матильда кивнула. Может быть, все обстоит именно так, как утверждает Эсмаральда. Но что ей сейчас с этим делать? Уже слишком поздно. Дверь широко распахнута, и остается только войти в нее.

– Точно?

Матильда опять кивнула и попыталась придать себе как можно более убедительный вид. Если ложь – единственный способ заставить подругу согласиться и опять разложить доску, пусть будет так.

– Но я все равно считаю, что нам стоит попробовать снова подружиться с Гретой, – сказала она.

– Я чувствую, что она не хочет.

– О'кей, если она не захочет, так тому и быть. Но тогда мы, во всяком случае, попробовали.

Эсмаральда немного подумала, а потом, вздохнув, согласилась.

– Но никаких вопросов о смерти или о чем-то в этом роде. Мы только попросим у нее прощение.

Матильда кивнула.

– Ты должна обещать.

– Обещаю.

Эсмаральда несколько секунд смотрела Матильде в глаза и только потом достала доску и поставила ее между ними. Затем вынула планшет и положила его посреди доски. Потом девочки положили на планшет указательные пальцы и стали ждать.

Но ничего не происходило. В отличие от других сеансов, когда указка начинала двигаться по доске в знак приветствия с другой стороны, она была неподвижна.

– Как я и подозревала, – сказала Эсмаральда. – Она не хочет.

– Есть ли в этой комнате добрые духи? – напрямую спросила Матильда и встретила недоумевающий взгляд подруги. – Я спрашиваю, есть ли в комнате добрые духи? – спросила она, не отнимая пальца от планшета.

– Матильда, не стоит. Она не хочет.

– Грета, ты меня слышишь? Ты здесь?

– Только не называй ее по имени.

– Это почему?

– Тогда она может прийти, даже если настроена не по-доброму.

Матильда вздохнула.

– Пусть все равно приходит. Грета! – позвала она. Эсмаральда может сколько угодно протестовать. – Я знаю, что ты нас слышишь! Мы хотим с тобой поговорить!

К ее удивлению Эсмаральда не стала возражать, зато быстро убрала палец с планшета, словно обожглась.

– Эсма, что такое? Что-то случилось?

Эсмаральда ничего не ответила. Она только сидела и, открыв рот, смотрела мимо Матильды, а тем временем с ее лица сходила краска.

– Отвечай! Что случилось?

Эсмаральда попыталась что-то сказать. Но слов не было слышно, одни непонятые звуки. Затем она заплакала и задрожала всем телом.

Матильда не понимала, что происходит. В ее подругу вселился бес? Грета рассердилась на них? Или что-то другое? А что, если все ее вина. Если она случайно вызвала сюда того, кого не... кого не... Только теперь она поняла, что полный ужаса взгляд Эсмаральды прикован к точке прямо за ней, и, хотя ей по-настоящему было страшно, она все-таки повернулась, чтобы самой увидеть, в чем дело.

Слезы полились без всякого предупреждения, а на полу под ней образовалась лужа. Тень на красной ткани все росла, а ее контуры становились все более расплывчатыми. Без сомнения, там что-то есть.

– Исчезни, – закричала она. – Исчезни отсюда, я сказала, и возвращайся на ту сторону!

Но тень, которая сейчас остановилась, не исчезла. Ткань так сильно отдернули в сторону, что прищепки полетели на пол. На другой стороне стоял взрослый мужчина. Матильда его знала, только не могла понять,

откуда.

– Это ты Грета? – спросила она и больше всего на свете пожалела, что не послушалась Эсмаральду.

Мужчина расплылся в улыбке.

– У меня много имен, но, к сожалению, именно Гретой я не зовусь.

Теперь она поняла, кто это. Эта улыбка. Матильда видела ее один раз, и тогда она ей также не понравилась.

– Это ты, – сказала она. – Это ты забрал мою маму.

Дидрик Мейер засмеялся.

– Точно. А теперь твоя очередь. Так что давайте вставайте, обе, – сказал он и помахал пистолетом.

Тувессон больше не дрожала. Нисколько. И не мерзла. Наоборот, она начала согреваться и уже расстегнула несколько пуговиц на блузке. Наверняка все из-за климакса. Эти приливы, которые могли прийти без всякого предупреждения, и от которых за долю секунды она делалась мокрой, как мышь.

Нет, в конечном итоге все образуется. Ей даже удалось найти почти удобную позу, и она без проблем подождет еще несколько часов.

Конечно, где-то в подсознании, как далекий маяк в туманную ночь, было предчувствие чего-то нехорошего. Что холод не единственная проблема. Ей стало казаться, что воздух стал гораздо хуже, и что рано или поздно она отравится парами, которые сама выдыхает. Что речь все-таки идет о жизни и смерти.

Просто этого недостаточно, чтобы она по-настоящему начала волноваться. И, честно говоря, какой смысл кричать до хрипоты и бить до крови костяшками пальцев о стенки, когда, судя по всему, ее вообще не ищут.

Свет маяка постепенно приближался, и теперь она могла его четко видеть. И вместе с ним пришло беспокойство. А что, если ее коллеги просто решили, что все хорошо, и ушли домой. А что, если они взяли выходные и вернуться на работу только в понедельник и лишь тогда поймут, что что-то не так. Она столько выдержит или действительно умрет вот так? Запертая в морозильной камере, которую никто не собирался искать, в компании с мертвой женщиной.

Тувессон всегда представляла, что закончит свои дни в драматической перестрелке на каком-нибудь перекрестке, притом разверзнутся небеса, и хлынет дождь. В нее попадает не одна пуля, но она все равно успеет несколько раз поменять магазин до того, как, истекая кровью, упадет на землю с широко открытыми глазами, которым больше нисколько не помешает сильный дождь.

К тому же она всегда думала, что накануне смертного часа жизнь промелькнет у нее перед глазами. Словно закрома памяти опустошаются и в самый последний раз покажут свое содержимое. Но пока что в ее сознании ничего не мелькало. Ни одно окончание школы, ни один день рождения, ни одна свадьба. Ничего, кроме массы раздражающих мелочей с Гуннарсом. Например, он никак не мог научиться закрывать тюбик с зубной

пастой или выбрасывать пустую упаковку из-под мюсли.

Может быть, дело в том, что в глубине души она не готова умирать. Конечно, ее жизнь именно сейчас во многих отношениях настолько нелепа, что смерть была бы просто освобождением. Но она соберется и повернет эту проклятую шхуну. Она дала себе обещание и уже, черт возьми, начала его выполнять. Она уже опустилась на самое дно, и с этой минуты все пойдет только в нужном направлении.

И тут на нее навалилась усталость. Теперь она едва могла поднести бутылку к уху, когда трясла ее. Там еще оставалось довольно много водки. Примерно три децилитра, вполне достаточно, чтобы заснуть раз и навсегда, если это выпить. Но она не настолько глупа. Нет, она только сделает глоток, а потом немного отдохнет. Она это заслужила. Один маленький...

Астрид схватилась за пробку, чтобы отвернуть ее. Но сейчас это давалось труднее, чем в прошлые разы, словно все силы ее покинули. Наконец, она справилась, поднесла бутылку ко рту и стала пить, потеряв счет глоткам.

– Начнем снизу, – сказал Фабиан по рации и убедился, что на осмотр местами освещенного подвала уйдет гораздо больше времени, чем он рассчитывал.

По словам Утеса связь во время мобильного разговора, как оказалось, с Новой Мейер, была действительно плохой. И по этой причине Фабиан решил начать поиски именно там.

В целом в качестве координатора Утес превзошел сам себя. Раз в жизни он излагал свои мысли кратко и эффективно, не теряя ни остроты, ни инициативы. Это он в конечном итоге понял, что Тувессон в беде. Подозрение возникло еще во время самого разговора, когда она посмеялась над его шуткой, чего Тувессон никогда не делала. Но только когда она, спустя тридцать пять минут, так и не появилась в здании полиции, он забил тревогу, хотя ему было по-прежнему трудно принять, что на самом деле он говорил с Новой Мейер.

Тогда Муландер установил местоположение мобильного и констатировал, что аппарат вообще не в Хельсингборге, а движется со скоростью 90 километров в час по трассе Е6 прямо на юг в сторону Мальмё.

Утес сразу же связался с полицией Ландскруны, две машины которой находились на трассе, и с помощью координат, которые вычислил Муландер, им удалось нагнать серебристо-серый фургон и вытеснить его на обочину в районе Барсебекка, где он, в конце концов, остановился, и его

окружили.

Теперь оставалась только Тувессон, и единственное, что они могли делать, – надеяться, что не опоздали, подумал Фабиан и жестами показал спецназу, спускающему в подвал, рассредоточиться.

С учетом того, как в целом был отремонтирован дом, подвал, без сомнения, оставлял желать лучшего. Несмотря на размеры, из-за низкого потолка в помещении развивалась клаустрофобия, и Фабиан заметил, что ходит, пригибаясь, хотя может выпрямиться.

Повсюду валялись груды строительного мусора, старая мебель в чехлах и прочий хлам. Большой стеллаж вдоль одной стены, тем не менее, свидетельствовал о стремлении упорядочить хаос. Но, судя по покрывавшему все слою пыли, с тех пор прошло несколько лет. Под брезентом стоял старый «Порш», который явно не заведешь за один час.

Но никаких признаков присутствия там Тувессон Фабиан пока не нашел. Ее не было в фургоне на трассе Е6, а ее собственная машина была припаркована на улице. С другой стороны, хутор большой, и она с тем же успехом может находиться как на конюшне, так и в подвале.

Фабиан остановился и прислушался – он действительно услышал какой-то звук, или ему только показалось? Может быть, это кто-то из спецназовцев. Сказать невозможно. Особенно в таком шуме. Группа из семи человек издавала столько различных звуков во время поисков, что они сливались воедино. Но ему показалось, что он слышит компрессор холодильника или морозильника.

– Прикажи всем помолчать несколько минут, – сказал он по рации, и через полминуты в большом подвальном помещении воцарилась тишина. Фабиан стал ждать и зацепился взглядом за одну из оплетенных бутылей с жидкостью. Бутыль стояла рядом с грудой картонных ящиков на столе, покрытом красной скатертью, которая свисала до самого пола.

Разумеется, теперь жужжание прекратилось, и чем больше проходило секунд, тем больше он убеждался в том, что, наверное, ему померещилось. Но, заставив всех замолчать, он решил подождать еще минуту, чтобы удостовериться, что это действительно не холодильный компрессор, который в любую секунду может заработать.

В кармане зажужжал мобильный. Фабиан взял его и увидел, что Соня прислала фото, но оно было темным и расплывчатым. Сначала он разглядел только людей с заклеенными ртами, которые сидели на диване, напоминающем его собственный. Но подожди... Как только до него дошло, опять зажужжал телефон.

Привет, Фабиан. Как ты видишь на фото, я держу под стражей твою жену, твою дочь и ее подружку у тебя дома. Прекрасный дом, кстати. Ровно через час, то есть в половине второго, я начну убивать их, одну за другой, с разницей в четверть часа. Если ты не появишься здесь в компании с моей сестрой.

С наилучшими

Дидрик.

Бутылка выскользнула из руки Тувессон и застряла между стеной и Сандрой Гульстрём.

После чего наступила тишина.

Никакие мысли не путались.

Никакой пульс не бился.

Никакого дыхания.

Тишина в самом полном смысле этого слова.

Даже когда открыли крышку морозильной камеры, перепад давления в воздухе был недостаточно велик, чтобы ее слух воспринял это как звук. То же самое со слепящими лучами света шарящих карманных фонариков, которые не могли пробить плотную тьму.

Теперь они снова были здесь. Голоса его старых коллег Томаса и Ярмо. Крики о помощи. Как напоминание о его поражении. Напоминание о том, что, чтобы он ни думал, он опять потерпит поражение. С той разницей, что в этот раз жертвой падет его собственная семья.

Он понятия не имел, что произошло на самом деле. Является ли Алекс Уайт, как он подозревал в начале, действительно одной из жертв, или Дирик Мейер вступил в контакт с Соней как-то по-другому. Но это не играет никакой роли. Сейчас только одно имеет значение: любой ценой успеть вовремя, пока преступник не начал претворять свои угрозы в жизнь.

Фабиан без труда нашел место на Е6, где остановили фургон и схватили Нову Мейер. Синий свет фар полицейских машин был виден за несколько километров. К тому же, несмотря на поздний час, образовалась длинная пробка, поскольку внутренний ряд оцепили, и полицейские в форме проверяли каждую проезжающую машину. Иными словами, операция по-прежнему была в самом разгаре.

Он предъявил свое удостоверение, заехал за оцепление и припарковался. Впереди в двадцати метрах от него стоял фургон Муландера рядом с фургоном Новы, который немного занесло на траву. Но самого Муландера не было видно. А также никого из его ассистентов, которые наверняка смогли бы его узнать. Вероятно, они находились в фургоне Новы, занятые сбором и фиксацией технических доказательств.

Он вышел из машины и бросил взгляд на часы. Уже без пяти час, а это значит, что у него осталось всего лишь тридцать пять минут, чтобы найти полицейских, которые охраняли Нову Мейер, убедить их передать женщину ему и после этого поехать с ней домой. Что будет потом, пока непонятно.

– Фабиан! Что ты здесь делаешь?

Фабиан обернулся и увидел, что Муландер вышел из фургона и направляется к нему.

– Я хочу начать допрашивать Нову Мейер, – сказал он, пока они пожимали друг другу руки, сам удивившись, как естественно у него получилось. – Ты не знаешь, где они ее держат?

– Знаю, она сидит в машине полиции Ландскруны, вон там, – Муландер кивнул в сторону одной из мигающих полицейских машин. – Насколько я понял, с тех пор, как ее схватили, она не произнесла ни

единого слова. Кстати о болтунах: я только что говорил с Утесом, и он ничего не сказал о том, что ты приедешь.

– Вот как? Но я уже здесь. – Фабиан пожал плечами, чтобы подчеркнуть, что не собирается терять время на решение этой проблемы. – Как у вас идут дела? Что-нибудь нашли?

Муландер просиял.

– Парики, одежда, фото, большая ментальная карта, водительские удостоверения, компьютеры. Не говоря уже обо всем прочем. Хёгсель будет прыгать обеими ногами от радости. Так что теперь поднажми как следует на эту барышню, чтобы она сказала, где скрывается ее брат. Может, хоть в эти выходные удастся отдохнуть.

– Будем надеяться, – сказал Фабиан и коротко кивнул. – Увидимся. – Он пошел дальше туда, куда указал Муландер, и в одной из полицейских машин увидел Нову. На заднем сиденье между двумя полицейскими в форме виднелся силуэт женщины, обманувшей его, как никто другой.

– Да, кстати! Еще одно дело! – закричал Муландер достаточно громко, чтобы он не смог притвориться, что не слышит.

Фабиан посмотрел на часы и снова обернулся. Пять минут первого. Осталось двадцать пять минут.

– Хорошо сработано с Тувессон. Утес сказал, что она оправится без серьезных последствий, хотя у нее была и остановка сердца, и сильное переохлаждение.

– Да, все висело на волоске, – отозвался Фабиан и несколько раз молча кивнул, пока, наконец, не почувствовал, что можно идти дальше.

Остальное прошло достаточно гладко. Двое полицейских не нашли ничего странного в том, что он взял все на себя, и меньше, чем через пять минут, он ехал домой на улицу Польшёгатан, 19, рядом с Новой Мейер на пассажирском сиденье.

Вопросов было слишком много, но он не знал, с чего начать, и поэтому не задал ни одного, зато приложил все усилия, чтобы попытаться успокоиться и заглушить голоса, которые напрасно выкрикивали его имя.

Фабиан нашел свободное место рядом с домом на другой стороне улицы. В гостиной горел свет, но за задернутыми шторами было не видно, что происходит внутри. Он вышел из машины, обошел ее и помог Нове Мейер выйти. До сих пор они не сказали друг другу ни слова, и, может быть, никогда и не скажут. Может быть, он вообще видит ее в последний раз.

Без всяких протестов она позволила ему снять с нее наручники, завести ей руки за спину и вновь надеть их. Наручники на ногах он

оставил, после чего они медленно пошли по улице. Поднявшись на крыльцо, Фабиан достал оружие из наплечной кобуры и снял его с предохранителя. Дверь оказалась незапертой, и, положив одну руку на наручник Новы Мейер за ее спиной, а другую на пистолет, вошел в дом.

Точно как на фото в смс, они сидели на диване рядом друг с другом. Соня посредине, справа от нее Матильда, а слева – подруга Матильды Эсмаральда. Рты у них были заклеены скотчем, а руки связаны. В их глазах он увидел ужас.

– Хорошо – сказал Дидрик Мейер, который сидел по-турецки на придиванном столике, глядя на свои наручные часы. – Почти целых две минуты до назначенного времени. – Он встретился взглядом с Фабианом. – Это заслуживает аплодисментов. А ты что скажешь? – Он положил пистолет с длинным глушителем на колени и четыре раза медленно похлопал в ладоши.

– Брось оружие. – Фабиан показал пистолетом, чтобы Дидрик положил свое оружие на пол.

– Ты, наверное, думаешь, что я иронизирую. Но ты ошибаешься. Должен на полном серьезе сообщить, что нахожусь под впечатлением. Если верить твоей жене, тебя не волнуют ни она, ни твои дети. Если бы это было правдой, мы бы никогда не оказались в такой...

– Я сказал, брось оружие.

– Ты имеешь в виду вот это? – Дидрик Мейер поднял свой пистолет. – В таком случае должен тебя разочаровать. Понимаешь, если хочешь продолжать играть в эту игру, это ты должен избавиться от своего пистолета, а не я.

Фабиан покачал головой, прекрасно понимая, что сейчас оружие в его руках – единственное, благодаря чему он и его семья живы.

– Я сделал точно так, как ты просил. Твоя сестра здесь, и поблизости нет никаких других полицейских. Но если хочешь покинуть этот дом вместе с ней, немедленно брось оружие.

– Похоже, все эти часы в тире принесли свои плоды. Твоя рука совершенно не дрожит. – Дидрик Мейер отвел свой пистолет назад, не сводя с Фабиана глаз. – Теперь не хватает только быстроты.

Раздавшийся звук скорее напоминал свист стрелы, и только когда Фабиан увидел, что Матильда схватилась за окровавленный живот, он понял, что Дидрик действительно выстрелил.

– Или ты делаешь, что я говорю, или ты не делаешь, что я говорю. Ничего тут сложного нет.

Фабиану хотелось закричать во все горло, выпустить в сестру всю

обойму и броситься на брата, но это ему не поможет. Единственное, что он может сделать, – положить пистолет на пол и подтолкнуть его одной ногой.

– Вот так, молодец.

Матильда упала с дивана и теперь лежала в позе зародыша на полу. Он не мог понять, жива ли она, только видел, как по белому ковру растекается кровь. Соня кричала из-под скотча, сделав поползновение наклониться к Матильде.

– Оставайся на месте, – велел Дидрик Мейер, по-прежнему не сводя глаз с Фабиана. – А ты освободи ей руки и ноги.

Фабиан взял ключ, сел на корточки и отпер наручники на лодыжках Новы. Затем встал снова и достал ключ от наручников на руки. Но не успел он вставить ключ в замок, как послышался звук открывшейся входной двери.

– Кто это? Ты ждешь гостей?

Фабиан покачал головой. Он никому ничего не сказал и понятия не имел, кто это, пока со сломанным носом не вошел Теодор и устоялся на разгром.

– Вы только посмотрите. Как приятно. Вся семья в сборе. Такое бывает отнюдь не каждый день.

– Но какого черта... Это Матильда? – Теодор показал на тело на полу. – Это же Матильда. Черт возьми, что происходит?

– Теодор, тебя ведь так зовут, – сказал Дидрик Мейер и выдавил улыбку. – Как видишь, твоя сестра себя не очень хорошо чувствует, и если не хочешь закончить так же, пойдись сядь на диван.

– Делай так, как он говорит, – сказал Фабиан, который встретил ненавидящий взгляд.

– Это твоя вина. Все это. Твоя и ничья другая.

– Тео, делай, как он велит, а не то будут еще...

– Извините, что вмешиваюсь в разговор отца с сыном, но, к сожалению, нам надо спешить.

– Тогда стреляй! – Теодор встал перед Фабианом, повернувшись к Дидрику. – Давай. Мне все равно.

– Как хочешь. – Дидрик Мейер поднял пистолет.

– Тео, что ты делаешь? Делай только, как он...

– Но тогда стреляй, черт тебя возьми, – закричал Теодор. – Стреляй!

И тут Фабиан заметил пистолет, торчащий из-за пояса за спиной Теодора. Сын кричал ему. Это он должен стрелять, а не Дидрик Мейер. Не думая, откуда у сына оружие, он схватил приклад, вытащил пистолет и одним движением быстро произвел три выстрела. Он не помнил, ни как

снимал пистолет с предохранителя, ни как целился, но обмякший Дидрик Мейер уже лежал на столе, а из отверстия на лбу хлестала кровь.

Теодор поспешил к Матильде, а Нова Мейер закричала на всю комнату. Фабиан успел только повернуться к ней, как она набросилась на него, несмотря на связанные за спиной руки. Он потерял равновесие и упал назад, пытаясь скинуть женщину с себя. Но, как бешеной собаке, ей удалось удержаться на нем и до крови искусать его во все места, куда она только могла достать, пытаясь перегрызть ему сонную артерию.

Одной рукой он пытался отвести голову Новы, а другой бил ее пистолетом. Но радиус поворота был слишком коротким, чтобы нанести достаточно сильный удар. Он почувствовал боль в шее, когда она впилась в него зубами. Он продолжал бить ее пистолетом и перестал только тогда, когда она ослабила хватку и, потеряв сознание, упала на него.

Он скинул ее на пол, встал на нетвердых ногах и поспешил к Теодору, пытавшемуся оживить Матильду, ковер под которой неумолимо становился все краснее. В голове эхом отдавались слова:

Это твоя вина.

Все это.

Твоя и ничья другая.

Эпилог

18–20 мая 2012 г.

Астрид Тувессон поступила в больницу Хельсингборга с сильным переохлаждением. Температура ее тела была ниже двадцати восьми градусов по Цельсию, то есть ниже, чем требуется для поддержания обмена веществ и других функций организма. В результате у нее развилась аритмия, и в мозг поступало недостаточно кислорода, что явилось прямой и непосредственной причиной ее бессознательного состояния. К счастью, сам мозг не пострадал, и шансы полностью восстановиться без серьезных последствий были велики.

А вот Матильда находилась в более критическом состоянии. После восьмичасовой операции врачи по-прежнему не могли дать никаких прогнозов. К большому несчастью, пуля задела правую половину брюшины и разорвала ей части печени, желудка и левого легкого. Ситуация осложнялась тем, что она к тому же потеряла большое количество крови.

В субботу ее перевезли в университетскую клинику губернии Сконе в г. Лунд, где ей сделали еще одну многочасовую операцию. Но и там врачи не могли сообщить ничего конкретного, кроме того, что операция на легком и желудке с учетом обстоятельств прошла хорошо. Большую неуверенность вызывала печень, которую предстояло оперировать несколько раз, как только у девочки будет достаточно сил.

Все время Фабиан и Соня дежурили у постели дочери. Держась за руки и иногда засыпая в объятьях друг друга. Они почти не разговаривали, но впервые за много лет были единым целым. Именно там, в свете сильных ламп дневного света, на неудобных стульях в хаосе противоречивых чувств, возникло то, что оба ждали так долго, что потеряли надежду когда-либо пережить это снова.

Когда полиция, наконец, обнародовала случившееся в СМИ, история распространилась далеко за пределами страны, и последующую неделю газетные афиши сообщали новые подробности о паре двойняшек. Как их отец Хеннинг фон Юлленборг подвергал детей систематическим сексуальным домогательствам, и как потом они, невидимые окружающему миру, вступили в сексуальные отношения друг с другом, и с помощью фальшивых документов, удостоверяющих личность, в 2008 году поженились в шведской церкви в Йерне, став супругами Стеном и Анитой Стрёмберг.

Во время первых допросов Нова Мейер не ответила ни на один вопрос. То же самое во время последующего судебного разбирательства, в результате которого стала восьмой женщиной в Швеции, осужденной пожизненно. Поскольку ни одно заведение для женщин-заключенных не могло обеспечить высшую степень безопасности, было решено перестроить одно из отделений тюрьмы в Хинсеберге. В отличие от Дины Ди и Сандры Гульстрём, Нова Мейер не сказала ни слова, несмотря на постоянные встречи с психотерапевтами и беседы в группе.

Во время технического осмотра фургона пары в потайном отсеке нашли мешок для трупов, в котором обнаружили нечто давно разложившееся, что позже оказалось останками Рольфа Стенсетера. Есть ли еще жертвы с украденными персональными данными, по-прежнему неясно.

Из квартиры на улице Блогордсгаде Дуня Хоугор следила за развитием событий в отношении четырех молодых людей, которых выдали Швеции, где их приговорили к закрытой принудительной опеке. Хотя их имена держали в секрете, она была уверена в том, что Теодора Риска среди них нет. А это значит, что ей придется связаться с Фабианом. Но не сейчас, когда его дочь по-прежнему находится в довольно критическом состоянии. Всему есть предел. К тому же она была полностью поглощена разработкой плана по уничтожению Кима Слейзнера.

В воскресенье во второй половине дня Фабиан из больницы в Лунде поехал на похороны Хуго Эльвина в церковь святой Анны. Родственников не было, пришло только несколько друзей, которые последние годы с ним не общались. Остальные были коллеги из полиции Хельсингборга. Помимо Тувессон, которая все еще находилась в больнице, пришли Муландер, Утес и Лилья, а также receptionист Флориан Крусе, Стина Хёгсель и начальник полиции региона Герт-Уве Букандер. Коса выглядел почти совершенно нормально в своем черном костюме, хотя и волосы, и борода были все в косичках.

К удивлению Фабиана приехала его старая коллега из Стокгольма криминалист Хиллеви Стуббс. Оказалось, что они с Эльвином учились на одном курсе в Высшей школе полиции. На поминках она отвела Фабиана в сторону и спросила, почему, по их мнению, Эльвин лишил себя жизни. Он рассказал, что когда Эльвина нашли, тот был с макияжем и в женском платье и вдобавок ко всему серьезно размышлял над тем, чтобы сменить пол.

– Ты что, издеваешься? – спросила Стуббс и рассмеялась, что привело Фабиана в недоумение.

Но когда оказалось, что в студенческие годы у Стуббс и Эльвина были отношения и что в то время Эльвин, если верить Стуббс, был чем угодно, только не женщиной в мужском обличье, у него опять возникло нехорошее чувство, что дело тут нечисто.

Они не успели развить эту тему дальше, поскольку Утес и остальные подошли к ним и стали вспоминать различные анекдотические истории, связанные с Эльвином. Муландер не преминул напомнить Фабиану о его первых неделях в полиции, когда ему пришлось сидеть на рабочем месте Эльвина, и он совершил великий грех – стал менять положение современного рабочего стула. Все смеялись и описывали разные ситуации, в которых Эльвин сердился так, как мог только он. Фабиан смеялся вместе со всеми, кивал и улыбался, делая вид, что он слушает и участвует в разговоре, хотя его целиком занимала мысль, только что пришедшая ему в голову.

Через полчаса он откланялся, сославшись на то, что ему надо возвращаться обратно в Лунд в больницу. Но он отправился в полицию, доехал на лифте до пустого отдела и пошел к рабочему месту Хуго Эльвина, которое еще никто не трогал.

Фабиан вспомнил об этом только сейчас. Может быть, потому, что так много всего произошло, или потому, что гордиться тут было нечем. Он не знал, да это и не играло никакой роли. Важно, что он четко видел картину перед глазами вплоть до мельчайших деталей.

Как почти два года тому назад из чистого любопытства рылся в ящиках письменного стола Эльвина и не мог открыть самый нижний, поскольку тот был заперт. Но через несколько дней он случайно опрокинул чашку с кофе на газету «Хельсингборгс Дагблад», когда говорил по телефону с Дуней Хоугор. Кофе стал стекать с газеты ручейком, превратившимся в небольшой водопад, который переливался через край письменного стола на пол. Фабиан встал на четвереньки, чтобы вытереть лужу, и обнаружил под столешницей ключ, прикрепленный скотчем.

Он наклонился, заглянул под стол и обнаружил, что ключ находится на том же месте. Он отделил его, взвесил в руке и осторожно вставил в замок нижнего ящика. На удивление, ключ повернулся бесшумно и плавно. Замок, словно сделанный из масла комнатной температуры, точно как в тот раз два года назад открылся со слабым щелчком.

Тогда ящик был переполнен, и единственное, что Фабиан увидел, пока ему не стало стыдно, и он не закрыл ящик, – календарь, который лежал сверху вместе с пеналом. Теперь там лежало еще два календаря. Он взял один из них и открыл наугад.

Календарь за 2011 год раскрылся на неделе с 11 по 17 апреля. Каждый день было проставлено время, а также буквы *И.М.* Следующий разворот выглядел аналогично, кроме того, что стояло немного другое время. То же самое с двумя последующими разворотами. Буквы *И.М.* встречались практически каждый день. Остальные дни были помечены знаками вопроса, а иногда попадались символы, которые он не мог расшифровать.

Наконец, запись за понедельник 5 сентября была более или менее понятна.

Новый номер: 072-8534672

Получается, кто-то сменил номер. Фабиан достал свой мобильный, набрал цифры и к своему удивлению увидел, что это телефон Ингвара Муландера. Так вот что означает *И.М.*

Фабиан был вынужден сесть. Он почувствовал, что ему стало труднее дышать, хотя он понятия не имел, к чему приведет его догадка. Значит, каждая страница в календаре Эльвина говорила об Ингваре Муландере. Указанное время означало, когда Муландер пришел в здание полиции утром и ушел оттуда вечером.

Муландер... Фабиан не мог взять в толк. Почему Эльвин следил за Муландером?

Он вытер потную руку о штанину, взял верхнюю папку и открыл ее. Первая страница представляла собой карту Эресунна, где крестиком в дальнем конце побережья на северной стороне озера Вен был помечен конец дуги, которая тянулась до точки в речке Роон. Следующий разворот показывал фотографии преступления в отношении некоей Инги Дальберг, которую голой прибили к грузовому поддону десятидюймовыми винтами. Все это явно старое дело от 2008 года, по-прежнему нераскрытое.

Зато материалы следующей папки были ему более чем известны. Они касались Ингелы Плугхед, которую два года тому назад подвергли насильственной вагинальной гистерэктомии. Кто-то накачал женщину наркотиками, удалил ей матку и истекающую кровью бросил в парке Рамлёса Бруннспарк.

Фабиан вспомнил, как мнения разделились, – одни считали, что это совершил Торгни Сельмедаль – главный фигурант в деле, которое они тогда расследовали, другие – что кто-то совсем другой. Без сомнения, был целый ряд разительных совпадений, но несовпадений тоже хватало.

Именно Муландер был полностью уверен в том, что преступление совершил Сельмедаль. Он почти впал в агрессию, когда Фабиан выдвинул аргументы в пользу того, что нападение не было похоже на другие убийства одноклассников.

Но это далеко не все. Фабиан обнаружил также папки со старыми нераскрытыми делами, которые теперь получили объяснения. Объяснение было настолько невероятным, что одна только мысль о нем казалась грязной и запретной. Но чем больше Фабиан об этом думал, тем больше убеждался, что так и есть.

Тувессон послала Муландера одного осмотреть маленький домик, где, как они подозревали, оперировали Ингелу Плугхед. Вероятно, Муландер также осматривал место преступления на реке Роон, где Ингу Дальберг привинтили к поддону. Это место находится не так далеко от дома Муландера. К тому же Муландер производил осмотр квартиры Хуго Эльвина, и кто лучше Муландера знает, как инсценировать самоубийство, чтобы не возникло подозрений.

Внезапно все встало на места. Эльвин вовсе не лишил себя жизни. Наоборот, он нашел фрагмент пазла, благодаря которому сошлись все старые незаконченные пазлы. И за это ему пришлось заплатить жизнью.

Фабиан понятия не имел, о скольких расследованиях идет речь. Он знал только одно: с этой минуты ответственность переходит к нему.

В левом верхнем углу находится Мёлле, старая живописная рыбацья деревня с видом на северный вход в Эресунн. В правом верхнем углу – Бьернум, совершенно обычный шведский поселок с населением в 2674 человека. В правом нижнем углу расположен поселок Шёбу, известный своим враждебным отношением к чужакам и связью с различными коричневыми оппозиционными партиями. И наконец, в левом нижнем углу расположен Копенгаген, столица Дании и та самая точка, откуда берет свое начало район Эресунна.

Вырезка из карты представляла собой именно квадрат, его любимую геометрическую фигуру в двух измерениях. Если появлялось третье измерение, выбор сам собой падал на куб. Или если угодно – игральный кубик. Подобно игровому полю карта была поделена на 144 одинаковых квадрата. Двенадцать в ширину и двенадцать в высоту.

Он взвесил два кубика в руке и почувствовал, как по всему телу разлилось удовольствие. Два кубика из анодированного алюминия, сделанные по очень точным расчетам и добытые специально с этой целью. Он закрыл глаза, долго тряс кубики в ладони, а потом бросил их на покрытую сукном столешницу.

Пятерка и единица.

Он отсчитал шесть квадратиков слева, и опять бросил.

Единица и двойка.

Три квадрата вниз, и его указательный палец попал на Клиппан – восемь тысяч жителей на площади свыше пятисот гектар. В поселке триста шестьдесят улиц, большинство из которых начинаются на букву Б. Буква Ц представлена только одной улицей – Центральной. Улиц на Ю и Я вообще нет.

Он потряс один из двух кубиков и разжал ладонь.

Пятерка.

Он достал еще три точных кубика, взвесил все пять в ладони, потряс и разбросал по всему полю.

Три шестерки и две пятерки.

Двадцать восемь, что соответствует букве Э, если не считать мягкий и твердые знаки.

На Э начинаются четыре улицы. Он бросил один из кубиков.

Четверка.

Улица Энгельхольмсгатан была одной из самых длинных в Клиппане с тремя различными почтовыми индексами и тридцатью девятью номерами домов. На этот раз жребий велел ему использовать шесть различных кубиков.

Единица, пятерка, тройка, две четверки и шестерка.

Улица Энгельхольмсгатан, 23. Он ввел адрес в Карты Гугл и сразу же убедился, что ему опять выпал блестящий жребий.

Строение подходит почти идеально. Красное кирпичное здание, три этажа, пятнадцать окон на каждом. Он бросил первый кубик.

Тройка.

Значит, третий этаж. Следующий жребий велел ему использовать только один кубик. Он достал его, потряс и бросил.

Шестерка.

Он распечатал фото здания и обвел в кружок шестое окно наверху слева, не зная, кто там живет. Но это не играет никакой роли, потому что кто бы ни обитал за этим окном, это будет его первая жертва.

Наконец-то можно начать игру.

Спасибо

Ми, Касперу, Филиппе, Сандеру и Нооми

За то, что вы читаете, высказываете свое мнение и поправляете стопки в книжных магазинах. Но в первую очередь за то, что у вас хватает терпения, даже когда я вдруг понимаю, что проделанная за последнюю неделю работа никуда не годится.

Юнасу Аксельссону

За твои время и энергию, мысли и идеи. Я уже говорил это и не устану повторять снова.

Адаму Далину и Андреасу Лундбергу

За то, что на этот раз вы превзошли самих себя, предоставив мне хорошую исходную информацию, и за ваши комментарии. Думаю, что по большому счету я согласился со всем.

Хелене Биель

За все твои знания о доске уиджа и ее силе.

Ларсу Форсбергу

За твои строгие полицейские очки.

И наконец, отдельное большое спасибо всем моим зарубежным издателям и переводчикам, благодаря которым мои истории распространяются далеко за пределами Швеции, и теперь всегда кто-то где-то их читает.

notes

Примечания

1

Совершенно потрясающе (*англ.*).

2

Чтобы ты знала (*англ.*).

3

Посмотри! (*англ.*)

Обычай «выбивать кошку из бочки» связан с распространенной в старину верой в то, что это животное было пособником ведьм и демонов, а значит, обвинялось в содействии нечистой силе. Масленица приходилась на то время года, когда начинались первые приготовления к жизненно важному делу – посевным работам. Поэтому люди, стремясь оградить себя от зла, изгоняли его таким образом. Вплоть до середины 19-го века в бочку сажали живого кота и били по ней, пока тот не выскочит из разбитой бочки.

5

Веселое избиение (*англ.*).

6

Висящий ящик Сони Риск (*англ.*).

О, мы на середине пути! О, мы живем молитвами! (англ.)

Если бы ты сказал мне, что тонешь, я бы не протянул тебе руки (*англ.*).

9

Я видел раньше твое лицо, мой друг, но я не знаю, знаешь ли ты меня
(англ.).

Я был там и видел, что ты сделал. Я видел это моими собственными глазами (*англ.*).

Так что можешь стереть эту ухмылку, я знаю, где ты был. Это все одна сплошная ложь (*англ.*).

Я чувствую, как оно витает в воздухе, о Боже (*англ.*).

По-английски это повторяться не будет (*англ.*).

14

Ты бы еще снял этого гребаного крикуна (*англ.*).

15

Избиение со смайликом (*англ.*).

Паприка Стен – датская актриса и режиссер.

Беги, Форест, беги! (англ.)

18

Название булочки, которую пекут в Швеции на Масленицу.

Убийство без оружия (*англ.*).

Рискуй (*англ.*) – американская телевизионная игра-викторина.

Сообщение с темной стороны пришло (*англ.*).

Самый счастливый народ в мире в шоке (*англ.*).

Дина Ди – дерьмо (искаженный *англ.*).

Конец истории (*англ.*).

Добрался до вершины – стой, не падай (*англ.*).

Зачем убивать время, когда можно убить себя (*англ.*). (Слова из песни британской группы Cabaret Voltaire).

«Неважно» (*англ.*), альбом группы Nirvana.

Шведская ультраправая политическая партия.

Подсчет предприятий (*англ.*).

Любопытство убило кошку (англ.).

Куда угодно (*англ.*).

Ириски в виде машинок.